

УБИТЬ
БЕЛОГО
КОРОЛЯ

Трое друзей попадают в другой мир, полный таких же попаданцев. Их сразу ловит миграционная служба, ставит временные печати и благословляет на короткую и безрадостную жизнь в их душевном и злом мире. Они встречают друзей, борются за любовь и пытаются выжить. На фоне их приключений разгорается война, в которой они принимают активное участие. А ещё там магию добывают из ракушек. И, да, они начинают заканчиваться. В центре повествования — борьба трёх разумных рас: Вампиров, эльфов и людей.

Убить белого короля

Глава 1

Снег. Он каждый раз возвращается. Холодный, колючий, безупречный, он гонит вперёд, заставляя спотыкаться. Мокрые комья липнут к лицу, залетают в рот, слепят глаза. Он со всех сторон. Подгибаются ноги, проваливаясь в рыхлый сугроб. Голые пальцы обдираются о нижний, слежавшийся наст. От бега и мороза болят легкие. Кружится голова и стучат зубы. Больше нет сил.

Преследователь никуда не спешит. Его шаги монотонны и победительны. Он держит в руке копьё из голубого льда. Грудь чувствует фантомную боль. Онемевшее горло схватывает спазм. В ушах громко стучит разогнавшаяся кровь. Не уйти. Из-под удара не сбежать. Придётся упасть на спину, чтобы видеть момент своей смерти.

Белая фигура призрака похожа на шахматного короля. Глухой матовый доспех венчает шипастая чёрная корона. Из прорезей шлема льётся равнодушный голубой свет. За семьсот двадцать четыре раза, сценарий ни разу не изменился. В конце приходится умереть.

09:00 31 июля 2003 года от Р.Х.

Пронзительное трещание будильника выдернуло Тревиса из сна. Он подскочил на постели, хватаясь за грудь только-что насквозь пробитую ледяным копьём. С каждым разом ощущения становились только хуже. Может, когда-нибудь он так и не проснётся, уничтоженным дотянувшимся в реальность кошмаром? Или, всё же, стоит сходить к психотерапевту, как советовала мать? Да нет, это как-то странно.

А видеть один и тот же сон на протяжении двух лет не странно? Так недолго и спятить. Это бы и случилось, если бы он продолжил эксперимент с трёх суточным бодрствованием. Родители тогда подняли крик. Да и не особо помогло — призрак пришел вместе с галлюцинациями и стало совсем невыносимо.

— Никки, ты встал? Спускайся завтракать!

— Иду!

Тревис встал с кровати, оделся, но застрял перед зеркалом, пытаясь расчесать давно невымытые чёрные волосы и стянуть их в хвост на затылке. Получилось более или менее прилично. Постоял пару минут отрешенно глядя на отражение, неосознанно поглаживая место удара копья. Убеденный в травме мозг, искал раны и не находил её, отчего в голове устраивался диссонанс.

В целом, собственный вид напомнил Тревису истории про вампиров: Та же худосочность, бледность и запавшие от хронического недосыпа тёмные глаза. Разве что, нет клыков. Зато, кол в сердце забивается с пугающей регулярностью.

Он усмехнулся, зашёл в ванную и только потом спустился в наполненную запахами столовую. Родители приготовились завтракать. Мать в домашнем платье ставила на стол шипящую сковороду с яичницей. Отец перевернул корешком вверх потёртую аляповатую книжицу.

— Николас, наконец-то! Тебя не дождёшься!

— Мам, я же просил. Не называй меня этим именем.

— Это хорошее имя, и точно лучше того, что ты себе придумал.

Тревис сел на своё место, пропуская обвинение мимо ушей и подвигая стоящую с края шахматную доску с замершими на ней фигурами. Глаза впилась в неё, отыскивая сделанный противником ход.

— Привет пап.

— Привет-привет. Как спалось? Что снилось?

— Нормально. Всё то же. — Тревис понял сделанный отцом маневр, но с ходу нужный ход на ум не приходил. Он побарабанил по доске пальцами и передвинул коня.

— Так, убирайте это всё! Завалили обеденный стол ерундой. Ник, Бёрг!

— Мам, у нас партия.

— А у меня раскалённая сковородка!

Угроза сработала и они с отцом вынуждены были подчиниться. Доску не убрали, но отодвинули подальше от центра. Яичница заняла семейство всего на пару минут. Увлеченную тишину прервал закипевший кофейник.

— Никки, выключи.

— Ага.

— Надеюсь, твои друзья не будут привередливы в еде. А то я, знаешь ли, не привыкла готовить сразу несколько блюд. Сделаю одно на всех и дело с концом! Поэтому, если вдруг окажется...

— Мам, честное слово, всё нормально. Ты думаешь, в уютной столовой полно разнообразия? Да любая домашняястряпня, тем более твоя, будет верхом удовольствия. Так что, не переживай.

— А что Мери? Я слышала её голосок в трубке, она показалась мне встревоженной и будто даже заплаканой. Но этот твой Марсель не дал мне с ней нормально поговорить! Он такой грубиян, я тебе скажу! Конечно его никто не захотел усыновить, но девочку жалко. Бедняжка так впечатлительна и добра.

— Да...

Тревис разлил всем кофе, морщась при упоминании официальных имен друзей. Отец благоразумно в разговор не вступал, молча завтракая и между делом поглядывая на доску. С женой он предпочитал не спорить и не ссориться, вмешиваясь только тогда, когда ситуация совсем выходила из-под контроля. Так что, вместо высказывания своего мнения, он лаконично передвинул ферзя на А4 и отпил из кружки.

— Главное, чтобы они быстро нашли себе работу. У нас тут не пансион, знаешь ли. Тебе итак придется делить свою комнату.

— Ничего страшного, тем более, это временно. Марс уже кое-что присмотрел для себя и Дей.

— Мне не нравятся эти ваши клички. — Мать упрямо поджала губы и сложила на коленях салфетку. — Люди должны носить те имена, которые им дали, а не выдумывать ерунду.

— Которые им дали РОДИТЕЛИ, а не медсестры в роддоме, как отказнику.

— Но у ребят же не твой случай. Их-то называли родители.

— А толку? Они их всё равно бросили.

— Ко сколько напони, нам за ними ехать? — Неожиданно влезший в разговор отец, прервал перепалку, смотря из-под очков с преувеличенной заинтересованностью. Тревис забыл, что ещё хотел сказать.

— К двенадцати.

— О, точно! Так и помнил, что где-то в районе полудня. — Он символически хлопнул себя по лбу, улыбнулся и вернулся к кофе. Но, уловка сработала и мать переключилась.

— Бёрг! Ты хотя бы починил машину? Твой старый жук, наверное и не доедет в такую

даль.

— Дое-едет. Он хоть и старый, но никогда меня не подводил. Лучше приготовь какой-нибудь перекус. Думаю, ребята будут рады познакомиться с твоей стряпней еще не доехав дома.

— Ладно...

Пока убирались со стола, Тревис завис над доской обдумывая ход. Отец тоже не спешил уходить, заинтересованный реакцией на свой манёвр. Они остались в столовой одни и погрузились в неоконченную игру. На доске осталось не так много фигур и роковой могла стать любая ошибка.

— Кстати, хотел спросить, а почему ты всегда играешь за белых? — Тревис не поднимал глаз, но даже не глядя уловил улыбку родителя.

— Никакой тайны, просто белые обыкновенно ходят первыми и это мне немного льстит. Создается такая иллюзия обещанной победы. Очень приятное чувство. А что, хочешь в следующий раз поменяться? Я не против.

— Нет-нет, всё хорошо. Я готов всегда быть за чёрных. Пусть эти белые делают первый ход. Мне-то что? Так только интереснее. — Тревис потянулся к своему королю, чтобы убрать его из-под атаки, но рука замерла на полпути. Произнесённые слова отчетливо зазвенели в голове. Перед глазами всплыло воспоминание падающего снега. Белые делают первый ход... Белые делают первый ход? Первый ход в чём? В игре? В какой еще игре? Мы что, играем? Меня таким образом приглашают в игру?!

— Что случилось? Всё хорошо? Не хочешь играть?

— Что? — Обеспокоенный вид отца заставил Тревиса отмереть и быстро переместить фигуру на соседнюю клетку. — Нет, всё в порядке. Мысль пришла.

— Ла-адно. Тогда тебе шах и мат.

— Как?! — Тревис ошеломленно уставился на поле и своего несчастного короля, которого в спешке поставил не туда, куда хотел. — Понятно. Я опять проиграл.

— Не бери в голову. В следующий раз точно выйдет.

— В следующий раз, да. — Тревис буравил глазами доску, так неожиданно подкинувшую странную ассоциацию. Посмотрел на белого деревянного короля. Сходство с убийцей и правда было. Всё, кроме черной короны на голове, но такую носила только королева. Неужели и правда игра? Но что от него хотят? — Пап, а если белые начинают игру, что тогда надо делать чёрным?

— Странный вопрос. Сделать свой ход, конечно же.

Глаза Тревиса вспыхнули. Он подскочил на месте.

— Точно! Почему я раньше не догадался этого сделать? Ну конечно! Мне надо сделать следующий ход, иначе игра не начнётся и кошмар повторится!

— Ничего не понял.

— Я пошёл.

Тревис унесся к себе оставив растерянного родителя в столовой. В комнате, наедине с самим собой думалось легче. Он заперся и замер, прислонившись спиной к двери. Сердце колотилось, глаза метались в поисках нужной идеи.

Ладно, успокаиваемся. Допустим, это и правда шахматная партия и мне нужно сыграть, но как сделать ход? Заснуть и попытаться что-то сделать? Но что именно? Стоит пойти снегу и я начинаю бежать, а затем падаю, а затем... Да-да, итог известен. Надо постараться увернуться от удара. Может выйдем и это зачтётся за ход?

Тревис посмотрел на часы. 10:10. До отъезда оставалось немного времени, надо было постараться доспать и проверить новую теорию.

Уснуть, под давлением мыслей и общим волнением, разумеется, не вышло. Настроение испортилось и Тревис сел на заднее сиденье машины мрачный и недовольный. Дорога до приюта составляла около часа и первую половину поездки он только и думал, что о своей неудаче. Потом равномерная тряска старенького фольцвагена укачала и он сам не заметил, как погрузился в дрему.

Снег начал падать в строго установленном порядке. Если бы Тревис сумел сосредоточиться, он бы подробно описал траекторию полёта каждой снежинки. Но, он не мог, так как осознавал себя уже пробирающимся по глубоким сугробам, со сбитым дыханием и горящими от бега по морозу легкими.

Великан с копьём шел следом. Семьсот двадцать пятый раз обещал стать точной копией предыдущего. Очередное падение лишило сил встать. Тревис оцарапал ладони о снежный наст и перевернулся на спину, чтобы видеть своего убийцу. Голубое острие качнулось, готовое сорваться в полет. Не хочу. Только не снова. Он опять убьет меня. Я не выдержу ещё одного удара в сердце. Что же делать? Что сделать? Хочу уйти. Надо уйти. Надо сделать хотя бы шаг. Один шаг. Надо сделать...ход.

Голос отца пробился сквозь завывания ветра. Воспоминания из реальной жизни цветными хлопьями перемешались с летящим в лицо снегом. Тревис замер. Вместе с ним замер сон и орудие смерти застыло в полёте, остановленное волей смотрящего.

— Сейчас мой ход.

Он поднялся и отошел с линии атаки. Снег под ним и летящий сверху стал чёрным. Время ожило и голубая ледяная игла с громким скрежетом впилась в землю. Тревис замороженно смотрел туда и на маленькую жёлтую бабочку невесть как оказавшуюся под ударом и потерявшую жизнь вместо него.

Незамеченная водителем яма заставила машину подпрыгнуть, а Тревиса проснуться.

— Бёрг! Ну аккуратнее же!

— Простите, простите, но эту дорогу, похоже, давно не ремонтировали.

— Никки, ты не ударился? Я слышала характерный стук.

— Нет мам, всё порядке. — Тревис попытался не выдать голосом своего потрясения от сна. Сердце гулко бухало в груди. Мысли возбужденным роем метались по черепной коробке. Что я сейчас сделал? Повлияет ли это на что-нибудь? Прекратится ли кошмар? Или станет еще хуже? Удалось ли мне сделать ход? И откуда взялась эта бабочка? Что все это значит?

Нехорошее предчувствие поселилось в груди, но только следующий сон мог ответить на все эти вопросы. А пока что, реальность требовала его присутствия и реальность неприятная.

— В любом случае, хорошо, что ты проснулся. Мы уже подъезжаем.

— Я вижу...

Дорога действительно сворачивала в до боли знакомую местность. Насыпная грунтовка вилась между широкими стволами старого хвойного леса. В глубине этого леса, изначально бывшего парком, стоял двухэтажный особняк. Некогда в нём жили приличные состоятельные люди, владевшие окрестными землями, но вот уже как тридцать лет дом перешёл в муниципальное имущество и служил нуждам приюта. И, по крайней мере, одиннадцать из них Тревис помнил лично.

Яркие события сна вытеснились не менее яркими воспоминаниями прошлого. Тревис прикинул к стеклу, не имея возможности отвести взгляда от белеющего среди тёмно-зелёных ветвей, строения. Если бы в его наваждения не пришёл снег, в них бы до сих пор обитал другой кошмар.

Машина с кряхтением остановилась перед выкрашенными в дешёвый серебряный воротами. Из будки сторожа выполз недовольный старик в поношенной черной спецовке. Этот тип был знаком Тревису не меньше всего остального, что начиналось от съезда с шоссе и до самой речки, протекавшей за лесом с другой стороны особняка.

Сторож доковылял до водительского окна и громко поинтересовался причиной посещения. Заплывшие, карие глазки его при этом желчно рассматривали внутреннее убранство машины и пассажиров. При виде спрятавшегося за водителем Тревиса, он гаденько хихикнул и не поленился постучать длинным желтым ногтем в заднее окно.

— Никак возврат?

— Пошёл к чёрту.

— Никки, не выражайся. А вы, мистер, пропустите нас побыстрее. Нас ждут к двенадцати, у нас договоренность.

Пока ворота грохотали просевшими створками по бетону, Тревис смотрел на парадный вход. Подъездная площадка перед ним пустовала. Во время обеда и в такую жару, этого следовало ожидать. Впрочем, в следующую секунду двери распахнулись и из них показалась высокая, раскаченная фигура бритого под единичку парня. Он тащил на себе две спортивные сумки и жмурился от солнца. За ним выпорхнула девушка в синем джинсовом комбинезоне и с коротким золотым каре. Она заметила автомобиль и подпрыгивая, замахала руками. Тревис улыбнулся.

— Никки, смотри, твои друзья. Но что за жуткий вид у этого Марселя! Он точно не ограбит нас среди ночи?

— Ма-ам, ну я же просил оставить эти мысли. Они отличные ребята.

— Девочка — да, но этот тип....

Тревис не стал влезать в новый спор, выбрался из машины и чуть не был сбит с ног подлетевшей к нему подружкой с визгом повисшей на его шее. Он покачнулся, но устоял, при этом жутко покраснев.

— Треви-и! Мы так скучали! Ты не представляешь, как мы благодарны тебе за помощь! Как ты только смог уговорить родителей? Здравствуйте миссис Дрей! Как добрались? Вас не укачало на трассе?

— Спасибо моя дорогая, всё в порядке. Очень рада тебя видеть, но ты так коротко обрезала волосы. Это неприлично.

— Зато не жарко! Здравствуйте мистер Дрей!

— Привет-привет!

Пока ураган по имени Дейдара порхал возле машины, забалтывая взрослых, подошёл Марс. Всё ещё красный Тревис, пожал протянутую ему руку. За прошедшие пять лет друг сильно вырос и теперь возвышался над ним на добрую голову.

— Ну привет, брат. — Даже голос его заметно огрубел, правда, улыбка осталась той же.

— Привет. Что, ни секунды покоя, как обычно?

— После твоего ухода стало только хуже. Теперь она срывает всю свою энергию на мне. Еще и цветы свои заставляет пропалывать.

— Клумба ещё жива?

— Жива конечно. Сам-то как? Выглядишь не очень.

— А, не высыпаюсь. — Тревис отмахнулся. Ему в голову пришла идея. — Слушай, а она всё там же? Дей не обидится, если я её ограблю?

— О-о, маргинальные наклонности проснулись? Молоде-ец. Свобода сделала из тебя человека.

— Отстань, это для матери. Ну так что?

— Да там же. Срывай всё, не оставлять же добро местному кладбищу.

— Марси-ик, клади сумки!

Пока все укладывались, Тревис шмыгнул на задний двор. Досточтимая клумба располагалась за хозяйственными постройками у самого забора. Здесь всегда было их тайное убежище. Возглавляемые Дей, они часами могли копать в земле или просто прятаться от всех и болтать.

Тревис присел перед плотно забитой цветами клумбой. Ярко-алые розы показались ему самыми роскошными из всего, что здесь росло. Правда, сделать из них букет удалось не с первой попытки. Стебли нещадно кололись, сопротивляясь такому жестокому обращению с собой, хищно впиваясь в кожу и выдавливая из нее мелкие капельки крови.

Пока борьба с несговорчивыми цветами продолжалась, Тревис не заметил, как похолодало. Только отряхивая лепестки от снега, до него дошло, что же не так.

— Снег?!

— Тре-ев! — Голос Марса прилетел вместе с сильным порывом ветра. Глаза мгновенно забило белой крошкой.

— Иду!

Тревис вскочил на ноги, забыв про зажатый в кулаке букет и побежал обратно. Нагретое летним солнцем тело неохотно поддавалось холоду, но усилившийся ветер очень скоро выдул все остатки тепла. Когда он, поскользываясь и увязая в невозможно быстро растущих сугробах, добрался до парковки, то застыл на месте, парализованный развернувшейся картиной.

Я что, опять сплю? Когда я успел заснуть? Мы ехали в машине или я всё ещё дома? Что именно мне приснилось, а что было реальностью?

Снег падал в строго установленном порядке. Если бы Тревис сумел сосредоточиться, он бы подробно описал траекторию полёта каждой снежинки. Заворожённый, он пошёл вперёд, потом ускорился, потом побежал. Дыхание сбилось, легкие горели от бега по морозу. Он проваливался, падал, онемевшие пальцы царапались о слежавшийся наст. За белой пеленой и завываниями ветра ничего нельзя было разглядеть.

А потом он увидел Его. Такого же, как всегда: неспешного, бесстрастного, головокружительно-реального. Он шёл за ним следом.

Потерявший самообладание Тревис, побежал с двойным усилием, но поскользнулся и упал в снег. Силы внезапно кончились, а тело одеревенело. С трудом он перевернулся на спину, чтобы в семьсот двадцать шестой раз увидеть свою смерть.

Нет, нет, господи, как же я устал умирать. Только не ещё раз. Всё, что угодно, только не ещё одно копьё. Почему я опять уснул? Почему всё повторилось, я же смог в прошлый раз сделать ход и отпрыгнуть. Может, надо и в этот раз так сделать? Попробую.

Тревис подобрался и стал ждать. Он хорошо знал момент, когда копьё срывалось с руки, знал когда надо отпрыгнуть в сторону. Главное, не упустить момент, иначе, сон закончится, а он снова умрет. Великан остановился, копьё качнулось, поднимаясь для удара, голубая

ледяная игла угрожающе зависла, готовая сорваться в полет. Тревис до скрипа сжал зубы, впиваясь глазами в ненавистное оружие. Секунда. Ещё одна. Сердце громко бухало в ушах. Мир сконцентрировался в этом моменте, отбросив всё остальное.

Сейчас!

Тревис одним отчаянным движением метнулся в сторону одновременно с копьём. Он почувствовал волну холода, прошедшую совсем рядом с ним. Затем, душераздирающий скрип железа ворвался в уши. Тревис поднял голову, отплевываясь от снега. С удивлением заметил в своей руке сильно помятый букет. Алые лепестки казались пролитой кровью.

Откуда во сне цветы? И почему я не просыпаюсь? И что был за звук? Бабочка появится?

Он сел на месте, оглядываясь: Великан, как разрядившийся робот, стоял на месте не двигаясь. Ветер пропал, уняв буран и видимость стала лучше. Несоразмерно огромное ледяное копьё торчало из лобового стекла маленькой желтой машинки. Старенький фольксваген жук с выдавленными дверями, действительно походил на приколотую иглой жёлтую бабочку. Всё, как во сне.

На негнущихся ногах Тревис подошёл к машине. Ледяная масса практически полностью заполняла внутренность автомобиля. Голубые шипы торчали из разных мест корпуса и с них медленно капало красным.

— Мам? Я принёс тебе цветы. Ты же не здесь, не внутри? Пожалуйста, скажи, что тебя тут не было. Отец, ты тут? Пап!

Тревис кинулся к водительскому сиденью, с трудом оторвал прикипевшую дверь, вскрикнул и отвернулся. По щекам потекли слёзы.

— Нет, нет, нет. Это ужасный сон! Ужасный! Просыпайся уже, просыпайся! Я не хочу так, давай снова переиграем. — Он обернулся к великану. — Приснись мне еще раз, прошу тебя, я не буду никуда прыгать, я умру, как ты и хотел. Почему ты молчишь? Почему не будишь меня? Эй!

Великан молча поднял руку и щелкнул пальцами. От этого движения буря поднялась с новой силой, ветер завизжал, снег смерчем закружился вокруг них, по нему пошли голубые искры. Тревис попробовал устоять на ногах, но не смог и падая ощутил, как нечто могучее утягивает его, сознание уплывает и тьма, глубокая, как недра земли, схлопывается над головой. Секунда и всё пропало.

Глава 2

Тревис очнулся от глубокого обморока, вскочил, зашатавшись от слабости и головокружения. Мутило, желудок порывался вывернуться наружу. Мышцы болели, а перед глазами летал целый рой цветных мух. Парень схватился за голову, зажмуриваясь и выжидая, когда зрение придёт в норму.

Через минуту он водил осоловевшим взглядом по незнакомой поляне: В ширину не больше десяти шагов, со всех сторон окружалась лесом. Деревья совершенно обычные, знакомые, разлапистые и дававшие густую поросль у корней. В глубине зелёных крон непрерывно верещало, чирикало и хлопало крыльями. Тревису померещилось, что все птицы мира собрались в одном месте, чтобы кричать ему в уши.

Трев не стал и дальше себя мучить. Рухнул обратно на землю и распластался на пушистом травяном ковре, щедро усыпанном дикими ромашками. Прикрыл глаза, переводя дух и успокаивая сердце. Произошедшее не уместилось в голове: сон стал реальностью, родителей убило, догнать призрака так и не получилось, да и вспышка эта, лишившая сознания.

Где он? Что случилось? Почему так плохо? Все эти вопросы бились в голове маленькими молоточками, создавая оглушительный хор. Во рту пересохло, силы кончились. Хотелось пить, спать и плакать. Непривычный к таким перегрузкам организм, настойчиво требовал отдыха или истерики.

Осуществить задуманное не получилось. Набежавшую волну эмоций, сбил тихий стон, отчётливо донёсшийся из леса. Тревис забыл про свои намерения. Страх подстегнул, впрыснув в кровь свежую порцию адреналина. Он подскочил и прислушался, узнал голос и поспешил на встречу.

— Марс?! Ты тоже тут? Как я тебя не заметил!

— Боже, Трев, не так громко. — Бритоголовый парень болезненно сморщился, пытаясь закрыться от пробивающихся сквозь листву солнечных лучей и настырных веток куста. Те не сдавались, цепляясь за одежду и мешая встать. — Меня как танком переехали. Что это было?

— Кто бы знал. Но танк, похоже, был общий.

Тревис помог Марсу подняться и поддерживал пока они не вышли на свободное пространство. Только после этого, оба позволили себе принять лежачее положение.

— Я думал, что один вляпался в эту историю. Ты что, за мной побежал?

— Ага... Так! — Расслабленно валяющийся Марс вдруг резко подпрыгнул, заставив друга испуганно дернуться. Он панически обернулся вокруг. Тревис удивленно проследил за этим действием.

— Что потерял?

— Кого!

— Что?... Дей?!

Друг не ответил. Он кряхтя поднялся на четвереньки, разогнулся в полный рост, зашатался и как вылезший из берлоги медведь, пошёл обратно. Тревис запоздало поспешил следом.

— Зачем ты ещё и натворил или спасти бы тебя пришлось.

— Спасли?

— Знаешь, что...

— Мальчики-и, ну почему вы всегда ссоритесь? Я тут уже два раза весь желудок на земле оставила, тошнит кошмар, слова сказать не могу, а вы орёте! — Как оказалось, девушка находилась неподалеку и очнулась одновременно со всеми. Из-за густых и высоких кустов ее сразу не заметили.

— Это ты всегда ссоришься, а мы с Тревом за пять лет первый раз.

— Ладно, уговорили, только помогите встать.

Парни поспешили помочь подруге, подхватив её с обеих сторон. Самочувствие у всех троих оставляло желать лучшего, но в присутствии девушки, трудности сносились молча. Мелкие цветочки смялись под тяжестью трёх рухнувших тел, а сидевшая на ветке сорока всполошено взлетела, не зная чего ожидать от шумных чужаков.

— Вот так мы начали новую жизнь! Не думала, что она начнётся буквально с порога и сразу так активно.

— Точно. — Как выяснилось, Марсу не повезло больше всех: Кусты успели хорошенько его исцарапать. Мелкие ссадины на руках и лице нещадно щипали. — Кто-то в курсе, что это такое было? Почему вдруг зима начиналась? Откуда этот тип вылез с копьём? Как мы здесь оказались и главное, где “здесь”?! Сплошной дикий парк с белками и колючими кустами.

— Может нас похитили? Или мы попали в какой-нибудь фильм про ледяных великанов?

— Одно другого реалистичнее.

— Зато, это хоть какое-то предположение!

— Ребят, думаю, это я во всём виноват. — Марс с Дей, по давно сложившейся привычке, затеявшие спор на ровном месте, чуть не пропустили тихий и виноватый голос друга. Тревис лежал в стороне, прикрыв лицо сгибом локтя. Волосы его в беспорядке разметались по траве, напоминая длинные лапы огромного паука. Резинка спала с них во время последних событий и потерялась. Ребята тревожно переглянулись.

— Что ты имеешь в виду?

Он вздрогнул, утёр мокрое лицо и снова спрятался за сцепленными руками. Голос срывался на всхлипы, но он нашёл силы рассказать свою историю.

— Последнее время мне стал сниться сон. Я сначала и не обратил на него внимания. Просто видел снег, шедший прямо из голубого неба. Потом сон стал расти и уже вслед за снегом начал приходить великан. Он приходил, смотрел на меня, а потом убивал. Протыкал копьём мою грудь и каждый раз я умирал. И видел этот всякий раз, стоило только закрыть на секунду глаза. Каждый раз одно и то же. Я уже устал от этого. И вот, сегодня это произошло наяву.

— Что произошло? То есть, ты уверен, что это твой сон виноват?

— А что же ещё? Он оказался вещим и мои родители умерли из-за этого!

— Они умерли из-за какого-то инопланетного монстра!

— Но это я призвал этого монстра! — Тревис отнял от лица руки и привстал, уставившись на друзей красным, заплаканным лицом. Чёрные глаза горели священной уверенностью в правоте. — Я призвал его! А значит, я виноват в смерти родителей!

— Нет, это уже бред!

— Трев, послушай, ты не прав. В этом виноват только тот великан и всё. Ты просто видел сны. Что ты мог сделать?

— Да хоть что-то! Как-то предотвратить!

— Как?!

— Не знаю! — Он почти кричал. Понимал как глупо выглядит, но остановиться не мог.

Слёзы текли против воли. Он утирал их, утирал нос, отворачивался от друзей, чувствуя себя самым жалким и одиноким на свете. Слишком больно, чтобы говорить. Слишком страшно, чтобы самому в этом признаться. Всё вокруг “слишком”. И от того, боль сильнее впивалась в сердце острыми, жёлтыми когтями.

Он успокоился через два часа. Это время помогло всем троим проникнуться прежней дружбой, обретенной в приюте. Поговорить. Посочувствовать. Помолчать. Годы разлуки растворились в слезах от потери и Тревис вернулся туда, откуда уходил навсегда. Стал тем же. Исчезли пять лет счастливой жизни. Исчезли, одевшись саванным сном и лишь белый великан вернул его обратно на безжалостную землю.

— Я отомщу ему.

— Чего? Кому?

— Найду его и отомщу. Чего бы мне это ни стоило.

Дей, тревожно следившая за другом, замерла, пытаясь убедиться, что ей показалось. Нехороший огонек загорелся в черных, блестящих глазах. После истерики, парень заметно переменялся. Перестал улыбаться, затих и подолгу молчал, часто “выпадая” из обсуждений и реальности. Что-то происходило в его голове и девушке стало страшно от этих перемен.

Прошло не менее часа, прежде чем самочувствие всех троих нормализовалось и они решили выдвигаться с поляны. Оставалось определиться с направлением.

— Я всё равно считаю, что великана нам опасаться не нужно. Если бы он хотел нас убить, уже тридцать раз успел бы это сделать. Надо просто вставать и идти хоть куда-то.

— Согласен с Дей. Есть шанс выйти к трассе или встретить местных.

— Но мы не знаем, где эта самая трасса, а лес везде одинаковый. — Тревис и сам понимал, что монстр вряд ли будет поджидать их за ближайшим углом и ему придётся постараться его отыскать. Но это после, сейчас перед ними стояла задача элементарного выживания в диком лесу. А у них ни воды, ни еды, никакой подготовки к походным условиям.

— Давайте уже что-то решать, я больше не могу чесаться, эти шипы наверное ядовитые. — Многочисленные мелкие порезы Марса, действительно, воспалились и покраснели, придав внешнему виду парня, сходство с жертвой нападения на пчелиный улей.

— Я тоже поцарапалась о них, но у меня подобной реакции нет. Так что, это скорее всего, просто аллергия.

— Просто аллергия?! Да я даже стоять спокойно не могу!

— И тем не менее!

— У тебя нет с собой никаких нужных таблеток?

— Откуда?! Всё в сумке, в машине. У меня с собой только...э... — Дей, с запоздалым интересом порылась в карманах голубого джинсового комбинезона, с удивлением вытащив наружу половину позабытого, надкушенного и уже подсохшего пирожка с картошкой, две заколки для волос и пару мелких монет. — Это.

— Очень нужный набор вещей. Трев?

— Нет, не люблю ничего в карманах носить, прости.

— Да ладно, я знал, что надежда была слишком призрачной и терпеть мне это до конца моих дней.

— Ой, не перегибай. Кстати... — Девушка внезапно встала, напряженно прислушиваясь.

— Что такое?

— Не знаю, но, там кажется кто-то есть. По крайней мере, очень похоже на человеческую речь, только язык не разберу. Как будто даже недалеко отсюда.

— Да?! Ничего не слышу. — Парень напряг слух как мог, но всё равно, ничего кроме птичьего щебета и шума деревьев, не заметил. Дейдара, между тем, всё более точно определялась с направлением и расстоянием до источника звука. В конце концов, убедилась, что идти надо напрямик не дальше пятисот метров, о чем поделилась с товарищами.

— Пятьсот метров?! Откуда такая точность?

— Не знаю, просто слышу.

— И давно ты так хорошо “просто слышишь”? — Ему не ответили.

Обещанные пятьсот метров ребята прошли почти в полном молчании. Во-первых, так требовала Дей. Из-за разговоров у неё не получалось сосредотачиваться на цели и они могли сбиться. Во-вторых, из-за плохого самочувствия главного болтуна команды. Марс ожидал встретиться с любым врагом, но не с банальной аллергической реакцией. И сил хватало ровно на то, чтобы молча переставлять отяжелевшие ноги вслед за лёгкой и юркой девушкой, скакавшей по лесным буеракам с энтузиазмом горной козы.

Дейдара, единственная из всех троих, в новых условиях чувствовала себя лучше, чем всегда. Смешливой, боязливой блондинке никогда раньше не доводилось бывать в настоящем, диком лесу и она пребывала в полном восторге от выпавшей возможности. Исчезли привычные страх и неуверенность. Густой лесной воздух, пряный и влажный, заставлял ее легкие расправляться во всю ширину. Дышалось живым лесом невероятно приятно.

Тёплые золотые лучи пронзали кроны, под ногами хрустели мелкие веточки, шишки и старые листья, от резкого движения взлетал и кружился в воздухе полупрозрачный пух. Даже тонкая паутина, растянутая по ходу движения, таила в себе красоту и прелесть природы. Лес протягивал ладони, стремясь обнять, прижать к себе и рассказывать, рассказывать длинные истории пока не выйдут звёзды и не наступит ночь.

Резкий металлический скрежет и звон врезались в уши Дей настолько ярко, что она от неожиданности споткнулась и огляделась. Уткнувшийся в девушку Марс недовольно буркнул, но заметив настороженность подруги, затих.

— Что такое?

— Не знаю, такой звук был, словно рядом что-то железное бьётся.

— Железное бьётся? Э...колокола?

— Нет...не знаю, как если бы нож о нож тёрли.

— А...оу... — Парню совершенно не понравилось такое заключение о не слышимом для него звуке, так как ничего оптимистичного он им посреди глухого леса не обещал. — Надеюсь, это всё же звуки с трассы, может авария.

— Может быть. — Вопреки словам, голос девушки прозвучал не уверенно. Зато, неожиданно активизировался не отсвечивавший до этого Тревис. И если Дейдару озадачили непонятные ассоциации, то черноволосого парня, обуяли тревоги иного рода.

— Это не трасса, но что-то плохое несомненно приключилось с теми, кто находится за этой стеной деревьев. Оттуда веет страхом и кровью.

— Страхом и кровью? Вы оба начинаете меня пугать своими заявлениями.

Тревису представлялось непростой задачей объяснить свои ощущения друзьям. Он хотел жить как обычно, болтать, задавать вопросы, но Нечто внутри него сопротивлялось этому порыву. Это Нечто появилось в груди совсем недавно и парню всё время чудилось, что

ледяное копьё всё же пробило сердце, оставив на его месте пустоту и холод. Эта непроглядная пустота внутри густела, чернела и лениво шевелилась, пугая до одури, заставляя озираться на каждую подозрительную тень.

Вот и сейчас, стоило приблизиться к конечной точке маршрута, как Чёрное довольно рыкнуло и подняло куцую щуплую голову, уставившись вперёд слепыми белыми глазами. В прежде нечувствительные ноздри ворвался целый букет запахов: Остро несло железом и землёй, мокрым сеном, человеческим потом и страхом, деревом, дымом и супом. Но, более всего, над всем этим многообразием, царил удушающе-сладкий, густой, как туман, бархатисто-алый аромат свежепролитой крови.

Перед помутневшим взором Тревиса мелькнули опадающие от порывов ветра лепестки роз. Полные бутоны качнулись на длинных чёрных лакированных стеблях. Густой красный мёд потёк из самой середины цветов, стекая тягучими жирными каплями в рот.

— Трев?

— А? — Он дёрнулся от тронувшей его руки, как от удара. Видение оказалось столь ярким и реалистичным, что он на мгновение выпал из реальности.

— С тобой всё хорошо? Ты какой-то чересчур бледный и дёрганный.

— Может, тоже аллергия? — Дей поддержала обеспокоенность здоровьем друга и попыталась дотянуться до его лба рукой, чтобы проверить температуру, но тот лишь повторил свой манёвр с уворотом.

— На что? Он же не резался об эту дрянь!

— Не знаю...на пыльцу?

— Ребят, честно, я не болен. Просто никак не вернусь в норму и торможу немного. Давайте лучше пойдём дальше, хочется уже выйти к цивилизации.

— Да кто же против? Это вы тут со своим звоном и страхом повылазили.

Последние метры пришлось преодолевать с особым трудом. Лес в этом промежутке густел, а деревья плотно переплетались нижними ветками, затрудняя продвижение. Относительно легко это давалось Дей, но она больше не бежала вперед и помогала друзьям. При этом, настолько сосредоточилась, что перестала отслеживать происходящее. И когда они все втроём, выбрались на большую открытую поляну, испуганно вскрикнула и вцепилась в руку резко остановившегося Марса.

— А вот и обещанные страх с кровью.

Лицо Тревиса поражено вытянулось и посерело. Ноздри раздулись, чёрные зрачки ненормально расширились, лихорадочно перескакивая с одного разрубленного тела на другое. Тут и там, среди поваленных и затоптанных шатров лежали люди. Мертвецами они стали недавно — дрова в костре потрескивали, догорая, перевернутый котелок парил. Объединяла бедолаг странная историчная одежда, никак не подходящая современному человеку, и такое же оружие, в виде железных мечей и длинных ножей.

— Может обратно пойдём? — Блондинка боязливо попятилась, утягивая за собой крепкого парня, но Марс на провокацию не поддался, не двинувшись с места. Наоборот, подобрался, сжал кулаки и внимательно изучил разграбленный лагерь, приметив и перевёрнутые деревянные телеги, и следы лошадиных копыт и широкую грунтовую дорогу, примыкавшую к поляне.

— В лес? Нет уж. Мне на сегодня достаточно пересечённой местности.

— Тут слишком страшно. Вдруг вернуться те, кто с ними это сделал?

— Не вернутся. — Парень сказал это с поразительной уверенностью. Вероятнее всего,

подобный настрой вызвало нежелание принимать другой, более неутешительный прогноз.

— Может, здесь всё-таки кино снимают и это всё не по-настоящему?

Не замеченная ранее группа ворон неподалёку, громко раскаркавшись, поднялась в воздух для драки. На освободившееся место выбежала худая серая лисица. Она шустро проскользнула мимо отвлѣкшихся птиц и цепко выхватила из распотрошенного живота неизвестного бедолаги, тѣмно-красный кусок. Жадно проглотила и опасно косясь то на застывших людей, то на верещащих птиц, скакнула обратно в заросли.

Дей вывернуло в третий раз. Парни сочувственно промолчали, помогая девушке прийти в норму. То, что это не реалистичные съёмки стало отчетливо понятно всем.

— Я схожу осмотрюсь, стойте.

— Трев.

— Всё нормально, не тащи её пока сюда.

— Ладно, только осторожнее там.

— Конечно.

Напоминать об осторожности не имело смысла. Тревис и сам мог пожелать друзьям того же. Да и что они сделают в случае чего? Если здешним людям даже мечи не помогли, то какие шансы у них? Храбрость, ведущая парня между трупов, обуславливалась в большей мере настойчивым желанием добраться до источника самого свежего запаха. Кто-то на этой поляне оставался жив и чем ближе черноволосый парень подходил к нему, тем сильнее болела челюсть, а дыхание учащалось.

Тихий стон из-под одной из телег, рядом поваленных вдоль дороги, заставил дернуться на звук и заглянуть под перевернутый корпус. От земли до толстого деревянного борта оставалось не больше двадцати сантиметров, но парень смог разглядеть под наваленным хламом, зажатого тюками человека. Тот тоже обнаружил незнакомца, испуганно вскрикнув. Но пригляделся и расслабился, проговорив пару слов на чужом языке.

— Простите, я вас не понимаю. — Тревису пришлось приложить невероятные усилия, чтобы не выдать разрывающие его желания. Он буквально видел и слышал каждую полнотелую каплю, сочащуюся сквозь одежду из открытой свежей раны. Горло драло от жажды и приходилось постоянно сглатывать набегавшую слюну. — Попробую вытащить.

Он скептически оглядел тяжѣлую даже на вид повозку, решая как бы повернуть этот манѣвр.

— Марс! Идите сюда.

Два раза кричать не пришлось. Ребята итак собирались идти искать потерявшегося друга. Через минуту Тревис обрисовывал им сложившуюся ситуацию и возникшую проблему.

— Так, попробуем с этого края приподнять, вдруг поддастся.

Дей мышкой застыла в сторонке, наблюдая как парни, краснея от натуги, пытаются перевернуть тяжѣлый деревянный каркас. Повозка поддалась всего на полметра, но зацепилась и упѣрлась, застряв намертво. Парням пришлось бросить тщетные попытки перевернуть её хотя бы на бок.

— Уф, машину поднять легче. Что это за дерево такое каменное?

— Смотри, тут освободилось немного места, давай попробуем просто вытянуть его.

— Давай. Я чуть приподниму и подержу борт, а ты вытягивай.

Марс запыхтел усиленнее, беря весь вес на себя. Вены на его руках вздулись, а ноги задрожали.

— Быстрее.

— Да, сейчас.

Тревис сноровисто подлез под дрожащий край, расчищая свободное место для пролаза. Мужчина, в это время напряжённо и молча следивший за действиями спасателей, понятно пополз навстречу. Видимо, перебиты у него оказались именно ноги, работал он преимущественно верхней половиной тела. С поддержкой извне, бедняга смог выбраться из ловушки и обессиленно распластался на земле. Туда же, рухнул и согнавший тридцать потов Марс, красный как помидор, с трясущимися от перенапряжения руками. Преследовавшая его аллергия никуда не делась, поэтому неприятные ощущения достигли невероятных высот.

— Вот это я понимаю, физкультура. Да я пальцами даже пошевелить не могу!

— Ой, мальчики, вы такие молодцы! — Дей порхнула к ним, и в первую очередь повисла на шее Марса, заставив того удивлённо кхекнуть и смущённо замереть. Кидаться с объятиями к Тревису, девушка, не поспешила, выразив восхищение словами и чересчур поспешно перейдя к осмотру пострадавшего.

— И как ты только его нашёл под этим завалом...

— Услышал.

В отличие от подруги, принявшей активно перевязывать рану, Тревис предпочёл остаться в стороне, присев на корточки и лишь наблюдая за спасательными работами. Главная причина неприятностей мужчины, таилась в открытом переломе и торчащей из голени кости. Другие, более мелкие и явно резаные раны кровили меньше, но дискомфорта доставляли столько же, если не больше. Бедолага, потративший последние силы на освобождение, раскис и побледнел. Он прекратил тщетные попытки общения, осознав, что незнакомцы совершенно его не понимают, как и он их.

— Так он не выкарабкается. Видимо, потерял много крови. Его бы в больницу отвезти.

— Отличная идея, пойду ловить такси.

Вопреки своим словам, бритоголовый парень остался лежать, где лежал. Девушка не обиделась, но молча проглотить шпильку не смогла.

— Очень смешно. Я вообще-то пытаюсь что-то предлагать.

— И пытайся, правильно. Кто ж тебе мешает предлагать? Просто сделать мы ничего не можем. Ты врач? Я — нет. Трев тоже вряд ли, судя по тому, как он всё дальше и дальше отходит от этого типа. Друг, ты как там?

— Нормально. — Тревису и правда полегчало. Стоило унять поток крови и резкий, мучавший его запах немного притупился, позволяя не думать о нём постоянно. Держаться стало проще, но всё равно не особо, общий фон не перестал быть менее “душистым”. Чтобы отвлечься, он решил пройтись и осмотреться. Вдруг таинственные враги скрываются за ближайшими кустами.

— Прогуляюсь пока.

— Давай. Свисти, если что найдёшь и ещё кого-нибудь.

— Ага.

Разгромленный лагерь не располагал к прогулкам, но Треву понадобилось занять тяжёлую голову и отвлечься от назойливых, нехороших мыслей. В них он несколько раз разорвал свежие повязки, расковырял глубокую красную рану и впился в нежное сочащееся мясо зубами, с присвистом поглощая горячую ароматную кровь.

Скрип сломанной ветки, вырвал из видения, заставив развернуться на звук и замереть.

— Кто здесь?

Идти в неизвестность с голыми руками не хотелось, поэтому подключилось новообретенное чутье, но предоставленная им информация озадачила мозг. Спрятавшееся за деревьями существо определенно дышало и двигалось. При этом, запах от него не ощущался. Более того, тьма в сердце никак не отреагировала на незнакомый объект. Ни влечения, ни агрессии, ни интереса.

Это так сильно обрадовало и ошарашило, что Тревис впервые с момента смерти родителей, широко и свободно улыбнулся. Невидимые камни посыпались с плеч, грудь расправилась, вдыхая большую порцию воздуха. Он понимал как рано расслабился, но не смог противостоять нахлынувшему облегчению.

Таинственный незнакомец, осознав, что его раскрыли и не спешат при этом ловить и убивать, осторожно вышел из-за деревьев. Сердце Тревиса пропустило удар, дыхание замерло в гортани, как и он сам. В голове одна за одной замелькали цветные картинки прошлого.

Пять лет назад, когда его только забрали из приюта и увезли в другой город, новообретенный отец решил свозить сына в горы. Они собрали огромные рюкзаки, взвалили их на спины и два дня тащили вверх и вниз по совершенно диким местам. Болели ноги, ныли плечи, хотелось вернуться домой в теплую и мягкую постель. Но, когда на третье утро они вышли по перевалу в спрятанную долину, пятнадцатилетний подросток позабыл недовольства, так же онемев от восхищения, как и сейчас.

Залитая лучами восходящего солнца, отблескивающая ровными блюдцами озёр, долина, казалась сердцем этого места. Всё в ней дышало свободой, красотой и не ограненной дикостью. А когда они спустились, Тревис нырнул в одно из прозрачных голубых озёр и чуть не утонул, ошарив от ледяной, как в проруби, воды. Тогда он получил первый серьёзный нагоняй от кинувшегося за ним отца и на всю жизнь запомнил блеск, глубину и холод голубой воды.

Именно такие глаза боязливо прикрывала вышедшая из леса девушка. Русые, вьющиеся до плеч волосы, обрамляли юное лицо. Тонкие запястья выступали из-под длинных рукавов простого, льняного коричневого платья. Пальцы с ощутимым напряжением сжимали перевязь полупустой наплечной сумки.

Когда пауза затянулась слишком сильно, незнакомка сделала несколько неуверенных шагов в сторону ближайшего распластанного тела и присела рядышком. До тормозящего Тревиса не сразу дошло, что она искала пульс. Не обнаружив такого, девушка перешла к следующему мертвецу, при этом настороженно косясь на совершенно по-идиотски ведущего себя парня.

— Это...как бы... — Нужные слова, так и не появлялись, затерявшись по дороге к здравомыслию. Трев, окончательно вогнавшись в краску, застыл, не зная, что делать дальше. Незнакомка успела обойти четверых, а над единственным распотрошенным, недолго постоять рядом, наблюдая за набежавшими и увлеченными животными.

— Что-нибудь есть? — Громкий голос Марса, заставил девушку вздрогнуть. Она встревоженно обернулась в сторону кричавшего. Тревису, это помогло прийти в себя и быстрым шагом вернуться обратно.

Перевязанный на скорую руку найденными лоскутами, мужчина, тяжело дышал, прикрыв глаза и несвязно бормоча. Ребята прислонили его спиной к сваленным в кучу тканевым мешкам и обеспокоенно наблюдали за ухудшающимся состоянием человека. Поваленный ряд телег и сброшенные вещи, создавали подобие стены между дорогой и

лагерем. Так что, выскочивший из-за неё Тревис, заставил Марса дёрнуться и выронить найденную бутылку с тёмной, неподписанной жидкостью. Стекланный сосуд упал точно на выступавший из-под земли камень и жалобно хрустнув, раскололся, выпустив терпкий винный дух.

— Чёрт.

— Там девушка!

— Что?

— Девушка там, говорю! Ходит и осматривает трупы!

— Трупы осматривает? Зачем?

— Не знаю, наверное, ищет живых.

— Тогда пусть идёт сюда, единственный живой здесь.

— Отличное предложение, и как я сам не догадался?! — Саркастичный тон и гневно всплеснутые руки, отлично выразили мнение парня. — Мне её за руку сюда тащить, если она нашего языка не понимает? Да и с какой стати ей куда-то идти за незнакомцами, спокойно сидящими в недавно разгромленном лагере? Тем более, мы одеты слишком не похоже на местных.

— Логично. Я бы тоже не пошёл.

— Вот!

— Мальчики, хватит кричать, она уже сама пришла.

Слаженно обернувшись в нужную сторону, парни, замолкли, глядя на топчущийся в нескольких метрах, объект обсуждения. Лёгкий румянец и бегающий взгляд, выдавали смущение и боязливость девушки, но, преследуемая ей цель, перевешивала страх перед неизвестным. Она заметила раненого и взгляд её затвердел, унося из тела былую неловкость. Быстрым шагом дошла до мужчины, присела рядом и с профессиональной сноровкой, осмотрела раны. При взгляде на дилетантскую перевязку ноги, лицо её недовольно скривилось, а пальцы стали ловко развязывать навороченные узлы.

Вся троица молча и заворуженно наблюдала за действиями незнакомки, боясь словом или делом, нарушить процесс лечения, спугнув спасительницу. Повстречать в таком месте и в такой момент знающего толк в лечении человека, никто не ожидал.

Справившись с самодельными бинтами и освободив от них рану, она подняла руки и замерла. Мгновение спустя ладони засветились мягким жёлтым светом. Распространяясь вниз, он уплотнился и приобрёл схожесть с облаком. Оно обступило ногу со всех сторон и выступающий острый край кости медленно, но верно начал возвращаться на место, прячась под неторопливо зарастающей кожей.

Подобное волшебство вызвало у наблюдателей удивлённый вздох и неверящий шёпот. Никому из них не доводилось встречать человека со сверхспособностями и подобное близкое знакомство, одновременно пугало и восхищало. Увиденное не желало укладываться ни в какие разумные рамки, кроме банальной экстрасенсорики или того хуже, магии.

Последнее умозаключение ярко отпечаталось на лицах всех троих, одновременно переглянувшихся. И если до этих пор, ребята в тайне надеялись, что потерявшись, они найдут себя в привычном мире, то после увиденного, эта надежда развалилась на части.

— Это то, что я думаю?

— Не-ет.

Пока друзья осмысливали случившееся, девушка, закончив с оказанием первой помощи, обратила внимание на другого человека, требующего лечения. Встала и замерла, устремив

строгий взгляд на Марса, не решаясь подойти. Впрочем, Дей мгновенно поняла её намерения.

— Иди-иди!

— Куда? Зачем толкаешься?

— Да к ней иди! Она хочет тебя вылечить!

— Никуда я не пойду! Ты видела? Это же чёртово колдовство!

— И пусть! Мужичка же она реанимировала!

— Мужичок не в счёт, они явно знакомы!

Друг активно трусил, упираясь подойти к потенциальному спасителю, Тревис решил действовать и шагнул навстречу. Протянул руку. Вздогнул, когда чужая тёплая ладошка ответила на приглашение. Шумно сглотнул и вспотел. Кивнул невпопад и только после этого, подвёл девушку к Марсу, не без сожаления выпуская тонкие девичьи пальчики. Отошёл за спины друзей и даже отвернулся, чтобы случайно не выдать волнения.

Пока шло лечение, самообладание понемногу вернулось к нему, но сердце продолжало быстро колотиться. Жажда, так сильно терзавшая недавно, подозрительно молчала. Навязчивые видения насилия и крови, исчезли. Тревис позволил губам растянуться в довольной и мечтательной улыбке. Одним появлением, таинственная незнакомка разогнала тревоги и отпугнула голодных призраков.

Он стоял лицом к дороге, глядя на противоположную сторону леса, на широкую, утопанную грунтовку, на лысые заросли ежевики, растущие вдоль обочины. Дорога не шла прямо, делая крутые изгибы. Деревья плотно обступали рыжую полосу земли с двух сторон. Солнце зависло прямо над головой, но жару не обещало, периодически прячась за облаками. По земле гулял прохладный ветерок.

— Хорошее место для засады.

Тревис обернулся, посмотреть как идут дела. Незнакомка успела снять отёк и зуд. Лицо друга обрело прежний цвет, а порезы затягивались один за другим. Воодушевленный парень громко выразил восхищение паранормальными способностями девушки. Та с лёгкой улыбкой приняла благодарность и вернулась к мужчине. Бедняга пришёл в сознание и с жаром принялся за сбивчивый рассказ. На этот раз, у него оказался рядом достойный собеседник и между ними завязалась негромкая беседа.

Тревис хотел заикнуться насчёт поисков еды и дальнейших планов, когда позади раздался громкий электрический треск и спину обдала волна жара, сбив с ног. Упав на четвереньки, он с досадным шипением схватился за плечо, безуспешно пытаясь достать до лопатки. Острая жгучая боль напоминала укус шершня, но простиралась обширнее.

Рядом, согнувшись пополам, откашливался Марс, держась за красное горло. Дей досталось меньше всех. От загадочного нападения, она успела закрыться рукой и теперь досадливо трясла правой ладонью, дуя на зудящую кожу. Обоих “местных” неизвестная сила не задела. Они замерли, наблюдая за происходящим.

— Ай, больно. Что это?

Поговорить не удалось. Посреди дороги стояли два человека. Точнее, солдата, в одинаковой, строгой одежде в виде алого цвета штанов и пиджаков с клепками и нашитыми литыми пластинами. Чёрные и золотые искривленные линии шли по корпусу, гармонично дополняя чудаковатый историчный образ. В руках незнакомцы держали по короткому посоху с крупным красным камнем в навершии. И не приходилось сомневаться, что с таким оружием они могли пойти и в рукопашную, если волшебных сил окажется недостаточно для

должного вразумления противника.

Потенциального сопротивления не произошло и солдаты расслабились. Ровесники на вид, они казались братьями. Одного роста, близкого возраста лет тридцати-пяти, с одинаково насупленными бровями. Тот, что на полголовы выше, развязно заложил руки в карманы и подошёл к напряженно застывшей публике. Дей, испуганно пискнув, спряталась за Марса. Трев поднялся с земли и настороженно встал рядом с другом, первым решившись разбавить молчание.

— Кто вы такие? Что вы сделали с нами? — Тревис не сомневался, что неожиданная атака спровоцирована именно этими ребятами.

Солдат остановился, бесцеремонно скользнув взглядом сверху вниз по говорящему. Брови скептически изогнулись, а краешек губ дернулся, как если бы человек испытывал презрение. Ничего не ответив, достал из кармана небольшую линзу красного стекла в золотой оправе и поднёс к глазам.

— Пиши: один вампир — ого, Десятка! Первый раз такое встречаю. Дальше: один человек — ноль и одна эльфийка, подкласс — “цветочная”. Способности — твёрдая пятёрка. Есть?

— Да.

— Отлично, можем возвращаться.

Скудный диалог закончился и он, с особой осторожностью спрятав золотой монокль обратно, вернулся. Второй солдат держал на весу небольшую книжицу в твёрдом переплёте и уткнув в неё конец посоха, сосредоточенно вглядывался в самозаполняющиеся страницы. Видимо, для такого рода записей, требовалась большая концентрация.

— Эй! — Тревису надоело ждать ответа. Явное пренебрежение со стороны незнакомцев, разозлило.

— Да! Вы кто такие? Не с пустым местом разговариваете! Морду-то поверните! — К Марсу, в первый момент, несколько выбитому из колеи, наконец, вернулась речь.

— А не маловата ли шавка, чтобы твякать?

В голосе подходившего к ним, прорезалась опасные нотки. Прищуренный взгляд и наглое выражение грубого скуластого лица, выдавало личность бешеную и порывистую. Он развернулся к зрителям, поигрывая посохом, как битой.

— Ты у нас тут самый смелый получается? А давай-ка проверим.

— Грем. — Его спутник, закончивший заполнение, хлопнул книгой и нарочно повысил голос, призывая к порядку и субординации. — Пойдём.

— Хочу проучить сопляка.

— Уходим немедленно. — В подтверждение, он сделал неуловимое движение посохом и воздух в том месте, где они стояли, задрожал, преломляясь и разрываясь. Тревису пришла на ум ассоциация с миражами, виденными им иногда на дороге в особо жаркие дни. Не прошло и пары секунд, как всё пропало и о присутствии незнакомцев напоминала разве что пульсирующая тупая боль от ожога.

— Нет, вы это видели?! Да кто они такие?! Что себе позволяют?! У меня горло огнём горит!

— Марсик, он же мог тебя ударить, зачем ты ему нагрубил?

— Я бы ещё не так нагрубил!

— Эти посохи даже на вид тяжёлые, не считая всякой мистики!

— И пусть! Главное, что уважать надо других людей, когда встречаешь... — Парень запоздало разбушевался, но Тревис заметил, что друга смутило неожиданное появление незнакомцев. Очень может быть, он их натурально испугался и теперь изо всех сил пытался не подавать виду. Только вот, тревожно перескакивающий с предмета на предмет, взгляд и сбивчивая речь, выдавали его с головой. — Мне может быть тоже много чего не нравится, я же не срываюсь на каждого встречного!

— Да, ты просто по-доброму кричишь.

— Пусть так, а что за форма ещё такая на них была? Не припомню подобного камуфляжа ни у кого. И посохи эти... тоже колдуны что ли? Я сдаюсь! Мы всё-таки или с ума сошли окончательно или попали куда-то, где всё пахнет дешевым спектаклем на историческую тему!

Парень совсем разошелся, размахивая от негодования руками и осуждающе указывая в разных направлениях, о которых упоминал.

— Лес этот непролазный, поляна с кучей трупов, дед пришибленный, потом девка эта неизвестно откуда взявшаяся, ведьма, чтоб её. Только порадовался, что может, чудеса эти паранормальные добрыми окажутся, как на тебе, являются из ниоткуда типы в бронежилетах с палками наперевес. Шею мне чуть не прожгли, зараза, болит. Ещё и смотрели на нас как на мешок с дерьмом! Что он там сказал? Кто-нибудь понял что-то? Дей?

— Ничего я не знаю, так же как и ты! — Блондиночка, озадаченная реакцией друга, досадливо хмыкнула. Правая ладонь саднила, кожа вокруг круглой красной татуировки заметно припухла и ныла. Сложный рисунок узора навёл на мысль о лабиринте. По крайней мере, она чётко рассмотрела его начало и конец.

— А ты?!

Тревис не ответил. Тем более, у парня, ни секунды не забывавшего о посторонних, сложилось ощущение, что те внимательно прислушиваются. Оба молчали, но Тревис испытал прилив самого настоящего стеснения, если не стыда.

— А...эм...

— Слов нет? Вот и у меня тоже самое! Точнее, у меня-то они есть, и ещё какие! Мне вся эта ситуация знаешь как уже осточертела? Я хочу домой! — Парень смахнул упавший на макушку подвявший лист и гневно бросил его под ноги, остервенело затаптывая. — Чёрт с ним даже с домом, которого у нас нет! Я хочу даже и обратно в приют, лишь бы только всё это оказалось сном и я проснулся окружённый людьми, а не ледяными великанами, феями и прочими монстрами!

— Марс!

— Да, Дей, мне надоело! Я не великий путешественник по зарослям и с магическими штучками знаться не нанимался! Это ты у нас любишь всякую фантастику и может быть даже и рада, что всё так вышло и место себе здесь найдёшь, а я не такой! Я — домашний,

человеческий! Я этого не хочу!

— И мне страшно! И я не хочу! Но я же не устраиваю сцен, вместо того, чтобы всё спокойно обсудить и решить что нам делать дальше!

— Значит, ты — молодец!

— Значит, да!

Резко начавшийся спор, столь же резко и оборвался. Спорщики, разобидевшись друг на друга, разошлись в разные стороны. Дей вернулась к раненому. Марс скрылся с глаз, исчезнув в глубине лагеря и оттуда громко звенело и стучало. Вымещать злость парень решил на всём, попавшемся под руку и под ногу.

— Ох, беда-а... — Молча сидевший мужичёк подал голос, заговорив понятным языком. Он сидел, прислонившись спиной к тюкам и вытянув ноги, но вид внушал надежду на скорое излечение. Маленькие глаза под кустистыми бровями сияли хитрецей и внимательным любопытством. — Судьба-то видать, злая у вас, хорохористая, усмешки любит. Сам проходил, знаю. — Он закивал, подтверждая сказанное. — Да только, злиться так не стоит. Дело это бесполезное, ненужное. Миграционную охрану делать не переделывать, им бы только нелегалов всяческих отлавливать да клеймить, других интересов-то у них и не бывает.

— Дед, ты говоришь? — Дей запоздало поняла, что фраза вышла не вежливая, но удивление её оказалось чересчур сильным. Тем более, мужчина не выглядел сильно старым, скорее, не ухоженным: грязные с проседью тёмные волосы сваялись и висели патлами; Лицо заросло густой щетиной; Мозолистые руки, толстые в запястьях, давно не видели мыла и ножниц; Одежда, заляпаная кровью, пылью и потом. Формулировка “Дед” шла ему как нельзя удачней.

Тревиса, подобный поворот заставил едва ли не подпрыгнуть. Подозрения оправдались и он покраснел, с ног до головы. Волны стыдливого жара приливали одна за другой. И тем сильнее, чем чаще взгляд пересекался с глазами девушки. Та спокойно сидела возле пациента, следя за процессом лечения.

— Дык, я и до того умел. Чего же здесь не уметь-то? Очень даже и простое занятие, скажу я вам. Болтай себе да болтай. Чеши языком, пока не отвалится или пока кто не заставит замолчать. Но это уже грубость, конечно. Это допускать нельзя приличному человеку.

— Да я не о том! — Девушка прерывала бестолковый словесный поток. — Ты же не говорил по-нашему. Как ты язык так быстро выучил и когда успел? Или и до этого знал, но скрывал? Зачем?

— И было бы что скрывать, ничего бы скрывать не стал! Вы же спасители мои, из-под телеги вынули, лекарку ко мне доставили, дай бог здоровья ей крепкого. Да уж ей и на здоровье-то жаловаться грех. Она ещё всех нас на ноги подымет, болезненных. Побольше бы людей таких добрых на наш век, вот счастье-то было бы.

— Так, дед, говори яснее. Ничего не понимаю. Откуда язык знаешь?

— Не стоит пытаться его дальше. Он правду вам сказал, язык этот для него давно уже знакомый. А что до внезапного понимания между нами, так это от того, что на вас печать повешена. Она и даёт возможность язык человеческий понимать и разговаривать на нём естественно, без запинания.

Тревис впервые услышал голос синеглазой девушки и сердце его замерло. Мысли вылетели, пальцы от волнения задрожали. Несмотря на абсолютную невинность и

скромность незнакомки, голос её, мгновенно обличил строгий и серьёзный характер. Она легко выдерживала обращенные взгляды, не думая скрывать ровной спины, уравновешенности движений и некоего “своего права”. Что это такое Тревис сказать не мог, но отлично чувствовал и конфузился. Мысленно взглянул на себя со стороны и ужаснулся не презентабельности вида.

— Что? В смысле? — Дей оказалась сбита словами лекарки не меньше и растеряннс переводила взгляд с неё на Тревиса и обратно. — Какой ещё человеческий язык? Печать повешена? Это вот эта татуировка что ли?

— Зря ты милая утруждаешься так, всё для меня, для старика хлопочешь. — Мужичёк, пришёл в небывалое воодушевление. — А всё потому что сердце у тебя доброе, не каменное. Умеешь, значит, к людям ласку проявлять, заботу, вниманием не обделишь убогого и мимо не пройдёшь. Уважаю таких безмерно и век бы тебя добрым словом поминал.

— Довольно дедушка, слов на ветер не бросайте, он всё запоминает и забыть потом не даст. Я вас вылечила потому что долг у меня такой и призвание, а сердца моего вы не знаете. Уж простите, если обидела.

— Что ты деточка! Рад! Рад старик, что с такою душой дела имел да снисходительством окропился. Дай только на ноги встать, дык я уж и докажу свою почтение!

— Не нужно, лежите. Вам ещё часов двенадцать выздоравливать придётся. Раны тяжёлые оказались, им время и покой необходимы.

— Бог даст, полежу, конечно. Только есть ужо так охото, позывов сдержат не могу. Нет ли чего съестного вокруг? Кости, видать, жрать-то просят, жадные!

Девушка ничего не ответила, но послушно встала, в нерешительности остановившись возле ненарошно перегородивших дорогу ребят. Дейдара, шокировано смотрела на незнакомцев и никак не могла произнести годного итога своим мыслям.

— Смею предположить, что вы голодны не менее. Предлагаю поискать или приготовить ужин, а потом поговорить существеннее. Я вижу вашу ситуацию и правда хотела бы вам помочь. Но, сперва, нам всем придётся потрудиться — снести тела, навести небольшой порядок в лагере, отыскать провизию. Это займёт много времени, но до ночи, думаю, должны управиться. Вы получите ответы на все мучающие вас вопросы, но позже. — сперва надо сделать срочное.

Она замолчала и Тревис поразился непоколебимой твёрдости её слов. Не возникало сомнения в их правоте и весомости. Дей, пару раз открывшая и закрывшая рот, не нашлась с ответом, и просто отошла в сторону, пропуская собеседницу. Блондинка уяснила для себя одно: они здесь ничего не знают и находятся в совершенной зависимости от этих людей. И если мужичёк, в силу ранения, не представлял видимой угрозы, то строгая девица с лицом ребёнка, могла представлять. Дей, в отличие от Тревиса, она сразу и прочно не понравилась.

Приводить в порядок лагерь и стаскивать трупы на край поляны, оказалось делом сложным, тяжёлым и долгим. Мужичка, назвавшегося Смирном, перенесли к большому костровищу в центре поляны. Он обещал следить за ним, как за самим собой. И действительно следил — огонь весело трещал и плевался искрами особенно смолистых веток. От пошедшего душистого запаха захотелось есть и ребята накинулись на работу с особым усердием.

Лекарка, не смотря на незаметно занятую ей лидерскую позицию, от работы не отлынивала. Работала наравне с парнями, не жалуясь и не выказывая усталости. Иногда она

останавливалась и вытерала пот со лба, осматривая лагерь, лес, дорогу, прислушивалась или размышляла. Тревис пытался относиться к голубоглазой девушке отстраненно, но ничего путного не выходило. Рядом с ней он вздыхал, спотыкался и краснел. Дей видела это и злилась сильнее.

Марс оказался единственным, кто не испытывал к девушке ни злости, ни восхищения. Он её элементарно побаивался. Волшебные способности смущали и заставляли думать: “А не воспользуется ли она ими против них?”

Когда они закончили, вечерело. Солнце неторопливо садилось за деревья, вызолачивая землю и прокладывая длинные контрастные тени. Лесные запахи усилились, появились комары и прохладный низовой ветер. Стало зябко и ребята с говорливым мужичком, расселась в центре поляны возле большого костровища. Огонь разожгли сильнее, побросав крупных брёвен. Суп из найденных ингредиентов, стоял поодаль в большом железном котелке и парил. Смирн, оказавшийся хорошим хозяином, управился с готовкой вовремя и ловко разливал горячий бульон по деревянным мискам.

— А я, стало быть, и говорю ему: “- Что же вы, батюшка, охрану-то не выставили? До города недалеко, день пути пешком ходом, но лес-то кругом глухой. Случись чего, и убежать не сможем и помочи ждать неоткуда”. А он мне: — “ — Ты иди, старый, делом своим займись. Без тебя людей умных полно, как-нибудь разобратся сможем”.

Мужичёк досадно кивнул в сторону горки трупов, накрытых сташенной с повозок тканью.

— И вон чего, лежат родимые. А ведь, все, знать, умные были. Вишь чего, разобрались. Один я, глупый, супчик наваристый хлебаю.

— И кто же на вас напал?

— Уж ясно кто! Разбойники проклятые. Налетели воронами, порезали всех как скотину! Мгновения не прошло, всё вверх дном летит, металл о металл трётся, падают порубленные один за одним. Я, трусливая душа, сразу в телеге спрятался, в мешки, как мышь зарылся. Дай бог, думаю, пронесёт нелёгкая, не заметят варвары.

— И что? Заметили? — Марс, проголодавшийся больше всех, с жадностью накинулся на еду и всё время давился горячим бульоном, пытаясь остудить его прямо во рту. При этом, он во все глаза следил за рассказчиком, взволнованно переживая каждую представляемую картину. Дей и Трев вели себя куда более сдержанно, без спешки отправляя содержимое ложек в рот. Во-первых, сказала физическая усталость, во-вторых, слишком большое количество впечатлений. Мозг начал попросту тупить, а глаза слипаться.

— Заметить-то может и не сподобились, да вот телегу на дыбы поставить не поленились. Как жажнули! Как на меня, бедного, всё, что там есть, посыпалось, прижало, придавило так, что дух из груди чуть не выпорхнул! — Смирн закивал так часто, входя в раж, что аж щёки затряслись и волосы на глаза упали. — И тут бац! Сверху что-то приземляется и как мне ноги порубит! Я лежу, ору, искрами из глаз тюки поджечь пытаюсь, думаю, всё! Нашли сволочи! Сейчас убивать будут! — На этих словах он перестал кивать и замер, театрально выпучив глаза и растопырив пальцы для большего драматического эффекта. — А потом тишина, будто и не было никого.

— То есть, налетели, всех переубивали и ушли? Даже грабить не стали? — Марс удивленно моргнул. — Какие-то странные разбойники. Судя по тому, что мы отыскивали, добычи предостаточно.

— То-то и оно! И я говорю странно. Только сердце моё беду чуяло. Да кому же оно,

несчастное, сдалось, чтобы слушать? — Мужичёк расстроено покивал и схватился за свою миску, принявшись упоённо из неё прихлёбывать.

Марс перевёл взгляд на Дей. Девушка сидела с противоположной стороны костра, ела, не прислушиваясь к беседе. Она смотрела на огонь и жёлтые блики красиво отражались в её глазах. Лицо покраснелось, волосы растрепались и запылились. Правую щеку украшало пятно сажи. Он хотел окликнуть её, но так и не смог подобрать нужных слов. Тяжело вздохнул, поёжился и перевёл взгляд на друга. Тот сидел сгорбившись и почти уткнувшись в миску лицом. Из-за заслонивших лицо волос, казалось, он заснул.

— Эй, ты там спишь что ли? — Марсу пришлось наклониться и ткнуть его ложкой в плечо. Друг дёрнулся и удивлённо на него посмотрел. Не спал, но сильно задумался.

— Чего?

— Ничего. Спишь говорю?

— А, нет, думаю.

— Я так и понял. — Он кивнул и решил больше не приставать. Тем более, его словоохотливый собеседник успел утолить первый голод и преисполнился жаром беседы.

Тревис пребывал глубоко в своих мыслях. Историю он слушал в пол уха, и так же отстраненно чувствовал вкус еды. Всё его внимание сосредоточилось на Кесс. Так назвала себя голубоглазая незнакомка, когда ей надоело выслушивать очередные “Эй”, “Простите”, “Не могли бы вы” и прочее. Она сказала это с раздражением, неохотно расшифровывая до “Кассандры”. Но Тревису имя понравилось. Оно отлично передавало не сочетаемость милой внешности со строгостью характера.

За время совместной работы, Кесс вкратце поделилась своей историей: Родом издалека и много путешествовала. Занималась в основном, лекарским делом, называла его призванием и талантом. Навыки получила от отца, вырастившего её, пока не пришло время начинать самостоятельную жизнь. Так и вышло, что до этих мест девушка добралась недавно и наткнулась случайно на лагерь.

Ужинать вместе со всеми она не села, ушла в лес, обещая вернуться через несколько часов. Останавливать её никто не стал, как и расспрашивать о причинах. Все, включая благодушно настроенного Смирна, чувствовали некоторую неловкость перед ней. И, хотя Тревису хотелось побыть с лекаркой наедине, пообщаться, заглянуть в глаза, он тоже остался нем и бездейственен.

Он вздохнул, выпрямился, разминая затёкшую спину и лениво отмахнулся от зудящего под ухом комара. Тот увернулся и преисполнившись наглости, сел на фалангу большого пальца, присосался и немедленно превратился в красную размазню. Трев презрительно отер палец о штаны, с удивлением прислушался к своим ощущениям. Он уже много часов не испытывал совершенно никакой тяги к крови. Ни назойливых мыслей, ни странных видений, ни неприятного зуда и жжения в горле или груди. Даже пустота, залёгшая глубоко в сердце, безмолвствовала.

Чтобы это могло значить и когда ждать очередного обострения, Тревис не знал. На счёт загадочных солдат и их заявлений, Смирн их просветил днём. Дей первая не выдержала долгой паузы в разъяснениях и спросила у него всё, что её тревожило.

— Эти “непонятные личности” по вашему уразумению, у нас зовутся миграционными сторожами. Служба такая есть в государстве. Их работа, значит, что? Искать таких вот как

вы, стало быть, иноземцев, отлавливать и печатями магическими шпиговать для порядку. А то без порядку-то куда? Вот и я говорю.

— Подожди. — Блондиночка устало выдохнула и отряхнула руки, пытаясь ими же убрать лезущую в глаза чёлку. Они с Марсом в этот момент натужно кряхтя, перетаскивали безголовое тело неизвестного бедолаги, пытаясь на споткнуться о бренчащие ножны. — Хочешь сказать, таких как мы здесь полно? То есть, сюда часто попадают люди из других миров?

Насчёт того, что их троих действительно переместило из одного мира в другой, сомневаться не приходилось. Более других не верящий Марс, первым же и развеял сомнения, напрямую поинтересовавшись. Оба “местных жителя” посмотрели на него с одинаковой с жалостью и совершенно серьезно посоветовали как можно скорее смириться.

— Попадают. Чего бы им не попадать, раз сам мир дырявый, что решето? Дык, чего далеко ходить? Батя мой из ихних-то и есть, из попаданцев! Да-а... — Мужичёк с видимым удовольствием потянул это “Да”, уносясь в даль воспоминаний. — Хороший был человек, трудовой, смысленый, семью любил — страсть! Всё-то у него ладилась, всё умел похитрому снабдить да пристроить. Видать, знания имел нужные, голова варила как бог весть! В селе нашем мужики только диву давались, а он их не слушает и всё модернизирует, усложняет. Детей науке своей учил, да только я один безголовый вырос, ничего про науку ту и не помню, малый был.

— Понятно. И что, ему тоже печать такую поставили?

— Как не поставить? И такое было. У него она прямо на левой щеке красовалась. Издалека пойдёшь, кажется, что пощёчину дали. Глянешь близко, ан нет, колдовство это всё, государственный учёт.

— Значит, и у тебя такая есть?

На этом мужичёк расхохотался, забыв о чищенной картофелине, удерживаемой в руках.

— Ох, насмешила. Ох, чудо чудесное! Да откуда же мне, человеку рождённому, печатями-то подобными баловаться? Ей богу, ничего смешнее не слышал. Да и на кой она мне? — Он отсмеялся и вернулся к прерванному занятию, заскоблив ножом по тонкой коже. — Нет, этакая безделица только на попаданцев вешается, на самих пришельцев, откуда бы они ни прибыли. А что до потомков их, так это уже дело другое. Потомки уже этому миру принадлежат и печатями снабжаться не обязаны.

— Ла-адно... — Дейдара почти научилась не теряться в запутанной и многословной, не без труда вычленивая полезную информацию. — Получается, печати ставят только для учёта новых попаданцев?

— Не только. — Хитровато прищурились, Смирн стал похож на деревенского деда. — Есть тут одна подковырка, которую хитрецы эти, из стражей, сообщать не торопятся. Выжидают, сволочи, пока бедолаги пришлые, по неосведомленности своей, сами в ловушку ихнюю не угодят.

— Да в чём, дело-то? — Освободившись, они подошли ближе.

— Что за ловушка?

— А вот чего! Временная эта печать, только полгода действия у ней. А чтобы дальше эффект ейный продлить, так за это деньги уплачивать надобно. И большие. От расы зависит, но для людей самая ещё божеская сумма выходит. Можно скопить.

— Временная?

— Платная?! — Марс ошарашенно поглядел на друзей, и, в особенности, на Дей, хмуро

рассматривающую поднесённую близко к лицу ладонь. — И сколько же надо платить конкретно? А что будет, если не заплатим?

— Сколько платить, так это я вам ответить не могу, надо в городе узнавать. Почти в каждом мало-мальском поселении есть дозорный отдел. Там и цену скажут и плату возьмут, если срок подходит. Да вы их брата сразу издалека узнаете: всё-то у них красное, как маки; И одежда, и флаги и бумага с перьями.

— Я-ясно. — Марс озадаченно провёл рукой по волосам, прикидывая сколько проблем им принесут печати. — Так, и что же в случае неуплаты?

— Хе-хе... — Смирн весело закудаhtал, получая удовольствие от созерцания трёх растерянных лиц. — Разное. Могут и рудники быть и рабство обыкновенное, в прислугах у знатных господ. Да много чего. Зависеть будет от начальства или нехватки какой-нибудь. А может, и распоряжение прийти всех просроченцев на корабли да в море бросать, на барках работать, спины на палубах государственных гнуть. Это уж как повезёт. — Он отсмеялся, став серьезнее. — А если без смеху, то волнуясь я за вас. Как бы чего не вышло с вашей доверчивостью и неумением даже и палки в руках держать, не то, чтоб обороняться серьёзно. У нас-то здесь места всё страшные, люди злые. Сами видите — налетят даже на опытных и то еле отмашешься. А вам ещё и расы попутало. Не хорошо это. — Он расстроено помотал головой, бросая в котёл разрезанную картофелину.

— Кстати, да! Расы! — Марс так и подпрыгнул. — Что они насчёт рас-то говорили?

— А того, не хорошо это... — Продолжал говорить Смирн, не слыша новых вопросов. — ...Что расу поменять, это тебе не в реку голым войти да выйти. Это насовсем меняет. Представь, жил себе человек всю жизнь в одной шкуре, привык к ней, всё про неё знает. А тут бац! Шкуру старую с него сдирают, в новую суют, “Иди!” говорят! А человек что? А человек в страхе! Как в новой шкуре жить, которая и не с его плеча взята? Да хвост у ней висит лишний и рогов две штуки. А делать нечего — живи как знаешь, другой уж не дадут и свою не вернут. — Он раскивался на этом, поучительно поднимая вверх очередную, наполовину очищенную картофелину. — Вот оно что значит расу поменять. Не просто это. Не хорошо.

— То, что не хорошо мы уже уяснили. Лучше скажи, как так вышло? И цифры что значат?

Вопрос повис в воздухе. Смирн внезапно расстроился, уткнулся в котелок и продолжил бубнить, постоянно повторяя про себя “нехорошо”, да “жалыче нету”. Друзья озадаченно переглянулись. Тревис пожал плечами. Ответ пришел откуда не ждали.

— Когда переход совершается, мир этот, по разумению своему, может поменять расу своему гостю. Иногда случается, что и не меняет. Однако же, чаще наоборот.

Стоявшая чуть поодаль Кесс, с приподнятым подбородком, осанкой и самодостаточной значимостью, напоминала княгиню. Даже грубая ткань и плохой крой платья, не лишали её внутреннего блеска. Голубые глаза смотрели холодно, но не отталкивающе.

— Значит, он поменял нам расы при переходе и теперь мы...кто? Я ничего не чувствую.

Марс, тормозящий больше остальных, по привычке, адресовал вопрос Дей. Та не стала на него смотреть, недобро прищутив глаза, не отводя их от собеседницы. Ответила она с раздражением.

— Марсик, всё уже и так понятно. Меня превратило в эльфа, Трева в вампира, тебя оставило человеком.

— Что?!

— Она права, Марс. Я с самого начала почувствовал изменения, но не знал, что это такое. Думал, схожу с ума, раз стал на запах крови бегать.

— И вы молчали?!

— Да откуда нам было знать?! — Девушка разозлилась не шутку, всплескивая руками и оборачиваясь к другу. — Слух этот внезапно прорезался, легкость, всё стало такое... — Она попыталась подобрать нужное слово, не нашла его и брякнула первое попавшееся — Чудесное! Да я была на седьмом небе от счастья, забыла даже про случившееся! — Она резко замолчала, подбивая концом босоножки узкую шишку. — Потом всё делось куда-то, как только мы сюда пришли. Никак не могу снова настроиться.

— Этому как раз объяснение лёгкое; Эльфы — существа тонкие, с природой удивительно совместимые. Для полноценного раскрытия им нужны определённые условия: Природа — первое из них. Второе — покой. Это не боевая раса и в обычной жизни их не встретишь. — На этих словах, лицо говорящей прояснилось и его тронула лёгкая улыбка, осветившая лицо. — Чудесная доля в целом.

— А вампиры?

Вопрос прозвучал не то, чтобы неожиданно. Скорее, слова упали в застывший от паузы воздух камнями, тяжело перекатившись в головах присутствующих. Особенно сильное волнение они произвели на Кесс. Лицо её дернулось, взгляд метнулся в сторону, обратно, но она сумела быстро взять себя в руки и продолжила вполне невозмутимо.

— Превращение в вампира не сулит своему владельцу ничего хорошего. Это и не раса в привычном смысле. Больше народ, живущий в пещерах и именуемый всеми никак иначе чем “нечисть”. Вампиры обречены пить живую кровь и от этой участи им нет спасения. Как нет и прощения от других рас.

Девушка замолчала, смутилась произведенному её словами эффекту и быстрым шагом скрылась за завалами. В опустившейся тишине слышалось бряканье деревянной ложки о котелок, бурчание дела, да бульканье.

Тревиса вырвало из воспоминаний появление Кесс. Смирн продолжал активно жестикулировать, расписывая увлечённому Марсу свои похождения. Дей ворошила длинной палкой угли. Голубоглазая девушка вышла из леса, остановившись у границы тени. Её взгляд скользнул по всем, споткнувшись на обращенных на неё глазах парня. Она сделала неловкий шаг вперед, не решаясь прервать общего настроения.

— Садись сюда. Проголодалась? — Трев подвинулся на бревне, приглашающе похлопав рядом с собой. Девушка секунду размышляла, потом решила и села на предложенное место. Дей хмуро свела брови в ответ на её приход, буркнула, но от своего занятия не отвлеклась. Марс с дедком, так и вовсе не заметили её прихода.

Тревис налил в свободную плошку остывший суп и протянул вместе с ложкой. Лекарка благодарно улыбнулась, показавшись ему той скромной, тихой и ласковой девушкой, встреченной им в лесу. Он даже покачал головой, удивляясь быстроте перемен в характере.

— Спрашивать куда ты уходила, наверное, бесполезно?

В ответ он получил усмешку и согласный кивок. Пол чашки спустя, она сама завязала разговор.

— Для своего положения и обстоятельств, ты весьма уверенно себя ведёшь. Не чувствуешь зова? — Она поглядела из-под бровей, снова прикладываясь к еде.

— Чувствовал. — Тревис опустил взгляд. Рассмотрел сбитые носки чёрных кожаных

сапожек, выглядывающих из-под коричневого подола. — Ровно до того момента, как увидел тебя в первый раз.

Он испуганно вскинулся, опасаясь, что фраза прозвучала двусмысленно или провокационно. Но девушка даже и не подумала смущаться. Она смотрела спокойно, прямо, проникая глазами далеко в душу, в сердце. Читая в нём все чувства, как с чистого листа. Наконец, она отвела взгляд.

— Такое бывает на первых порах. Сильные эмоции перекрыли дорогу темноте и она временно ослепла. Но её нюх обязательно вернется в ближайшие дни и тогда тебе придётся трудно.

— Насколько трудно? — Тревис почувствовал как сердце застучало в груди, готовое выскочить.

— Настолько, что ты будешь кусать себя в приступе. Будешь глотать свою кровь и захлебываться ей, не получая отдохновения. Бежать, не разбирая дороги, из всех цветов различая только красный. — Она замолчала, произнеся это тихо, чтобы не услышал никто, включая эльфа. Расстроено покачала головой.

— Что, настолько плохо? — Трев почувствовал, как в горле пересохло и по нему перекатился стальной шар паники. Ладони вспотели. Мысли разбежались в разные стороны, вспугнутыми мышами. Взгляд сам собой устремился к девушке, ища утешения и спасения. Она поймала взгляд, поняла его, но ничего не ответила, отворачиваясь к огню.

Разговор закончился и Тревис ощутил себя хуже, чем тогда, на заснеженной парковке. Только холод был не вокруг, а внутри него. Он слепо смотрел в огонь, а перед глазами снова начал падать снег: Белый, мертвый, безжалостный и одновременно прекрасный. И новоиспеченному вампиру до ужаса, до боли, захотелось, чтобы в этот момент его грудь разорвало гигантское ледяное копьё. Оно бы вошло в него легко, не встречая сопротивления костей и тканей. Вошло бы, и навеки заполнило эту засасывающую пустоту.

Но нет белого великана. Он исчез, случайно распахнув для них дверь в новый мир. И неоткуда взять ледяного копьё. И снег не идёт с тёплого, летнего неба. И всё хорошо до тех пор, пока тьма не откроет свои глаза и из всех цветов не останется только красный.

— День старого графа Дарнау не задался с самого утра. Проснувшись в десятом часу от болей в боку, он с трудом смог встать с постели. Лакей, служивший графу половину его жизни, пришёл на негодующий вопль недостаточно быстро, за что получил выговор и угрозу увольнения. Поданный завтрак подгорел и вонюче чадил, чем вызвал в графе натуральное бешенство. Так что, к тому моменту, как дворцовый курьер принёс запечатанный пакет с гербом, настроение дворянина скатилось ниже некуда.

Он вырвал из рук растерявшегося молодого человека в форме, посылку, буркнул неразборчивую формальность и громко топая, ушёл в кабинет. Не проронивший ни слова курьер, встретился удивленным взглядом со старым лакеем и тот ему важно, медленно кивнул. Весь вид слуги выражал тотальное спокойствие и давно выработанную привычку философски сносить прихоти хозяина. Положение графа и его богатство, позволяли вытворять подобные вещи. Сам король знал о характере одного из своих самых богатых придворных и относился благосклонно. Пока фермы семейства Дарнау приносили в казну приличные деньги, он молчал.

Тем временем, в двухэтажном каменном особняке, расположившемся на отвесном берегу моря, страсти накалялись. Граф, распечатавший послание и мельком пробежавшийся по тексту, яростно смял дорогую бумагу и бросил на пол. Пушистые домашние тапочки остервенело затоптали королевскую грамоту, но сильно навредить ей не смогли. Подобные вещи делались с применением Эприта. Чтобы их уничтожить, требовалось приложить меры куда серьёзнее тапочек.

Уняв первую волну эмоций и выпустив пар, граф с неудовольствием поднял свиток и уселся с ним за письменный стол. Внимательнее взгляделся в красиво выведенный шрифт и принялся думать, нашептывая отдельные слова. Король требовал вывести три корабля к берегам острова Красной Розы, в помощь соседнему королевству для защиты от пиратов.

— Ишь чего выдумал! Корабли ему подавай! Мальчишка вертлявый, так и глядит, чтобы подвести старого слугу под разоренье. Ферть! Где ты, каналья?

В кабинет бесшумно просочился старый лакей и застыл на вытяжку.

— Не дозваться тебя, ходит и ходит где-то. Иди, найди мне Джерри. Тут он?

— С вечера не возвращались.

— Вепрь бы его побрал! Хоть кто-то в этом доме будет меня слушаться? Что графиня?

— У себя. К ней пожаловали.

— Тётки?

— Особы приятные, из знакомых.

— Понятно. Ладно, иди. Нет, постой, пошли кого-нибудь за Джеральдом. Голову на отсечение, он сейчас в трактире. Ты всё понял?

— Да, ваша светлость.

— Ну всё, иди.

Лакей ушел и граф остался наедине с ненавистным ему письмом. Жадность и обязанность раздирали его. С одной стороны, долг, с другой — прямая угроза к трате больших денег. Три корабля в полной оснастке, да с командой, да с провиантом, в обе стороны выходили в тысячу золотых Торий. На эти деньги он мог в достатке жить со всем семейством пол года. А теперь придётся их потратить и на что? Удостовериться, что Кадиш

справился с пиратами! Сами не доглядели, а ему, бедному графу, велено разрезать. Да кого пошлешь? Фердинанд, на которого на единственного, граф мог положиться, в походе и вернётся не скоро. Под рукой оставался Джеральд, но этот распутник целыми днями утопал в праздности и разгильдяйстве. Тратил отцовы деньги без всякой совести. А у самого ни жены, ни детей, ни дня на службе не состоял. Невесту ему нашли и с той сладить не может. Одно слово — младшенький.

Граф печально покачал лысеющей головой и взялся писать ответ. Не теряя времени, составил послание в порт для капитанов с указанием какие суда наряжать для плавания, когда выходить и прочие детали. Запечатал и кликнул слугу.

В то время, как курьер садился на лошадь, готовый нести послание во дворец, юный Джерри, рвал на себе рубаху, доказывая собственную правоту. Подвыпившие оппоненты вторили ему громогласным рёвом и битой об пол посудой. Трактирщик метался между красных, брызжащих слюной, моряков, пытаясь удержать их от разламывания оставшейся утвари и мебели. Джерри запрыгнул на стол, срывая с оголившейся груди крупный розовый камень на толстой золотой цепочке. Глаза его налились кровью и пьяным бешенством.

— Ну?! Кто? Кто?! Вру, говоришь? Я вру?! С-собаки! — Он протянул последнюю “с” особенно долго, пытаясь выказать глубокое презрение к неблагодарной публике. Втянувший его в спор матрос, потрясал жирным кулаком, то и дело косясь на азартно орущих товарищей. Даже под хмелем, он побаивался разошедшегося дворянина. — Что, хотите, а? А?! Так бахнет, никто живым не выйдет!

— Слезайте ваше благородие, будет.

— Ну?! Бахать?!

Джерри яростно раздувал ноздри, обводя с высоты колышущийся строй лиц. Количество выпитого, мешало стоять твёрдо и человеческое море качалось, как настоящее. Волны рук и пена стаканов взметались и оседали, словно дело происходило не на земле, а на палубе. Вторя ассоциации, за кружением накатила дурнота и падение. Темнота на короткий миг утащила сознание юного графа, после чего Джерри обнаружил себя в своей комнате, заботливо укрытый одеялом. Пространство больше не качалось. Из-за дверей доносились знакомые голоса.

— Что он, проснулся уже?

— Никак нет, в забыты ещё.

— Всё равно, гляну. Авось, уже и поднялся.

Двери скрипнули, отворяясь. В комнату вошла графиня. Джерри повернул голову на звук, но тут же отвернулся, не желая смотреть в глаза матери. С громким сопением, вперился в узор украшавшего стену гобелена. Прошуршало платье. Кровать прогнулась с краю. Тёплая волна духов, смешанная с узнаваемым, успокаивающим запахом, ласково накрыла тяжёлую с похмелья голову.

— Ну как ты?

— Нормально. — Он буркнул, против воли заливаясь стыдливым румянцем.

Мать никогда не ругала его за проступки, за хулиганство, за веселую беззаботную жизнь. Джеральд родился значительно позже братьев, рос медленно, ни красотой, ни умом не выделялся. Часто болел и много времени проводил под неусыпной материнской опекой. Книжки выбирал с картинками, лишнего не заучивал, одежду носил по моде. Любил прихвастнуть семейным богатством, а то и потратить из него крупную сумму. Отца это злило и он грозился лишить “злосчастливого иждивенца” наследства. Но мать всегда

принимала сторону сына и всё обходилось.

— Выпил лишнего, вот и сглупил. Меня Ферть забрал?

— Да. Батюшка твой послал.

— Не сомневаюсь. Отец снова на меня злиться? За пьянку? Я ему уже говорил, что не маленький и могу делать, что захочу. Хочу пить и буду! Что ж в этом, а? Что? — Джерри, распалился от собственных слов, мелко подергивая слегка выдвинутой нижней челюстью.

— Погоди ежиться. Зол граф, да не на тебя. Курьер королевский сегодня жаловал. Стало быть, его послание гнев вызвало, а до тебя волной докатилось. Сходишь к отцу, узнаешь, что он хотел. — Мать улыбнулась и ласково дотронулась до груди сына, прикрывая её краями разорванной рубашки. Раскуроченная цепь с круглым розовым камнем лежала тут же, на подушке. — Осторожнее с медальоном. Эприт детям не игрушка.

— Мам.

— Ладно, не дуйся. Просто шучу. — Глаза её улыбались, вместе со всем немного полноватым лицом. Из-под шейного выреза домашнего платья, выглядывал лиловый край квадратной пограничной печати. Глядя на неё, Джеральд вспомнил, что хотел спросить.

— А ты никогда не хотела вернуться в свой мир? Помню, рассказывала, что он хорош.

Графиня повременила с ответом, опустив глаза и как бы выцветая. Голос её сделался тише и глуше. Большой палец правой руки привычно прокрутил золотое обручальное кольцо, как делалось всегда при душевной заминке или сердечном волнении.

— Отчего ж не хотеть? Все хотят. Я девочкой совсем была, в школу ходила, сестру и брата имела, родителей любящих. Машина у нас была красивая, новая. У отца даже телефон был с кнопками. Он его любил, звонить мне давал.

— Расскажи про телефон. Что это?

— Да так и не ответишь. Наверде коробочки для общения.

— Как голубь почтовый?

— Да-да. Как голубь, только не живой, да и не птица вовсе. А...

— Тоже с эпритом?

— Хе-хе. Да уж и нет.

— Как так? — Джерри, привычный к чудесам, производимым за счёт магического камня, не мог понять иного способа колдовства. — Без камня?

— Видишь ли, не было в моём мире колдовства. Только наука. И всё-то через неё делалось: и мосты строились, и самолёты летали.

Графиня замолчала, углубившись мыслями в воспоминания. Крутила кольцо и тяжело вздыхала. Джерри отвернулся к стене. В красно-белом узоре ему мерещились таинственные самолеты, телефоны и кнопки. Образованные люди в шляпах, совершали невероятные чудеса без помощи магии. Жизнь чужого мира текла в его воображении с ленивой неспешностью сытого человека. Без эпритовых ферм, магии и рабства.

Скрипнула дверь. В открывшемся проёме появилась голова прислуги. Девушка в чепце не успела ничего сказать, графиня сама встала ей навстречу.

— Что, зовут?

— Точно так. Дядюшка Фертий послал поторопить.

— Хорошо, ступай.

Дверь за прислугой затворилась и мать обернулась к сыну.

— Переоденься. В таком виде к отцу не ходи. Да медальон в карман спрячь, не говори, что сломан. Мне потом отдашь, починят его. Всё понял?

Джерри промолчал, громче при этом засопев. Графиня немного постояла в тишине и вышла. Джеральд не шевельнулся. Он всё рассматривал узор. Губы его дрожали, глаза блестели, а пальцы скрючивались от злобы. Зверь в клетке! Зверь! Зверь! Губят, душат, отбирают силы! Что сделал? За что мука? За что презрение? Младший и всё тут. Как будто выбирал. Как будто виновен. Сравнивают и убивают не за что. А я ничего. Ничего. Место пустое. Зачем живу? Что мучаюсь? Где спасенье?

Дольше тянуть время не получилось. Нетерпеливый стук в дверь, заставил встать с кровати и начать переодевания. Умылся, причесался, с помощью прислуги облачился. Спрятал розовый камень в карман. Посмотрел в зеркало на стене и криво улыбнулся.

— Ненавижу зеркала.

— Что?

Джерри проигнорировал вопрос и вышел.

Утро этого дня не сложилось не только у старого графа, но и у его самого любимого среднего сына. Фердинанд Дарнау, статный сорокалетний мужчина, имел к своим годам жену, двоих детей и шесть поместий по всему королевству. Пошёл второй месяц плавания, а новых месторождений их экспедиция так и не открыла. Алчность до поисков завела его каравеллу дальше нужного. И вот, проблемы не заставили себя ждать. Граф стоял на носу корабля, напряженно вглядываясь вдаль. Капитан судна, находившийся рядом, напротив, выглядел спокойным. Лёгкие волны принуждали обоих мужчин слегка покачиваться.

— Оно или обознался?

— Да вроде как и оно. Флаг красненький с чёрным, паруса прямые, нос острый. — Пограничники это.

— Улья им в хвост! Как думаешь, заметили они нас?

— Думаю, что и заметили. — Капитан, полноватый, лысеющий на висках мужчина, приставил к глазу простенькую подзорную трубу. Он давно не ходил в этих водах и многие места подзабыл. Но внезапному появлению пограничного отряда из-за мыса полуострова, не удивился. В такой близости от берега, всякий будет настороже. А эти ребята — тем более. Расстояние между кораблями составляло по его разумению, не больше одной мили. — Разворачиваются в нашу сторону.

Граф стукнул кулаком о борт и яростно выругался. Проходивший мимо матрос дернулся и вжал голову в плечи, ускоряя шаг.

— Что прикажете делать? — Капитан Иллет Маврюк, украдкой почесал выдающийся живот, сытый после обеда и покорно взглянул на хозяина судна. Граф не удостоил его ответом, отобрав трубу и крепко стиснув её жёсткими пальцами. Ветер перемешанный мокрыми брызгами, трепал чёрные отросшие волосы дворянина и полы длинного расстегнутого жилета. Золотые круглые пуговицы на нём, поблескивали под вышедшим из-за облаков солнцем, занимая внимание капитана больше, чем стремительно приближающийся двухмачтовый бриг.

— С ним ещё какая-то мелочь идёт. Что за корабль? Будут нам от него проблемы?

Граф грубо сунул подзорную трубу обратно, чуть не вышибив собеседнику глаз. Да толкнул для спешки в плечо. Капитан надулся, но соизволил рассмотреть причину хозяйской тревоги. Самого его, ни пограничники, ни сопровождающая их шлюпка, не волновали. Перед началом экспедиции, ему чётко дали понять меру ответственности и отведенную роль. Он официально значился капитаном судна и даже жил в своей собственной каюте, но без всяких прав на управление кораблем. Средний Дарнау авторитарно захватил власть на судне, благо,

оно и так принадлежало ему. И подзывал облевившегося от скуки капитана только, когда сам в чём-то испытывал проблему.

Поэтому, выяснения отношений с береговой охраной Партаскаля, Иллета не интересовали. Как и штраф за пересечение водной границы чужого королевства, нависший над заносчивым и упрямым графом, дурным характером пошедшим в отца.

— Люгер это, ваша светлость. Кораблик несерьезный, но проблем доставить может, если близко подойдёт. Пушечки на нём, стало быть, есть в нужном количестве.

Граф по новой взорвался ругательствами, не решаясь больше долбить кулаком о каменное дерево борта. Костяшка кисти не перестала ныть с первого раза. Вместо этого, он злобно выверился на стоящего, неподалёку боцмана, приказав бросать якорь и ждать гостей. Капитан философски пошевелил бровями, не вмешиваясь в дела начальства. Приблизительно рассчитав время, когда бриг подойдёт на расстояние слышимости, со спокойной совестью пошел допивать остывший чай.

Иллет Маврюк, капитан исследовательской каравеллы “Порхающей”, невозмутимо сидел за письменным столом, делая аккуратные пометки в бортовом журнале. Закончив с ними, он достал толстую кожаную самодельную тетрадь и любовно пососав кончик пера, принялся за творчество. Синие чернила старательно выводили ажурные парные строчки, подчеркивали удачные рифмы стихотворения. Муза в этот раз пришла в легкомысленном розовом платице, оголив плечики и лодыжки. Её пищащий голосок подхихкивал, с жаром нашептывая автору всяческие скабрёзности. Сюжет крутился вокруг молоденькой блондинки, несчастной обладательницы ничтожно маленькой груди. В результате судьбоносной случайности, она встречается возле своего дома...

Дверь в каюту распахнулась, выбитая ногой, звучно ударилась о стену и срикошетила обратно. Вошедший первым граф пребольно получил по плечу и так злобно раскраснелся и набычился, что следовавший за ним инспектор, приотстал.

— А здесь у нас каюта капитана. — Граф небрежно кивнул в сторону замершего над тетрадью человека. Секунду он следил за срывающейся с пера жирной каплей, моргнул и напрочь забыл про нее, накинувшись на оглядывающихся пограничников. Красный цвет их формы особенно бесил дворянина. — И чтоб вы знали, я до сих пор не понимаю к чему вся эта претензия! Я уже сказал, что мы случайно попали в эти воды! Заблудились! А вы требуете досмотра и штрафа! Вы сошли с ума! Вы не имеете никакого права!

— Откровенно говоря, необходимых прав у меня достаточно даже для ареста судна. Я же, смягчаюсь до элементарного штрафа и требую всего малость — доказать, что вы не имеете целью добычу нашего эприта.

— Да где же это видано, чтобы эприт в открытом море добывали! Вы спятили раз считаете, что это жалкое суденышко способно на подобные фокусы!

— Не отрицаю, но настойчиво требую продолжить нашу экскурсию. К тому же, смею уверить, сто золотых торий, меньшее из возможных для вас зол.

При оглашении такой большой суммы, лицо графа пришло в сущее помешательство. Глаза, губы, нос, зашевелились, казалось, несвязно друг с другом. Из горла вырвался придушенный сип, а рука в перстнях, схватилась за сердце. Он качнулся на нетвердых ногах, ухватился за край стола. Капитан в страхе подскочил, кинувшись к поплехевшему начальству. Усадил на стул, обдул только что исписанными листами, вручил стакан воды.

Лицо главного инспектора, вместо беспокойства за здоровье дворянина, озарилось скукой и презрением. За двадцатилетнюю военную карьеру, подобная реакция успела ему

изрядно наскучить. Стоило завести разговор в невыгодном направлении, как тотчас следовали истерики, рыдания, обмороки и прочие радости избалованной жизни. На его памяти, всего три или четыре раза ситуация разрешалась без конфликтов и слёз. И то, дела эти касались исключительно местных, обнаглевших, рыбаков.

— Вижу, здоровье ваше не столь твердое, как ваши убеждения. В связи с чем, могу предложить другой вариант — купите у меня рабов, даром загаживающих трюм и мы в расчёте.

Подобный поворот беседы заставил умирающего графа прийти в чувство, залпом осушить стакан и громко стукнуть им по столешнице. Глаза его засияли прежней живостью и огнём.

— И экий товарищ вы мне предлагаете? Небось, людишек гаденьких подсовываете, да эльфов подохлых?

— Ваша правда, эльфы тоже имеются, пятеро. Остальные двадцать — люди.

— И за сколько?

— Пять торий за особь.

Поднявшийся следом ор, заставил инспектора прикрыть глаза и отклонить голову. Так чувствительно прошлась по его ушам звуковая волна. Граф перешёл границу собственного терпения и кричал не жалея лёгких. Листы, тетради, чернила и перья полетели на пол, стул — в дальний угол, стакан разбился в дребезги. Досталось бы и самому столу, но он оказался надёжно прикручен к полу и на грозные позывы перевернуть его, не поддался. Зато досталось охающему и подпрыгивающему капитану, старательно уворачивавшемуся от летящих предметов. Комната не отличалась простором и свободное места для манёвра в ней отсутствовало. При очередном экспрессивном выпаде, хозяйская рука зарядила бедному Иллету Маврюку точно в лоб, откинув его на целый метр и впечатав в стену. Только после этого, разгневанный граф одумался и угомонился.

Он ещё тяжело дышал и переводил багровое, в пятнах, лицо с одного пограничника на другого, когда главный инспектор равнодушно продолжил.

— Разумея ваше пылкое обращение, возьму на себя обязанность отдать вышеуказанных эльфов даром. Итого получится сто золотых торий.

— Уу-у хитрая скотина! Дык сумма-то прежняя выходит! Злодей! Да на кой ляд мне эти подошлики сдались, да за столько-то?! Вымогатель!

Инспектор сделал вид, что не расслышал.

— Что же, будем считать нашу сделку совершенной. Давайте бумагу, напишем расписку и уходите куда пожелаете в обратную сторону.

— Ирод! Ничего не получишь! Ни монетки!

Пограничник в очередной раз сохранил невозмутимость, сам прошёл к столу, поднял пару листов с пола, чернила, перо и стал быстро набрасывать текст стандартной формы. Закончив, повернул листы к шумно раздувающему ноздри дворянину.

— Подпишите. Один экземпляр ваш.

— В гробу видел!

Граф злобно отгавкнулся, но подхватив перо, быстро и криво подписал документ. Инспектор взял свою копию, сложил и убрал под камзол.

— Готовьте трюм и вышлите людей. Деньги можете передать сейчас или после того, как загрузите.

— Уж потом!

— Как изволите.

Инспектор официально отсалютовал, но по-человечески прощаться не стал. Развернулся, сделал знак выходить и первым же покинул каюту. Остальные гуськом последовали за ним. Охающий у стены капитан и его хозяин, остались одни. Граф схватил со стола ненавистный листок, вперившись в него глазами. В пылу эмоций, он даже не прочитал, что там написано и теперь занервничал. Кругленькие, мелкие, как бусины, буквы, плясали перед глазами. Он пробежал взглядом текст, потом ещё раз, остановившись на подписи. Под ней, с обратной стороны как бы чернело. Он перевернул лист и озадаченно прочитал вслух две одинокие строчки, шевеля толстыми губами: “Бедняжка страдала от страшных идей. Ничто в целом свете не даст ей груди.”

— Что за бред?! — Граф брезгливо откинул от себя листок, озадаченно качая головой. Дурацкое двустороннее как нарочно смеялось над щекотливостью сложившейся ситуации. Фердинанд Дарнау пребывал в ярости, но отлично понимал, что хорошо отделался. Пограничная инспекция не прознала об их настоящих планах и целях. В противном случае, каравеллу бы уже конвоировали под прицелом пушек. А там, на чужой земле, их мог ждать и суд и взятки куда большие, чем сто торий.

— Пусть нажрутсь своими деньгами! Иллет! Хватит разлёживаться! Легонько же приложил. И то, гад жирный, полез под руку, на кой спрашивается? Вставай скотина!

— Встаю, ох встаю.

— Иди, следи за процессом! Тут останусь. Сил нет встречаться с этими гадами. Да и ко мне зайди, возьми из сундука сотню, отдай там.

— Ещё чего?

— Получишь сейчас, ещё чего! Бегом!

Капитан, охая и переваливаясь побежал исполнять приказ. Граф устало плюхнулся на поднятый стул. Ещё раз схватил возмутительный лист и перечитал.

— Да чего ж это у ней груди-то нет? Не баба что ли?!

Идти в город решили с первым светом. Смысла оставаться дольше на разграбленной и оскверненной земле, не было. Тем более, следовало как можно скорее оповестить местные власти о нападении на караван и заняться телами и имуществом. Смирн, за ночь успевший полностью оправиться от ран, скакал между сонной молодёжью как молодой конь. Поторапливал, шутил, тороторил без умолку и то дело пополнял свою походную сумку. Остальные следовали его примеру. Единственное обстоятельство огорчило их пробуждение — современная одежда за ночь адаптировалась к среде и полностью поменяла свой вид. Теперь, если бы кто глянул на собравшихся на полянке людей, то с трудом смог бы отличить их от местных.

— И всё-равно это дико! Ну какая рубаха и шаровары?! Это же доисторический век какой-то!

— Ты хотя бы в штанах, а не в коротенькой шелковой тунике. — Дей, плохо спавшую ночью, обнаружившийся по пробуждении факт, расстроил больше всех. Несмотря на тайное удовольствие быть загадочным волшебным эльфом, характерная им одежда, совершенно выбила девушку из колеи. Она ругалась, злилась и накидывалась на ни в чём не повинного Марса. Тревису с одеждой повезло. Он остался в любимом чёрном цвете, в штанах, лёгких сапогах и закрытой рубашке. Поэтому, старался лишний раз не попадаться под горячую руку разгневанной подруги. У Марса такой возможности не появлялось.

— Так сними! — Он ляпнул первое пришедшее на язык и тут же пожалел об этом.

— Что?! Сам снимай с себя всё! Давай меняться!

Начавшуюся драку остановила незаметно вставшая между крикунами Кесс. Он молча улыбнулась и протянула пышущей негодованием девушке, свое запасное платье. Та ещё с полминуты посверкала на неё глазами, но противиться не стала. Выхватила платье и пошла переодеваться. Марс шумно и благодарно выдохнул.

— Спасибо!

— Не стоит воевать из-за мелочей. Будет время войны — будут сражения. Пока время мира — надо им наслаждаться.

— О, кхем...ну да. — Парень стусевался и бочком ретировался к беседующим на дороге Смирну и Треву. Лекарку он продолжал упрямо побаиваться.

— Я и говорю! Налегке надо! Лошадков-то у нас нету, как увезём поклажу с телегой? Всех скотин порастощили, да распужали, гады налётные, чтоб их псов костлявых!

— Ладно, идём налегке. До ночи точно доберёмся?

— А как пить дать! А чтоб мне...

— Денег взять надо.

— Надо, сынки. — Смирн задумчиво почесал бороду. — Не хозяин я добру этому, бог видит, не хозяин. Но делать-то чего? Надо золотишко барское забирать, иначе законникам достанется. А те уж не отдадут, ходи голый почём зря! Нет, так оно нехорошо получается. Заберем, что не забрать, а? Ведь, не забрать-то глупо? А?

— Глупо. — Тревиса не радовала идея мародёрничества, но идти в неизвестность без денег и нужных вещей, они не могли.

— От и я говорю глупо как ни есть!

— Что решили? — Марс довольно прищурился попадающим на лицо лучам.

Начинающаяся жара не успела развеять ночной свежести леса. Проснувшиеся птицы оживленно пересвистывались. Прохладный ветерок нёс запах раскрывающихся соцветий и взопревших листьев.

— Забираем деньги какие найдём, вещи и уходим. Надо торопиться, чтобы к ночи успеть добраться до города.

— О, деньги — это хорошо. А я-то всё думал когда мы дойдем до этого вопроса.

Дей переделась в тёмно-зелёное платье и более ли менее примирилась со своим положением. Простоватый крой удивительно шёл её фигуре. Она даже немного потеплела к Кесс, быстро и скомкано поблагодарив её. Лекарка не обижалась. Тревис с удовольствием отметил тотальную непоколебимость скромной девушки. Казалось, она никогда не выходила из себя.

Не смотря на причитания Смирна, собрались быстро. Едва солнце коснулось крон, а маленький отряд уже уверенно двигался по дороге в сторону города. Поначалу шли молча. Впереди шагали Смирн и Марс, как главные прокладыватели пути. За ними следовала Дей, задумчиво поглядывающая по сторонам. Замыкали шествие Тревис и Кесс. Девушка всё время пыталась уйти в конец цепочки, но её спутник упрямо не позволял ей этого сделать, так что, она смирилась.

Через некоторое время, когда лес остался позади и дорога потянулась меж лугового разнотравья, разговоры возобновились.

— Как до городу доберёмся, помалкивайте. Со сторожами воротными сам поговорю. И парнишку вышенского лучше переодеть в другое тряпье. В чёрном шибко приметен будет, ещё погонют, не дадут войти нам. Отошлют под забором спать.

— Что, так не любят вампиров? Но мы же на учёте, вроде как, легальные.

— Легавные, это да, это конечно! Да ток не принято это так уж показничать, в открытую никто не лезет. Потихоньку, полаского, незаметно, с подкупом.

— Ха! С подкупом и у нас можно, что хочешь! — Марсу нравилось путешествие. Ещё вчера дикий чужой мир представлялся сплошным кошмаром, но по пробуждении, мнение его изменилось. Тело привыкло к свежему воздуху, мозг переварил изначальный страх и на первый план вышли незамеченные ранее плюсы. Главным из них была, конечно, свобода. Никогда в жизни он не чувствовал её так ярко, как сейчас. Простая, безграничная, даже безжалостная. Его свобода начиналась с этого мира, с этой поляны, леса, людей. Свобода отпечатывалась в пыли под ногами, плыла по небу клочками облаков, чирикала и звенела.

— Вот и я говорю! Да только что и всё равно умеючи надо. Лучше сам, не первый раз ходим, толк имеется.

— Ладно, я не против.

Разговор незаметно завязался и в хвосте отряда.

— А не страшно путешествовать одной? — Идти по ровной грунтовой дороге получалось легко и приятно. Тревис удивился, осознав, что физические силы его прибыли. Совершенно не ощущалась усталость, пропал вес объемной сумки за плечами. Что это — загадочная проснувшаяся вампирья сила или нечто иное, он пока не понял.

— Едва ли мне есть чего бояться. — Девушка улыбнулась, потупив взгляд. Осанка её при этом осталась ровной и царственной. Она явно привыкла держать себя и мало контролировала эту привычку.

— Но как же разбойники?

— Предпочитаю обходить их стороной.

— И что, даже неприятности не случаются? — Тревис и хотел бы остановиться с расспросами, но не мог отказать себе в удовольствии общаться с приглянувшейся ему девушкой. Тем более, такого необычного происхождения и рода занятий. Он с трудом гасил восторг в глазах, заменяя его порывистыми движениями и быстрой ходьбой.

— Случаются и они.

— И что же?

Кесс помолчала и обернув лицо на собеседника, пронзительно на него посмотрела. Парень смутился и покраснел.

— Вы мне нравитесь.

— Что?! Кто?! Мы?! Я? В смысле, что? Что... — Тревис споткнулся, чуть не упал, с испуга, начав заикаться. Кесс продолжила как ни в чём не бывало.

— Вы все, трое.

— А...трое! Ну, трое, это да. Это в смысле...да-а...

— Но меня смущает волнение о вашей судьбе. Она представляется мне немилосердной.

— Почему это немилосердной? Мы вон каких хороших людей встретили и деньгами с вещами обзавелись! По-моему, очень даже и милосердная! — Лицо Тревиса всё ещё горело от стыда, отчего речь бежала вперёд, спотыкаясь.

— И вы действительно рады? — Голос лекарки отвердел, а взгляд голубых глаз заострился. Она спрятала его за опустившимися ресницами, но Тревис успел поймать его и удивиться.

— Чему рады?

— Что попали в этот мир и оставили прежний.

Вопрос повис в воздухе, слишком неожиданный для обоих. Тревис не знал ответа, а Кесс больше ничего не спрашивала. Они пошли молча, рядом, не опережая и не отставая друг от друга. Случайный зритель принял бы их за старых друзей. Обнявшая их тишина, не разрывала установившейся невидимой связи и не мешала разделять противоречивые чувства.

До города добрались почти без происшествий. Лишь один эпизод омрачил летнюю прогулку. Ближе к полудню, когда отряд подумывал об остановке и отдыхе, дорогу им перебежали сразу две лисицы. Животные не обратили на людей никакого внимания, целеустремлённо двигаясь в одном им известном направлении. Не успели ребята удивиться этому, как следом выскочил поджарый коричневый шакал. Повёл носом и тоже проигнорировал замершую публику, порывсив туда же...

— Какие у вас тут звери не пуганные! Эт ж волк настоящий! А если бы кинулся? — Марс любопытно вытягивал шею, пытаясь разглядеть за буйно растущим кустарником, скрывшихся животных.

— Нехорошо это.

— Нехорошо, что не кинулся? Лучше, если бы сожрал? — Парень хохотнул, разминая затёкшую под ремнями шею и плечи. Подошедшие ребята тоже остановились, включаясь в диалог. Никто из них не выказал беспокойства по поводу увиденного. Один Смирн хмурил брови и кряхтел.

— Сожрать-то, оно бы и правда может не стал. А вот то, что на мертвячину бегут, это то и нехорошо. Авось разбойники и сюда добрались, сторожиться надо.

— В смысле на мертвячину? Это ты с чего взял? — Марс принюхался. — Не пахнет вроде.

— И не будет! Свежати́на дух не веет.

— Тогда ничего не понимаю. — Друзья не успели обсудить сказанное. Из двух-трёх мест одновременно выскочили ещё два шакала покрупнее и целая стая ворон прошуршала крыльями. Вся эта кричаще-рычащая масса наперебой устремилась в те же кусты.

— Куда это они? Местный сбор зверей? У вас так всё время бывает?

— Смирн? — Тревису тоже не понравилось происходящее, но по другой причине. Впервые за долгие часы покоя, он почуял кровь. Он обнаружил её едва ли позднее первых хищников. После лесной пряности и цветочного благоухания, в нос ворвался тонкий алый жар. Лёгкие с удовольствием наполнились им, доставляя красные частички чужой жизни, спящему телу. Пульс участился, руки и лоб вспотели.

— Может сходим глянем? — Марс не унимался. Прорезавшееся любопытство и усталость от монотонной хотьбы гнали его навстречу приключениям.

— А неча там и смотреть! Идти надо!

— Да, пойдёмте! Не знаю как вам, а мне жарко и хочется есть. — Дей поддержала Смирна.

— Я схожу, гляну. — Трев успел сделать шаг с обочины, но пальцы Кесс цепко схватили его запястье. Он вздрогнул и обернулся.

— Не тревожь мёртвых, они спят. Я итак раскрою эту загадку. — Она разжала ладонь и смущенно глянула на заинтересованно направившиеся на неё лица. Смирн в их число не входил. Мужичёк сохранял упрямое молчание, усевшись в небольшой тени от куста и жуя рассованные по карманам сухари.

— Ну? — Марса тоже подмывало унести на разведку и он приплясывал от нетерпения. Безразличнее всего, на неожиданную заминку в путешествии, смотрела только Дейдара. Она искренне не понимала отчего они уже десять минут попусту топчутся на месте, если могли бы провести это время с пользой. На открытой местности, посреди бесконечных полей, ей дико не хватало уютной прохладной лесной чащи. Разница в ощущениях оказалась до того яркой, что новорожденная эльфийка не могла справиться со своими чувствами. Она шла, автоматически переставляя ноги, но ощущая только усталость и возрастающее негодование. Новая обретенная ей суть, сминала, раздирала и перестраивала всё её прежнее существо. И это было странно и страшно.

Между тем, Кесс начала говорить, и чем дальше уходил рассказ, тем более включалась Дей в историю, тем сильнее билось её сердце.

— Эльфы — есть существа тонкие и чувствующие, состоящие в отношениях с природой истинно гармоничных. Связь эта древняя и сильная. Всякий живущий в ней долго, начинает разделять биение земных жил и слышать течение её соков. Такова эта прекрасная раса. Однако же, как и у всего под царствующим небом, у этой связи есть другая сторона. Любовь природы к своим самым лелеяемым детям настолько безгранична, что в момент смерти, они стремятся мгновенно воссоединиться. — Рассказчица сделала паузу, как бы проверяя реакцию на свои слова. Особенно, взгляд её задержался на блондинке. — У эльфов нет обряда погребения. Их тела возвращаются в лоно земли естественным образом в течении получаса. Чаще всего, их съедают.

Повисшая тишина разбавлялась сочным хрустом сухарей, да увлеченным карканьем и рычанием. Теперь до всех дошёл смысл творящегося за буйно растущим кустарником. Смотреть расхотелось всем. Дей округлила глаза настолько, что никак не могла их закрыть. Ошеломляющая новость стала полной и неприятной неожиданностью. Трев шумно вдохнул и так же тяжело выдохнул, сверля глазами землю. У Марса с лица схлынула краска. Он же,

первым нарушил молчание.

— Значит, тогда на поляне, тоже был... — Мысль повисла в воздухе, но Кесс поняла её и поспешила ответить.

— Да, среди них тоже был эльф.

Парень громко сглотнул, с тревогой глянув на подругу, осторожно опустил руку на её поддрагивающие плечи.

— Дей, ты как?

— Нормально.

— Точно? — Проверив отсутствие бурного сопротивления на прикосновение, он увереннее притянул девушку, позволив уткнуться к себе в грудь, подальше от чужих взглядов. — Всё будет хорошо, не бери в голову. Я же с тобой, слышишь? — Он мягко погладил её по голове, говоря так, чтобы слышала только Дей. В дни их жизни в приюте, она частенько так пряталась, защищаясь за его крепкой спиной и буйным нравом. Но, зато, он всегда был ей верен, хоть между ними и случались периодические конфликты. Сейчас же, всё так навалилось. Он обругал себя за забывчивость и невнимательность к её моральному и физическому состоянию. А тут ещё прерогатива быть съеденной, пусть даже и после смерти. — Забудь обо всех этих глупостях. Ты эльф только два дня и всё это тебя совсем не касается. Может, даже ты и человек на самом деле или мы все просто спим, а проснёмся и всё будет по-прежнему.

Посыл, конечно, был не очень правдоподобный, но на утирающую слёзы Дей, подействовал. Она чуть высвободилась из объятий, утёрла глаза и улыбнулась, снизу вверх глянув на друга.

— Я всегда знала, что ты нифига не умеешь утешать. Звучит нереалистично.

— Зато вдохновляюще!

— Не-ет. — Она отрицательно замотала головой, но стало понятно, что острый момент прошёл и миг слабости помог снять скопившееся за два дня напряжение. Даже настроение улучшилось и окружающий мир перестал выглядеть столь враждебно. — Совершенно не вдохновляюще, ни капельки. Ерунда какая-то!

— Главное, что ты выглядишь получше и опять улыбаешься.

— Тебе показалось! Это злость и ярость! — Дей покраснела и поспешила вывернуться, отойти и упрямо отвернуться от всех. Марс встретился взглядом с Тревом. Тот сочувствующе повёл бровями, но комментировать не стал. Кесс переводила взгляд с одного на другого и только Смирн по-прежнему хмурился и молчал. Осознав, что спор прекратился и инцидент исчерпан, мужичёк поднялся, отряхнулся и встал уперев руки в боки.

— Нутк, стало быть, идём? Ей богу, дети малые — ни страху, ни пониманию опасностей. Стоят, слёзы льют посреде пути! А кабы напали? А вдруг недобрый кто здесь ещё стоит, да прячется? Кто эльфа ентого посёк неизвестно. Одна надежда, что нет никакого! А вдруг есть, что тогда? Не подумали?

Марс тут же вступил в бурную перепалку, грозящую вылиться в долгий и бесполезный спор, но Кесс, как всегда, вмешалась и остудила горячие головы. Решили идти дальше, не теряя времени. До города оставался целый световой день пути, а это немало. Марс временно надулся на своего собеседника, приотстав и пошёл рядом с Дей. Теперь Смирн единолично возглавлял их небольшую процессию, но нисколько от этого не страдал, продолжив уминать бесконечные запасы сухарей.

Инцидент был временно отодвинут на задний план и о нём больше не заговаривали. Дей

начинала опасно зеленеть и морщиться при любом напоминании об увиденном. Марс во всём её поддерживал и помалкивал, оставаясь хладнокровным. Смирн не находил в этом явлении ничего интересного, поэтому с лёгкостью переключил внимание на более насущные вопросы. Кесс сохраняла вежливый нейтралитет, а Тревис...

Тревис чувствовал медленно нарастающую панику. Свежий запах разбудил дремлющее слепое существо, поселившееся у него в груди. Он видел, как оно вздрогнуло, как шевельнулись выпуклые зрачки под тонкими полупрозрачными веками. Как натянулась лысая черная кожа на выпирающих ребрах. Ощутил исходящий из приоткрытой пасти смрад и вздрогнул, убегая из плена видения в реальность.

Жест не остался незамеченным и Кесс аккуратно тронула его за плечо, принуждая обратить на себя внимание. Трев охотно ухватился за попытку отвлечься и преувеличенно бодро улыбнулся, стараясь не возвращаться мыслями к лысой слепой твари.

— Всё хорошо? Ты бледен.

— Не больше обычного! Просто жарко! — Пустая бравада совсем ему не шла, но сейчас он ничего не мог с собой поделать. Глупая искусственная улыбка прилипла к лицу, не желая отдираться.

— Правда? Кажется, ты не отдаёшь себе отчёт. — Девушка помолчала, но через минуту пути продолжила, пытливо заглянув в глаза своему собеседнику. — Ты снова услышал зов?

— Что? Зов?! Какой зов?! Не-ет... Ха! Ты о том зове... Пф, нет. Точно нет! — Тревис и сам не знал, отчего он ведёт себя так глупо. Кесс, ведь, попала в самую точку. Она же его и предупреждала об этом раньше. Так чего он теперь отнекивается?

— Ты уже видел Тьму? Она с тобой говорила? — Вдумчивая речь девушки заставила его облиться холодным потом. Сердце застучало, а ладони взмокли. Он сбился с шага и едва не начал заикаться от волнения.

— Да т-ты что! Не-ет!

— Ладно. — Лекарка качнула головой, сама с собой в чём-то соглашаясь, но настаивать прекратила. По лицу её сложно было понять настоящий ход мыслей. Оно выражало одновременно беспокойство и смущение. Тревису стало стыдно.

— Не подумай, я не врун какой-то, просто... просто, со мной такое впервые и я не знаю как реагировать на все эти изменения. Не могу свыкнуться с мыслью, что я теперь не человек. И как это — не быть человеком? Что это значит? Это сложно и я путаюсь. А ещё эта тварь...

— Значит, ты уже с ней познакомился? — Кесс приободрилась и Тревис подумал, что она ждала этих слов.

— Сложно сказать. Я всё ещё склоняюсь к мысли на разыгравшееся воображение.

— Нет, это не оно. Это Тьма. — Девушка произнесла это так легко и однозначно, не оставляя сомнения в верности сказанного. — Она любит принимать образ шакала. Вероятно, ты его и видел.

— Да...его и видел... — Растерянность в голосе Трева, отразилась и на его лице. Кесс в ответ мягко улыбнулась, бросая на него быстрые короткие взгляды.

— Постарайся подружиться с ней. Это облегчит... — Она не закончила, что именно облегчит, отвернувшись к виду шелестящих луговых трав. Солнце вызолачивало ее чуть вьющиеся волосы, ветер перебирал отдельные пряди. Воздух снова приобрел насыщенный цветочный аромат. Сердце вернулось к нормальному ритму. И Тревис неожиданно сболтнул присевшую на язык мысль.

— С тобой так хорошо.

Сказал и сам ужаснулся нескромности прозвучавшей фразы. Но, произнесенного не воротись и брови обернувшейся девушки удивлённо поползли вверх. Тревис внутренне взвыл.

— Прости, прости! Я не хотел вот так, ты не подумай ничего! Это не подкат или что-то типа того...я просто...

— Что такое подкат? — Голубые глаза непонимающе моргнули и Тревис покраснел с ног до головы.

— Это...ничего.

— Ничего?

— Да! Совершенно ничего не значит! Глупость и всё! Забудь. — От накрывшей волны позора, он замолчал и отвернулся. Кесс подождала продолжения, но так и не дождалась. Оставшийся путь до вечера они почти не разговаривали. Уже в глубоких сумерках, маленький отряд подошёл к стенам небольшого городка с коротким названием — Лорток.

Глава 6

Триста лет минуло с последней великой войны, захватившей всю обитаемую землю. Объединённое войско людей одно за другим разоряло разрозненные маленькие княжества эльфов. Тысячи попадали в плен, не имея возможности защититься от превосходящего противника. Самое крупное и значимое из них находилось на севере Фириды — центрального континента. Оно пряталось в долине опоясанной Дрожащими горами и Холодным океаном. Из-за удачного расположения, алчущий зев войны добрался до него в последнюю очередь. Храбро оборонялись его защитники, злобно бросались на металлические пики, дрались за свой дом и землю. Но подводило природное бессилие. Не поровну раздавалось могущества противникам, великая пропасть чернела между народами.

Кроме эльфов, второй мишенью для людей стали вампиры. Не мог глаз человеческий переносить существования отличных от себя существ. Жадность и зависть к чужой силе и богатству гнала разношерстные легионы на столицу вампирьего царства. В южном предгорье Гнетущего хребта расположилось оно, опоясанное каменными стенами, без бойниц и щелей. Но даже это не спасло его жителей. Разутой грубостью и спесивым бешенством толпы раздавлена оказалась могучая крепость. Бежали вампиры, забирались глубоко в горы, прятались по норам, как звери. Безжалостно правила рука человеческая, вытесняла всё несхожее, сжигала на корню чужерассовые язвочки.

Геноцидом завершилась бы война, полной победой захватнического народа, если бы не произошло Непредвиденное: В один момент затянуло небо над головами нападавших тяжёлыми тучами. Упал мороз, выверилась разбушевавшаяся метель. Буря накрыла воющих, тенью страха схватила вытянутые в удивлении лица людей. Сбилось командование, потерялись в белой пыли командирские окрики, раздробилось, спешиваясь, могучее войско. Никто не гадал такую непогоду в середине весеннего цветения.

Шесть часов катила снежная колесница, молотя в яростном беге попадавших на пути человечков. Шесть часов не унималась стихия, аккуратно обходя единично высматривающих вампиров, пугливо косящихся эльфов. К вечеру ветер стих, растаяли набухшие тучи, замер оглохший и растревоженный мир. Двести тысяч мертвецов безмолвно пялили в небо пустые глаза. Густо засеялась ими земля, розовел свежеснеженный снег, таял под тёплым солнцем, смешиваясь с кровью. В тишину укуталась Фирида как в саван. Кончилось война внезапно. Остановилось человеческое движение, схлынуло волной и убралось по домам, стыдливо пряча дрожащие руки.

Через неделю подписался мирный договор. Весь северо-запад материка отошёл эльфам, основавшим свое первое государство — “Эльфери”. Центральные земли, захватывающие побережье и весь Гнетущий хребет с предгорьями, занял новый вампирский царь, основавший “Угодья Виоланта”. Предельно вежливо и напряженно прошли переговоры. После полученного сокрушающего удара, человеческое собрание отчаянно нуждалось в передышке. Города убого обезлюдели, все тяготы жизни легли на плечи женщин и детей, оставшихся дома. На многие уступки пошли люди в тот день, большую гордость задушили в себе, признали остальные расы, уравнив права.

С тех пор установился мир на двух обитаемых материках. Торговали, тянули тучные обозы по выщербленным дорогам от страны к стране. Эльфийское, вампирье, человеческое соединилось, смешалось и выплонулось одним цветным клубком на говорливые базарные

площади. Свыклись, обжились люди с новым соседством, породнились, наплодив смазанное потомство. Стёрлась к десятому поколению память о страшной битве.

Но вызрело недожжённое семечко самоуверенности в людях. Поросло бурьяном поле здравого смысла. Лиловым чертополохом расцвели мысли о переделе мира. Снова война встала у порога. Не решается переступить, но и уйти не может, стоит, пучится в бешенстве. Природе передаёт свой чад. А та волнуется, трепещет листвой, машет в исступлении лошадиными ногами, не хочет признавать грядущей беды. Только дети её заметили недоброе, подёрнули туманом яблочные глаза.

— Третье за месяц... — Короткостриженный эльф печально покачал головой, рассматривая распотрошенную недавним сражением землю. Пограничная зона регулярно подвергалась нападениям со стороны людей, но в последние полгода ситуация заметно ухудшилась. Карательный отряд в виде полусотни вампиров, отлично справлялся со своей миссией, зачищая границу от нежелательных внедренцев. Но время шло, а людей меньше не становилось. Злоба Партаскаля только росла.

— Если так пойдёт и дальше, нам придётся остаться здесь жить. — Капитан карательного отряда, Гримуар Стилл, принадлежавший к высшему вампирьему сословию, хмыкнул и дружески похлопал эльфа по плечу. — Не бойсь, спасём мы ваши травяные душонки. — Эльф улыбнулся и согласно закивал, отворачиваясь от второго этапа зачистки. Полупрозрачные тени скакнули мимо него, припав к ещё живым, недобитым телам врагов. Короткие вопли и многоголосое рычание поставили точку в произошедшем инциденте.

— Сумрачное будущее нас ожидает. Снова война на пороге топчется, в окна стучит.

— Постучит и уйдёт. Ничего с вами не случится. — Вампир, довольный удавшимся рейдом, не разделял опасений приятеля. Он с удовлетворением следил за раздиравшими добычу солдатами. Сам он и подобные ему из высшей когорты, могли почти полгода обходиться без крови. Удобно в нынешнем мире, но иногда хотелось сорваться, пренебрегая отсутствием необходимости. Переступить черту и есть, пока слепой чёрный зверь внутри не заснет глубоким сытым сном.

— Оптимистично звучат слова твои, друг мой. Рад, что тревога не ранит твоего сердца.

— Было бы о чём переживать, может и стал бы.

— Партаскаль в силах выдвинуть войска и на Угодья и тогда в горах больше не будет свободы.

— Этому не бывать.

— Отчего же?

Капитан карательного отряда усмешкой наградил своего собеседника. Весь вид эльфа, выполнявшего роль Соглядата Границы, казался продолжением леса. Голос, взгляд, шаг — всё это сливалось с окружающим ландшафтом в единую картину, единый поток. Нет, этот смешной народ не предназначен для войны так же, как не предназначены для неё бабочки. Они нежны, хрупки и благословенны. Созданы украшать, радоваться и улыбаться. Они — солнце этого мира и его душа. Сражаться должны те, кто изначально проклят. Для кого быть убийцей — обыденно и понятно. У кого в сердце тьма и кто привык делить с ней ложе.

— Угодья Виоланта — последнее место, куда сунуться человечки. Нападение на нас равносильно массовому самоубийству.

— На их стороне численность. И магия.

— На нашей — тьма и отсутствие чувства самосохранения.

Даже смеётся это дитя природы в унисон с ветром и птицами.

— Чувствую, вы и правда справитесь с чем угодно. Будущее туманно, но я ощущаю безопасность видя в нём ваши тени. Благодарю тебя Грим за сегодня и за каждый раз.

— Не трать слова, пригодятся для песен. Можешь пойти отдохнуть, мы тут приберёмся и удвоим дозоры по всему участку.

Вампир на прощание хлопнул эльфа по плечу и тут же потерял его из виду. Улыбчивый светловолосый паренек растаял в лесном массиве подобно дыму, рассеянному сквозняком. Чутье, позволявшее обнаружить жертву на расстоянии километра, и то растеряно молчало. Лысая тварь в груди недоуменно водила слепой обрубленной мордой, не находя ответа на загадку.

— Потрясающие способности к скрытности, а пользуются только, чтобы меня позлить!

Очередная неудавшаяся попытка удара, заставила Фрея застонать от боли в опухшем запястье. Самый лёгкий, почти игрушечный клинок выпал из его ослабевших пальцев, звонко стукнувшись о каменный пол. Красные зрачки эльфийского принца затопило страданием и яростью. Наспех связанные на затылке белые космы, облепили мокрое от пота лицо. Он глухо зарычал, скрежеща зубами от досады. Так много усилий шло впустую. Каждодневные тренировки не давали никакого результата, никакого улучшения. Меч вырывался. Слабейший лук терял натяжение, а стрелы безвольно падали, даже не начав полёта.

Тело оставалось глухо к тяжелым упражнениям. Ни мышечной массы, ни силы, ни выносливости не прибавлялось. Он бегал до изнеможения, отрабатывал удары, лазил, прыгал, балансировал, но всё, чего смог достичь — это разбитых, негнущихся суставов и вечно болящей головы. Тонкая от рождения кожа, лишённая пигментов, от частого нахождения на солнце испортилась, изукрашившись следами от ожогов. Синяки расцветали под ней от самого незначительного воздействия.

— Гадство!

Гневный крик разошелся эхом по пустому замковому подвалу. Замер, потерявшись в настенном мхе. Дверь в конце вытянутого прямоугольником помещения скрипнула, пропуская по-домашнему одетого мужчину-эльфа. Он остановился в проходе, с неудовольствием разглядывая привалившегося к стене юношу.

— Фрей, пора заканчивать с этим. Такими темпами, ты убьёшь себя.

— И пусть!

— Темные речи, сын мой.

— Плевать! И я тебе не сын!

— Это правда, но чувства, питаемые мной, сродни отцовским. Ты не можешь злиться на меня за это.

— Ещё как могу! Убирайся, я сам с собой разберусь. Иди утешай мать. Она всё равно ненавидит меня.

— Это неправда. — Нынешний муж королевы Лиалуары, устало прикрыл оливковые глаза. У него никогда не хватало сил спорить со своим взрослым пасынком. И до и после свадьбы между ними постоянно возникали споры и размолвки. Наследник престола не желал видеть кого бы то ни было на месте своего родного, безвременно скончавшегося родителя. Он искренне любил его и не мог понять мать, решившуюся выйти замуж повторно.

— Ты ничего не знаешь. Она жалеет, что не родила девочку. Кому она передаст престол? У меня даже детей не может быть.

— Могут, просто надо поискать...

— Нечего искать! — Фрей не сдержался и со всей стукнул распухшим кулаком по стене. Взвыл и закачался от плеснувшей в глаза боли. Отпрянул от взволнованно подбежавшего отчима. С ненавистью уставился в его невинное и красивое лицо, зашипел. — Мы слабые, не можем за себя постоять. Униженно просим вампиров драть чужие глотки, пока сами гуляем в полях и поём песенки. Сколько мы выдержим? До каких пор это будет продолжаться? Людей плодится всё больше, а их любимая магия оставляет их. У мира кончились силы питать их иллюзии. Эприг не бесконечен и они стали это замечать и волноваться. Куда они пойдут, когда он совсем кончится? Ты не подумал?

— Фрей... — У Топройда не осталось слов для возражения. Он и сам осознавал правдивость сказанного, но не мог открыто в этом признаться.

— Они пойдут сюда! Перейдут границу одним властным шагом и никакие каратели не смогут сдержать этого натиска. — Лицо принца побелело больше обычного. Глаза метались, а дыхание сбито вырывалось из груди. — Мы скопили в своих хранилищах слишком много ценного ресурса, которым не делимся. Нам не нужен Эприг для колдовства, мы только добываем его и копим, отдавая в оборот не больше пяти процентов. Хоть кто-нибудь в этой безумной стране понимает, насколько опасно это на сегодняшний день?! Почему мы не принимаем никаких мер? Почему мать ведёт себя так глупо? Почему никто не видит угрозы?!

— Видят, все видят. Успокой своё сердце, оно бьется слишком часто. Этот вопрос трудно решить сгоряча. Мы обсудим его и подумаем. Твоя мать знает, что делает.

— Ничего она не знает! И ты тоже! — Фрей вскочил, но не устоял на ногах и снова облокотился на стену. Голова закружилась, к горлу подкатил желудочный спазм. Не предназначенный для подобных перегрузок организм, забил тревогу, желая немедленного отдыха. Хрупкая физическая оболочка подлым образом подвела своего хозяина. Мужчина едва успел поймать опадающее тело. Разгоряченное сознание покинуло принца, милостиво погружая в глубокий, излечивающий сон.

— Мы должны что-то сделать с этим. — Топройд нарезал круги по спальным покоям, заложив руки за спину. Королева следила за его нервными перемещениями с кровати. Она сидела на ней, облокотившись спиной на подушки. Её тонкие руки гладили заметно округлившийся живот. — Ты же видела его, он на грани безумия, истощенный и заморенный до крайности.

— Никто не виноват в его страданиях кроме него самого.

— Правда? Но он поступает так из-за нежелания сдаваться обстоятельствам.

— Желать или не желать — его частный выбор. Но пока он не женился и не дал мне здорового потомства, чтобы законно занять престол, все его желания — пустой звук. Я стара. Эта беременность, посланная мне небесами на закате жизни, может убить меня. Нет надежды даже на то, что этот ребёнок выживет. А без него у нас нет наследников. Власть дома Дор пошатнется и Эльфера рухнет до того, как Партаскаль вторгнется к нам.

— Может, стоит ещё раз обойти все дома и повторно разослать приглашения? Не верю, что в мире не осталось ни одного цветочника.

— Ни одного незамужнего цветочника. Все девушки этого рода давно не девушки или вовсе парни. Мы два раза перевернули всю землю разыскивая подходящую невесту. Нет их. Не родилось.

— Всё равно нельзя утверждать наверняка. Ничтожный шанс возможен.

— Ох, Топ, ты так любишь надежду на светлое будущее. — Королева улыбнулась,

прикрывая глаза. Длинный суетливый день утомил её. Многочисленные будничные проблемы отяжелили венценосную голову. — Для твоего спокойствия скажу, что пошла дальше официальных приглашений и поисков. Цветочную девочку ищут тщательнее новых месторождений Эприта. Информацию спустили в самый низ человеческого общества. А эти ищейки вынут кость из пасти демона, если за неё заплатят столько же, сколько обещала я.

— Не верю... — Мужчина опустил на край кровати, растерянно глядя на супругу.

— Что есть, то есть. Зато, никто не упрекнет меня за бездействие. Я сделала всё для этого брака.

— Спасибо. — Топройд не знал, что ещё сказать. Он искренне переживал за мальчика и желал ему благополучия. И подобный шаг со стороны матери, давал надежду на их примирение. Лицо эльфа неудержимо расцвело улыбкой. Лиалуара, заметив подобную перемену, насмешливо хмыкнула и легонько похлопала рядом с собой.

— Ложись, давай спать.

— Да, моя королева.

Ночь опустилась на уставшую за день землю. Обняла лесные плечи, взбудоражила поля, проскакала белой лошастью по серебристым дорогам. Спит благословенная Эльфера, спит, видя волшебные сны. И кажется ей, будто идут они бесконечно и никогда небосклон не опалится гневным заревом пожара. Не придёт война, не ринутся голодные своры на невинные головы. Не встанет чужая пята на узколиственный трон. Защитит граница, выстоят черные сторожа, отведут беду кровавыми пастями.

Сладостны сны, да близок рассвет. Поднимается солнце, глядит безжалостным глазом на убаюканный край. Жжёт опаляющим жаром реальности. Не отступится.

Лорток оказался городишком маленьким и лишенным суеты. Окружали его по большей части возделываемые поля. Новым лицам сначала обрадовались, но после дурных новостей, стали поглядывать с подозрением. Положение спас Смирн, перетянувший на себя внимание общественности и стражей. Под его многословным руководством, на место происшествия сразу же отправился целый отряд. Гибель крупного торгового каравана от рук бандитов, да вблизи города, сильно обеспокоила жителей.

Не считая нескольких часов, проведённых в допросной комнате, ребят оставили в покое достаточно скоро. Полезной информацией они не обладали, а той, что имелась, хватило на свободное размещение в городе. На прихваченные деньги оплатили неделю проживания в местном варианте гостиницы. По крайней мере, Тревис именно так окрестил рекомендованную Смирном большую двухэтажную таверну. Сам он оставаться отказался, сославшись на неотложность дел, связанных с караваном.

Поэтому, свою вторую ночь в новом мире, ребята встречали за протертым деревянным столиком доисторического кафе. За всеми делами время пролетело быстро. Общий обеденный зал на первом этаже пустовал. Хозяин и вся прислуга отправились спать. Единственная оплывшая свечка скупно освещала четыре обращенных на нее лица. Оранжевый огонек дрожал, но не гас.

— Может, пойдем спать и завтра дорешаем как быть? — Марс уныло подпёр щеку, изо всех сил борясь со сном. Долгий дневной переход вымотал, а после сытного ужина, мысли совсем отказывались ворочиться в голове.

— Идея здравая. — Тревис держался лучше всех и большей частью, на одном упрямстве. После ухода из отряда Смирна, ведущая роль как-то незаметно перешла к нему. Он и сам не понял отчего так вышло. В какой-то момент все трое вопрошающе на него уставились и пришлось брать ситуацию в свои руки. Даже Кесс, послушно поселилась вместе с ними в одну комнату с Дей. Хотя, у неё причин подчиниться точно не было.

— Но, как же... — Дей волновалась и зевала одновременно. Усталость валила её с ног, но нервные мысли не позволяли предаться покою. — ...Ох, как же мы тут? А если клопы?

— Нет тут клопов.

— Есть.

Три головы слаженно повернулись к четвёртой, смутившейся. Свечка, догорая, зашипела и начала плеваться искрами. Огонёк мигнул и пропал, испустив из себя серый, струящийся дух. В наступившей темноте не спеша проступали чёрно-белые контуры предметов.

— Что же, думаю, это отличный повод прервать нашу беседу и отправляться спать. — Встречаемся завтра, как все проснутся, здесь же.

— Так точно, капитан! — Марс первым вскочил со стула, помогая подруге подняться. При угасшем свете, Дей зевала ещё чаще и душераздирающе. Тревис поднялся, готовый идти наверх, но у самой лестницы задержался, заметив всё также сидящую лекарку.

— Кесс?

— Да?

— Ты... идёшь спать? Всё хорошо?

— Всё в порядке, Тревис. Не беспокойся обо мне.

— Эм, ладно. Тогда я пойду.

— Хорошо.

Почти на самом верху он всё же не удержался и оглянулся. Столик пустовал. Когда и куда девушка успела уйти он не заметил. Глубокомысленно помолчал и пошел наверх.

— Загадочная девушка.

Новый день принес уйму новых впечатлений. Сразу после завтрака, вся четвёрка отправилась на прогулку по городу. Решили ничего не покупать. Зато, в полной мере почувствовали себя гостями средневекового волшебного мира. Всё деревянное или каменное, улицы узкие и разбитые, население разношерстное и немного дикое. В основном, все встреченные оказывались людьми. Представители других рас встречались крайне редко.

На чужаков хоть и глядели с опаской, но ничего не говорили и не предпринимали. У многих Тревис заметил такие же, как у них, метки. Значит, попаданцев действительно много и все как-то между собой уживаются. Смирна они так и не встретили. Расспросили стражей, занимавшихся караваном. По их словам, мужичок с таким именем ещё на рассвете отправился к дознавателю в столицу. Ребята переглянулись, но больше допытываться не стали. Смирн исчез, как его и не было.

Следующим пунктом в списке посещений, стоял местный центр учёта иммигрантов. Украшенный красными флагами дом на центральной улице буквально бросался в глаза. В него то и дело заходили и выходили люди в одежде такой же расцветки, иногда среди них попадались солдаты. Ребята, не без опаски переступили порог, подходя к ближайшему столу. Женщина, с головой окопавшаяся в бумагах, подняла голову и кисло посмотрела на вошедших.

— Продлевать?

— Эм, нет. Мы только третий день как...

— А-а, новенькие. — Она кивнула, не дослушав и выложила перед ними свернутый в трубочку листок. — Здесь расценки, можете ознакомиться.

— Спасибо. — Тревис растерянно взял в руки свиток и развернул. Марс и Дей не преминули сунуть в него любопытные носы. Кесс вовсе отошла, застыв в сторонке, чтобы не мешать снующему персоналу. Для неё, уроженки этого мира, подобное место не вызывало какого-либо интереса. И пришла она исключительно за компанию.

— Ого! Смотри, “301 О.В.В.” Чтобы это значило? — Марс ткнул в самое начало документа, на украшенную вензелями шапку.

— Трёхсот первый год от Великой Войны. — Женщина в красном не оторвалась от своих дел, но соизволила подсказать.

— Ух ты! А что за война такая? А почему не рождество христово? — Поднятый ему на встречу взгляд, заставил Марса сконфуженно закашляться и снова уткнуться в листок. Уши его горели. — Так, так, где тут графа “люди”? На сколько мне придётся раскошелиться?

— На много! — Дей недовольно шикнула.

— А конкретно?

— На десять торий. Мне на двадцать, Тревису на тридцать. Так...а торий это сколько?

Женщина в красном снова пришла на помощь.

— В одном золотом тории — тысяча серебра. В одном серебрянном толле — сто медных таков. Сами считайте.

— Сколько?! Тысяча?! — Глаза Марса выпучились больше всякой меры, а во рту закончились слова. У него хранились все их общие деньги и он не помнил среди них ни одного золотого кругляша. Медь и серебро. За неделю проживания с четверых взяли двадцать пять серебряных. Как и где возможно достать десять золотых за полгода, он даже представить себе не мог. Не то, что двадцать или тридцать. — Это невозможно дорого! Что за дикие расценки?!

— Молодой человек, не надо здесь кричать. Если у вас нет таких денег, идите работать. Не сможете скопить нужной суммы к нужному сроку, отправитесь на работу принудительную.

— Принудительную? То есть, в рабство что ли?

— Может быть и так.

— Оболдеть! Мы точно в волшебном мире?!

— Марс, тише. — Дейдара, заметившая чрезмерное к ним внимание от окружающих “красных”, поспешила поскорее заткнуть друга. — Мы выяснили главное, пойдём. Трев, угомони его.

— Да, спасибо за объяснения. Через полгодика вернёмся. До свидания.

Тревису пришлось буквально выпихивать возмущенного Марса на улицу, опасаясь как бы за него это не сделали солдаты. Парочка знакомых посохов с камнями уже поднималась в их сторону. Ребятам пришлось слушать бурное негодование друга несколько кварталов, пока они не отошли достаточно далеко от опасного места. В конце концов, у Марса кончились ругательные выражения и появилась возможность вести более конструктивный диалог.

— Но вы должны согласиться, что это обдираловка!

— Так мы и не спорили.

— Тогда почему вы такие спокойные?!

— А что мы можем сделать? Что изменится, если мы все срочно впадем в истерику?! Надо думать, а не орать!

— Дей права. Надо разобраться во всём получше, разузнать как другие справляются. В гостинице полно таких же помеченных. Пойдём да спросим. Они, ведь, живут как-то. Да и на улице встречаются часто. Никто не орёт.

Железобетонное спокойствие друзей, обречённых платить в два и в три раза больше, заставило Марса успокоиться. Он замолк, уткнувшись взглядом в землю. Насупился.

— За предоставленный срок можно добраться до другой страны. В ней могут быть иные расценки и условия проживания. Не обязательно ограничиваться правилами Партаскаля.

Все трое удивлённо воззрились на подавшую голос Кесс. За спором они ненадолго забыли про неё. Подобная новость заставила воспрять духом всех, включая Тревиса. После оглашения суммы, настроение у него упало, неумолимо перетекая в отчаяние. Платить так много каждые полгода — казалось невозможным. Но, мысль об элементарном переселении, приободрила и внушила скромную надежду. Главное, знать куда переселяться, о чём он не преминул сразу же спросить.

— Этого я подсказать не могу. — Кесс смущенно потупилась. — Всего лишь слышала о подобном, но проверять необходимости не было.

— Да, конечно, ты же здесь родилась. Печатей у тебя нет. — В голосе Марса промелькнула откровенная зависть.

— Мне кажется, мысль всё равно хорошая. Давайте вернемся в гостиницу. — Дей, испытывая схожую с Тревисом гамму эмоций, воодушевленно осмотрела друзей.

— Таверну.

— Да. И расспросим местное население. Там и решим.

— Хорошо, тогда возвращаемся. — Трев поставил точку в разговоре и вся четвёрка отправилась обратно. Дей, вернув себе хорошее настроение, ухватила Марса под локоток и потащила вперёд. Не смотря на общее решение не тратиться, она всё же хотела раскрутить его на сувениры. Кесс привычно заняла место рядом с вампиром. Погода стояла отличная, солнце припекало без особого энтузиазма. Заблудившийся ветер тащил за собой прохладу. И Тревис понял, что хочет задать один волнующий его вопрос.

— Слушай, Кесс...

— Да?

— Эм, хотел спросить, это ничего, что мы вот так таскаем тебя с собой? Всё-таки, у тебя возможно есть дела или, там, планы?

Она повернулась и ему стало жарко. Синева глаз ослепила, отняв у мира прочие оттенки. Её взгляд ничего не говорил, он лишь смотрел. Даже не так. Был направлен. Она смотрела и смотрела и в этом бездействии было больше действия, чем во всём окружающем пространстве. Синий — короновал всю палитру. Синий — стал во главу угла.

Секунда и всё пропало. Разрушилась связь. Вернулся ветер, солнце, звуки. Тревис удивленно заморгал, но видение больше не возвращалось. Девушка смущённо улыбнулась и отвела взгляд.

— Не стоит переживать о моей дороге. Она вьётся впереди меня без моей на то воли. Я лишь ступаю по её камням и стараюсь не падать.

— Что, прости?

— Мне не в тягость быть с вами. Путешествие тем и увлекательно, что никогда не знаешь куда пойдешь и кто будет твоим попутчиком. А я люблю путешествовать. И ваша компания мне нравится.

— Это успокаивает. Хотя, как по мне, так мы странная компания и весьма хлопотная. — Он кривовато рассмеялся, но потом тень набежала на его лицо и слова хлынули потоком, как сорванные плотиной. — Я всё думаю, что с нами было бы, явись мы на ту поляну на полчаса раньше. Нас бы просто убили и... всё. Никакого продолжения, никакого смысла. Мертвецы никому не нужны. Тем более, в чужом мире. Неужели, вернуться действительно нельзя? Там остались мои родители. Кто их похоронит? Кто расскажет что случилось? Да и кто знает, что случилось? Это, бред по-сути. Попасть через портал в волшебный мир. Глупость как ни посмотри. Этому белому великану не стоило приходить. Не стоило сниться мне. А если даже и пришёл, так убил бы, как и собирался! Может, тогда ничего бы плохого с другими не произошло и моя мама всё ещё читала бы сонники, а папа купил новую машину.

— Сочувствую тебе.

Рука, легкая как благословение солнца, коснулась ладони Тревиса. Пальцы переплелись и сжались. Жар прокатился по его телу будоражащей волной, сконцентрировавшись в быстро забившемся сердце. В горле встал комок, а глаза увлажнились непрошенными слезами.

— Чёрт, прости. — Он быстро их стёр, но не выпустил тонкой женской кисти. Она давала ему мужество перебороть эмоции и унять страх. Хрупкая соломинка, удерживающая шаткое сознание над пропастью паники.

— Ничего. На тебя многое свалилось. Это непросто пережить.

— Наверное. Думаю, наша история так банальна для этого мира. Сколько здесь попаданцев как мы? Тысячи. И все так же приходят и ноют и удивляются и ждут чего-то. Или кого-то. Кто придёт и скажет, что в этом был какой-то великий смысл, а не слепая случайность. Что мы должны выполнить некую жутко-важную миссию и спасти мир от зла. Или нечто в этом роде... Но, что-то мне подсказывает, не будет никакого смысла и миссии. Никто не придёт. Никто не ждёт нас. Мы не нужны здесь и попались случайно. И всё, что нам остается — просто выживать.

— Это итак сложная задача.

— Точно. — Он постарался придать своему лицу хоть немного весёлости, но вышло до того плохо, что даже Кесс поджала губы и стала смотреть себе под ноги. Некоторое время они шли молча, пока девушка не решилась продолжить неловкий разговор.

— Когда мы ночевали в лесу, ты говорил, что видел того великана во сне. Это правда?

— Да. Он снился мне несколько дней подряд. Приходил из снега, протыкал копьём и исчезал в снегу. Раз за разом. Даже надоел, пока всё это не повторилось в реальности.

— Это так странно.

— И тебе так кажется? Вот и я говорю, странно! Но, только где он? Переместил нас сюда и исчез. А потом выясняется, что и вовсе здесь нет такой расы и никто не знает про белых великанов. И тогда снова вопрос — к чему всё? Случайность? Глупость? Чья-то шутка? Я постоянно думаю об этом.

— Может, ответы найдутся в будущем и вы с Ним ещё встретитесь?

— Может быть. А может, ему наплевать на нас и на меня лично и он уже давно забыл про этот маленький инцидент с парковкой и не туда полетевшим копьём. Надо быть реалистом. Даже в волшебном мире реальность многое значит. Если бы чудеса и Предназначение по-настоящему существовали, великан уже был бы рядом. Размахивал бы своим копьём и пытался бы насадить меня на него, как муху.

Пылкую речь Тревиса прервал переливчатый смех. Кесс выпустила его руку и смеялась, прикрывая лицо ладонями. Синие глаза, посматривающие сквозь пальцы, лучились настоящим восторгом, заразительным и лёгким. Эта неожиданная веселость подействовала на Тревиса. Он улыбнулся, почувствовав, как расходятся скопившиеся на душе тучи. Как осыпается, камень за камнем обваливаясь, груда вины. Как свободнее дышит грудь, пропуская в легкие воздух враждебного мира.

Для него всё так же многое оставалось непонятным. Но теперь, неизвестность страшила его чуточку меньше. Пока лучезарная Кесс смеялась и держала его руку, жизнь казалась светлее и прекраснее. Пусть даже и без Предназначения.

Глава 8

В тот вечер, когда каравелла “Порхающая” заходила в родной порт, старый граф принимал у себя важного гостя. Сутулый шупленький мужчина средних лет, одетый по моде, расхаживал по богато убранному кабинету, спрятав руки в карманы. Черные бусины глаз суетливо бегали туда-сюда, вызывая в графе приступы отвращения. Поддерживать приятельский тон беседы получалось с трудом.

— Ты должен меня понять, это не какая-то инспекция, нет, что ты! Мы с тобой так давно знакомы и служим одному королю чуть ли не всю жизнь. Однакось, времена нынче пошли тяжёлые и за всем догляд нужен, так сказать, зоркий глаз, надзор. Называй как хочешь. Я, со своей стороны, тебе, конечно же верю безоговорочно и более того, доверяю, как родному. Ты как брат мне, веришь?

— Верю.

— Вот! А, стало быть, в чём проблема? Всего-то и надо, что пройтись чуточек по всем твоим наделам, посмотреть как оно что работает, в каком состоянии фермы, как ракушки плодят.

— Да уж плодят отлично.

— И я же не сомневаюсь! Да только кто мне на слово-то поверит?

— Раньше как-то верили.

— Так это ж когда было? Тогда и времена другие были! Всяк другому верил, да доверял. А сейчас не то. Как есть, не то.

— И что же ты, в таком случае, прикажешь мне делать?

— Я-то? Я — ничегошеньки. Король приказывает, вот в чём беда! А я лицо исключительно исполнительное. Что сказали, то и мчусь исполнять. Мне другого не надо. А вот, тебе, охрану следует разоружить да поубавить, да впустить надзорную бригаду дворцовую. Дальше они всё сами знают — походят, посмотрят, запишут, что следует и будь здоров, выпускай. На всё про всё три дня хватит. И говорить не о чем.

— А ежели они найдут чего не понравится? Или неурожай в этот раз случится?

— Так откуда бы неурожая-то взяться?! Нет-нет-нет, ты это дело брось наговаривать. Эприт должен расти беспрекословно и в нужных объёмах. Даже не думай меня пугать на ночь глядя. Мне с этим докладом в монаршее ехать. Не приведи небеса осерчает владыка.

— То есть, впустить инспекцию.

— Впустить, Гаспарушка, впустить.

— Ладно, будь по твоему. Раз его величество желает знать состояние моих дел, противиться не стану. Всего ферм у меня четырнадцать. С какой начнете?

— А вот с первой и начнём! Чего мудрить?

— Договорились. Ты у кого гостишь? Пришлю к тебе управляющего с утра, с ним пойдете. Покажет, расскажет, пропустит куда надо.

— Вот благодарствую! Вот удружил, порадовал! — Мужчина хитро прищурился, пригладив жиденские волосёнки. Поправил воротничёк, пожал неохотно протянутую руку. — Тогда, до скорого свидания. Откланиваюсь.

Дверь за гостем захлопнулась и раздосадованный граф с воем схватился за голову. Принесло же не ладного под вечер. Приятель! Как же! Та ещё змеюка дворцовая. Лазит, вынюхивает где что не в порядке. Прознал, гад, про неурожай. Тает Эприт, не родят

раковины магии, пустой жемчуг вытаскивается. Половина ферм пустая стоит, старыми запасами графство живёт. Кто донёс? Кто сболтнул? Где вражина притаилась?

— Убил бы, скотину! — Костлявый кулак с силой опустился на столешницу. Дарнау вскочил, заметался по душевной комнате запертым зверем. Кругом по стенам портреты дедов висят. Смотрят, хмурятся рожи, раздражают старика своим видом.

Хорошо вам там? Хорошо?! Глядите на меня? А сами, небось, про неурожай-то и не слыхивали никогда. Ишь, морды лоснявые нажрали! А мне тут, сиди, разгребай. На сына одного надежда, чтобы нашёл новенькое месторождение. Тогда бы зажили!

Стук в дверь и голос слуги прервали одностороннее общение родственников. Граф матюкнулся и плюхнулся в кресло. Фердинанд Дарнау, по-хозяйски распахнув дверь, размашистым шагом зашёл внутрь. Вместо с ним в комнату ворвался ядрёный запах моря, рыбы и пота. Молодой дворянин отправился к отцу сразу с корабля, не размениваясь на переодевания и ванну. Старик тут же расплылся в осоловелой улыбке, вскочил, спеша заключить любимого сына в объятия.

— Ферди! Как я рад тебя видеть! Полтора месяца прошло с отплытия. Уж, не чаяли.

— Бать, перестань. С дороги я уставший, дайдохнуть, вцепился как клещ.

— Конечно, конечно. — Граф смущённо кхекнул, засуетился, приказал нести ужин. Сам хрустальный графин достал, в рюмки бурого налил, подвинул. Напротив сел, сына блестящими глазами пожирая. — Ну что, расскажи, наши?

Фердинанд помолчал, одним махом проглотил угощение, скривился, вытер рот рукой. Только тогда решился на отца глаза поднять.

— Не буду тянуть. Не наши ничего. Уйму времени проволандались, каждый метр воды исследовали, все побережья, острова. Дно и то в подозрение ввели! Да самого Партаскаля дошли, в воды ихние заплыли и никакого результата. Нет ничего! Ни грамма Эприта! Ни одной раковины в целом море! Это конец.

— Вот как...

Тяжело дались старому графу подобные новости. До последнего надеялся он, что уж в этот раз всё хорошо будет, привезёт сын шанс на спасение. Но, видимо, не судьба. Видимо, разоренье близится неумолимое. Проверка грядущая вытащит на поверхность доказательства его неудачи, доложит королю, а там и...

— Эх! Прощай, сытая жизнь! Рассыпалось богатство веками накопленное. Нет больше графа Дарнау! Гольный бедняк вместо него!

— Ну, прекрати. Чего ты? Нам до бедности, ещё, слава небесам, долёче. И твои и мои закрома доверху золотом набиты. Даром, что Эприта нового не поступает. Старый можем продавать.

— Старый! — Старик всплеснул руками и снова отправился нарезать нервные круги по комнате. — Давно ли ты на склады заглядывал? В мастерские? На обработку? Хиреют камни! Блэкнут, как водой пролитые! Утекает сила из них неудержимо. Полгодика ещё и не будет в них магии ни на единый грамм!

— Чего же ты молчал?!

— Да кому скажешь такое?! Это же конец! — Граф устал ходить, остановился возле стола, отдышался. — Да и обнаружилось не так давно, сразу, стало быть, после твоего отъезда. Стыдно признаться, испугался я. Не сказал никому о своём наблюдении, запер всё до последнего камушка, сам регулярно хожу проверяю. Да толку-то! Как силу этакую текучую удержишь? Через пальцы проходит, сквозь камень льётся. Ещё инспекция пришла,

кто бы её звал! Нет, завтра всё решится. Откроют правду. Поеду я в столицу королю в ножки кланяться.

— Погодь удручаться. Глядишь, как-нибудь вывезем. Сам завтра схожу с инспекцией, попробую в нужную сторону внимание перегнуть. Скажи лучше, куда три корабля с пристани делись?

— А, и не спрашивай! — Старик отмахнулся. — Дурость монаршая. Нарочным пришёл указ помочь Кадишу пиратов попутать возле “красной розы”. Джерри отправил туда, пусть пообчешется в море-то. Глядишь, выйдет толк, да выбьется дурь.

— Долго выбивать придется.

— Эх! — Граф снова раздосадовано махнул рукой и сжал разнывшиея виски. — Что уж теперь об этом.

Джеральд Дарнау хмуро смотрел вдаль. Поднявшийся с вечера ветер, немилосердно гнал пенистую волну, бросая в лицо мокрую холодную сыпь. Паруса натужно хлопали, мучаясь от рваных порывов. Близился полуночный час, а юный граф никак не желал покидать натопанного места. Он вцепился в борт, как ястреб в добычу. Дивящаяся команда качала головами, шушукалась по углам, но не вмешивалась в загадочные дела высокого начальства.

Сам Джерри ничего вокруг не замечал. Его мысли целиком заняли размышления о судьбе. Собственная жизнь казалась ему сущим кошмаром. К двадцати годам он всё ещё не имел ни шага воли. Дома — постоянный, неусыпный надзор матери. Повсюду слуги, голоса, насмешливые разговорчики и мерзкие улыбки. Всякий шаг известен родителям, любое поползновение на свободу — ограничивается. И везде приказы: иди туда, иди сюда, делай это. Невесту нашли! Да на кой ляд ему невеста?! Он даже не жил ещё! Не дышал свободой, не видел её, не трогал руками...

Поэтому и не разжимаются пальцы, вцепившиеся в просоленное, мокрое дерево и коченеют на холоде. Но и это неудобство лучше мягкой домашней перины. Эта качка, голодно бурчащий желудок и затекшие ноги — во сто крат лучше всей его удобной изнеженной жизни.

— Ваше благородие, подите спать. Поздно уже, замерзли небось и голодные. Идите, не к добру это столько времени на ветру стоять. Всё равно только утром на месте будем, не раньше.

Старый капитан, чуть ли не ровесник самого графа, испытывал к младшему господскому сынишке что-то вроде отеческих чувств. На его глазах рос малец. Жалел его, катал на лодке, рыбу удить учил. Теперь, вот, по взрослому отцову заданию везёт. Вырос мальчишка, а тепла душевного не нажил. Куда только делась с годами детская его веселость и своенравность?

— Да, сейчас пойду.

— Уж третий раз ответ такой слышу.

— Ладно, иду.

После долгой неподвижности, холеное тело, отозвалось нытьем. Молодой граф скривился и проигнорировал протянутую для помощи руку. Сам спустился по узким ступенькам, придерживаясь за перила, дошел до каюты и обессиленно рухнул на кровать. Силы кончились, даже есть расхотелось. В дверь постучали, тактично сообщив о принесенном ужине, но, Джерри лишь тоскливо застонал и перевернулся на живот, накрыв голову подушкой. Так и уснул.

Пробуждение вышло своеобразным, если не сказать, плохим. А именно, от грубого пинка, сорвавшего дверь с петель и зычного мужского баса. Спросонья, вскочивший на ноги Джерри, не сразу вник в происходящее и быструю, лающую речь вошедшего. В ушах почему-то звенело, а пол под ногами качался и подрагивал. Сильно пахло порохом. Наконец, до тормозящего мозга дошло, что это, скорее всего, нападение. Он с ужасом и каким-то запоздалым страхом воззрился на ощерившуюся на него, загорелую до черна физиономию. Блѣклый, заляпанный кровью клинок, угрожающе уткнулся в прикрытую одной рубашкой грудь.

— На выход, живо.

— Д-да. — С трудом переставляя ноги, Джерри выбрался из каюты и ахнул. Палуба была густо завалена телами. Безжалостно порубленная команда валялась в лужах собственной крови. Многие ещё дышали и стонали, но помочь им никто не спешил. Пираты не пожалели даже старичка-капитана. Его растрепавшиеся волосы седой кляксой белели у самой мачты. К горлу Джерри подступила тошнота, он задрожал. Очередной толчок в спину вынудил его пройти два шага, поскользнуться и позорно рухнуть на четвереньки. Ладони испачкались красным и липким. Под унижительный хохот скалящихся людей, его всё-таки стошнило.

— С этим что делать? Говорят, дворянин, вроде как сынишка графа.

Согнутый в три погибели, Джерри не видел появившегося на палубе пиратского капитана. Главарь, уверенной, рысью походкой подошел к единственному оставленному в живых пленнику. Концом сабли поднял на себя бледное, ухоженное лицо. Светло-голубые глаза паренька смотрели на него снизу вверх испуганно и затравленно.

— Говорят, ты — граф. Как же тебя зовут, малец?

— Д-джерри. То есть, Джеральд Дарнау.

— Дарнау значит. — Капитан уже намеревался перерезать и эту высокопоставленную глотку, когда в памяти его что-то шевельнулось. Подстёртые картинки яркого прошлого завертелись в голове, привлеченные сочетанием букв “Дарнау”. Он позволил губам прошептать это слово и тогда оно прочно сцепилось со знакомым и весьма недобрым образом. Образ жутковато сверкнул на него похожими, но более серыми глазами. Капитан даже пальцами прищёлкнул от удовольствия.

— Скажи-ка, а Кристофер Дарнау тебе не родственник?

Джеральд с трудом понял, о чём его спрашивают. Он уже видел занесенный для удара клинок и ожидал смерти, поэтому внезапная отсрочка, повергла его в ступор. Он глупо хлопал глазами, всё время возвращаясь ими к устрашающему изогнутому лезвию. Капитану пришлось повторить вопрос, а вытащившему его пирату как следует наподдать ногой для вменяемости. Помогло. Джерри, качаясь, встал и ответил.

— Да, да, родственник. Это мой старший брат. Нас всего трое.

— Брат значит?

— Д-да.

— Родной?

— Да.

— Понятно. — Капитан пиратской шхуны “Изверг”, Милош Кряжестый, довольно пригладил вислые чёрные усы и сунул саблю в ножны. Он мысленно похвалил себя за сдержанность и своевременно родившуюся ассоциацию. Убийство младшего брата Серой Пташки, могло бы обернуться для него большой катастрофой. Этот разыскал бы его и в

открытом море. Одно спасенье, что недавно его видели в лесах Партаскаля и до здешних мест, в случае чего, ему добираться не одну неделю. Нет, отпускать мальчишку нельзя, как и убивать. Пусть в матросах походит, а там посмотрим как дело обернется. Больно времена беспокойные чтобы подобными козырями разбрасываться.

С такими мыслями, Милош дал команду забирать пленника на корабль вместе со всем награбленным. Судно за собой сжечь, как и остальные два. Шхуне уходить на север мимо красной и синей розы прямиком в вампирьи воды. Угодья Виоланта всегда благосклонно принимали “чёрный” флот.

В это время, почти на противоположной стороне материка, Кристофер Дарнау, более известный как “Серая Пташка” или “Пташ”, сидел за складным письменным столом в своем походном шатре. Перед ним лежала подробная карта местности, периодически подсвечиваемая разноцветными блеклыми огоньками. Иногда по нарисованной воде шли волны, а по ниточкам дорог двигались люди.

Минули сутки с тех пор, как сверху спустилось чрезвычайно доходное задание. Её прекрасное Величество, Лиалуара Остролистая возжелала найти невесту своему бездетному щенку. Видите ли, из-за своей болезни, эта белая немощь не может нормально размножаться и ему нужна помощь.

Обветренное, скуластое лицо мужчины ожесточенно заострилось. Под впалыми серыми глазами пролегла тень. Бесцветные губы предательски дрогнули. Пташ лично знал эльфийскую королевскую семью и крайне тепло относился к их многомудрой правительнице. Не единожды чароитовый сумрак её спальни, благосклонно обнимал его разгоряченное сердце. Наизусть знал он тайные тропки, изменчиво текущие в душном монолите лесов благословенной Эльферы. Пропало его сердце в этих зелёных полях. Осталась душа, приманенная чарующей нечеловеческой песней.

А теперь, скитается он по земле, как холодный ветер — бездушный, злой, с пустотой вместо сердца. Нигде нет ему покоя, нет приюта. Ни к чему не лежит огрубевший обрубок души. Потому и спит он где придется, как дикий зверь и дела проворачивает такие же звериные — на какие другие люди и не идут вовсе. Руки не по локоть, до самых плеч в крови. А всё не идёт покой, не заполняется дыра в груди, сосёт и мучает, даря кошмары и ночные судороги. Совсем одичал, совсем обесчестился.

Нарастающий шум в лагере, заставил мужчину вырваться из темного лабиринта мыслей. Он настороженно прислушался, но ничего не подтверждало внезапного нападения или облавы. Наоборот, один из громко спорящих голосов оказался ему до гадства знакомым. Против воли, лицо озарилось насмешливой улыбкой. А в следующий момент, плотная ткань откинулась и внутрь, с земными поклонами просочился невысокий щупленький мужичонка. Его густо заросшее лицо и хитрые бегающие глазки, напомнили Пташу таракана или пасюка. По крайней мере, именно такую ассоциацию этот разбойник у него всегда вызывал.

— Смирн, старый ты гад, выжил-таки? Надеялся больше никогда не увидеться.

— Что вы батюшка мой! Да нежели я бы смог бросить вас из-за какого-то пустякового ранения? Да век бы себе не простил подобного растяпства! Землюшку носом бы рыл, а нагнал бы вас где вы ни есть! Вы же у меня единственный покровитель и кормилец!

— Ой началось. Только зубы перестало сводить от твоей пустобрёхости. Лучше скажи как выжить сумел и вернуться. Придавило же тебя знатно, сам видел. И чего только полез? — Всё-таки, жадность тебя когда-нибудь погубит.

— Это рассказ так рассказ! Не рассказ — рассказыце!

— Смирн. — Угрожающий тон заставил словоохотливого мужичка мгновенно заткнулся. Он скромно сел на деревянную табуретку, принявшись обстоятельно и подробно повествовать о своих приключениях. На моменте с чудесным исцелением, гордо оттопырил одежду показывая младенчески-ровную кожу на месте страшной раны.

— Целительница, говоришь, попалась. Это как же тебе могло так повезти, чтобы лекарка такого высокого уровня просто так по лесу ошивалась и тебя безродного пса за бесплатно лечила?

— Сам не пойму! Благословение, не иначе!

— За все твои грехи, да благословение? Скорее, земля должна была разверзнуться и утянуть тебя за ноги внутрь. Как-то не вяжется всё это, но ладно, продолжай.

Смирн пересказал и про других своих избавителей. Появление в истории очередных попаданцев ни мало не заинтересовало внимательно слушающего Пташа. Таких как они — сотня через сотню на мир повсеместно сыпется, устанешь считать. А вот, промелькнувшая вскользь фраза “эльфийка редкой масти”, заставила прервать многословный речевой поток.

— Ну-ка, ещё раз про эльфийку. Что за редкая масть?

— Дык, что там про неё особливо? Обычная такая, эльфка-обращёнка. Пограничники её так и обозвали, девятку ей присвоили, кстати. Значит, способная должна быть.

— Что за масть редкая я тебя спрашиваю?

— Масть! Да, масть была. В голову только никак не лезет, запомнил за ненужностью.

— Я тебе голову эту сейчас...

— Вспомнил! Цветочка она! Как есть не вру, так и говорили паскудыши — редкий подвид, цветочный.

Резко вскочивший на ноги главарь, жутко перепугал взвизгнувшего от страха мужичка. Почерневший взгляд и туго сжатые кулаки начальства, чуть не вынули окончательно сжавшуюся в комок душу Смирна. Дышать и то забыл как, под нависшей над ним глыбой взбесившегося человека.

— Цветочка?! — Не сказал, а прорычал мужчина. — Где она сейчас?!

— В городе! В таверне “Синий топорик”! Я их там оставил!

— Синий топорик... скоро он станет красным.

Пташ вылетел из шатра той самой птицей, чьим именем его нарекали. Попадавшие на пути люди спешно разбегались в стороны, устрашаемые идеей попасть под горячую руку. Четверть часа спустя вся банда поднялась на ноги и выступила на новое задание. Серая Пташка шёл во главе своего смертоносного отряда и даже демоны остереглись бы заступить ему дорогу.

Опустившаяся на городом ночь, тревожно мигала подслеповатыми звёздами. Ветер и тот дул с неохотой, периодически совсем пропадая. Беда липкой моросью зависла в душном воздухе, тяжестью оседая на усталые головы. Сторожа у ворот продраило ознобом, когда он взгляделся в молчащие за стеной хлебные поля. Ни одна хворостинка не шевелилась.

— Что-то будет. — Он неуютно затоптался на месте и поспешил спуститься со своего насеста поближе к успокаивающе трещащему огню. Развалившаяся возле костерка ватага охранников, весело перебрасывалась шуточками и не сразу заметила тихо подошедшего к ним товарища.

— О, а ты чего слез? До сменки ещё далеко, али заскучал?

Дружных гогот заставил часового покраснеть и пожалеть о минутной слабости, сманившей его покинуть свой пост. Он развернулся, но шагнуть так и не успел. Земля шустро вылетела у него из-под ноги и с тяжёлой силой приложилась об голову. Мир взорвался ворохом искр и боли. В ушах застрял звон и крик, после чего, наступила тишина. А, вслед за ней, как к зажженному алтарю, вся в чёрном, прошествовала милосердная тьма.

Тревису не спалось. Время перевалило за полночь, Марс на соседней кровати давно и громко храпел, а к нему сон никак не шёл. Он всё время вставал, тихо шагал по комнате, думал обо всём на свете. Неясная тревога, появившаяся к вечеру, не желала рассасываться. Она сжалась в тугий змеиный клубок в районе желудка и с каждым часом, ныла только сильнее. В дополнение ко всему, снова проснулся голод. И не обыкновенный, а именно тот, вместе с которым приходит Тварь.

Тревис остановился возле открытого окна, с усилием вцепившись в деревянный потрескавшийся подоконник. Попытался переключиться на шелестящее во дворике разлапистое дерево, но мысль неизменно возвращалась на лакомую для неё тему. А была она именно “лакомой”. Он с трудом сглотнул вязкую горькую слюну и в испуге коснулся лица. Собственная челюсть показалась ему несоразмерно большой и раздавшейся в стороны, так, что на щеках натянулась кожа.

— Что за чёрт. — Он глухо выругался, но никакими усилиями челюсть в обратное состояние не возвращалась. Наоборот, чем больше проходило времени и чем увереннее Тварь вставала на ноги, тем уродливее становилось лицо. Тревис попробовал приоткрыть рот и с содроганием ощутил как нежно трутся друг о друга непомерно большие клыки.

— Господи, только не это. Я не хочу никого убивать.

Взволнованное сердце часто-часто билось в груди. Дыхание вырывалось из горла с хрипами. Застланное тенью пространство стало обретать дневную четкость и прозрачность, лишаясь недоступных взгляду уголков. Тело напряжилось и мобилировалось, готовое к предстоящей охоте.

— Нет, нет, я не хочу.

Тревис из последних сил пытался удержать себя от грядущего. Паника подстёгивала усилия, помогая искать выход из ситуации. Но, пока, единственной силой, умевшей сдерживать его, оставалась Кесс. Почему-то, в её присутствии, он легко сохранял здравомыслие.

— Точно! Кесс!

Марс пошевелился во сне, перевернувшись на другой бок. А Тревис уже бежал по

коридору в самую дальнюю комнату, выходящую окнами на тот же двор. Не размениваясь на приличия, судорожно забарабанил в дверь.

— Кесс, проснись! Открой, умоляю! Кесс!

— Тревис? Что случилось?

— Слава богу!

— Что... — Но, договорить сонная девушка не успела. Тревис схватил её, вытащив в коридор и прижал к стене. Навалился всем полыхающим телом, с трудом осознавая происходящее. Подтачиваемый голодом разум мерк, отдавая бразды правления безумию.

— Хочу.

— Тревис, успокойся.

— Не могу. — Отчаянным усилием сдающейся воли, он попытался предпринять последнюю попытку захватить власть над своим телом и отодвинуться. Но вспыхнувший запах ободранного о стену локтя, окончательно выщелкнул предохранители и Тревис впервые в жизни напал на человека.

Утро пришло в город качающейся походкой тяжелобольного. Закрытое тучами небо давило жаром и влагой. Ветер умер, не пережив ночь. Пронёсшаяся по городу волна грабежей, выпотрошила дома, обесчестила улицы, истребила весь сторожевой батальон. Жители потерянно слонялись, не зная как расценивать подобное происшествие и откуда ждать новой беды.

Но, больше всего ярости неизвестной стихии, досталось таверне “Синий топорик”. Ни один звук не вылетал из распахнутых дверей и окон. Неподвижно замерло во дворе широкоплечее дерево. Чернела, сворачиваясь кровь, густо заливающая дощатые полы, капала со ступеней, одуряюще пахла в застоявшемся воздухе.

Тревис открыл глаза и застонал. Голова раскальвалась, лицевые мышцы ныли, горло пересохло и сипело. Он попробовал встать, но смог только сесть, чуть не разъехавшись руками на скользком. Опустил глаза и не сдержал вскрика. Пол под ним на сантиметр покрывала кровь, а вокруг...

С трудом сдерживая рвотные позывы, обвел взглядом общий холл на первом этаже. Кроме него, живых не было. Разрозненно лежащие люди успели окоченеть. Распахнутая входная дверь приглашала зайти, но случайные прохожие в суеверном ужасе косились на дом и быстро пробегали мимо. Никто не решался заглянуть в однозначно проклятое место.

Отойдя от первого шока, Тревис вспомнил о друзьях.

— Господи! Хоть бы они были живы! Хоть бы были живы!

Поскальзываясь и спотыкаясь, он заспешил на второй этаж. Пока шёл до нужных дверей, память садистски подкидывала куски воспоминаний минувшей ночи. Стало ещё хуже. Теперь он частично знал, что сделал с Кесс.

— Не-ет, ну нет. Пожалуйста, пусть это окажется сном, пожалуйста.

Первой попала их с Марсом комната. Дверь оказалась закрыта, но потянув ручку, легко поддалась. Тревис почти плакал, приготовившись увидеть разрубленное тело друга, но вместо этого, нашёл его спокойно спящим в своей кровати. Никаких следов грабежа или насилия, только на подоконнике вроде как лежит иней. Хотя, могло и показаться.

На негнущихся от облегчения ногах, Тревис дошёл до кровати и грубо затряс бессовестно храпящее тело. Тело возмущенно заворочалось, ругаясь, но в конце концов, сдалось и проснулось.

— Трев, отвяжись. Не хочешь спать, не мешай другим! У меня сегодня выходной.

— Какой выходной, идиот?!

— Сам ты идиот! Ёжкин чёрт, что с тобой? Это что, кровь на тебе? Ты ранен?!

— Наконец-то прозрел. — Тревис устало сел на свою разложенную постель, уткнув лицо в ладони, но секунду спустя снова стоял на ногах. Спешно одевающийся Марс ошалело разглядывал друга, выглядящего чисто восставшим покойничком: Бледный, худой, с яркими синяками под глазами, с головы до ног вымазанный кровью. Вампир вампиром.

— Пойду девочек проведу...если есть кого проведывать. — Окончание фразы он произнёс шёпотом, но Марс всё равно услышал и не на шутку встревожился, помчавшись следом.

— Да что случилось-то?

— Сам не знаю. Точнее, немного знаю, но не всё. Помню только часть ночи, а вот её продолжение уже нет. Думаю, на таверну кто-то напал.

— Напал? — Но Марсу уже не требовались объяснения. Они успели выскочить в коридор и окружающая обстановка рассказала всё сама за себя. Он смерил бег, перейдя на осторожный шаг. Вместе с мрачно молчащим Тревом, они дошли до самой дальней, сейчас настезь распахнутой, двери. Не без содрогания заглянули внутрь. Комната оказалась пуста. Трупов девушек не обнаружилось, но следы погрома присутствовали. Вещи перевернули и распотрошили. Сумка Кесс лежала на полу вывернутая наизнанку с рассыпанным возле неё содержимым.

— По крайней мере, есть шанс, что они живы и их просто похитили.

— Просто похитили? — Вкрадчивый голос Трева обдал таким холодом, что Марсу стало неуютно стоять рядом. Они вдвоем внимательно обследовали комнату. К сожалению, никаких подсказок к тому, куда могли деться девочки и что с ними произошло, не нашлось. Успокаивал только факт отсутствия кровавых пятен.

— Надо осмотреть весь дом, вдруг они просто сбежали и спрятались.

— Давай. — Тревис сухо кивнул, соглашаясь. Он так и не рассказал другу про ночной инцидент с нападением. Вчера его впервые сорвало и он выпил человеческой крови. Но, — Кесс точно должна выжить. Она же крутой лекарь и подобные раны не должны быть ей страшны.

— По-идее.

Острые приступы вины душили его, но мозг упорно не желал воспринимать реальность произошедшего. Воспоминания походили на дурной сон и откидывались как неправдоподобные.

Тщательный осмотр дома ничего не дал. Они с Марсом остановились возле пустой барной стойки, устало присев на высокие деревянные стулья. Так ноги не касались пола. Начиная жаря сделала воздух совершенно невыносимым, но они никак не могли решиться уйти. Да и куда? Чужой мир, чужой город, а единственную, кто мог их направить, украли.

— Что будем делать? — Голос Марса осип от волнения.

— Паниковать?

— Хех, хороший план. Думаю, Дей бы он понравился. Она любит паниковать по любому поводу.

— Она смелая и сможет за себя постоять.

— Ага.

Между ними повисла тишина. Оба понимали, что для того, кто смог сотворить

подобное, слабая девушка не представляет угрозы. И если они с Кесс до сих пор живы, то остаётся надеяться, что не замучены до смерти. Тревис взвыл от собственного бессилия и раскаяния. Спрыгнул со стула, яростно пошёл к лестнице, переступая через тела.

— Ты куда?

— За вещами. Надо убираться отсюда.

— Куда пойдём?

— К чёрту!!

Марс флегматично пропустил крик мимо ушей, поднимаясь следом.

— Что, прямо в ад?

— Да хоть бы и туда! Мы разве уже не там?

— Тогда и идти никуда не надо. Давай просто встанем, поорем: “Эй, черти! Идите сюда! Мы к вам на насовсем!”

— Очень смешно.

— Да уж, не грустно. — Лицо Марса кисло скривилось. — Я тоже, знаешь ли, волнуясь за девочек, но только не знаю чем им помочь. Вещи забрать надо, факт. И убираться отсюда надо, тоже факт. Но психовать тут нечего. Надо голову подключать, мозгами шевелить, в детективов играть, если хочешь. По-другому мы их никогда не найдём. Пусть нет каких-то очевидных следов, но кто-то должен знать нападавших и где они могут быть. Мы всего два дня в этом мире. Может есть какая-то, ну я не знаю, поисковая магия? Полиция?

— Нет тут никакой полиции.

— И черт с ней! Но спросить мы обязаны!

— Кого?

— Да всех! Любого, кто по дороге идти будет! Выходим и спрашиваем, что-нибудь полезное точно узнаем. Всё равно бестолку время тянем, пререкаясь.

— Ладно, пошли.

— Стой!

— Что ещё? — Тревис недовольно обернулся в дверном проеме.

— Тебе надо переодеться. Ты ужасно выглядишь.

Дейдару трясло. То ли от страха, то ли от боли в стянутых запястьях, то ли от холода, идущего от земли. Почему-то, даже в разгар лета, лесная почва, здесь, в низине, совершенно не нагревалась. Густые массивные кроны пропускали мало света и вокруг стояли мрачноватые сумерки. Пахло водой и лиственной прелостью.

Позади хрустнула, ломаясь, ветка и девушка круто обернулась. Зубы её часто стучали. К ней, в овражек спускалось два человека. Рослые мужчины, с головы до ног одетые в чёрное. Даже лица их до половины закрывали маски.

— Ч-что вы х-хотит-те? Гд-де я? Эй!

Ответа не последовало. Вместо этого, они подцепили её под руки с обеих сторон и так же молча повели наверх и дальше в чащу. Дей попыталась вырваться, но державшие даже не заметили этих попыток. Через несколько минут она сдалась и тупо переставляла ноги, смотря на землю и послушно идя в поводу. Лес вокруг них молчал и густел.

Поляна раскрылась резко и неожиданно. Непроходимый бурелов вдруг оборвался и вот они уже шли по большой, светлой открытой местности, ровно устланной молодой травкой. По всему периметру расположились походные палатки, костры. Тут и там по-одному или группами ходили такие же “чёрные” люди. Все мужчины, ни одной женской фигуры, кроме неё. Дей не сразу поняла, что вели ее напрямик в одну из таких палаток — самую большую.

Можно даже сказать, в шатёр.

Провожатые остановились у входа, разжав хват, грубовато толкнули внутрь. Дей не стала им перечить и осторожно отодвинув тяжелую ткань, закрывающую вход, зашла.

Внутри оказалось темновато, но просторно. За небольшим письменным столом сидел мужчина, одетый в похожий черный костюм, только без маски. Он даже не поднял головы, когда она вошла.

— Проходи, сядь.

Властность голоса родила в Дейдаре новую дрожь. Её снова затрясло, но не подчиниться она не посмела. Прошла два шага, опустившись на единственный свободный табурет напротив стола.

— Боишься?

— Д-да, честно г-говоря.

— Не стоит.

Мужчина отложил перо и взглянул на неё в упор. Его глубоко посаженные глаза пристально и внимательно рассмотрели её с головы до ног.

— Недавно в нашем мире?

— Д-два дня.

— И как?

— П-пока не п-понятно.

— Тебе холодно?

— Нет. Кхе-ха. — От примешавшегося к страху стеснения, Дейдара закашлялась. Еле отдышалась, вспотев от напряжения. Зато, колотить стало чуть меньше и речь перестала заплетаться. — Простите, нет, мне не холодно.

— Хочешь есть?

— Что? А! То есть, есть...эм...наверное хочу. — Непонятно куда идущий диалог заставил её нервно заёрзать. В другой ситуации она легко согласилась бы на угощение, но наедине с разбойником в глубине леса, предложение принимало дурную окраску. Как бы после ужина её не позвали вон на ту, видневшуюся у противоположной стены, кровать. По спине пробежали крупные мурашки. — А что вы будете со мной делать?

— А чего бы ты хотела? — Глаза мужчины ни на миг не выпускали её из своей железобетонной хватки. Его крупная, чуть сторбленная в плечах фигура, производила жутковатое впечатление. С таким совершенно не хотелось шутить. Даже просто испортить настроение было страшно. Но, Дейдара решилась сказать, как есть.

— Хочу, чтобы вы меня отпустили.

— И куда же?

— Обратно.

— Обратно в таверну, в твою комнату?

— Да!

Мужчина впервые изобразил на лице подобие сдержанной улыбки. Откинулся на спинку стула.

— Все эльфы такие романтичные?

— Не знаю, я сама ещё не привыкла им быть. Даже не в курсе, что собственно во мне изменилось. Вроде бы, такая же, как всегда.

— Такая же, как всегда. — Он повторил эхом, почти не меняясь во взгляде. — Мы вместе с тобой прихватили твою подругу.

— А? Подругу? — Дей подскочила, зачем-то закрутив головой. Она ясно понимала, что в шатре никого кроме них нет, но удержаться всё равно не смогла.

— Или она тебе не подруга?

— Подруга! Ещё какая подруга! Самая настоящая! — Она даже побледнела от волнения, вытаращившись на задумчиво сидящего мужчину.

— И ты знаешь о ком я говорю?

— Вы же про Кесс говорите, да? Мы с ней в одной комнате жили. Она такая синеглазая, невысокая, всегда скромно-одетая.

— Отличное описание.

Дейдара смутилась, замолчала и села обратно.

— Что-то ещё можешь про неё добавить?

— Ещё? Ну, она... может лечить раны руками.

— Здорово, что ты про это вспомнила. Уже думал не назовёшь.

Дей вспыхнула, возмущенно уставившись на собеседника. С ней самозабвенно играли, создавая иллюзию общения. С самого начала не существовало никакого выбора или свободы в этом представлении. Все её ответы знали наперед, а информацию тщательно проверили.

— Что вы от меня хотите? Зачем этот допрос, если вы итак всё знаете? Уже сделайте со мной что-нибудь или отпустите! Я устала бояться!

По лицу мужчины снова пробежала знакомая ухмылка. Он неспешно поднялся, а Дей испуганно отшатнулась назад. В спину ей упёрся полог входа. Она замерла, боясь выбежать наружу без дозволения. Но и спокойно стоять не могла. От безвыходности зажмурилась и сжала сведенные вместе кулаки. Верёвка всё ещё туго стягивала запястья.

— Расслабься. Я ничего тебе не сделаю, даже если попросишь. Тебя уже купили и за большие деньги. Моя задача лишь доставить товар не поврежденным.

— Что? — Дейдара распахнула глаза, приготовившись негодовать, но мужчина одним лёгким движением вытолкнул её наружу. Знакомые охранники цепко подхватили её под руки и повели в другую, более мелкую палатку. Как ни старалась Дей высмотреть на полянке Кесс, но у неё ничего не получилось.

Серая Пташка уселся обратно за стол широко улыбаясь. Найденная девчонка категорически удачно подходила под все необходимые параметры: молодая, незамужняя, нужного типа крови, к тому же, приятная внешне. Леди Лиалуара будет довольна. Теперь у её сына появится возможность родить здоровое потомство. А если очень повезёт, то и будущую королеву.

— Даже не верится в подобное стечение обстоятельств.

От охватившего его волнения, он снова встал, принявшись кружить по шатру. Мысли жужжали в мозгу подобно стае разбуженных насекомых. Они лезли друг на друга, цеплялись шелестящими жёсткими крылышками и опять разлетались. Их разноцветье и сочащийся эльфийский дух, крепко утвердили улыбку на его иссушённом ветром, грубоватом лице.

Входное полотно шевельнулось и Пташ не без досады вспомнил про своего следующего гостя и им же отданный приказ привести вторую пленницу.

Она вошла внутрь так спокойно и уверенно, как если бы вернулась к себе домой. Без вопросов сразу села на табуретку, уложила стянутые в запястьях руки на колени и выжидательно уставилась на него. Синие глаза смотрели безо всякого страха или... интереса? От неожиданности Пташ замер, потеряв мысль с которой хотел начать.

— М-м, здравствуй.

— Здравствуйте. — Она мило улыбнулась и замолчала. Видимо, диалог придется вести самому. Этакая молчунья инициативу проявлять не станет.

— Как тебя звать?

— Кесс.

— А полностью?

— Кассандра.

— Что, без фамилии или вторых имён?

— Валийская.

— Значит, Кассандра Валийская. Хорошее имя.

— Спасибо.

Пташа стал напрягать этот разговор. Наглая девчонка не издевалась открыто, но и неуловимого презрения хватало сполна, чтобы почувствовать себя уязвленным. Он осознал, что закипает, но не стал выказывать ударивших в голову эмоций, а просто вернулся на своё место.

— Тебе не интересно зачем мы тебя похитили?

— Вы похитили мою подругу, а меня взяли довеском из-за того, что я хороший целитель и мной можно выгодно воспользоваться или дорого продать.

Пташ не сдержал удивленного покашливания. Злость немного утихла. Проклюнулся интерес.

— Значит, умная?

— Говорят, что так.

— Кто говорит?

— Кто со мной знакомиться.

— Видимо, я не стал исключением?

— Нет.

Настроение снова качнулось в отрицательные значения. Захотелось встать и расшибить эту спокойную башку об стол. Потом бить ещё и ещё, пока лицо не превратится в блестящую кашу. Затем поднять и потащить за волосы на кровать.

С трудом вырвавшись из кроважидных видений, с глубоким вздохом, поднял глаза. Девица не шелохнулась, не изменилась во взгляде, только осанка сделалась более царственной.

Некое подозрение шевельнулось у него в груди. Даже не подозрение, а его слабая тень. Он попробовал взять себя в руки, унять бешенство и взглянуть на сидящую под другим углом, примечая самые тонкости её облика и поведения.

Не зря он являлся потомком богатого дворянского рода. С детства усвоил манеру, с которой ведёт себя высшая знать и многое успел намотать на ус за долгую, насыщенную жизнь. Эта Кесс точно имела благородное происхождение. Оно не выбивается из человека, какой бы костюм он не носил и в чьей бы компании не путешествовал. То, что сначала он принял за наглость, могло оказаться пониманием собственной значимости. Спокойствие и уверенность — привычкой к неприкосновенности. Бесстрашие перед превосходящим противником — возможностью действительного превосходства.

Установившаяся между ними тишина не мешала общаться. Размышления уняли лишние эмоции, выровняли дыхание, охладил голову. Теперь Пташ и сам не понимал, что испытывает. Внутренняя ищейка встала на интересный след, но бежать вперёд не торопилась. Запах преследуемого зверя был слишком яркий и этим же подозрительный. Как

бы в пылу погони не угодить в заботливо расставленную ловушку.

Наконец, он устал гадать и продолжил странную беседу.

— Вот, смотрю на тебя, и не верю ни единому твоему слову. Зачем ты меня обманываешь, Кесс?

— Я сказала правду.

— Ну да. — Он помолчал, потрясенный её способностью одним словом выводить собеседника из душевного равновесия. Пригладил рукой наполовину седые короткие волосы, постучал пальцами по столу. — Знаешь, твое поведение настолько безрассудно, что не перестаёт удивлять. Я уже устал представлять, как делаю с тобой всякие гадости. А ты, вместо того, чтобы поднимать мою к тебе лояльность и тем самым обеспечивать себе хорошее будущее, наоборот, жутко меня злишь. Не знаю, на что направлен этот твой расчёт, но держусь я из последних сил. И если мы продолжим в том же духе, ты живой отсюда не выйдешь. Я изнасилую тебя и убью, а потом вышвырну твой труп в лес, чтобы его там сожрали звери. Тебе понятно?

— Понятно. — К невероятному облегчению Пташа, спокойствие синих глаз впервые поколебалось. Он счел это за личную победу. Даже настроение улучшилось.

— Что ж, раз мы договорились, предлагаю перейти к деловой части нашего разговора. Я хочу, чтобы ты на меня поработала. Продавать я тебя не намерен, денег у нас в избытке, а вот услуги целителя постоянно требуются. Могу даже платить, как остальным парням, но телесную неприкосновенность не гарантирую. Согласна?

— Нет.

Пташ яростно зарычал. Нет, теперь он ее не отпустит. Все, гадина, перешла все границы его терпения. Он встал, позволив лицу отразить всю глубину собственной злости.

— Тогда ты сама напросилась.

Она не проронила ни звука, когда полетела с табуретки на пол от сокрушительного удара в лицо. Кровь брызнула из разбитого рта и носа, но глаза остались демонически-спокойны.

— Наглая тварь.

Вид неподвижно лежащей на полу девчонки заставлял его трястись от неукротимой злобы и бить ее уже ногами. Хотелось размозжить это безразличное лицо, раздавить, уничтожить показную самоуверенность. Заставить страдать и умолять. Тогда бы он остановился.

Привлеченные подозрительными звуками, в шатер заглянули охранники.

— Вон!!

Они исчезли в ту же секунду, а его немного отпустило. Он прекратил избиение, тяжело, загнанно дыша. Девушка не двигалась. Упавшие на лицо волосы прикрывали развороченное кровоточащее мясо. Но разбитая, синяя до черноты, грудная клетка всё ещё двигалась, выдавая признаки жизни. Насиловать подобное уродство расхотелось. Он разочарованно сплюнул и крикнул парней. Те зашли, молча выслушав приказ.

К тому моменту, как умирающее тело вынесли, настроение Пташа скатилось до невозможных низов. Он обзывал себя последними словами, злясь за собственную несдержанность. Когда-нибудь, это всё-таки доведёт его до могилы. Нельзя так не контролировать себя. Кто бы, что ему не говорил, как бы себя не вёл, нельзя терять рассудка!

— Гадство! Гадство!! А-а! Идиот!!

Стол с вещами полетел на пол, туда же отправилась табуретка. Через пять минут всё в

шатре было переломано. Кристофер Дарнау пребывал в ужасном настроении. Особенно бесила мысль, что его переиграли.

Тревис с Марсом целый день прочесывали город, собирая любые крохи информации о ночном нападении. От бесконечных разговоров у них разболелась голова и стерся язык. Силы кончились, желудки голодно урчали, но упрямство не позволяло прекратить попытки и сдаться. Уже на закате они доплелись до раскрытых ворот, вышли на дорогу, уводящую в поля и устало сели на обочину. За целый день — почти ничего полезного. Никаких свидетелей, никаких примет, кроме расплывчатой формулировки “быстрые черные тени”. Наверное, те же, что напали на караван.

Тревис немного посидел, тупо уставившись перед собой. Потом обессиленно рухнул на спину, утонув в высокой золотистой от заката траве. Марс проследил за ним и тоже развалился рядом. Всё равно их никто не видел, плевать.

— Как выяснилось, мы с тобой плохие следователи. Ни черта не продвинулись. Хоть бы отпечатки пальцев какие-нибудь нашли.

— И чтобы мы с ними делали? Коллекционировали? — Трев прикрыл глаза, стараясь собрать расползающиеся мысли в кучу. Плохо выпавшийся организм вырубался. Жара и беготня вымотали. Хотелось спать и есть и пить и сдохнуть где-нибудь в канаве.

— Да уж, это была бы занимательная коллекция. Представь, как бы она выглядела?

— Клянусь, как-нибудь зловеще.

— Ох, только зловещих коллекций нам и не хватало.

Марс, разошедшись, продолжил живописать свои безумные фантазии на этот счёт, а Тревис сам не заметил, как погрузился в дрему. Вроде и слышал голос друга, но мозг спал, отключившись от реальности. Видения вспархивали к нему на плечи с лёгкостью и невинностью бабочек. Кружили, волновались на ветру и снова опускались на утомлённое тяжёлое тело.

Неожиданно, сквозь тихий шелест их крыльев, пробился другой звук. Вроде капли или лёгких шагов, ступающих по воде. Шаги приближались и звук становился отчетливее и весомее. Кто-то шёл к ним. Кто-то необычный, не из этого мира. Кто-то, чьё присутствие радует и пугает одновременно. Тревис никак не мог подобрать более четкого определения. Он просто спал и следил сквозь сон за этим невидимым неведомым существом. Почему-то захотелось улыбнуться и он улыбнулся. В этот момент, Марс затряс его за плечо.

— Что? Что такое? Зачем ты меня будишь, я так хорошо заснул.

— Смотри! Там кто-то идёт!

— Кто? — Тревис подскочил на месте, но вставать в полный рост не стал. Они следили из травы, доходящей им почти до пояса. В глаза било заходящее солнце. За слепящим оранжевым светом, рассмотреть идущего по полю человека не удавалось. Одно было ясно — он шёл прямо к ним, но его продвижению мешала буйно-колосющаяся растительность.

— Это кто-то невысокий, может ребёнок?

— Нет, ну какой ребёнок? Для ребенка рост великоват.

— А вдруг это подросток-ребенок?

Спор разрешился сам собой, стоило “подростку-ребёнку” приблизиться достаточно близко. Тревис среагировал первым, вылетев из убежища со скоростью пули. Марс радостно заулюлюкал секундой позже, запрыгав на месте и замахав руками.

— Эгей! Кесси! Ты нашлась!

— С тобой всё хорошо? Ты цела? Нигде не болит? — Тревис, заботливо подхватил

девушку под локоть и повёл на дорогу. Он с тревогой рассматривал бледное, осунувшееся как после болезни лицо лекарки. Платье на ней кто-то порвал и одно плечо обнажилось. Ткань покрывали грязь и подсохшие бурые пятна. Но, в целом, видимых ран не было.

— Да, всё хорошо, я здорова.

— Вид у тебя ужасный. Что произошло? Мы тебя искали. Ты не видела Дей?

— Кесси! — Марс встретил их лучезарной улыбкой, но она сползла с него при близком осмотре девушки. — Боже, ты живая вообще? Трев, она не умирает случайно?

— Нет, не умирает. Просто долго пробиралась по лесу, да? — Он усадил её туда же в траву, давая возможность отдышаться и прийти в себя. Лекарка благодарно улыбнулась и устало облокотилась о землю. Взбудораженным ребятам хотелось засыпать её ворохом вопросов, но они держались, давая человеку перевести дух. Марс не выдержал первым.

— А Дей? Что с ней? Она живая? Что вообще произошло? Мы искали вас весь день думали вас похитили. Вас похитили?!

— Марс!

— Да что? Мне интересно!

— Мне тоже, но я же не кричу!

— И я не кричу!

— Дейдара жива и здорова. — Кесс не стала растягивать паузу и поспешила дать объяснения. — Нас действительно похитили ночью и забрали в разбойничий лагерь, вставший неподалёку в лесу. Мне удалось сбежать, но Дей я с собой захватить не смогла. Но, ей в ближайшее время ничего не угрожает. Её везут к покупателю.

— Куда?! К покупателю?!

— Марс, угомонись.

— Сам угомонись! К какому ещё покупателю?! Она что, в рабстве или типа того?!

Девушка не нашлась с ответом, а Тревис хмуро поглядел на друга. Тот только ртом захлопал от возмущения и всплеснул руками. Лицо его налилось краской.

— И нечего так на меня смотреть! Твоя девушка, значит, спасена, а моя в каком-то там рабстве?!

— Она мне не... — Трев растерялся от подобного заявления. Уши загорелись от стыда. — Что ты говоришь такое. Ну какая ещё девушка. — Конец фразы потонул в нечленораздельном бухтении. Он стеснялся даже глаза поднять, чувствуя, что Кесс внимательно смотрит на него.

— Да вот такая! Какая! Нет уж, ноги в руки и бегом вызволять Дей! Ещё чего придумали, людей по рабствам таскать! Это совершенно отвратительный волшебный мир! В старом хотя бы не было рабства!

— Уж конечно не было.

— Ладно, но нам не грозило!

Тревис не стал спорить. С трудом поборол страх, встретившись взглядом с синими смеющимися глазами. Отлегло.

— Прежде чем бросаться в разбойничье логово, хотя бы поинтересовался выживешь ли ты в нём. Кесс, смотри в каком состоянии вернулась. Кстати, как ты смогла сбежать?

Под встречными вопросительными взглядами, девушка смутилась и опустила голову. Она мяла разорванный край платья и молчала. Когда Тревис подумал, что они уже не дождутся ответа, она начала говорить.

— Я думала не рассказывать вам правду, но, кажется, если этого не сделать, вы не

поймёте серьёзности своего положения. Главаря этой банды зовут Серая Пташка и он самый страшный человек в этой части континента. У вас не будет возможности даже увидеться с ним, не то, что победить. Вас убьют незаметно, только лишь на подступах к его владениям. Пока что, он стоит в лесу, но скоро двинется в путь. Ему надо передать важный товар и встречаться с покупателем он будет лично. Единственный шанс выкрасть Дейдару может быть только в конечной точке, когда Серая Пташка уже утратит к ней интерес.

— И где эта точка?

— К сожалению, это я узнать не смогла.

— Жаль, придется проследить за ними и пойти следом.

— Конечно пойдём! — Марс готов был выдвигаться немедленно. Буря негодования переполняла его.

— Подожди ты! Собрался он лететь. — Тревис посмотрел на Кесс, безмолвно прося её продолжать.

— Боюсь, даже выследить их вам не удастся. Если бы всё было так просто, этой банды бы уже не существовало. Серая Пташка слишком умён и никогда не станет подставляться. Я, конечно, могу довести вас до нынешней стоянки, но совершенно не представляю что это вам даст. Хотя, меня там ждать не станут, они считают меня мёртвой.

— Что? Мёртвой? — Нехорошее предчувствие защемило грудь. Тревис заставил себя судорожно вдохнуть густой воздух.

— Видите ли, у нас с главарем вышла непростая беседа. Он разозлился и сильно избил меня. Обычный человек скончался бы на месте. Так оно практически и вышло. Меня вынесли из лагеря и скинули в канаву к остальным трупам. Но неприятность в том, что я на самом деле очень хороший лекарь.

— Нет, нет, я не хочу это слушать! Боже, как ты вообще можешь так легко об этом рассказывать? Это же кошмар! Наверное, тебе было очень больно.

— Вот тебе и волшебный мир.

— Да что ты пристал со своим волшебным миром?! Нет здесь никакого чертового волшебства!

— Человек с того света вернулся всего лишь с порванным платьем! Это что, не волшебство?

— Это гадство какое-то!

— Вот и я говорю о том же!

— Пожалуйста, не ругайтесь. Правда, мне очень жаль, что я вас расстроила и напугала, но я привыкла к такому, честное слово.

— Привыкла? — Тревиса как холодной водой окатило. Он замер, впервые испытав к девушке неизвестно откуда взявшуюся злость. Синие глаза уловили это и встревожились. Марс не дал им развить щекотливую тему.

— Так, давайте на этом закончим и пойдём куда-то, где можно нормально поспать и поесть. Предлагаю, заселиться в другую гостиницу. Деньги у нас ещё остались, тем более, я прихватил кое-чего валявшегося. Так что, можем себе позволить хороший отдых на эту ночь, а с утра продолжим дебаты. Мне тоже не терпится продолжить выяснение отношений, но уж очень я за этот бешеный день устал. Согласны?

— Согласны. — Трев хмуро ответил за двоих и встал. Кесс поднялась следом, застыв печальной тенью. Марс вздохнул и первым зашагал по направлению к воротам. Солнце окончательно село и стало быстро темнеть. Наступала их четвёртая ночь в этом странном,

запутавшемся в самом себе, мире.

Фрей совершенно не хотел видиться с матерью, тем более наедине, тем более для очередного разговора о будущем. Он стоял посреди королевских покоев, как на углях, мучаясь невозможностью прекратить осточертевшую беседу. Леди Лиалуара спокойно смотрела на него из мягкого кресла, одной рукой неосознанно поглаживая выпирающий под складками платья живот. Зелёные глаза непроницаемо мерцали.

— Да, ещё хотела сообщить радостную новость. Для тебя нашлась невеста, её уже везут сюда.

— Не нужна мне никакая невеста!

— Как бы не так. Не ты ли первый печалился на этот счёт?

— Я?! Это ВЫ всегда тыкали меня носом в мою бездетность! Называли уродом за спиной! Плевать я хотел на такой род! Никто в этом вонючем замке не слушает меня, никто ни во что не ставит. Смотрят сверху вниз, как на ничтожество. Им даже наплевать, что я принц! Ждут когда родиться настоящий наследник и можно будет наконец от меня избавиться.

— Ты говоришь неправду.

— Правду!

— Ты обозлился на свою болезнь, ненавидишь себя и считаешь, что все окружающие думают также. Но, это не верно, тебя жалеют.

Красные от рождения глаза Фрея вспыхнули, а в груди затаилась чёрная злоба. Опрометчиво мать бросила эти слова. Они упали в прелую, разрытую и крайне благоприятную почву. Зерну ненависти дано было взойти.

Он промолчал, опустив взгляд в пол, но последняя капля заполнила плотину терпения. Он больше не хотел кричать и спорить. Не хотел ничего доказывать. Он просто возненавидел весь этот убогий слабосильный глупый эльфийский мирок. И впервые, в нём родилось желание не защитить его, а уничтожить. Презрение переполнило до краёв, вылившись странной помешанной улыбкой. Подобная перемена не ускользнула от внимания матери.

— Чему ты улыбаешься?

— Я доволен.

— Чем же?

— Вашим пониманием ситуации. И общественной жалостью, конечно же. Так приятно осознавать, что вокруг тебя друзья, готовые разделить твою боль.

— Не пойму куда ты ведёшь. — Королевский профиль нахмурился и пронизательное женское сердце тревожно сжалось. Но, к Фрею, наоборот, пришло вдохновение. Впервые за долгое время, он ощутил пустоту и лёгкость на душе. Удивительно как меняется мир от элементарной смены полюсов. Только что, жизнь казалось ему невыносима, а окружающие — непроходимо тупы. И вот, он заглянул за край, позволив себе вдохнуть холодного аромата бездны, как оттуда к нему протянулись ласковые руки свободы. Оставалось только шагнуть ей на встречу.

— Я никуда не веду. Хотите меня женить на ком бы то ни было — я не против. Приводите эту вашу невесту, обрюхачу её и пусть рождает вам здоровых внуков. А если родится девочка, я задушю её в тот же момент, чтобы весь ваш род сгнил под сенью великого дерева.

— ФРЕЙ!

Но принц уже развернулся и быстрым шагом покинул покои, громко хлопнув дверью. Королева вскочила, не замечая громко шумящей в ушах крови и резко скакнувшего давления. Голова ее закружилась, живот свело спазмом и она рухнула обратно в кресло, не в силах отдышаться и прийти в себя. Такого она от своего любимого единственного сына не ожидала. Как он мог вымолвить настолько ужасные слова? Как в его голове могли родиться столь черные мысли? Откуда взялась ненависть?

Фрей бежал по светлым коридорам дворца и не мог остановиться. Его душили слёзы, страх, обида и ярость. Одна его часть раскаивалась из-за сказанного, а другая удовлетворенно улыбалась. В глубине души он был рад и горд собой, что сумел выразить скопившуюся внутри агрессию. Сколько времени она мучила его, отравляя и лишая сил. И вот, теперь он свободен и он бежит и сам боится своего бега.

Заселиться в другое место удалось не с первой попытки. Из-за прокатившихся грабежей, на их странную компашку во главе с вампиром, смотрели косо и грубо заворачивали с порога. Ни у кого не возникало желания лишней раз рискнуть с жильцами. Поэтому, блуждать по засыпающему городу пришлось долго, пока их не приютила у себя одна сердобольная старушонка. Она жила в небольшом одноэтажном домике в самом бедняцком квартале. Сюда ребята заглянули в последнюю очередь, вовсе отчаявшись найти жильё. Зато, одинокая хозяйка не стала задавать неудобных вопросов, назвала скромную цену за постой и благодушно предложила с ней отужинать. Согласились единодушно.

Старушка оказалась бойкой и славной. Поставила на середину стола чугунок свежих щей с хлебом, раздала ложки и с умилением рассматривала оголодавших постояльцев. Ей особенно пришлась по душе Кесс, “скромная и тихая девчушка”. А вот парней она с готовностью раскритиковала за их “бандитский” вид. Тревису порекомендовала “заканчивать с этим его вампирством”. Марсу пожелала отрастить нормальную причёску, “а то так позорно черепушку прикрывает”.

После ужина, разошлись спать. Кесс, как девушке, старушка постелила на единственной свободной кровати. Ребятам досталась груда соломы на полу прикрытая шерстяным покрывалом. Такой потрясающий уровень комфорта заставил Марса душещипательно застонать, но вслух он возмущаться не стал. Хозяйка умильно наблюдала за ними со стороны, потом погасила свет и ушла на свою половину домика. Ребята вздохнули с облегчением.

— Кажется, я стал забывать, как выглядит настоящее магическое средневековье. Кинули солому на пол — спи родной! А как было классно в “топорике”. И столовая вкусная и постель мягкая.

— И кровью все залито.

— Фу ты! Я уже почти забыл.

— А я вот тебе напомним. — Тревиса не сильно заботила мягкость постели. Его мысли с самого вечера вращались исключительно вокруг Кесс. Её рассказ взбудоражил и привел в ужас. Он ещё не успел попросить прощения за собственное нападение, а она уже успела принять столько мук от других людей. Тревиса мучила совесть и с каждым часом грызла всё сильнее, грозясь проделать в сердце натуральную дыру.

Он промучился целый час, пока дождался от лежащего рядом друга громкого размеренного храпа. Поднялся и бесшумно прошел в соседнюю комнату. Кесс спала, отвернувшись лицом к стене. Будить уставшую девушку резко расхотелось, но и сил уйти не

нашлось. Он вздохнул и сел на пол, облокотившись спиной о кровать, смотря на прикрытое занавесками окно. Опустил голову. Спутанные, грязные, местами слипшиеся волосы упали на лицо, вызвав острый приступ отвращения к самому себе.

Куда он полез? На что понадеялся? Зачем пришёл в темноте изливать душу? Кому она нужна, его душа! Да и какая она? С тех пор, как внутри проснулась Тварь, он потерял всякую уверенность в себе. Не знал кто он, какой, кем ему быть. Потерялся в темноте. От того и летит как мотыль к свету. А свет — это она: Чистая, нежная, добрая, прекрасная от мыслей до поступков. Невинная, как весна.

Будто в ответ на его мысли, девушка шевельнулась и легла на спину. Тревис испуганно обернулся на скрип и вскочил. Кесс сонно моргала, пытаясь рассмотреть ночного гостя. Не испугалась, только потянулась и зевнула.

— Что, опять хочешь есть?

— Что? А, ой, нет-нет! Что ты! Я...боже, прости! Я только за этим и пришёл, хотел попросить прощения за прошлый раз. Я был так груб и безумен, что...

Тихий веселый смех прервал бурные скомканые извинения. Тревис смущенно замер на полуслове, от волнения хрустя суставами пальцев. Он мял кисти и мучился жгучим стыдом. В то же время, ему было чертовски-приятна теплота и легкость, с которой девушка отнеслась к нему.

— Не переживай, я давно тебя простила. Собственно, и не обижалась. Видишь ли, я уже не первый раз имею дело с вампирами и отлично понимаю их устройство.

— Да?! Откуда? Расскажи! — Он заметил смешок в женских глазах и продолжил намного тише. — Если можно, конечно.

— Рассказать-то нетрудно. История, конечно, стара и печальна, но зато правдива. Надеюсь, мой рассказ не расстроит тебя. Мне было бы очень грустно испортить наше общение.

— Что ты! Ничто не заставит меня испортить наше общение! Ты же мне...кхем, это. Так что там с историей?

Девушка поднялась, устраиваясь поудобнее, села, облокотившись на спинку, приглашающе похлопала по кровати. Тревис вспыхнул до самых ушей, но в ночном сумраке спальни краски меркли. Послушно присел на краешек постели, деревянностью движений походя на робота.

— Как и обещала, я не стану скрывать от тебя правду. Дело в том, что у меня есть жених, точнее, был. Он умер уже очень давно, в бою, сражаясь за свой дом. Я любила его и он отвечал мне взаимностью. Всё было просто чудесно, пока не кончилось в один день. Я не смогла уберечь его от опасности, не была рядом, когда он умирал. Он скончался от ран в одиночестве, замерзая в снегу, безнадежно ожидая от меня спасения.

— Кесс... — Тревис забыл, как дышать.

— И да, он был вампиром, как и ты. Даже смешно, меня тянет в темноту, как в яму. Я бегу в неё, лечу, стремясь упасть и разбиться, но всё время не добегаю. Меня ослепляет солнце и затапливает всё вокруг, возвращая в объятия безжалостной белизны. Снова и снова. Мои глаза так устали от света, но я не могу их закрыть. — Она замолчала, откидывая голову назад, отчего шея оголилась и призывно вытянулась. Тревис почувствовал, как в голову ударяет знакомая красная волна. Пульс подлетел. Пальцы сжали тёплую простынь. Он замер, как перед прыжком.

Через минуту тишины она продолжила.

— Я знаю чего ты хочешь и чего боишься. Тьма и вампиры — взаимосвязаны, неотделимы одно от другого. Вы есть сама суть разрушения. И как ни странно, в этом состоит и мое самое главное желание. Я мечтаю о крахе, всем своим существом раскрываюсь навстречу бездне, всхожу на её костёр, но никак не горю. Она отвергает меня, выплевывает наружу, бросает на белый колючий снег. Поэтому, я не стану уворачиваться от твоих клыков. Если тебе хочется крови — пей, хочется кусать — кусай, хочется ломать — ломай. Не стану сопротивляться. Я слишком больна темнотой. — Она снова умолкла, но уже через секунду добавила намного тише и печальнее. — Тебе должно быть, стало противно от моей истории. Я пойму, если ты больше не захочешь со мной общаться.

— Нет! — Тревис не знал чего он хочет сильнее — поцеловать её или обругать за такое самоуничижение. Он выбрал третье: Придвинулся и что есть силы сжал в объятьях. Уткнулся лицом в макушку, зажмурился, ощущая в руках мягкое, податливое женское тело. Он ещё никогда ни с кем не был так близок, никогда не испытывал подобных чувств. Мысли плясали и путались. Слова застряли в горле. Надо было что-то сказать, но он не мог произнести ни слова. Только гладил тёплую подрагивающую спину, склоненную к нему на грудь голову и молчал.

Она плакала беззвучно, цепляясь пальцами за его рубашку. Ночь обнимала их, скрывая от всего мира. Город спал и ему снились цветные сны. Тяжёлые тучи рассеивались и на улицу с размаху влетел посвежевший ветер. Ему не терпелось поскорее выскрести с обнажившихся мостовых скопившуюся на ней, застарелую боль.

Не смотря на неудобную постель, Марс выпался отлично и чувствовал себя полным сил для грядущих свершений. Тревис ещё спал, закрывшись локтём. Из кухни одуряюще пахло свежим хлебом и слышались женские голоса. Должно быть, Кесс поднялась раньше них и напросилась помогать по хозяйству.

Он подумал, что до сих пор не может выбрать стиль общения с этой особой. С одной стороны, ничего опасного или плохого она в себе не несла: только помогала, лечила и улыбалась. С другой стороны, рассказы о побоях, ненормальное спокойствие и непроницаемый для понимания взгляд. Все вместе эти факторы действовали отталкивающе. Глубоко внутри он отказывался ей верить и постоянно ожидал подвоха.

К огромному его возмущению, к приготовлению завтрака его не допустили, с шиканьем выпроводив за дверь. В догонку крикнули выйти на улицу открыть ставни, раз все уже проснулись.

С трудом представляя себе что такое эти загадочные “ставни”, Марс, тем не менее, бодро вышел за порог. Пошурился на бьющее в глаза солнце, размял плечи и деловито подошёл к двум заколоченным окошкам. Вернее, ему сначала показалось, что они заколочены. На самом деле, просто закрыты створками на навесной засов. Скоро разобравшись в странной конструкции, открыл дверцы и зафиксировал их на неприметный крючок. Отошел, любуясь своими первыми побежденными ставнями.

Позади, за углом, послышалась непонятная возня и любопытство погнало проверить её источник. Домик старушки располагался у самой городской стены в тупичке. Кроме их двери на улицу выходила дверь соседней, столь же бедной развалюхи. Но там, вроде как, никто не жил. По крайней мере, именно так Марс думал, пока не увидел сгорбленную спину щупленького мужичка. Спина показалась знакома и чем-то серьезно занята. После тихого щелчка в замке стало ясно, что занималась она взломом. Последовавшее за этим приглушенное бурчание, развеяло последние сомнения и обрадованный Марс расплылся в

широкой улыбке, открыто выходя из-за угла.

— Смирн! Ты ли это? Что, тоже жить негде? А я думал ты уехал в столицу!

Надо отдать ему должное, побледневший до синевы мужичок, не кинулся с места в карьер только благодаря многолетней практике попадания в безвыходные ситуации. Он замер с натянутой на перепуганное лицо неестественной улыбкой, тщетно пытаясь спрятать связку железных отмычек в карман. Рука постоянно промахивалась, но он не сдавался.

— Марсик! Здраве будьте на добром слове! Не ждал, не ждал свидеться в таком-то месте. Вот денёк-то поди какой богатый на встречи! Что ж вы тутова, прижились что ли? Думал, в “топорике” обитаете.

— Обитать-то, обитали. Да вот только вырезали там всех.

— Всех да не всех. — Фраза утонула в досадном бурчании, но секунду спустя Смирн взял себя в руки. Отмычки исчезли в нужном кармане, а сам он сочувственно мотая головой, вышел навстречу. — Слышал, слышал. Видеть не приходилось, побаиваюсь я этаких ужасов, знаешь ли. Не в мои-то годы на подобные страсти глядеть. Люди говорят, кровью там весь пол на ладонь залит, а внутрь и не зайти — смердит так, что глаза режет. Хотят целиком сжечь, чтобы хворобу какую не разнесло оттуда. А вы, значит, уцелели и теперь тут обитаете?

— Тут. — Первый восторг от встречи со знакомым человеком прошел и в душе Марса зашевелилось беспокойство. Детектор подвоха заработал на всю катушку, замигав лампочками и включив противобрехловую систему. — Так ты никуда не уезжал?

— Уезжал, уезжал! Как раз перед самым нападением и уехал, а потом вспомнил, что забыл и вернулся. Знакомый у меня тут жил раньше, вещи у него оставил, хотел забрать.

— А-а... — Теперь Марс точно укрепился в своем подозрении. Мужичок темнил и явно жалел, что повстречал своих недавних спутников. Суетливые глазки то и дело посматривали на дорогу — единственный вариант побега. Как бы случайно Марс этот самый “вариант” перегородил своей объёмной фигурой. Широко и столь же натянуто улыбнулся, любезно указывая на дверь их домика. — Приглашаю на завтрак, как раз испекли свежий хлеб.

— Нет-нет, что ты! — Смирн в ужасе замахал руками, тоскливо оглядывая каменный тупичок. — Без гостинцев да в гости, стыдоба какая! Я лучше пойду, дел, знаешь ли, видимо-невидимо. Как-нить в другой раз, точно-точно! — Он сделал неловкую попытку пробраться на дорогу, но улизнуть ему всё равно не дали. В дверях появилась невыспавшаяся, и от того мрачная фигура вампира. Смирн замер меж двух огней, переводя взгляд с одного на другого.

— О, Смирн. Ты не уехал.

— Тревушка, родной! Доброго утраца вам, не спалось, кажись?

— Выспишься тут. — Он широко зевнул и не без труда перевязал на затылке грязные до невозможности волосы. — Чего в гости не заходишь?

Ответить растекшийся в улыбке мужичок не успел. Его взгляд остановился на появившейся за спиной Тревиса девушке. Знакомые синие глаза обожгли холодом. Голос замер в горле, мысли панически заметались по испуганной черепашке. Он точно знал, что она мертва. Как она...? Кто она? Могла ли она видеть его в лагере? Да точно нет, но он лично застал момент, когда уже не дышащий труп девчонки уносили в лес. Молчание ещё могло его спасти, но слова удивления вылетели помимо воли.

— Ты жива?

— Хватайте его.

Приказ лекарки подействовал спусковым крючком для всех. Мужичок, подпрыгнул,

приходя в движение. Парни двинулись на перехват, но, опытный в побегах Смирн оказался проворнее, успев прошмыгнуть за спинами своих ловцов. Как только он почувствовал под ногами свободную дорогу, силы его удвоились и он буквально полетел прочь.

— Ловите, ловите его! Он знает, что со мной случилось, значит, он был там! Наверное, он нас и сдал!

Осознав смысл сказанного, Трэвис пришёл к таким же выводам и зарычал. Теперь, погоня стала его личным делом. Он расшибется в лепешку, но не упустит свою жертву. Благодаря новой расе, скорости и выносливости у него прибавилось, что значительно упрощало забег. Марс отставал, но не сильно. Мужичок впереди петлял как заяц, постоянно меняя направление и ныряя в подворотни, как рыба в омут. Если бы не развившееся чутьё, Трэвис потерял бы его. Положение спасла заинтересованная проснувшаяся от сытой спячки, Тварь. Она встала, с шумом втягивая воздух и роняя из пасти густую жёлтую пену. Её азарт дал вампиру возможность обострить все имеющиеся органы чувств. С подобным помощником, охота вышла на новый уровень.

— Он там!

На стороне беглеца было отличное знание местности. На стороне преследователей — настырность и священный гнев. Сама мысль предательства рождала в Трэвисе яростную дрожь. Конечно, сначала придется выбить доказательства. Если мужичок окажется чист, они его отпустят. Вот, только в подобный вариант верилось с трудом, иначе, зачем бы ему так отчаянно убегать.

— Смирн! Стой!

Марс сделал попытку достучаться до бегуна, но лишь сбил дыхание и вынужденно остановился.

— Ох, больше не могу. Сейчас сдохну! Никогда столько не бегал. — Он хотел посоветовать другу дальше на него не рассчитывать, но того уже и след простыл. — Эх! Фуф ты. Ладно, пойду обратно. — Он устало махнул на всё рукой и потопал в сторону “дома”. Один чёрт этот псих мужика в покое не оставит. Через минуту-другую в зубах принесет.

Как ни удивительно, но расчёт Марса снова оправдался. Не успел он зайти в их “тупичок”, как сзади послышался низкий гортанный рык и придушенное попискивание. Трэвис тащил свою жертву прямо за горло, нисколько не заботясь об удобстве этой самой жертвы. Придушенный Смирн едва сопротивлялся, пытаясь не путаться в ногах. Ожидавшая их на улице Кесс, указала на соседний, благополучно вскрытый нежилой дом. Мужичка затащили внутрь, бросили на захламлённый, утонувший в пыли пол. Все трое столпились вокруг.

— Рассказывай. — Марс решил взять допрос в свои руки. В глазах смотрящего на них Смирна, блестели вызов и упрямство. Он явно не намеревался так легко сдаваться, подготовившись привычно выворачиваться.

— Что рассказывать-то? Нелюди! Гоняют бедного старика по всему городишко. Не жалеют нажитые седины!

— Ой брехло! Сам первый убегать стал, вот и погнались за тобой.

— Ужо и побегать запрещено? И кто вам позволил людёв за шеи таскать?! Что ж, я гусь вам?

— А хоть бы и гусь! Ты зубы-то не заговаривай. Рассказывай что знаешь про разбойников и похищение. Ты нас им сдал, гад?!

— Да я бы никогда! Что ж ты клевету тут разводишь? Вот ведь совести хватает честных

людей в такое положеньеце ставить! А ещё туда же! Судить он взялся! Сам хорош — девку проморгал!

— Слушай сюда, дед. — По изменившемуся тону друга и сгустившейся в помещении тени, Марс понял, что кое-чей запас терпения кончился. Расслабившийся от болтовни Смирн также не остался слеп к подобным переменам. Он послушно заткнулся, смотря на присевшего рядом на корточки вампира, как мышь на удава. — Либо ты сейчас коротко и правдиво отвечаешь на вопросы, либо живым отсюда ты уже не выйдешь. Понятно?

— Да как же не понять? Понятно конечно. — Немного присмиривший Смирн поёрзал удобнее устраиваясь на полу и уже значительно адекватнее взглянул на своих допросчиков. — Чего говорить-то? Ну да, сдал я вас. Да только не больно-то и хотел, как-то само собой получилось, случайно. Кто ж знал, что эльфка ваша редкой породы окажется и денег за её поимку горы бешаные дают?! Ить я и не знал. Господину Пташу, как другу злключения свои пересказывал. А тут вишь чего? Так и случилось, что без моей воли. Чего мне теперь, до конца жизни за случайность звиняться?

Марсу удивительно стало от того, как действительно мужичек давил на жалость. Так послушать его — невинная незабудка. Даром что, почти на месте преступления застучали.

Кесс, значит, тоже случайно до смерти избили? Сам же удивился, что она жива.

— Конечно удивился! Как тут разум последний не растерять, когда человек с того свету возвращается? Не я ж её умучил так. Из палатки хозяйской её окровавленную вынесли. Где бы мне и в том-то виноватому быть? Не поладили значит, разозлился господин.

— За что же надо было так разозлиться?

— А это уже у вашей барышни извольте интересоваться. Она там была, и, стало быть, главный свидетель.

Марсу впервые в голову пришла эта идея. Судя по вытянувшемуся лицу друга, ему тоже. Одна девушка осталась непоколебима и спокойна. Ни один мускул на её лице не дрогнул, лишний блик не упал на цветную радужку. Зато, она впервые сама задала вопрос.

— Куда везут Дейдару?

— Вот те раз! Да кто ж его знает! Не такого я полета птица, чтобы все планы хозяйские знать. Что краем уха зацепил, то и несусь.

— Снова юлить начал, собака? — Марс, не выдержав, схватил мужичка за грудки, приподняв над полом. — Всё ты знаешь! Отвечай!

— Пусти бесёныш! Я тебе в отцы гожусь!

— Не надо мне таких отцов! Быстро говори!

— Убивают-ют! — Смирн заорал и задёргался, вывернувшись из захвата, упал на пол, перекатился и вскочил на ноги, готовый бежать. В этот момент чужая цепкая рука перехватила его за грудину и пол с оглушающим грохотом встретился с его головой. В ушах зазвенело, воздух выбило, зрение потерялось и расплзлось. Его небрежно перевернули на спину. Глаза застила говорящая удушливая темнота.

— Последняя попытка ответить честно. Куда увезли Дей?

— Я... — Смирн с удивлением сглотнул большую порцию крови, наполнившую рот. Должно быть, при ударе выбило зубы. — Не знаю куда, но заказчиком значится эльфийская королева.

— Это точно?

— Да.

— И где она живёт?

— Стало быть, во дворце.

— Это понятно. Где этот дворец?! — Тревис снова начинал злиться, но мягкое касание женской руки, остудило его пыл.

— Дальше можно не спрашивать. Я и так знаю, где находится эльфийский дворец. Надо двигаться на север, в Эльферу. В их столице мы и найдём королевскую семью.

— Ладно. — Тревис разогнулся, не без брезгливости смотря на распластавшегося на полу человека. — А с этим что делать? Отпустить? Он же снова на нас донесет. А вдруг в этот раз у разбойников хватит настойчивости избавиться от нас нас наверняка.

— Ну не можем же мы его убить в самом деле? — Марс озадаченно тёр нос, размышляя. — Мы же не убийцы в конце концов. Я так точно.

— Это да. — Тревису пришлось согласиться. Конечно, внутренне он был рад растерзать подленького мужичка, но в реальности вряд ли смог бы пойти на такое. По крайней мере, в здравом рассудке.

— Но просто так отпускать тоже жалко.

— Да ты его вон как разукрасил. Пусть лежит отдыхает. Оклемается — сам уйдет. Пообещает только больше нам не гадить, да?

— Да! Клянусь больше ни чуточки! Как есть, клянусь! — Воспрявший духом мужичок радостно закивал. По крайней мере попытался, но отдавшаяся болью голова заставила его со стоном лечь обратно и закрыть глаза.

— Смотри, как бы он тут самостоятельно не окошел.

— Я за ним присмотрю. Подлечу немного, чтобы не переживать. Идите пока, я догоню.

Ладно. — Марсу и самому надоело торчать в насквозь прогнившем помещении. От пыли нещадно чесался нос. Должно быть, снова проснулась позабытая аллергия, чтоб ее!

— Пошли Трев.

Входная дверь скрипнула, оставляя пациента наедине с врачом. Как только это произошло, по спине Смирна пробежали крупные мурашки. Он и сам не понял причины внезапно охватившей его тревоги. Но ему вдруг стало так страшно, что захотелось плакать. Выступившие на глаза слезы размыли склонившийся над ним бесстрастный женский профиль.

— Ты убьешь меня, девочка? Да? Ты осталась для этого?

— Уймись старик, тебе надо поспать.

На разгоряченный лоб легла тонкая ледяная ладошка. Разлившееся от нее фиолетовое сияние затопило комнату. Смирн почувствовал, что засыпает. Боль от разбитого и уставшего тела ротступила и стало хорошо-хорошо. Он улыбнулся во сне и задышал глубоко и ровно.

Через несколько часов глубокое забытие перейдет в глубокую кому. А ещё через некоторое время натруженное сердце остановится, прекращая свою работу. Смирн умрёт во сне, не успев передать никому имени своего убийцы.

Пташ нервничал. Давно следовало быть у пути, а он всё никак не решался дать отмашку выдвигаться. Посланный с поручением Смирн, не возвращался. Задержаться он мог, но не так же сильно. Должно быть, случилось нечто непредвиденное.

Устав мучиться неизвестностью, он решил всё же, сниматься с места. В Лорток отправился розыскной. В тоже время зашел его заместитель.

— Господин Пташ.

— Да, Рич.

— Пленница хочет с вами поговорить.

— Перехочет. — За остальными делами и мыслями, про захваченную эльфийку он почти забыл. Учитывал ее как ценный груз и выбросил из головы. А тут вдруг в самый ответственный момент “Хочет поговорить”. Как будто ему делать больше нечего.

— Она настаивает.

— Настаивает? — Угрожающий тон вопроса, подействовал на помощника главаря отрезвляюще и бодряще. Он вытянулся по струнке и покраснел.

— Я вас понял! Разрешите идти?

— Ты не в армии. Разрешаю. И поднимай лагерь, уходим прямым путем на Эльферу. Девчонка на твоей совести.

— Так точно!

Пташ болезненно сморщился от бросающейся в глаза военщины, но ничего не сказал. Заместитель умчался выполнять приказ, а Кристофер устало лёг на кровать. За последние дни ему так и не удалось нормально поспать. Голова утонула в подушке свинцовым шаром. Глаза закрылись против воли и тяжёлый, пакостный сон в считанные секунды утащил его в черноту.

В этом сне он снова бежал по лесу. Тёмные, гладкоствольные деревья выростали внезапно, преграждая путь. Он врезался в них, обдирая кожу, вставал и продолжал бежать. Куда ни поворачивал — ничего не менялось. Одна и та же картинка, одна и та же боль, один и тот же бессмысленный забег.

В какой-то момент он всегда уставал и терял силы, падал и уже не поднимался. Вот и сейчас, он лежит в проклятом лесу на спине, а над ним скапливаются деревья. Они любопытно склоняют головы, мотают ими, перешептываются и смеются. Он слышит голоса, но не может говорить на их языке. Хочет просить о помощи, но не знает как. Лес поглощает его.

Острый электрический импульс, вырвал уснувшее сознание в реальность. Мужчина вскочил, непонимающе водя глазами по шатру. Наконец, догадался о причине пробуждения. Достал из кармана портативный передатчик с небольшим голубым эпримом в центре металлической конструкции. Нажал на клавишу. Голос разведчика сухо и максимально информативно доложил о несвоевременной кончине разыскиваемого объекта. Причины смерти — естественные, вызваны отказом сердца, но видны следы побоев. Предложений о возможном убийце нет, как и свидетелей. Опрос местных ни к чему не привёл. Нужен приказ для дальнейших действий.

— Умер значит... Хорошо, узнай передано ли послание и возвращайся. Догонишь.

Передатчик погас, а Пташ ещё минуту неподвижно сидел на кровати, уставившись перед собой. С одной стороны, он совсем и не скучал. С другой, почему-то не мог поднять рук. На его памяти, Смирн постоянно влипал в неприятности и с ним обязательно что-то случалось, но он всегда выходил сухим из воды. Он единственный позволял себе наглость и панибратство и никогда не отчаивался.

Мужчина закрыл глаза ладонью, а когда убрал, серые глаза блестели чуть больше, чем обычно. Потом встал и пошёл собирать вещи.

Захари Трот всегда знал чего хочет от жизни. Просто, в разные промежутки времени, эти желания могли сильно различаться. Так, по совсем ранней молодости, юный Рив-Тожец, хотел стать пиратом. Не честным моряком, не отважным капитаном, а, именно подлым пиратом. Он строил на заднем дворе корабль из собачьей будки, планировал всяческие гадости и то и дело мучил прислугу хитроумными ловушками. Что и говорить, семья его подобный выбор не одобрила. После нескольких долгих и нравоучительных ночей взаперти без сладостей, Захари решил, что быть пиратом не так уж и весело. И даже скучно, раз при этом запрещены всяческие хулиганства и удовольствия.

Следующим страстным увлечением подросткового мальчика стала биология. Он бросился на её изучение с тем же неудержимым восторгом, с каким до этого расставлял по двору самодельные капканы. Теперь он целыми днями сидел в траве, ловил жуков, перерисовывал бабочек, с головы до ног ощупывал настороженно побрѣживающего пса. В отдельном секретном альбоме записывал свои наблюдения за живущими на чердаке голубями. Наизусть знал все окрасы кошек и по мяуканью мог определить любую из них. История этой его любви кончилась довольно прозаично. Однажды летним днём, при купании в реке, рядом с его лицом проплыла большая черная змея. Она не укусила его, а только лишь задела хвостом, делая свои волнообразные движения. Но любовь к биологии остыла тут же и навсегда.

Когда Захари пришло время поступать в старшую школу, он резко, как у него это всегда бывает, увлекся фехтованием. За короткий срок выучил всё холодное оружие, какое только существовало на свете. Знал наперечет названия всех сабелек, шашек, шпаг, мечей и ножей. Мог по одному только взгляду распознать мастера, указать на огрехи использования или производства. Имел понятие об изготовлении ножен, разбирался в различиях хвостового оперения стрел и видах наконечников. До посинения мог спорить с кузнецами где и в каких моментах они не ошиблись при ковке и закалке. Ввязывался в показательные поединки, доказывая сражавшимся их огрехи в стойках или хвате. Не раз и не два оказывался бит теми же поединщиками, но всегда выходил бодрым и преисполненным веры в собственные непогрешимые знания.

Остыть и этому пылу помогла одна единственная дуэль в его жизни. Очередная жертва его фехтовальной осознанности, не выдержала научного напора и совершенно-плебейски бросила вызов. Захари, уже порядком уверовавший в себя, с живостью согласился, выбрав для боя самую на его профессиональный взгляд лучшую рапиру. Он встал в самую идеальную стойку, его пальцы держали совершеннейший хват в истории человечества. Победа, практически была в его кармане. К сожалению, юноша не предусмотрел единственной вещи во вселенной, наиболее незначительной на его взгляд — он просто напросто не умел драться. Противник выбил клинок из его рук на четвёртой секунде, а на пятую безжалостно вогнал тонкий кусок стали прямо под рѣбра. Так, Захари понял, что фехтование — очень опасная и подлая вещь (почти как пираты). А также, то, что никакие знания никогда не победят элементарную практику. Да и в целом, в мире, наверняка, есть вещи и поинтереснее колюще-режущих предметов.

И вот, когда Захари исполнилось двадцать два года, в голову ему пришла очередная гениальная идея. Он понял, что хочет посвятить себя литературе. И не абы какой, а именно той ее области, которая отведена журналистике. Захари решил, что станет лучшим в мире

журналистом и ничто не встанет у него на пути. Надо сказать, что журналистика, как явление, только-только стала формироваться и журналистов от силы набралось бы с десяток штук. Они делали некие заметки, записывали со слов очевидцев важные и не очень новости и печатали их с помощью эприта в небольших бумажных газетках. Правды в таких записях почти не отмечалось, но читатели всё равно находились и газетки раскупали. В одну из таких “газеток” и устроился энергичный, полный недюжего энтузиазма, юноша.

Захари, должен отметить, что твои записки весьма любопытны, но в них совершенно нет ничего захватывающего. Понимаешь? Такого, чтобы я проснулся, прочёл и от удивления пролил бы на себя чай. Или, например, шёл бы по улице с женой и детьми, бросил бы взгляд на твои записульки и бац! Жена позабыта, дети воруют булки с прилавка, а я не могу оторваться от этих маленьких черненьких буковок. Понимаешь?

— Да, мистер Эттвуд.

— Точно понимаешь? А то мне кажется, ты просто так говоришь это, из вежливости.

— Нет, точно понимаю, мистер Эттвуд! — Если Захари пребывал в воодушевленном состоянии, то пребывал в нём даже когда его отчитывали.

— Ну хорошо. Тогда уходи и принеси мне такую статью, чтобы у меня глаза повылазили!

— Вас понял, мистер Эттвуд!

Захари вышел из кабинета своего начальника с видом поруганным, но не побеждённым. Да и с какой стати, если перед ним загорелась очередная ЦЕЛЬ — написать безумно-захватывающую статью, лучшую во всём мире. Эта цель оказалась как раз в его духе. Он предвкушающе потёр руки и с живостью заозирался вокруг. Мысли его, подобно стаи мышей, разбежались в разные стороны, принявшись активно водить любопытными носами, вынюхивая подходящую лазейку для творчества.

В кособокой халупке редакции, таковая не обнаружилась и пришлось выходить на улицу. Возмутительное спокойствие тихого приморского городка и его ленивых жителей, немало огорчило настроившегося на новости юношу. Ни мало-мальски завалящего убийства, ни нападения среди бела дня. Благопристойное состояние города повергло Захари в глубокое уныние. Писать было решительно не о чем.

Он прослонялся по узким, мощёным брусчаткой дорогам весь день. Посетил все возможные места потенциальных злодейств. Дурным делом, даже пару минут помышлял о том, чтобы самому стать инициатором некоего происшествия. Но, ситуацию спас швартовавшийся к причалу корабль. Юноша как раз проходил по набережной и видел как тот заходит в их порт. А примечательным являлось то, что судно это принадлежало их соседям — заносчивому и скандальному Партаскалю. И, на сколько Захари разобрался в ходе близкого осмотра, служило береговой пограничной охране.

Сам по себе корабль удивления не вызывал. Из-за близкого расположения границы, подобные визиты случались часто. Поэтому, Захари уже готовился вычеркнуть из списка примечательного и этот факт, но в последний момент заметил колонну, закованных цепью людей. Конвоировала их миграционная стража, традиционно носящая фиолетовую форму. Пленных целенаправленно вели на корабль.

— Ого, а вот это уже что-то интересное.

Захари не стал ждать более удобного случая, и спокойненько зашагал вперёд, пытаясь одновременно с тем, не привлекать к себе усиленного внимания. Колонна остановилась возле трапа и один из “мигрантников” подошёл к другому столь же серьёзному на вид

человеку, только что сошедшему с корабля. Форма его говорила о высоком военном статусе. Он лениво поглядел на подошедшего, затем на его “груз”, но ничего не сказал и вежливо пожал руку. Дувший с воды ветер удачно донес до жадного слуха юноши обрывок их разговора.

— Сколько их?

— Двадцать четыре. Деятнадцать человек и пять эльфов.

— Эльфов не возьму.

— Да хоть за борт выбросьте. Главное, подальше, чтоб не в наших водах. Мне их тоже девать некуда, бесплатно отдам.

— И сколько?

— Тысяча серебра за всех.

— Один золотой за кучку отбросов? Много.

— Хорошо, девятьсот. Это справедливая цена.

— Грузи. Ещё будут? Мы через полчаса отплываем.

— Пока не знаю, обещали, но вряд ли успеют.

Ветер переменял направление и окончания диалога юноша не услышал. С другой стороны, информации он почерпнул достаточно. Глаза его загорелись, а в теле разбушевался тот самый знакомый зуд, знаменовавший начало всех безумных приключений. В голове у Захари родился ПЛАН.

Наконец-то ему в руки попала отличная почва для статьи! В мозгу уже печатались будущие строки: “Торговля рабами среди бела дня!”, “Партаскаль в сговоре с нашим правительством!”, “Пограничный вражеский флот атакует наши свободные порты и увозит в рабство невинных граждан!”. И вовсе сюрреалистичные: “Скоро всех обяжут носить опознавательные печати!”, “Правительство сделает из нас рабов под предлогом помощи!” и так далее. Конечно, Захари и сам понимал, что правды в такой информации нет, но его же и не о правде просили, а об “эффекте”. Вот он и старается, чтоб “поэпатажнее”.

Первым делом, почти уже всемирно известный журналист, побежал к знакомому кузнецу. В своё время, именно с ним у него случилось большинство споров насчёт выковки “настоящего дамасска”. Захари знал, что этот тип мастер не только в классическом своём ремесле, но и в колдовском. И, если хорошо раскошелиться, есть возможность уговорить на одну странную просьбу.

Кузнец появлению воодушевленного Захари не обрадовался. Даже попытался скрыться с рабочего места при объявлении заказа, но его остановили выложенные на стол желтые монеты.

— Это очень важно!

— Даже не сомневаюсь.

— Честное слово, ничего криминального! На тебя даже никто не подумает! Да у них и повода не будет. Я быстренько туда-сюда и всё уничтожу. Фить, и всё! Чист, как слеза!

— У кого “у них”? — Насупленный кузнец не хотел сдаваться без боя, до последнего оттягивая моментковки.

— У них, то есть, у людей. Да и какие там люди? Так, ерунда одна.

— А почему именно просроченную? Это же глупость.

— Надо для эксперимента. Тайна. Разглашать не имею права.

— Ну да.

Дело всё равно казалось совершенно-мутным, но щедрая оплата перебивала

здравомыслие и мужчина в конце концов согласился. Захари воспыпал от предвкушения. Будущий успех манил, а богатое воображение привычно потакало всем его желаниям.

Сама процедура нанесения временной магической печати чуть не лишила беднягу чувств. От полученной порции боли он даже на минутку засомневался в своём плане. Правда, ровно до того момента, как почувствовал себя лучше. Удовлетворенно оглядев правое предплечье, украшенное характерной серой квадратной печатью, Захари понял, что половина дела сделана. Осталось “естественным образом” попасть на корабль.

Насчёт этого пункта юноша переживал больше всего. Прикинуться просроченцем не сложно, но как отправить самого себя в рабство? Захари вышел из кузницы с лицом озадаченным и смущенным. Изначально продумывая план, он ошибочно упустил из внимания столь немаловажный вопрос. Не мог же он в самом деле напрямую прийти на корабль со словами: “А вот и я! Сдаюсь, сдаюсь, ведите в трюм”.

Мучаясь размышлениями, он и сам не заметил, как вышел на прямую дорогу к порту. Ноги автоматически несли вперед, подчиняясь общему уклону местности. Причём, он настолько глубоко погрузился в мысли, что по-невнимательности, чуть не оказался подмят лошадью одиночного верхового. После секундного замешательства обеих сторон, выяснилось, что лошадь принадлежала начальнику местного отделения миграционной службы. А также, в частном порядке разъяснился факт возмутительного побега заключенного от сопровождавшего его конвоя. Захари только на второй минуте, понял, что говорят, собственно, о нём. Готовый сорваться в спор, он быстренько осознал степень своей нынешней удачливости и сокрушенно подтвердил все обвинения.

Не без некоторой суетливости, новоиспеченного раба препроводили на корабль, а в карман фиолетового стража упало несколько дополнительных монет.

Так, неутомимый двигатель к цели, по-имени Захари Трот, очутился двадцать пятым в списке нелегальных покупок, произведенных пограничной инспекцией Партаскаля. Впоследствии, он окажется выгодно перепроданным на другое судно, приписанное к частному порту города Брод в королевстве Платус. Его новым хозяином обозначится некий “Фердинанд Дарнау” — по отрывочным сведениям, самодурный и отвратительный тип знатного происхождения (Вроде, как целый граф). Этот граф покинет “Порхающую” тут же, только спустят трап, оставив заботу о пленных на капитана.

В свою очередь, капитан, носящий смешное имя Иллет Маврюк, растеряется и от безысходности перепоручит их графскому Управляющему, пришедшему проследить за разгрузкой корабля. Наконец, Управляющий, из-за внезапной проверки и нехватки рабочих рук, изменит стандартную схему приема рабов и без щепетильного досмотра, отправит всех на фермы.

Таким образом, замкнется длинная цепочка случайностей. И самый въедливый журналист во вселенной окажется лицом к лицу с самой эпохальной новостью за последнюю тысячу лет. Он будет послушно вытягивать на поверхность соты с драгоценными ракушками и вместе с некими высокопоставленными людьми с ужасом вглядываться в мёртвую матовую корочку. Только одна на сотню сохранит внутри слабое, едва пробивающее оболочку свечение. Дрожащими руками опустит в отходы не выродивших моллюсков. Паническим комком застрянет в горле не произнесенная мысль: “Эприта больше нет. Фермы пусты. Грядёт война за оставшийся маг ресурс”.

Захари впервые почувствует страх перед своим очередным увлечением. Содрогнется от важности увиденного и значимости будущей статьи. Застынет в нерешительности —

оставить журналистику, как оставлял многое другое или сжать зубы и пойти до конца. Написать и распространить новость или скрыть и умолчать, вернувшись ни с чем.

И Захари Трот сделает свой выбор. И перед этим маленьким смешным человеком, будут бессильны все: и Гаспар Дарнау, и серьёзный Фердинанд, и сам король Платуса.

События, которые затронут миллионы людей на обоих материках, начнутся в голове целеустремленного юноши. И всё это случится вот-вот. А пока что, старый граф беседует в кабинете с только что вернувшимся сыном, а Управляющий идёт на причал, чтобы замкнуть роковую цепь.

Ночь всегда вызывала в эльфийском принце приятные чувства. Вместе с ней приходили: свобода, покой, личное время, мечты и желания. Черное небо, обсыпанное бездарными звёздами не требовало ничего. Но в этом наплевательстве таилось главное счастье — Быть Собой. А ещё примирение. В темноте различия внешности и краски реальности стирались. Ты мог быть кем угодно, главное, не создавать шума и не оскорблять благородный мрак нелепостью света.

Вот и этой ночью, Фрей не стал пренебрегать выработанными правилами. Он покинул дворец далеко полночь, когда сон наиболее глубок. Деревья и травы, замороженные его присутствием, благоговейно замолкали, не создавая помех для движения и лишних звуков. Пелена скрытности легла на плечи прозрачным холодным шлейфом. Природа подобострастно ластилась перед своим королём. Она чувствовала близкую кончину Правящей и уже перетекала в другие, наследующие её руки.

Он шёл пешком, но земля угодливо бежала под ногами усталой лёгкой дорогой. Расстояние съедалось властным королевским шагом быстрее самого резвого лошадиного карьера. Птица не смогла бы скорее достичь береговой линии их внутреннего моря, чем он в эту ночь.

Фрей остановился у самой воды, смотря на равномерное дыхание прибоя. Морская стихия никогда не славилась подчинением у эльфийского народа. Реки, озёра, ручьи, дожди и снега, даже роса прислушивались к их мнению, но не моря и океаны. Казалось, природная соль заблокировала эту связь и своенравно отрицала её.

Для того, чтобы пересечь границу Эльферы, следовало пересечь море или обойти его с юга. Любой эльф выбрал бы второй вариант. Но Фрей не имел права быть “любим”. Он твердо намеревался доказать самому себе, что может быть кем-то большим. Ему требовалось подтверждение своих взглядов и убеждений. Жалость подвела его к самому краю и он уже не мог не вступить за этот край.

Он зашёл в воду по пояс, широко разведя руки в стороны. Трепетом души потянулся к непроглядному мраку волн.

— Слушай же меня, безжалостное море! Я отдаю на расправу своё тело, но не свой дух! Я уже победил тебя, победив свой страх и я одержу верх над тобой дважды, вплавь соединив разлученные берега! Не буди волны на моём пути, укроти шторма и заставь рыб нести меня на своей спине. Перед тобой будущий король и да будет слово мое законом для всего живущего. Подчинись моей воле или убей за неё. Но я не сверну с этой дороги и не отрекусь от произнесенного. Так сказал Фрейнгард из дома Дор. Так говорю я — погибель благословенной Эльферы.

С этими словами, он бросился в воду и поплыл вперёд. Услышало ли его море? Снизойдет ли до дерзости? Примет ли вызов или посмеется над ним? Фрей не знал. Но ему и не хотелось знать. Падение приготавливалось для него всю жизнь. Он привык не надеяться. Привык осознавать собственную бесполезность. Если он утонет сегодня, никто не заплачет, с дерева не упадет ни один лист. Разче что, логичный конец его королевства отодвинется еще на неопределенный срок.

Ночь и вода поглотили наследного принца. Звёзды продолжили глупо сиять. И лишь один зритель не отрывал глаз от планомерно удаляющейся от берега точки. Соглядатые

Границ не спят. А, именно этот, светловолосый и коротко стриженный, казалось, не спал уже триста лет. По крайней мере, он не помнил момента, когда бы глаза его были закрыты. Он перемещался, слушал и поднимал тревогу, но не спал ни разу.

Вот и сейчас, привлеченный странным шлейфом молчания, он шагнул на песчаный берег. И услышал клятву. И запомнил каждое её слово. И стал свидетелем падения.

Эпискур Сияющий неподвижно следил за ночным пловцом, не имея власти его остановить. Зато он мог об этом рассказать и он расскажет. А после, попросит карателей готовиться к войне. Потому как, плыл их принц прямо к вражеским берегам и намерения его были темны.

Королеве нездоровилось. Шёл к исходу третий триместр и сил почти не осталось. Она мало спала, плохо ела и всё время проводила в постели, либо в креслах. Бессонница изводила, головная боль шершнем воспаляла мозг. Реальность превратилась в цветную кашу, смешавшую запахи, вкусы, предметы и названия.

В довершение всех бед, стала пропадать связь с Остролистом. Эльфера почуяла нового короля и леди Лиалуара молила небо, чтобы этим королем оказался ребёнок в её утробе. Иначе, после её смерти, трон перейдет Фрею. Да, он первенец и законный наследник, но совершенно не подходит на эту роль. Мальчишка полон бури и его переполняет грохот. Такая суть губительна и опасна. Тем более, для монарха.

В дверь постучали и королеве пришлось оторваться от тяжёлых мыслей. На пороге возник Эпискур, чьё неожиданное появление вызвало целый вихрь эмоций. Соглядатые Границ никогда не являются без особой причины. Значит, случилось нечто из ряда вон выходящее и уставшее сердце взвыло от неминуемости новых переживаний.

— Говори.

— Не далее четырёх часов, Фрейнгард Остролистый покинул территорию Эльферы на востоке, вплавь через море. Смею утверждать наверняка, что у него хватит упорства выдержать столь непосильное для эльфа путешествие. Я почувствовал в нём нечто... — Он замялся, не решаясь высказаться откровенно.

— Договаривай. Я уже знаю о чём ты хочешь сказать.

— Я посмел бы назвать это “могуществом”. Земля откликнулась на его волю сильнее обычного. Даже море, прислушилось к его словам. Отсюда и моя уверенность в успехе безумного заплыва.

— Вот значит как. — Королева откинулась на подушки, закрыв похудевшее лицо руками. Чересчур острые плечи подрагивали под светло-зелёным шёлком.

Сердце Эпискура болезненно сжалось при виде этой вдруг ставшей маленькой и слабой фигурки. Он не мог понять когда и куда пропала сильная, волевая женщина, три сотни лет сохранявшая мир и порядок в огромном государстве. Ни на секунду он не мог представить той картины, что предстала перед ним. И от этого стало страшно. Настолько страшно, что невольно опускались руки. Будто бы они уже проиграли. Словно, Эльфера рухнула и вот-вот победители растопчут деревянный трон. Собственное бессилие и бесполезность накатили одуряющей волной. Захотелось развернуться и убежать.

Он пересилил себя.

— Я не успел упомянуть смысла клятвы, коей стал свидетелем. Она была дана вашим сыном и принята небом. В ней он называл себя “Погибелью Эльферы”. Не в моих правах строить досужие предположения, но смею заподозрить нашего принца в предательстве и государственной измене. Простите меня, Ваше Величество.

— Эпискур?

— Милорд. — Эльф почтительно поклонился вошедшему, пропуская его в покои. Заметив плачевное состояние жены, мужчина тут же бросился к её креслу. — Что произошло? — Дурные вести?

— К сожалению.

— Любимая, ну чего ты? Всё хорошо, я здесь. Живот не болит? — Отрицательно мотнувшаяся голова немного успокоила. — Давай я перенесу тебя на кровать, пойдём. Держись за меня. — Топройд осторожно подхватил потяжелевшую женщину и аккуратно уложил на постель, накрыв одеялом и удобнее поправив подушки. Присел рядом, ласково поглаживая тонкую бледную руку. Обернулся к двери.

— Перескажи мне всё, что докладывал.

— Как вам угодно, сир.

Перед таким слушателем, рассказ получился гораздо чётче и детальнее. Эпискур снова почувствовал уверенность в завтрашнем дне и нужность своей работы. Ему даже стало жаль, что этот умный и рассудительный мужчина не имеет прав на престол. Из него бы получился хороший монарх. Может быть, лучший за всё время.

— Понятно. Спасибо, что был настороже и вовремя направил взгляд на зарождающуюся бурю. А теперь можешь идти, королеве надо отдохнуть.

— Ваше Величество. — Он поклонился и без лишних слов, вышел.

Топройд повернулся к постели.

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного лучше. Прости, что заставила переживать. — Слабая улыбка тронула красивое лицо, осветив его изнутри. Вздох облегчения вырвался сам собой. Сердоликовые глаза благословили любовью. Тонкая ладошка всё ещё оставалась холодна, но он держал её, упрямо пытаясь согреть.

— Это всё из-за Фрея?

— Мой сын обретает могущество. Остролист признал его будущим королём.

Этого не может быть. Ты родишь девочку и она отберет у него силы и престол.

Милый мой, дорогой Топ. Я знаю, как ты относишься ко мне и не устаю благодарить небеса за такое счастье во времена моего заката. Ты подарил мне шанс снова стать матерью и я рада этому шансу. Но, печали ещё предстоит застить твои глаза. Близится час моей смерти, неумолимо приближается её тень, разыскивая меня по запутанным коридорам дворца. Она скользит, одетая в черное подвенечное платье, с головой, укрытой газовой шалью. В руках её цветок. Она вложит его в мои руки и я уйду с ней, не имея ни прав, ни сил сопротивляться.

— Пожалуйста, не надо об этом. Ребёнок услышит.

— Он уже слышал предостаточно. Тем более, что это мальчик.

— Не может быть. Нельзя знать наверняка. Всегда остаётся шанс.

Утешающий блеск сердоликов щемит сердце разочарованной болью. Опускаются плечи. Пыль, поднимающаяся с пола, забивает легкие и глаза. Шорох черного платья становится оглушительно различим.

— Не оставляй меня. Я не смогу прожить в темноте.

— Ты будешь заботиться о нашем сыне. Я не уйду, не родив его.

— Но ты уйдёшь сразу после!

— Да.

— Не хочу.

— Придётся смириться.

— Никогда не смирюсь.

— Пусть так.

Утро разливается над миром в торжественной бессознательности. Для него не существует проблем и печалей. Оно вечно, пока встаёт солнце. Оно неумолимо, пока сменяются день и ночь. Оно не жалеет никого, преисполненное жестокого, ослепительного сияния. Утро нового дня уничтожит томительные сумерки, разгонит призраков и дарует свет. Хочет кто-то этого или нет.

Прошла неделя с тех пор, как они покинули Лорток и отправились на север. Идти пришлось пешком, так как лошади стояли дорого и общих денег с трудом хватило бы на одну единственную. Шли почти целый день, пережидая ночи там, где они их заставляли. Ситуацию спасала погода, весь последний месяц державшаяся в приятных значениях, не опускаясь и не понижаясь сверх комфортных температур. Тревиса периодически мучила мысль о близких холодах и теплой одежде, но пока что, этот вопрос мог потерпеть.

Идти предполагалось всё время вперёд, чётко на север, прямо к приближавшимся горам. Часто, проезжей дороги не находилось и они прокладывали её собой через луга, леса и каменистые пустоши. Пару раз им повезло прокатится в рядах торгового обоза. На последнем они закупились необходимым, и подошли к самому подножью хребта, в полной готовности к его преодолению.

— А нам точно надо идти вот прям туда? Может, всё-таки в обход? Я никогда в горах не был. А вдруг нам там кислорода не хватит или лавиной снесёт.

В голове Тревиса блуждали похожие сомнения, но он предпочел довериться знаниям и решениям Кесс. Тем более, что за последнюю неделю он успел убедиться в ее компетентности не только как лекаря, но и опытного путешественника. Она знала и умела практически всё. Даже разбиралась в оружии, на покупку которого они потратили все свои сбережения.

— Не снесёт, если громко не кричать и куда не следует, не лазить.

— А ты здесь уже бывала?

— Не конкретно в этом месте, но да. Мне доводилось пересекать Гнетущий хребет не единожды.

— Мы всё равно не успеем нагнать этих разбойников. Они-то небось, на лошадях уже доскакали до места. Не знаю только, как на такую верхотуру животных тащить.

— Они и не тащили. Они пошли в обход гор, через Партакаль. Этот крюк и даст нам фору. Мы успеем с ними в одно время.

— Да-а? А ты откуда знаешь? Тут какие-то следы есть невидимые? — Марс подозрительно оглядел местность, приложив ладонь ко лбу, а Кесс терпеливо вздохнула.

— Следов нет, но я абсолютно уверена в том, что отряд Пташа низачто не пропустят на территорию Угодий.

— А где эти “Угодья” начинаются?

— Уже начались. Мили две назад.

— Что?! — Марс закрутился на месте с удвоенным энтузиазмом, пытаясь разобрать хоть какие-то отличия в местности. Но нет, природа выглядела возмутительно мирно: травка зеленела, птички щебетали, облака паслись на голубом небе жирными белыми баранами. — А где же страшные вампиры заставы, толпы голодной нечисти и лютые сторожа, которые

должны были уже уложить нас мордой в пол?

— Какое у тебя живое воображение. — Кесс широко улыбнулась. — Сторожа есть, правда, не такие страшные, как ты описал. И они уже давно нас заметили, проверили и пропустили, просто решили не показываться.

— Да нет! Не может быть, обманываешь!

— Честное слово.

— Кесс, прости, что прерываю, но если всё так, почему и я не заметил? Я же всё-таки вампир и чутьё должно было подсказать. — Синеву глаз пронизали снисходительные лучики. Она не смеялась над ним, но щекотка улыбки окрашивала её лицо в приятный розовый цвет.

— И давно ты вампир?

— Ну, уже почти две недели.

— А они уже почти четыреста лет.

— Эм, кхе, понятно. Мда, то есть, конечно, да.

— Неприятненько. — Марса подобная информация тоже заставила немного присмиреть. Не то, чтобы он стал бояться вампиров, но пыл сбавил и начал посматривать вокруг с осторожностью.

— Вампиры в этом мире, самая долгоживущая раса. Человек, в среднем, имеет шанс дожить до ста лет. Эльф — до трехсот. Вампир — до шестиста. Поэтому, силы и жизненный опыт копятя соответствующе. Угодья Виоланта — эта вампирья твердыня, их нерушимая крепость. Она занимает всю территорию Гнетущего хребта от западного побережья и до оконечности гор на востоке. Людям проход через эту местность закрыт, поэтому, я и утверждаю с уверенностью, что Пташ пойдет в обход. Другим путем до Эльферы ему не добраться.

— А нам, значит, добраться? — Логично появившийся в вопросе скептицизм, тем не менее, не пошатнул тотального спокойствия девушки.

— У нас есть я, а для меня Угодья всегда открыты. Об этом позаботился мой друг, он живёт здесь.

— Хорошенький такой друг! Как зовут?

— Ты ещё спроси сколько лет.

— Нет, ну а вдруг нам тоже понадобится благодетель! Хоть знать к кому обращаться в случае чего.

Тревис не смог не согласиться с таким железным утверждением и они вдвоем выжидательно уставились на сконфузившуюся лекарку.

— Эста Виола Риарваль.

— Красивое имя, длинное. Важная, наверное, барышня?

— Это не...

Кесс не успела ничего ответить. Их отвлѣк нарастающий грохот. Все трое моментально обернулись на источник звука. Источник звука оказался бурно сходящей лавиной, жадно поглощающей метры темной породы. Время на обсуждение кончилось и они сорвались с места, спеша уйти из-под непосредственного пути движения снежного потока. Бежать пришлось долго и быстро, но близость рычащей стихии настолько прибавляла энергии, что никто не замедлился и не обернулся ни разу. В конце концов, их всё-таки накрыло густым колючим градом, но главной опасности они смогли избежать. Раскученная снегом и льдом земля, топорщилась за их спинами разбуженным драконом. Сбитое дыхание и громко

стучащие сердца достались в награду за поистине чемпионский забег.

— Что...это...было...мать его!

— Лавина.

— Да ладно!

Пока Тревис пытался вернуть себе самообладание и пульс, Кесс деловито забралась на наваленную кучу снега и внимательно оглядела открывшийся вид и дорогу. К их с Марсом общей завести, девушка пришла в себя практически мгновенно. И если бы они не знали, что она бежала вместе с ними, то никогда бы не поверили, взглянув на неё в этот момент. И откуда только у взялись подобные выносливость и невозмутимость? Конечно, она много путешествовала, но сколько успеешь за девятнадцать лет? Это надо каждый день бегать от лавин по горам, чтобы так уверенно чувствовать себя рядом с ними.

Все эти мысли зудели в голове, как комары, но сильно не отвлекали. Солнце вошло в зенит и следовало уже отправляться в путь, если они хотели хоть сколько-нибудь продвинуться вперед за сегодня. Кесс обещала провести их наиболее простой дорогой, но даже она не ожидала подобной неприятности в самом начале пути. Оставалось надеяться, что дальше их ждет только удача и лёгкий подъём.

— Предлагаю выдвигаться, если вы уже отдохнули.

— Может, всё-таки здесь есть какой-то маршрут внутри гор? Шоссе, например, прокопанное, туннель там, или, на крайняк, пещера?

— Учитывая, что вампиры живут исключительно под землёй, такая дорога есть. Другое дело, что вас до неё не допустят даже со мной. По крайней мере, Марса точно. Мы имеем разрешение исключительно на передвижение по поверхности.

— Щедрость какая!

— Это уже большая уступка. Мы должны быть благодарны.

— Пойдемте. — Решающее слово само собой осталось за Тревисом. Ему снова досталась лидирующая роль, хотя, проводником у них значилась Кесс. По его наблюдению, она никогда и не рвалась вперед, предпочитая оставаться за спинами остальных. Пряталась в тень с неистовым упорством. При том, что во многих знаниях и умениях превосходила их на голову.

Горы Тревису понравились. Они рождали в нём тёплые воспоминания: об отце, совместных походах и неизменных возвращениях домой. Мама готовила курицу в противне с картошкой. Умопомрачительный аромат тёк из окон во двор, где сушилась палатка и постиранные вещи. В вольере истерила соскучившаяся собака. Ветер терзал виноград и ветви разросшегося айланта. А гудок поезда с переезда доносил до сердца простую мысль: “Ты дома. Ты вернулся”.

Казалось, прошла вся вечность с тех пор. Как если бы, это была его прошлая жизнь и он взаправду умер и переродился заново в другом мире, с другой жизнью и историей. Всего две недели отделяли его от этого распахнутого окна и запаха запекшейся под фольгой курицы. Всего две недели назад он понятия не имел о вампирах, эльфах и разбойниках. Не имел понятия о смерти. А теперь он шёл, отчётливо ощущая её дыхание, помня цвет её глаз, поступь и холод.

Из окна его дома, оставшегося за миллиарды миль, до сих пор горит свет и доносится свист чайника. Родители сидят за столом и обсуждают новости. И он сам всё ещё стоит под звездами, в темноте сада и смотрит на них. И думает. И дышит. И наслаждается жизнью.

Дейдара почти свыклась со своим новым положением. Несмотря на откровенную криминальность, обращались похитители с ней вежливо, с необходимым вниманием и никаких вольностей себе не позволяли. Она даже немного поправилась от обильной и здоровой еды. Конечно, о свободе не могло идти и речи. Круглосуточная охрана не смыкала глаз и везде за ней следовало сопровождение. Везде, то есть, до туалета, в дороге и на стоянках.

Поговорить с кем-нибудь удавалось редко. Охранники за все время проронили с десятков слов. Другие парни притихали, когда она оказывалась в достаточной к ним близости. Единственный человек в этом разбойничьем отряде изредка снисходил до полноценного общения. Собственно, сам главарь. За неделю, Дей успела если не подружиться с ним, то, по крайней мере, наладить контакт. Это благодаря его распоряжению к ней никто не приближался.

Вот и сейчас, на очередной стоянке, вокруг неё образовалась своеобразная “зона отчуждения”. Ничего не оставалось, кроме как “уйти в себя”, перестав уделять внимание безответной действительности. Точных причин похищения ей так и не сказали. Как и подробностей её будущего. Она знала лишь, что украдена по заказу и заказчик этот живет достаточно далеко. Вот и вся информация. Насчёт судьбы Кесс она тоже пребывала в неизвестности, как не знала и того, что делают её друзья. Ищут ли? Найдут? Или они больше никогда не встретятся? Она не решалась заговаривать о них, опасаясь за непредсказуемость и гибельность такого поступка. Всё что ей оставалось, это надеяться на лучшее и не падать духом.

А, между тем, первый шок прошёл, адреналин выветрился и в одинаковости дней, Дейдара начала скучать. Занятий решительно не находилось. Список развлечений ограничивался блужданием по воспоминаниям и размышлениями на какую-либо тему. Всего за неделю она успела передумать мыслей больше, чем за всю жизнь.

Оказавшись в мыслительном тупике, она прибегла к последней возможности скрасить свое пребывание в плену. А, именно, заняться саморазвитием, то есть, изучением своих потенциальных способностей. При оценке её удостоили “девяткой”, но что она несла в себе, оставалось неясным до сих пор. Дейдара решила в этом разобраться.

Первым делом, она припомнила всё, что ей когда-либо говорили об эльфах. Особенно, слова Кесс, давшую наиболее подробные инструкции. Что-то про природу и покой. Не совсем ясно, как это использовать, конечно. Природа и покой. Допустим, природы вокруг — хоть отбавляй. А, вот, покой...

Она обернулась на сидящих неподалёку охранников, тихо беседующих между собой, на остальной лагерь, готовящийся ко сну, на мирно трещащие костры с готовящимся ужином, на мерцающие в небе звезды. А собственно, почему и не покой? Тепло, сытно, уютно, на свежем воздухе, под защитой и охраной. Вполне себе покой. Может даже, испытываемый впервые.

Дейдара закрыла глаза, удобнее расположившись на сложенном одеяле. Глубоко вдохнула, медленно выдохнула и стала слушать.

Поначалу ничего не происходило. Лес молчал, неприступный и безликий, усреднившийся для невежественного большинства. Он давно жил бок о бок с людьми и это

соседство не пошло ему впрок — он стал скуп и сер. Поэтому и кратковременное присутствие молодого эльфа несколько его не взбодрило. Наоборот, заставило осерчать и насупиться, жалея, что не может прогнать обидного гостя. А почему “обидного”, он и сам не знал.

Всё это быстрыми картинками пронеслось в голове Дей, стоило ей немного посидеть в тишине и сосредоточиться. Она удивилась, разнервничалась, но продолжила эксперимент. Тем более, на ум пришла интересная и простая по своей сути мысль — она же “цветочный” эльф, так почему бы не начать с этого? Она всегда любила цветы и растила их с особой заботой и вниманием. Больше всего предпочитала алые и крупные сорта роз, богатые по цвету, форме бутона и нежной бархатистости. Интеллигентные и роскошные растения, чуждые суете и мелочности. Поистине, короли цветочного мира.

Стоило огоньку прежней страсти разгореться, как сидящая внутри сила, сама отозвалась на непроизнесённый зов. Дейдара ахнула и раскрыла глаза. Прежде пустая, усталая листьями и сором земля, густо поросла яркими, жёлтыми цветами. Их мелкие, остренькие листья тянулись вверх с жадностью, а аккуратненькие головки бутонов с живостью раскрывались, поворачиваясь на разбудившую их девушку.

— Ого! Ну ничего себе! Я что, и впрямь, эльф?

— Если сильнее постараться, можешь и весь лес заставить расцвести.

Дей не услышала, когда подошёл мужчина, поэтому вздрогнула и обернулась. Охрана тактично скрылась из виду, чтобы не мешать разговору. Они, в некотором смысле, остались наедине.

— Господин Пташ.

— Пробируешь пользоваться силой?

— Ага. — Она удрученно вздохнула, освобождая место на одеяле для своего гостя, но тот лишь отрицательно мотнул головой.

— Это хорошо, всегда надо знать на что ты способен. Помогает выжить.

— А что умеете вы? — Слова вылетели сами собой и Дей только секунду спустя оценила их не однозначный посыл. Испуганно подняла глаза, но встретила улыбку. Точнее, её самый зачаток, но от сердца всё равно отлегло.

— Смотря, какая область тебя интересует. Если ты имеешь в виду магию и прочие незаурядные способности, то у меня их нет. Я же разбойник и человек, к тому же. Когда-то давно принадлежал к аристократии и мог похвастаться знанием этикета и модных танцев. Но это всё забыто и заброшено, да и ни к чему. Жизнь прекрасна и без танцев. А уж без этикета, она и вовсе граничит с совершенством.

— А почему вы стали разбойником?

— У нас сегодня вечер откровений? — Дей смутилась от вопроса в лоб, но собеседник не стал её мучить и немного погодя, всё же ответил. — Я не хотел им становиться. Я любил одну девушку, даже женщину, по правде говоря. И женщину замужнюю, с ребёнком, мужем и своей жизнью. Но так вышло, что сердце не дало мне права выбирать и я рухнул в эту любовь с головой. Мне было девятнадцать, когда я покинул отцовский дом, осенённый проклятиями и наветом никогда не возвращаться. Скитался, путешествовал, растрачивал захваченные с собой деньги, намеревался посетить каждый уголок обитаемого мира. Так и добрался до Эльферы, так и познакомился с Ней.

— С той замужней женщиной? Так она эльфийка?

— Да.

— И что же случилось? Она вас отвергла?

— И всё-таки, это вечер откровений.

— Вы первый начали.

— Твоя правда. — Он замолчал, сцепив руки за спиной и стал прохаживаться туда-сюда, раздумывая над чем-то, а может, вспоминая. Дей не решилась ему мешать, мышкой замерев на месте. Только глаза её неотрывно следили за его тёмной фигурой. Несколько минут спустя, он продолжил свой рассказ.

— Нет, она меня не отвергла. Даже не осудила. Наоборот, приняла, ободрила, утешила, подарила ощущение дома. Настолько чистое и мудрое существо, что просто не было шансов устоять перед её магией, перед её сутью, перед её многолетним опытом общения. Она вынула из груди моё сердце и положила в комод, в самый верхний скрипучий ящик. А потом велела уходить, так как “пришло время”. Враньё, не приходило никакое время, просто я стал ее обременять. Тем более, что я никогда не нравился её мужу. Он косо смотрел на меня, да и правильно смотрел. Как еще можно смотреть на молодого любовника своей супруги? Ия ушёл.

— И что?

— И что “И что?”. И больше ничего. Заболтался я с тобой.

— Господин Пташ, постойте! — Дей вскочила со своего места, чуть было не схватив мужчину за рукав. В последний момент одумалась и придержала порыв.

— Ну? — Серые глаза отражали пламя костра, как бы светясь изнутри. Дейдара отчего-то смутилась ещё больше и замялась, чувствуя, что неудержимо краснеет.

— Я...это...а расскажите что-нибудь ещё!

— Ещё? — Он развернулся так, что тень закрыла его и выражения лица сложно было разобрать. Он молчал целую минуту, после чего развернулся и не говоря ни слова пошел прочь. Дей чуть не окликнула его, но в этот момент из темноты показались знакомые силуэты её охранников и она отступила. Легла на одеяло, накрылась им с головой и сжалась в комочек. Почему-то из глаз брызнули слёзы, а земля стала слишком жесткой. Жёлтые цветочки обессиленно опустили тяжёлые бутончики и закрыли подвявшие лепестки. Старый лес разочарованно вздохнул, злобно согнав с ветки кряжистого дуба испуганную таким невежливым обращением, сову.

Захваченный впечатлениями от покорения гор, Тревис совершенно выпустил из виду другую свою проблему. Точнее, врага, смиренно ожидающего нужного часа. И час этот пробил как всегда неожиданно: глубокой ночью, когда все уже спали у затухающего костра. Голод вспыхнул так сильно, что горло свело спазмом, а челюсть сжалась до скрипа зубов. Жар впрыснулся в артерии. Тварь открыла слепые глаза и встала в охотничью стойку. Тревис оказался на ногах вместе с ней, ещё не до конца различая границу яви сна. Ему было плохо. Очень плохо и жарко. Болело лицо и голова. Зубы скрипели и раздвигались. Череп сотрясала вибрация. Есть. Есть. Есть. Много. Сейчас же. Всех. Всех съесть.

Чужие, трассирующие мысли, заполнили мозг отупляющим красным дымом. Они вспыхивали в голове, подобно командам, мешая сосредоточиться. Окружающий мир с трудом пробивался сквозь эту пелену, искажая цвета и даря всем оттенкам безобразную бордовую тень.

Что же надо было сделать? Почему так жарко? Надо есть. Надо съесть. Хоть что-нибудь. Может вот этого вкусного человека? Он большой, его хватит.

Тревис мало, что понимал в этот момент, останавливаясь возле спящего друга. Тем

более, что говорит вслух.

— Тревис? — В голосе вовремя проснувшейся девушки послышалась тревога. Она приподнялась, сомневаясь в происходящем, но быстро разобралась в ситуации и подскочила. — Стой. Не подходи к нему. Слышишь меня? Тревис!

— Хочу есть.

— Ешь меня. Не трогай его. Отойди. Делай, что я говорю!

Грубый окрик заставил Тварь рыкнуть и повести башкой в сторону надоедливой сущности. Голова Тревиса повторила манёвр. Теперь он сосредоточился на другой жертве.

— Вот так. Молодец. Иди ко мне, здесь еда. Много вкусной еды. Я накормлю тебя.

Женская фигура расплывалась перед глазами. Протянутые в приглашающем жесте руки, двинули горящее тело вперёд. Желание поднялось из глубин спящего разума чёрной, комковатой мутой. Рот заполнился слюной, а мысли утонули во мраке.

— Что вы тут разорались? — Сонный голос Марса, очень быстро перешёл в паникующий.

— Трев! Господи, что с тобой? Ты не в себе? Что происходит?! Твои зубы! Кесс!

— Не подходи! Стой там!

— Что? Почему?! Надо что-то делать! Он тебя укусит!

— Марс!

В этот момент раздавшаяся челюсть с хрустом вошла в шею девушки. Она вскрикнула и автоматически вцепилась в вампира. Тот сжал её в удушающих объятьях, с силой вгрызаясь в плоть. Руки, увенчанные когтями, начали сдирать одежду, оголяя грудь, живот, бёдра. У Марса перехватило дыхание. Ноги приросли к земле. Голос замер в горле. Он не мог отвести взгляда от этой жуткой и завораживающей картины. Насилие в своём чистом виде: страшное, неостановимое, страстное. Как если наблюдать за кем-то в постели. Только это не спальня, а нечто не подходящее, нелогичное, неправильное.

— Трев... Стой.

Мир для Марса замедлился. Шок растянул секунды в часы, а звуки и цвета приглушил, оставив только узкий коридор внимания. Стены этого коридора размылись, а в конце его происходил ужас. Но это было так далеко, что казалось нереальным. Просто низкобюджетный фильм про вампира и его случайную жертву. Причём, фильм явно снимался для взрослых, так как ничего не скрыли цензурой и выглядело это немного нелицеприятно, хотя и, надо признать, возбуждающе. Этакая фантазия, воплощенная хорошими актёрами в живых декорациях. Актеры входили в раж и забывали, что они на съемках. Бутафорская кровь заливала всю освещенную сцену. Обнаженное тело жертвы едва трепыхалось под неослабевающей жадностью маньяка. Похоть стала во главу угла и в нём сейчас стояли трое.

Утро настало незаметно. Густые сумерки вдруг исчезли и в дымке низко плывущих облаков, взошло солнце. Оно разбудило дремлющие горы и те отозвались ленивой переключкой диких коз. Неподалёку прогрехотал оползень и отдался многослойным эхом. Шумные птичьи стаи вспорхнули и тревожно засуетились в хрустальном небе.

Придавленный впечатлениями бессонной ночи, Марс, не замечал всей окружающей прелести. Он сощурился от попавших в глаз лучей и отвернулся к ним спиной. Сгорбился, шевеля длинной палкой трещащие угли, игнорируя почти выкипевшую в котелке воду. Кесс ещё спала, закутанная в одеяла.

Он перенёс её, лежавшую без памяти на камнях, когда Тревис, наконец, отпустил её и

отошёл. Потом закричал и убежал и до сих пор не возвращался. Искать его не хотелось, как и видеть. Что-то сегодня перегорело где-то глубоко внутри. Что-то важное надорвалось и лопнуло, оглушив и оставив в пустоте. Такое не прощают. Так не поступают. Так не должны поступать. Это аморально. Это неправильно. Он же любит её. Зачем изнасиловал?

— Че-е-ерт. — Вода окончательно выпарилась и котелок стал дымить и вонять. Пришлось скидывать его в сторону. От раздавшегося лязга, девушка проснулась и открыла глаза.

— Что такое? Марс...

— Спи-спи. Не вставай. Тебе, должно быть, еще больно двигаться. Лежи, это я тут шум развожу, чуть котёл не испортил, думал чай заварить или кашу, так и не решил.

— Понятно. Я бы съела каши. — Она всё же приподнялась, проигнорировав совет и Марс приготовился сорваться, чтобы поддержать падающее истерзанное тело. Но, соскользнувшая с плеч ткань оголила девственно-белую и чистую кожу. Ни синяка, ни кровинки, ни раны. Небольшая грудь бесстыдно топорщилась, покрывшись мурашками от налетевшего холодного ветра. — Ой. — Спohватившись своим видом, девушка быстро подтянула одеяло к ключицам, вспыхнула. — Прости, не знала, что без одежды.

— Ты...ты в порядке?

— Да. Спасибо, что уложил и укрыл. Мне хорошо спалось и выздоровлению ничего не мешало.

— Так быстро...

— Я хороший лекарь, помнишь?

— Настолько хороших не бывает. Прошло всего несколько часов.

— Вполне достаточно для таких не серьёзных ран.

— Не серьёзных? — Марсу сложно дался этот вопрос из-за вставшего комом удивления. В его вселенной не находилось подходящих случаю слов и эпитетов. Как подобное издевательство можно назвать “несерьёзным” он не понимал.

— А где Тревис?

— Понятия не имею. Убежал куда-то.

— А в какую сторону?

— Слушай, да мне плевать куда этот грёбанный извращенец убежал! Пусть хоть к чёрту в преисподнюю! Я с ним больше общаться не желаю и видеться тем более! Это же сумасшествие какое-то!

— Не говори так. — Она встала, подхватив одно из одеял и закутавшись в него. Волосы ее растрепались, голые руки и ноги зябли. Она искала глазами свою сумку. Марс, злобно пыхтя, выпростал её из кучи вещей за своей спиной и кинул через костёр. Несмотря на неудобную траекторию, девушка сумку поймала и зарывшись, достала запасное тёплое платье. Тут же быстро оделась. Обернулась.

— Что?

— Ты же не думаешь так в самом деле?

— Почему это “не думаю”?! Ещё как думаю! Даже ещё хуже того думаю, только материться при тебе не хочу.

— Он не виноват в произошедшем. Это его ипостась, его новообретенная суть, его тьма сделали это. А собственно разум спал в этот момент. Хорошо, если он хоть что-то вспомнит из произошедшего.

— Да плевать. Как не объясняй, тело-то его и ты пострадала из-за него.

— Всё намного сложнее.

— А я не хочу сложнее! — Крик вылетел сам собой и отразившись от близких скал, вернулся. Девушка молча стояла перед ним, ища чего-то в его воспаленных и уставших глазах. Потом она развернулась и так же молча, быстро скрылась из виду среди каменных зубцов.

— Ну и катись! Туда тебе и дорога! Катитесь вы все! Психи и жертвы психов. Грёбаный мир. Грёбаные вампиры. Грёбаные женщины. Все проблемы из-за них.

Тревис глухо подвывал на одной ноте, забившись в узкую щель в тёмной глубине непроходимого каньона. Свет почти не проникал сюда и его сжатую в трясущийся комок фигуру, обнимали прохладные каменные сумерки. Он рыдал. И рыдал отчаянно, навзрыд, заливая слезами искаженное мукой, посеревшее лицо. Никогда в жизни, ничто не причиняло ему боль большую, чем его собственный поступок. Он бы с удовольствием умер, если бы мог собраться для этого с мыслями.

А мысли, горячими углями плясали и подскакивали в голове, жаля каждым своим прикосновением. Как мог?! Как посмел?! Насильник! Убийца! Она тебя не простит! Возненавидит! Чудовище! Сдохни!

— Нет, нет, боже, нет.

Жирный червь памяти садистки-медленно разжёвывал воспоминания, пульсируя полупрозрачным от поволоки слёз, телом. Из его слизистых недр выходили гипертрофированные картинки, запечатлевшие одно и то же — насилие и голод, голод и насилие. Оттенки красного брызгали в лицо и текли по нему, оставляя длинные липкие дорожки. Они не стирались руками, не оставляли следов на пальцах, но текли и текли бесконечным потоком, окрашивая всё вокруг в омерзительно-алый.

— Тревис.

— НЕТ!! — Раздавшийся за спиной голос уподобился выстрелу в голову. Тревиса потрянуло и ударило о близкие камни с истерической силой. Он не заметил разбитого лба и как оглушенный стал втискиваться в узкую расщелину, обдираясь в кровь, и не чувствуя боли. — Не подходи!! Нет! Только не ты! Не смотри на меня! Нет!

— Тревис...

— Не подходи ко мне!! — Он оглох от собственного крика, подхваченного и утроенного гранитным ущельем. Почти задохнулся от дыхательных спазмов. Обессилел, иссушенный эмоциями и изгрызающим чувством вины. Сполз на колени, прижимая горячий влажный лоб к серому крупнозернистому камню. Подземная стужа, вытекая из щелей земли, холодными змеиными кольцами обвила худое, лихорадящее тело. — Не подходи ко мне. — Не подходи. Не подходи. — Голос стихал и слабел, переходя в шепот и полупшепот, но не замолкал и не прекращал своего однозначного посыла.

Тревис закрыл глаза. Мир для него кончился. Жизнь для него кончилась. Он совершил НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНОЕ и не мог быть собой прощен. А значит, он должен умереть или исчезнуть вовсе. Вот в эту самую минуту, чтобы принять кару за свой позор. И больше никогда не иметь возможность повторить сделанное.

Чужие, лёгкие руки, обняли его сзади. Тёплое девичье тело прижалось к спине, обдавая запахом цветов и нагретых солнцем камней. У ангела, слетевшего бы вдруг с неба, не достало бы столько нежности, сколько вмещало в себя это объятие.

— Ты не должен себя винить. Я не держу на тебя зла. Я понимаю, сколь непросто тебе приходится и как мало власти ты пока что имеешь над своей Тьмой. Контролю надо учиться

и учеба эта сложна и трудна. Я не смогу обучить тебя этому, но могу дать уверенность в том, что настоящего вреда ты никогда причинить мне не сможешь. Поэтому, прошу, прости себя и забудь эту ночь, если она приносит тебе столько боли. Впереди долгий путь и нас ожидают еще многие срывы. Я готова к этому и совершенно не страшусь. И ты не должен. Это всего лишь кратковременный голод. Я утолю его и восстановлюсь и ни слова не скажу упрека или досады. Тебе очень повезло встретить такую идеальную жертву, как я.

В её голосе послышалась улыбка, но сам Тревис улыбаться не мог. Не мог даже говорить. Звук застрял в горле, вырываясь сквозь сжатые зубы, с тяжелым присвистом. Руки дрожали. Взмокшее, остывающее тело охватил озноб. Несмотря на столь отталкивающий вид, девушка не отодвигалась от него, лишь плотнее прижимаясь щекой к острым лопаткам.

— Когда мы только встретились, я предупреждала тебя, что так и будет, что красный цвет войдёт в твою жизнь и ты не сможешь его проигнорировать. К сожалению, ещё никому не удавалось уйти от своей природы. Мы всегда возвращаемся к тому, от чего бежим. Потому что побег — не выход. Единственная возможность спастись — это обрести понимание, смирение и принятие. Ты должен встретиться со своим страхом и согласиться с ним, понять злое в себе и согласиться с ним. Иначе, ты будешь напрасно тратить энергию на безрезультативную борьбу. Людям в этом плане повезло больше — в них темного и светлого поровну. Вампирам — хуже. Они на восемьдесят процентов в бездне.

— Зачем?

— Что?

— Зачем ты рассказываешь мне это?

— Хочу утешить и помочь. Тебе нужно как можно скорее принять себя, иначе, ты можешь не выдержать.

— А не всё ли равно? — Говорить получалось с трудом, но Тревис пересиливал себя, не без труда разжимая ноющие челюсти.

— Нет.

— Почему?

Она не ответила. Замолчала, не уходя и не меняя позы. Стало тихо. Так тихо, что прорезался вой ветра в камнях, шелест деревьев, птичьих голоса и жужжание насекомых. Дрожь в руках прошла. Дыхание выровнялось. Сердце перестало стучать как бешеное и успокоилось. Тревис глубоко вздохнул и пошевелился. Кесс разомкнула объятия и отодвинулась, давая возможность развернуться в неудобном, узком пространстве.

Теперь они сидели друг напротив друга и Тревису снова пришли на ум холодные голубые горные озера.

— Знаешь, я однажды, чуть не утонул в озере. Мы с отцом ходили в горы и там была такая небольшая закрытая долина, в центре которой находилось несколько небольших озёр. Не помню, как они назывались, но были потрясающе красивы и такие гладкие, как лёд. А ещё, такие же холодные и очень глубокие. Я прыгнул прямо с разбега и сразу ушёл с головой. Дна совсем не было, это оказался обрыв, хотя, я его не заметил с берега. И я так испугался, словно провалился под лёд. Голову сжало, ноги не находили опоры и я автоматически вдохнул. Вообще, я бы так и умер там, если бы отец не нырнул за мной и не вытащил бы на берег. Вытряс из меня воду и ещё час отогревал возле костра. Это было так страшно, но я так хорошо это помню. Вот у тебя такие же глаза.

Он замолчал, сам не понимая зачем вдруг вывалил всё это. Надо же, что бывает от стресса. Начнешь говорить ерунду и не можешь остановиться. Да ещё правдивую ерунду,

лежащую на сердце.

— Не знала. Это интересно.

— Да это глупости! Прости, не могу прийти в себя, голова совсем не работает, такая каша. Я так раскаиваюсь перед тобой, но одновременно с тем, я так от этого устал, что... даже не знаю, как сказать. Ты... точно простишь меня? Взаправду сможешь это сделать, даже не смотря на то, что это непростительно?

— Конечно. — Она улыбнулась и почему-то покраснела. И этот румянец так ей шел, что Тревис не удержался и дотронулся до него, едва коснувшись пальцами щёк. Потом, как очнувшись ото сна, испуганно отдернул руку, ошарашено уставившись на девушку. Но та лишь прыснула со смеху, прикрыв рот ладонью. Ещё несколько секунд она боролась со смехом, пока не разразилась звонким, счастливым хохотом.

Тревис стал пунцовым от стыда и смущения. Попытался призвать очередной приступ раскаяния, но не смог и тоже расслабился, позволив себе несмело улыбнуться. Почему-то, стало так хорошо, как не было уже давно. Почти так же хорошо, как тогда у костра, когда отец намеренно веселил его, рассказывая безумные истории и анекдоты, смешно изображая их героев. И было так же холодно, и такая же усталость в теле и такое же ощущение опустошения после чего-то очень страшного.

За неделю, проведенную на пиратском корабле, Джерри почти освоился со своей новой жизнью. Он работал с самого раннего утра и до поздней ночи, выполняя порой одно и то же бесполезное действие. Ел, когда давали и что давали. Спал, где находил себе место. Молчал, когда его начинали бить или намеренно задирать. Единственное, но что он огрызался и вставал насмерть, это если разговор заходил о его возвращении домой. Сначала пираты, откровенно издевавшиеся над дворянским изнеженным сынком, смеялись над такой его странной реакцией. Считали за последствия шока. Но, вскоре, выяснилось, что паренёк действительно и слышать не желал о своем доме и держался за разбойничий корабль чуть ли не зубами.

Такого откровенного рвения и даже, исступлённости в работе, не ожидал и капитан. Милош всё чаще стал ловить себя на размышлениях об этом их новом матросе. В момент их знакомства, младший брат Пташки не произвёл на него серьёзного впечатления. Он принял его за очередного богатого домашнего выкормыша, который сдуется и заплачет уже после суток тяжёлой работы. Но, нет. Изменения, произошедшие с юношей повергли в изумление не только его, но и всю команду. Парень работал как проклятый — отчаянно, тихо и чуть ли не страстно. Временами, заставляя себя даже немного уважать.

— Огни Стеллы на горизонте. На закате уже будем в порту.

— Хорошо. — Милош неопределённо кивнул старпому, продолжая буравить взглядом согнутую, мокрую от пота спину Джерри, надраивавшего палубу. — Как думаешь, выйдет из него настоящий пират или нет?

— Из него? Хм. — Юст Конти, второй год ходивший старшим помощником на “Изверге”, задумчиво пожевал отросшие усы, почесал лохматую бороду, так и эдак приглядываясь к новенькому. — Да может и выйдет толк, годика эдак через три-шесть.

— Что-то ты загнул “через шесть”. Пираты столько не живут.

— Мы дык, живём.

— Сравнил лосось со стерлядью! То мы, а то малец из богатых. Не справится, уйдёт к бабьке под крылышко. Как есть, уйдёт.

— Братец его не ушёл.

— Времена другие были. Сейчас не то, беспокойнее стало. Того глядишь, война день на день начнётся.

— Да откуда бы войне взяться? — Юст не удержался, крикнул от изумления. — Конфликттики мелкие бывают, это да, но чтобы война настоящая, так того уже лет триста не было.

— Не было, не было, а вот и тут. Не слышал разве? Слушок по миру ходит, дескать, ракушки эпритовые не родят больше. Вроде как из самого Платуса весточка пришла — газетка какая-то располодила. А у них самые богатства этого дела. Кончается магия у людей. Думаешь, не вспыхнет искра на этаким залежне? Ещё как вспыхнет! Такое пламя подымет, все народы захватит. Знать бы к кому примкнуть заранее, чтобы не обжечься.

— В море уйдём.

— И море гореть будет.

— Значит и нам гореть вместе с ним! — Старпом лихо рубанул воздух, как бы пресекая эту тему и высказывая свое однозначное мнение на этот счёт. Капитана это развеселило. Он

хлопнул себя по груди руками, почесал за расстегнутым воротом и громко свистнул, привлекая всеобщее внимание. Затем, поймав взгляд большинства задравших головы, зычно прокричал.

— Что, братцы, будем гореть, когда море вспыхнет?!

— Да! — Нестройный хор голосов ответил тут же. Лица многих смотрели с непониманием, но их быстро раскрашивали широкие улыбки. Они ещё не знали, что задумало начальство, но уже предчувствовали азарт и от того веселились.

— А как мы будем гореть?

— Жарко!

— Ярко!

— С неистовств... ствт...

Всеобщий хохот, объял корабль, как пожар. Все тыкали и смеялись над неудачно высказавшимся бедолагой, пока тот, красный как помидор, бросался на окружающих. Один Джерри, ненадолго оторвавшись от работы, присел возле мачты и устало следил за происходящим. С него градом лил пот, он провонял, осунулся от плохой еды и недосыпа, у него болело тело от работы и побоев, но он был счастлив. Впервые за долгое время, просто и незамысловато счастлив. Его пальцы сжимали вонючую солёную тряпку, но он ни за что в жизни не променял бы её на свою богато обставленную комнату и целый полк слуг.

Здесь все принимали его таким, каков он есть. Ценили за работу и личные качества, не щадили и не заискивали, не опекали и не церемонились. Вода, море, соленое дерево и воздух, полный брызг, ветра и солнца — всё это стало его личной святыней, а корабль — храмом.

Джеральд Дарнау наконец-то вдохнул полной грудью и почувствовал себя живым. Он закрыл глаза, а когда открыл их, уже смеялся вместе с остальными. Он тоже хотел гореть, когда будет пылать всё море. Он тоже бросится в этот огонь. И будет смеяться. И будет танцевать на углях и хохотать, как сумасшедший. Потому что он такой и есть. Он сошёл с ума, отказавшись от своей прошлой жизни. Сошёл с ума, бросив в море аристократичность и своё сытое, благополучное будущее. Спятил, выбрав вечное безумное горение.

Джеральд Дарнау стал просто Джерри. Джерри, с пиратского корабля. Джерри, который стал свободен. Джерри, всё более и более ступающий по пути своего старшего брата.

Когда Огни Стеллы остались позади, и корабль, снизив скорость, аккуратно подходил к порту, капитан, собрал всю команду на палубе. Солнце село и ночные сумерки быстро опускались на море. Вода в нём потемнела и загустела, сделавшись чёрной и вроде даже маслянистой. Ветер умер и медленно разлагался, тыча в нос сильный запах соли и йода. Джерри, неразлучный со шваброй, тоже встал в общий ряд. Лица всех выражали одинаковое напряженное, сосредоточенное внимание. Они, явно, знали, что скажет капитан, но всё равно, с тревогой ожидали его слов.

— Хочу сказать вот что: через полчаса мы зайдем в порт Гастеллы, на землю вампиров. Почти все из вас уже бывали здесь и знают общие правила. Но, у нас есть новенькие, да и просто хочу ещё раз напомнить. Итак, братцы, самое главное, самое на первейшее правило?

— Не падать!

— Да, не падать. Кто упал — тот считается мёртвым. Второе?

— Не сопротивляться!

— Да. Стойте до последнего, держитесь за что угодно, но падать запрещаю! Заткнулись

и ждёте! Я хочу уйти отсюда с прежней командой, а не искать новых! Вы поняли?!

— Да!!

Милош, раскраснелся, пока говорил. Разнервничался и сам не заметил, как разозлился. Начал жестикулировать и кричать.

— Хоть одного не досчитаюсь, шкуру живьём спущу! И желторота этого кто-нибудь возьмите к себе, сожрут ведь, гады, не удержится на ногах! А мне потом перед братом его оправдываться. Будь он проклят! Надо было зарезать вместе с остальными.

Он злобно сплюнул, окончательно испортив себе настроение и громко утопал в каюту. Команда переглянулась и тоже разошлась по кораблю. Только двое остались рядом с озадаченно застывшим Джерри. Это были как раз те, кто ежедневно не оставляли его в покое, периодически устраивая ему “тёмную”. И в этот раз, по хищнически-поигрывающим мускулам парней, Джерри понял, что будет очередная драка. Он крепче сжал древко швабры, насупился и сторбился. Рёбра болели еще после предыдущего раза.

— Эй! Желторот!

— Желторо-оти-ик...

— Может, не сейчас? Там, говорят, меня итак убьют.

— Убьют.

— Не переживай, мы проследим, чтобы ты сразу потерял равновесие. Даже попридержим, пока тебя будут жрать и насиловать.

Они заржали, подначивая друг дружку тычками. Тот, что повыше, полностью лысый, по кличке Дрю, рывком выхватил швабру и со всего размаха саданул ей по успевшему сжаться и закрыться руками Джерри. Второй, светловолосый, с курчавой бородой, Блим, ловкой подножкой, выбил пол из-под ног, заставив больно удариться головой и локтями. Ещё несколько ударов ногами в рёбра и живот, он выдержал молча. Но, когда его приподняли за волосы и два раза приложили кулаком, застонал и почти заплакал.

Начавшиеся побои прервал старпом, вовремя заметивший неустановленный беспорядок и с матюками, отогнавший разошедшихся парней. Джерри он поднял не с первого раза и наскоро осмотрев, удрученно покачал головой.

— Через десять минут уже на пристань сходить, а ты, вон какой раскрашенный, как пряник воскресный. Тебя же первым и съедят, никакой силы не достанет выстоять. Что я капитану скажу? Не досмотрел.

— Всё будет хорошо. — Джерри не чувствовал половину лица из-за отёка и с усилием сглатывал стоящую во рту соль, но упрямо держался. Он и сам не понимал, откуда в нём взялось всё это упрямство и выдержка. Он никогда прежде не отличался стойкостью и храбрым не был. Злым — да. Но точно не храбрым.

— Какой там “хорошо”! Дай-то бездна, чтобы просто “нормально” или вовсе “хоть бы как”! А то “хорошо” ему подавай! Нашелся тут герой!

Низкий, трубный гул, громовым раскатом пробежавший по воде, заставил всех на корабле замолчать и обратить взгляды на стремительно приближающуюся землю. Ночь полностью легла на плечи залива. Звёзды, рассыпанной мелочью, вспыхнули на неподвижном небосводе. Вместе с ними, зажглись и земные огни. И огни эти были красными.

— Ну всё. Обратной дороги нет, нас приглашают пристать. — Юст Конти схватился за шнурок, висящий на шее и быстро-быстро зашептал что-то неразборчивое. Джерри показалось, будто бы молитву. Потом он убежал и все как-то сразу тоже занялись чем-то

своим. Нервное напряжение сковывало обветренные лица, превращая их в маски. Джерри стёр стекающую на глаз дорожку крови и подошёл к борту, перегибаясь через него и заглядывая вперед, на выросший в обе стороны берег.

Земля вампиров утопала во мраке и красных огнях. Длинная набережная освещалась острыми черными столбами фонарей, венчавшихся гроздьями круглых разноразмерных шаров. Они давали ровный алый свет. Подобным же освещением пользовались и улицы и частные дома и дворы. Портовый город, чёрно-красным массивом уходил вверх по склону, начинаясь у самого берега и теряясь где-то в не различимой вышине предгорий.

Джерри восхищенно ахнул, замороженный этой странной и страшной картиной нечеловеческого поселения. Близкая встреча с вампирами, даже так живо описанная, не пугала его. Он как будто бы и не верил всем этим страшилкам. Больше всего, его в тот момент занимали новые впечатления и любопытство к другому народу.

Близкое знакомство с так легкомысленно проигнорированными “страшилками”, началось сразу, стоило только пристать и выпустить сходни. Первой на корабль ломанулась тьма. Буквально. Неосвязаемая, непроглядная чернота, в считанные мгновения поглотила судно и всех его обитателей. Джерри попытался что-то разглядеть в ней, но не смог. Он будто вдруг ослеп и очень того испугался: стал тереть глаза, усиленно моргать и вертеть головой в разные стороны — никакой разницы между открытыми глазами и закрытыми.

Паника подступила к горлу вместе с приглушенным писком. Он поддался ей и обессилел, оступившись и чуть не упав. В последний момент зацепился за борт и повис на нём. В голову пришла нелепая мысль упасть в воду и уплыть отсюда как можно дальше. Но мысль эту пришлось прогнать как невыполнимую. Упасть-то можно, но, вот, доплыть он никуда не сможет, да и не успеет.

Совсем рядом раздался крик, за ним ещё и ещё. Крики умножались, смешиваясь с глухим, будоражащим воображение разноголосым рычанием и хрипом. К ним добавился топот и звуки борьбы, ругань и звон вынужденного оружия. Хлюпанье выплёскиваемой жидкости особенно оцепенило холодеющее сердце. Джерри понял, что не выстоит сам по себе, рухнув только лишь от страха. Он задрожал и захотел спрятаться за наваленным под ногами хламом, но в последнюю секунду был остановлен жёстким захватом за волосы. Его бесцеремонно подняли, заставив зашипеть от боли и привстать на цыпочки.

— Какая интересная рыбка заплыла в нашу гавань. Красивая, хрупкая, аппетитная рыбка. У тебя золотые крылышки? Хочу посмотреть. Должно быть они прекрасны, эти твои крылышки.

Раздавшийся над ухом голос источал мёд: Произносимые звуки вальяжно растягивались, интонации очаровывали, а грудное придыхание делало каждую фразу полной двусмысленных намёков. Джерри обуяло нехорошее предчувствие. Он попытался вырваться, совершенно забыв о предостережениях капитана.

— О-о...даже так? Значит, мы всё-таки будем играть? Какое удовольствие нас ждёт. Пойдём со мной!

Не разжимая захвата, Джерри потащили в темноту. Он пару раз споткнулся обо что-то или кого-то. Чуть не упал, в неудобной позе сбега по трапу за своим ведущим. Как взятая на поводок собака, бежал, не разбирая дороги и не видя цели своего пути. Всё что у него имелось — это незримое присутствие своего пленителя и его сладко-текущий голос. Зрение всё не возвращалось, то ли отнятое насовсем, то ли угнетенное неким временным эффектом.

— Куда мы идём?

— Ко мне домой, рыбка. Я живу совсем недалеко, ты не успеешь устать. Ещё один поворотик и мы на месте.

— Что вы будете со мной делать? Почему я не вижу?

— А зачем тебе смотреть и на что? Разве что, на меня, но для этого у тебя ещё будет шанс. — Я дам тебе для этого все возможности. Люблю свежих впечатлительных рыбок.

— Не называйте меня так.

— Ого! Хорошо, и как же мне тебя называть?

— Джерри.

— Джерри и только? Джерри золотая рыбка?

— Нет. Джерри...желторотик.

Невидимка расхохотался. Смех его показался Джерри несколько обидным, хотя, он и сам понимал, что сморозил откровенную тупость. Какой ещё “желторотик”?! Пришло же на ум недавнее обзывательство.

— Джерри Желторотик! Это что-то новенькое! У тебя, наверное, целый трюм смелости, раз ты можешь позволить себе нести подобную ахинею. Желторотик! Надо же! Я буду об этом долго рассказывать. Я, Лойс Диггинс, отымел желторотика! Надо мной точно будут смеяться. Что ж, и я посмеюсь.

— Отпустите меня. — Ледяная волна ужаса всё-таки дошла до тормозящего мозга, запоздало расставив все детали происходящего. Он задёргался, пытаясь выдраться из мертвого захвата. Как назло сильно отросшие волосы, прочно сидели в сжатом кулаке и вырваться не желали. От болезненных усилий и страха, на глаза брызнули слёзы. — Отпустите.

— Если я тебя отпущу, тебя сразу же съедят. — Голос внезапно переменялся, сделавшись сухим и жёстким. Его владелец, схватил Джерри за нижнюю челюсть и круто поднял вверх, близко-близко к своему лицу, так что, кожу опалило горячее дыхание. Чужие губы почти коснулись его губ. — Ты даже и метра не пройдёшь, как тебя собьют с ног и заживо раздирут на части. Хочешь этого? Молчишь? Ну так я брошу.

— Нет!

— Нет?

— Не бросайте пожалуйста. Просто верните мне зрение, прошу вас.

— Даже не знаю. — Голос снова кристаллизовался сахаром, растянулся, издевательски умамливаясь. — Вдруг я тебе не понравлюсь? Ты любишь рыжих? А, впрочем, не отвечай. Не хочу разочаровываться. Плевать, если не любишь.

— Зрение, прошу.

— Ладно, не скули желторотик.

Джерри ничего особенного не почувствовал. Просто вдруг прозрел, как если бы проснулся или моргнул. Цвета, формы — всё это вернулось в том же объёме. Он понял, что они стоят посреди плохо-освещённой улицы, на пяточке свободного пространства. А вокруг них — человек тридцать мужчин и женщин. И все они смотрят на них одинаково зло и безумно, точно только и ждут шанса кинуться.

Джерри содрогнулся и перевёл взгляд на своего спутника. Тот оказался выше его на целую голову, широкий в плечах, черноглазый и, действительно, рыжий. Он носил довольно необычную для столь выдающегося мужчины, причёску — длинную толстую косу, идущую ото лба и заканчивающуюся на пояснице.

Удивление от увиденного не ускользнуло от цепких чёрных глаз. Вампир довольно

сощурился и разжал хват, давая ему возможность нормально выпрямиться и отодвинуться. На это действие тут же отреагировало окружающее скопление, быстро сократив дистанцию. Джерри отпрыгнул от них, обратно к насмешливо скалящемуся мужчине.

— Что рыбка, боязно тебе у нас? Может и дальше в темноте походишь? Она добрая, она убаюкает.

— Нет, спасибо. Я предпочту смотреть.

— Как хочешь. А сбежать от меня всё ещё хочешь?

— Нет.

— Вот и чудненько. — Он улыбнулся, и улыбка эта вышла несоразмерно широкой. Приятное лицо начало по секундам раздаваться, уродуя челюсть и выдвигая на передний план ряд острейших клыков. Сзади и с боков послышался вой и гул десятка радостных голосов. Живой круг из них стал сжиматься. Сердце Джерри забилося в груди, как заведенное, дыхание панически оборвалось.

В последнем отчаянном прыжке он бросился прямо в страшные объятия рыжего вампира, зажмурившись и сжавшись в трясущийся комок. Его колотил страх и стыд и даже позор за такой вот свой поступок, но он ничего не мог с собой поделаться. Всё же, этот путь оставлял для него крохотную возможность выжить.

Хороший выбор, рыбка. Теперь тебе нечего бояться. Твоим главным кошмаром стану я.

Утро застало Джерри не в лучшем состоянии духа, да и тела. Поспать удалось совсем немного, пока настойчивое, жаркое солнце, не заставило открыть глаза и отнять с подушки тяжелую, как с похмелья, голову. Скрипя зубами от острой боли в пояснице, он сел, бессильно рассматривая свои обмотанные бинтами руки. Кое-где их промочила кровь, но уже затвердела. Грудь, живот и шею украшали похожие повязки. Джерри застонал и захотел расплакаться, но удержался, хлипнув носом и надрывно вздохнув. Не этого он ожидал от своего первого в жизни приключения.

Широкая, двуспальная кровать скрипнула и Джерри вздрогнул, побелев, как те самые бинты. Испуганно уставился на проснувшегося вампира. Пламенно-рыжие волосы, распущенные на ночь, разметались по подушке и простыни. Попадавший на них солнечный свет сделал их ещё ярче, заставив болезненно прищуриться.

— Слепила моя красота? Могу подарить тебе вечный сумрак.

— Нет!!

— Оу, моя маленькая золотая рыбка так нервничает по поводу своих глазок. Не переживай, я так шучу. Мне нравится, когда ты на меня смотришь. Смотри ещё. Смотри на меня. Трепещи испуганными ресничками. Так ты очень забавен.

— Вы отпустите меня?

— Отпустить? Конечно, какой вопрос. Ты мне не раб, хотя, наверное, мне бы этого, пожалуй, хотелось. Но, это всё потом, когда будет настроение. Да и времени свободного нет. Ты чудесно занял мой вечер охоты и я рад был плавать вместе с такой рыбкой, как ты, Джерри Желторотик.

— Спасибо.

— За что же?

— За то, что отпускаете и то, что спасли вчера.

— А я спас?

— Ну...да.

— Звучит как-то совсем неуверенно. Подумай ещё.

Джерри растерялся. Такой постановки вопроса он не ожидал. Да и что говорить? Разве это было не спасение? Ведь, та толпа могла его растерзать. Вместо этого же, его просто...

Он сжал пальцы в кулак, запыхтев от обиды и злости. Почему он так слаб? Почему попадает под чужое влияние так запросто? Почему не может никогда ответить? Откуда взялась вся эта трусость?

— Злишься? Вижу, что злишься. Не надо, это было не в твоей власти. Ты ничего не мог в той ситуации и сделал верный выбор, согласившись на меня вместо них. Ведь, всё закончилось хорошо.

— Ненавижу вас.

— Конкретно меня или ты решил обобщить?

— Всех вас!

— Понятно, значит обобщить. Что ж, это твоё право. Я бы тоже злился, если бы меня использовали. Тем более, знаешь ли, когда-то я тоже был человеком.

Джерри так и застыл с вытянутым лицом и округлившимися глазами. Вампир рассмеялся и сбросил с себя одеяло, оголяя торс. Ниже пупка красовалась серая круглая татуировка Партаскаля.

— Вы — попаданец?!

— Так мило, что ты удивлён.

— Не может быть! Моя мама попаданец, но она совсем...совсем не такая. И её печать... вы что, не платите налог?

— А должен?

— Конечно! Иначе...иначе вас схватят и увезут в рабство!

— Какая же прелесть эти твои восторги. Я даже, знаешь, немного польщен. Нет, правда, подобная наивность заставляет думать, что не всё ещё в нашем мире потеряно. Столько юношеской романтики. Тебя ни разу не выпускали из дома, милый? Ты младшенький сынок, да?

— Откуда...

Вампир снова расхохотался. Джерри было надулся и хотел уже вскочить с кровати, но стрельнувшая боль в крестце, усадила его на место. Он поерзал, морщась от неприятных ощущений и удрученно затих. Отсмеявшись, Лойс положил за голову руки и посмотрел на него.

— Зачем ты решил стать пиратом?

— Я не решал, меня похитили, а наш корабль сожгли.

— Ты не похож на пленника.

— Д-да...

— Что ты скрываешь, рыбка? Почему это вдруг пираты позволили тебе, такому слабаку и трусу стать одним из них?

— Я не такой! — Голос против воли перешёл на визг и Джерри стал пунцовым. — Я не трус и не слабак! Я... — Его речь захлебнулась от эмоций. Он хватанул ртом воздух и закашлялся. Отвернулся от тяжёлого, испытующего взгляда, сминая в руках тонкое шёлковое одеяло. — Я не такой. Я сам всё решил. Я... — Он не смог продолжить, отчётливо понимая, что врёт сам себе, врёт вампиру, врёт, страшась даже своей собственной лжи. Он хочет быть сильным, хочет быть другим, но не знает как и не видит верного пути.

Через выступившие слезы, он всё-таки рассказал постыдную правду.

— Они пожалели меня из-за моего брата. Не стали убивать, позволили стать матросом.

— И кто же твой брат?

— Кристофер Дарнау...Его называли Серой Пташкой.

В комнате внезапно повисла тишина. Вампир привстал и взгляд его переменился. Лицо его приобрело некоторую серьезность, а глаза будто ещё больше почернели.

— Что такое? вы тоже его знаете?

Лойс помедлил с ответом. Было похоже, что он на что-то решаетея внутри себя. Наконец, он заговорил и голос его перестал ломаться и литься. Он снова зазвучал сухо и жёстко. Так что, Джерри ощутил новый прилив тревоги и захотел отодвинуться от внезапно ставшего страшным вампира.

— Да, знаю. И лучше бы тебе не рассказывать мне о вашем родстве.

— Лойс?

Одним быстрым движением, мужчина схватил его за челюсть, как вчера, близко-близко придвинув к своему лицу.

— Тебе повезло быть таким милым и так хорошо удовлетворить меня вчера. Не сделай ты этого, после подобного признания, ты бы не прожил и пары секунд. — Он грубо отбросил его от себя и встал с кровати. — Одевайся и проваливай. Не желаю иметь ничего общего с роднёй этого ублюдка. Угодья Виоланта закрыты для этой чёртовой птахи и его проклятой крови. В следующий раз не попадайся мне глаза. Это может стать нашей последней встречей.

Мужчина оделся, хлопнул дверью и вышел. Джерри остался сидеть всё там же, оглушенный произошедшей переменой в настроении ещё недавно благосклонного к нему вампира. Он не знал, что произошло между ним и его старшим братом. Не знал, насколько серьезные последствия его ждут. Не знал почти ничего и всё-таки, надеялся, что хуже уже не будет. Хотя, хуже...

— Может быть всегда.

Время в дороге тянулось ужасно медленно. Разбойничий отряд двигался и жил в некоем определенном, нудном ритме. Подъём в одно и то же время, длинный дневной переход, короткий отдых и ещё один длинный переход, ужин и сон. Расписание сбивалось только в крайних случаях или во время, так называемой, “охоты”. Дейдара три или четыре раза попадала на подобное “отвлечение от графика” и всякий раз жалела, что явилась его неммым свидетелем.

В такие дни в лагере появлялись пленные и Дей решительно отказывалась покидать свою палатку, чтобы не видеть и не слышать происходящего. Тогда же, она чётко осознала, насколько уважительно и по-доброму к ней относятся. Прочих, попавшихся девушек, разбойники не жалели вовсе. Их бросали в оголодавшую толпу и только небо знало, что с ними потом делалось. Дейдара не спрашивала, только бледнела, не смея смотреть в глаза связанным, ожидающим своей участи, людям.

К самому главарю, однако же, она удивительным образом, привязалась. Практически каждый вечер заканчивался долгой, увлекательной беседой. Иногда они вместе ужинали в большом шатре, иногда Пташ приходил в её палатку сам и тогда они разговаривали на застеленном шкурами полу. А бывали дни, особенно теплые и благодатные, когда на главаря накатывала волна вдохновения и он брал с собой Дейдара на длинную, пешую прогулку.

Тогда её ожидали поистине захватывающие истории. Мужчина описывал чужие края, дальние страны, океан и его холодные, серые воды. Он знал множество того, о чём сама девушка могла только читать в книгах. Он бывал почти везде, пересек вдоль и поперёк оба обитаемых материка. Много сражался, много раз оказывался в плену и бежал из него, бился на дуэлях и в кабаках. Плавал по морю и, даже, спускался глубоко под землю.

— Это в шахту какую-нибудь? Или пещеру?

— И то и другое. Изначально, это, конечно, пещеры. Но, потом их обжили, расширили, углубили, соединив. Получился полноценный подземный город.

— Ого! А где он находится?! А вы там давно были?

— Относительно. А расположен очень даже рядом, в недрах этих самых гор, которые мы уже как третью неделю обходим.

Дейдара удивленно хлопнула ресницами. За время пребывания в плену, она многое уяснила из местной географии и политики. Выучила существующие страны и их расположение на карте, щедро выданной Пташем в самом начале. Он хотел, чтобы она владела хотя бы минимальными базовыми знаниями мира. Так что, подкованная в этом вопросе, Дей, знала даже и все названия столиц и крупных городов.

— Так вы жили в Угодьях?!

— Допустим, не жил, но некоторое время находился, пока меня оттуда не вышвырнули.

— За что?

Мужчина не ответил, только неопределенно хмыкнул. Дошел до высокого ветвистого старого ясеня и положил на него руку. Затем, коснулся лбом ствола. Дей встала рядом, с некоторым смущением обнаружив, что глаза его закрыты, а на лицо легла тень безмятежности. Он показался ей моложе на десять лет. Его прямой и угловатый профиль, как бы сгладился и потеплел. Страшно было нарушить эту короткую идиллию. Она затихла и старалась не двигаться.

Неожиданно раздавшийся вопрос, привёл её в замешательство.

— Давай поговорим о тебе. Что ты любишь?

— Люблю? — Она не сразу сообразила чего от неё хотят. Раскраснелась, замялась, от неловкости, теребя кожаный ремешок платья. — Я пока никого ещё по-настоящему не любила.

— Я спрашиваю не про “кого” ты любишь, а “что”. Интересы, забавы, праздники? Может быть, еду или вещи? Должно же быть в тебе хоть что-то занимательное, кроме милого личика и светлых волос?

— Эм...да, должно быть, пожалуй. — Резковатый тон мужчины поколебал душевное спокойствие Дей, заставив её занервничать. Она не понимала когда и чем смогла его разозлить. Как на беду, от волнения, никаких дельных мыслей в голову не лезло и предательская пауза, угрожающе растягивалась с каждой секундой. — Я...я сейчас скажу, честно! Просто мысли как-то разбежались. Я люблю...я что-то люблю...

Пташу надоело изображать древесную подпорку и он “отлип” от дерева, обернувшись. Его серые, с толстым ободком, хищные и сухие глаза, выражали крайнее презрение.

— Если бы мы вдруг оказались героями какого-нибудь простенького романа, я бы попросил автора безжалостно выдрать листы с моим в нём участием. Потому что я просто не представляю зачем трачу своё время на весь этот бесполезный трёп. Ты же просто кукла — совершенно бумажная, абсолютно неестественная и пустая. У тебя даже нет интересов. Нет прошлого, нет травм. Ты всегда улыбаешься и пытаешься сделать так, чтобы ещё немного побыть в лучах внимания. Потому что без него — тебя просто не существует. Оставь я тебя в этом лесу и ты умрёшь, а вместе с тобой умрёт и рассказ. Потому что, ты какой-то там важный его герой. Но я не могу этого сделать, так как моя роль — predetermined и я даже не смогу поднять руку без желания на то моего автора. Удивительно, что он вообще дал мне право раскрыть рот и высказать всё, что я об этом думаю. Впрочем, и пусть. Мы же, не в книге, правда?

Он вдруг размахнулся и со всей силы вонзил кулак в дерево. Потом ещё раз и ещё, пока вся кисть не разбилась в кровь, а старая кора не выбилась до светлых, внутренних слоев. Дейдара пискнула от страха, отскочив и зажав рот руками. Она откровенно не поняла ничего из сказанного. Зато почувствовала как внутри что-то дернулось. Семя некой мысли упало в её душу.

Мужчина остановился, тяжёло дыша, сжимая и разжимая пальцы разбитой руки. Взгляд его выдавал бешенство, а складка презрения возле носа, так и не исчезла.

— Не в книге же, да? Я бы подох, если бы узнал, что это так. — Он поднёс к глазам кровоточащую и дрожащую кисть. Повертел её, ощущая ритмичную, пульсирующую боль и жар. — Ведь боль реальна. И смерть реальна. Должно быть, и жизнь тоже не лишена какого-то веса. Как бы только узнать? Из этой коробки ничего не видно.

— О чём вы? Я не понимаю.

— И не должна. — Он смерил её ничего не значащим взглядом и отвернулся. Снова поднял руку и коснулся кровавыми пальцами разбитого места. — Прости, я не хотел тебя ранить. Это вышло случайно. Надеюсь, ты быстро оправишься, вон какой сильный. Такие ветки.

Договаривать он не стал, повернулся и быстрыми шагами пошёл обратно по направлению к далеко оставленному лагерю. Дей с минуту не могла осознать происходящего, глупо переводя взгляд с удаляющейся спины на испачканное кровью дерево.

Наконец, смогла сделать шаг. Он дался ей с трудом.

Словно во сне, подняла руку, посмотрела на нее, сжала в кулак и легонько стукнула в то же место. Костяшки пальцев окрасились красным. Потом она сделала это ещё раз. Потом ещё и ещё, но уже сильнее. В голове всё перемешалось, цветные картинки прошлого закружились перед глазами буйным вихрем, оглушая и лишая ориентиров. Собственное “Я” растерянно застыло в центре этого шелестящего хоровода, безжалостно выкорчеванное из привычной реальности.

Кто она? Какая она? Что любит и чего боится? Что видит во сне и какой вкус заставляет её закатывать от удовольствия глаза?

Она не знает ничего. Чистая и пустая. Действительно, лишённая наполнения. Давно ли она стала такой? Давно ли потеряла цвета и воспоминания? Что этот мир сделал с ней?

— Дейдара, ты в порядке?

— А?

— Зачем ты это сделала? Так хотелось за мной повторять? Это, знаешь ли, не умно. Да ты слышишь ли меня? Дейдара!

— Да? — Она вздрогнула от крепкого захвата за локоть. Напряжённый взгляд сузившихся серых глаз встретился с её. Она не знала, что ему сказать. Беззвучно открывала рот и тут же закрывала, как бы лишившись мысли.

— Видимо и тебя коснулась книжная литургия. Автору явно не понравилась моя пламенная речь и он решил отыгаться на более уязвимом персонаже. Большой ублюдок. Если бы у меня была подобная власть, я бы вёл себя куда сдержаннее и не подтверждал бы своего присутствия подобными низостями.

— Господин Пташ? — Дей пошатнулась, ощутив прилив сильной усталости. Но, находящийся наготове мужчина не дал ей упасть.

— Идём, идём. Держись за меня, отнесу тебя в лагерь. И больше, умоляю, не поддавайся потусторонним голосам, не слушай их разрушающего шёпота, пока не будешь готова. Этого диалога так просто не выдержать. Можно долго обращаться к богу, но его ответ доступен не каждому и не каждый его переживет.

Обратной дороги Дей не запомнила, уснув на руках, под успокаивающую качку шагов. И всю ночь видела странные, чересчур реалистичные сны. В них она куда-то шла, разговаривала с кем-то невидимым, но неотступно следовавшим рядом с ней и смеялась. Почему-то, было очень весело и легко. А между тем и очень страшно. И чтобы притупить этот страх, она смеялась ещё громче.

Утро принесло облегчение. Тем более, что её не стали поднимать чуть свет и усаживать на лошадь. Дейдара открыла глаза, с удовольствием отметив, что успела хорошо отдохнуть и полноценно выспаться. Солнце стояло высоко, пробиваясь лучами через плотные кроны. Пахло костром и хвоей. В этой части леса ели часто перемежались с ясенями, вязами и дубами. Лагерь почему-то не сняли, но большей частью он пустовал. На месте виднелась лишь неизменная охрана и ещё пара ребят, занимавшихся готовкой.

Дей села на расстеленном толстом одеяле, огляделась. Заметила чуть в стороне, за деревьями, главный шатёр. Может, и его хозяин на месте? Встала, поправила платье и только тут обратила внимание на свою перебинтованную руку. Память о вчерашнем инциденте кольнула мозг иглой. Она вздрогнула и пошевелила пальцами. Боли практически не ощущалось.

На ее пробуждение сразу среагировали неусыпные стражи, одновременно поднявшись и

выжидающе замерев. Дейдару всегда пугала такая неестественность, словно они были роботами или вроде того. Она миролюбиво улыбнулась им и пошла в сторону шатра. Останавливать её не стали, значит, это входило в список разрешённых действий.

Возле самого входа замерла в нерешительности, раздумывая нужно ли всё-таки заходить или не стоит мешать хозяйскому уединению. Метания её прервал властный, приглушенный плотной тканью, голос из шатра.

— Заходи.

Дейдара вспыхнула и зашла.

Внутри царил привычный полумрак. Пташ в этот раз сидел прямо на полу, разбирая какие-то разбросанные по нему предметы. Только подойдя ближе, Дей с удивлением опознала в них монеты. И их количество и номинал, повергли её в некоторый шок. Мужчина, аккуратно укладывающий золотые кружки по мешочкам и головы не поднял.

— Что хотела?

— Ой, я...да как-то проснулась и подумала. Ну, то есть, вспомнила вчерашнее и...вот, как бы...

— Забудь.

— Что...забыть?

— Всё забудь. Тебе это совершенно ни к чему. Твоя прелестная головка не готова к подобной информации. Так что, считай это временным помешательством.

Дей снова бросило в краску, но на этот раз от возмущения. Она негодуяще задышала, суетливо пробегая глазами по комнате и мужчине.

— Ну, знаете ли! Я не глупая! И я не пустое место! Я...я!..

Не зная чем закончить, она замолчала, обиженно надув губы и сжав кулаки. Пташ всё же повернулся, уставившись на неё долгим, задумчивым взглядом. По счастью, следов прежней злости и презрения, в нем не осталось. Напротив, он выглядел спокойным и благожелательным.

— Хорошо, если ты так уверена в своих силах и в своей личности, я проведу для тебя небольшой экзамен. Вопросы будут несложные. Готова?

Дей опешила от внезапной смены темы и откровенно странного предложения, но перечить не стала. Молча кивнула, усиленно сопя.

— Да.

— Отлично. Вопрос первый: Кто ты?

— В смысле “кто я”? Я...Дейдара.

— Это всего лишь набор символов, имя, но не ответ на мой вопрос.

— М-м...я...эльф?

— Если ты говоришь это в форме вопроса, то это тоже неверный ответ. Думай ещё. Кто же ты, “Дейдара”?

— Кто я... — Дей замерла, забыв о негодовании. Она предчувствовала угрозу в невысказанном ответе. Он маячил на самой периферии мозга и вытаскивать его за хвост было откровенно страшно. — Кто я... — Она стояла и смотрела все глубже в себя, медленно погружаясь на самое дно своего существа, но не находя ничего, кроме оглушающей пустоты и темноты. Так странно, ведь, раньше здесь голубел океан и кипела жизнь. Всего каких-то несколько недель назад. А, теперь... — Растерянная пустота?

— Так и знал. — Пташ бросил очередной пухлый, завязанный мешочек и устало потёр переносицу. Видимо, он уже долго сидел за этой работой. — В своей жизни я встречал

много людей, так и не сумевших ответить на этот чрезвычайно простой вопрос. Они краснели, бледнели, злились, лезли в драку, а правды о самих себе так и не узнали. Побоялись остановиться, замолчать и заглянуть внутрь. Ведь, этот вопрос действительно страшен. Потому как несет риск узнать вещи совершенно нелицеприятные и разрушить тот идеалистический фантом, что они вырастили. Легче и приятнее пребывать в заблуждении, а то и вовсе не давать себе шанса задуматься.

Он замолчал, давая спине распрямиться. Размял плечи, затекшую шею и только тогда продолжил. Дей слушала его затаив дыхание и не отводя широко раскрытых глаз.

— В твоём случае, всё немного проще и одновременно, сложнее. У тебя хватило безрассудства и глупости честно себе во всём признаться и увидеть пустоту. Не сделай ты этого, мы бы перестали общаться. Но, можно сказать, повезло и вот моя мысль и совет. — Он поднял голову и его серые глаза, впились в неё, не хуже когтей. — Пока ты остаёшься пустотой, у тебя не будет никакого будущего. Этот мир сожрет тебя так же, как уже сожрал твою личность и воспоминания. Сейчас ты никто и ничто. И это “ничто” я везу к Фрейнгарду Остролисту, следующему королю благословенной Эльферы. Каким бы презренным он ни был в моих глазах, но это могущественный эльф и со смертью матери, к нему придет оглушающее величие. Он пошатнет этот мир, а ты станешь его жертвенной овцой, пошедшей на заклание.

Тут он сделал паузу, вернувшись к разложенным деньгам. Продолжил только уложив ещё два мешочка.

— Конечно, всё это произойдёт, если ты не сможешь побороть свою пустоту. Пока не построишь себя заново, пока не станешь с уверенностью отвечать на вопрос “кто ты” в любой момент времени. Да, ты — Дейдара, но что из того? О чём я должен думать, вспоминая это имя? — Он тяжело вздохнул, провёл рукой по коротким, встопорщенным пепельным волосам. — Столько неотвеченных вопросов. Хорошо, вернёмся к экзамену. Итак, второе — опиши себя. Опиши так, как если бы я был слеп.

Он требовательно затих, но Дей не могла сосредоточиться на ответе. Недавно и так запросто сказанные слова повергли её в небывалое волнение. Что значит “везу тебя к... какому-то острому листу”? Так он эльф, но...король? Что всё это значит? Почему она “овца на заклании”? Это и есть цель их поездки и для этого её похитили? Чтобы отдать какому-то эльфу?!

— П-простите, что вы имели в виду под словами “везу тебя”? Какой король и эльф?

— А...я что же, так и не сказал? Надо же, совсем вылетело из головы. — Он вновь сосредоточился на своём пересчитывании и перекладывании, совершенно игнорируя растерянный вид девушки. — Тебя купила королева эльфов для своего единственного сына и наследника. Ты едешь в качестве его невесты. Свадьба, сдаётся мне, не заставит себя долго ждать. Не удивлюсь, если и в тот же день приезда. Ты им, знаете ли, шибко нужна.

— Почему?

— Отвечу только, когда получу ответ на свой вопрос. Не забывай, ты на экзамене.

Дей стояла оглушенная и еще более потерянная, чем в самом начале разговора. Дикая информация лилась нескончаемым потоком, чересчур быстрым для усвоения. Она захлебывалась им, барахталась, теряла силы, но выплыть никак не могла.

— Значит, описать себя. Я попробую: Девушка, натуральная блондинка, рост сто шестьдесят сантиметров. Вес...не знаю какой сейчас. Был пятьдесят. Что ещё? Глаза зеленые, кожа светлая. Телосложение нормальное...м-м...наверное, всё.

— Разворачивайся и уходи. Охрана! — На властный окрик, в шатёр тут же ворвались неусыпные стражи, схватив ошалевшую от такой стремительности, Дейдару.

— Стойте! Я ещё не всё сказала! Нет, нет, прошу! Дайте мне ещё один шанс!

Подчиняясь ленивому хозяйскому жесту, парни остановились, однако же, не разжав захвата на руках пленницы.

— Ну?

— Ещё я...то есть, у меня... — Такого верха паники, Дей давно не помнила. Голова звенела. Воспоминания слиплись, прыгая по истеряющему мозгу цветным комком. Вычленив полезное из него никак не удавалось. Она уже практически отчаялась, замечая как неумолимо гаснет, разожженный было интерес в глазах мужчины. Он уже почти сделал прогоняющий жест, когда яркий, оранжевый кусок вдруг отвалился из шара воспоминаний и развернулся перед ней самым нелепым событием прошлого.

— Однажды я поскользнулась на траве и сломала себе ключицу! К врачу меня отвезли только через две недели и кости успели неправильно срастись. С тех пор у меня правая рука немного не полностью поднимается и небольшая шишка на кости, так что, выглядит кривовато.

Приказ “увести” замер на губах Пташа и медленно-медленно перетек в самодовольную улыбку. Рукой он всё же махнул, но вышла одна только стража. Они снова остались наедине.

— Продолжай.

— Ещё... — Она с удивлением заметила очередной выпавший кусок, на этот раз, насыщенного синего цвета. В его глубине пряталось прохладное, сентябрьское утро, пустой парк и острая боль в лодыжке. — Как-то, в детстве, меня за ногу укусила собака, прокусил лодыжку и я после этого ещё лет пять хромала на правую ногу. До сих пор, бывает, вылезет старая привычка. Марс часто издевается надо мной из-за этого, называет “хромоножкой”.

— Так.

Густое, тягостное оцепенение, неотступно преследовавшее Дей на протяжении последнего времени, вдруг спало, как тяжелый, не по размеру надетый плащ. В голове прояснилось, а напряженное лицо смягчила светлая улыбка. Куда-то подевался страх. Цветные куски мозаики посыпались один за другим, вспыхивая и разворачиваясь грандиозным букетом видений. Видений её собственной, пройденной жизни. В них она плакала и смеялась, таскала с кухни булочки и ела их под одеялом. Пряталась от воспитателей и убегала от злых девчонок. Нюхала цветы и сажала свою первую клумбу. Дружила, мечтала, отчаивалась и страдала. Но это была жизнь в её печалих и просветлениях.

И Дейдара вдруг поняла, что хочет о себе рассказать. Она начала сначала.

— Моё настоящее имя Мария-Сьюзен. Марс любит сокращать его до “Мери-Сью”. Он говорит, что это счастливое сокращение и что так называют тех, кому всегда везёт и кого все любят. Он говорит, девочки с таким именем в конце концов, всегда выходят замуж за принца. Выходит, он не врал и это имя всё ещё оберегает меня. — Она приостановилась, чтобы перевести дух и во взгляде её впервые появилось нечто твёрдое, сосредоточенное и решительное. — Если бы вы были слепы, вместо слов, я бы дала вам ощупать своё лицо. Так, вы поняли бы куда больше и слова бы вовсе не понадобились, но я всё-таки попробую: Круглое лицо, острый подбородок, маленький, чуть вздернутый кверху нос, зеленые круглые глаза, веснушки на скулах, маленький рот с пухлыми губами, почти незаметный шрам на щеке от перенесенной оспы. Прибавьте к этому кривую ключицу и самодельную татуировку на бедре в виде буквы “S” и вот он мой портрет. Надеюсь, вам понравится.

— Мне нравится.

Мужчина продолжать молчать, не отрывая от неё любопытного, чуть смеющегося взгляда. А Дей никак не могла остановиться. Внезапное вдохновение увлекло её дальше и дальше, вытаскивая наружу спрятанное и позабытое. И её хотелось говорить и говорить.

— Если бы ваш следующий вопрос звучал как “что ты любишь?”, я бы ответила на него так: Я очень люблю свежее испеченные булочки с корицей. У них просто умопомрачительный аромат. Ещё люблю цветы, всякие, но особенно розы. И чтобы с длинным стеблем. Ещё люблю загорать на солнце и варёную сгущёнку. Гладить и кормить кошек, фильмы и книги о любви, стихи Пастернака и синий цвет. Я не очень спортивная и плохо бегаю, но, зато легко запоминаю новую информацию. Люблю рисовать и придумывать загадки. — Она высказалась на одном дыхании, сама поражаясь тому, как умудрилась всё это забыть. Когда её личность, такая яркая и настоящая, стерлась? Она тут же и спросила об этом. Пташ ответил как бы и даже с удовольствием.

— Тут как раз-таки и нет загадки. Свою личность мы стираем сами, стоит только забыть о ней и уподобиться большинству при единообразном потоке будней. Как только мы забываем о сломанных ключицах и кормлении недоглаженных кошек, так сразу же сокрушительная сила забвения вымывает землю под нашими ногами. Травмы, события, встречи, случайности — это всё истинные драгоценности, дарованные нам для счастья. Люди безлики без травм, без обид, без воспоминаний. Они пусты и одинаковы без собственных клумб и прокушенных лодыжек. Человеком мало родиться, им даже мало стать. Сложнее всего — остаться им до конца. Надеюсь, обретя себя во второй раз, ты уже не позволишь хаосу снова взять тебя в оборот. Этой мой последний для тебя урок, Дейдара. Больше учить я тебя не буду.

— Господин Пташ! — Она смотрела на него, широко открытыми, блестящими глазами и не знала, как выразить свой восторг. — Я! Я... Спасибо вам! Спасибо, что так добры ко мне и...

Я добр совсем не к тебе. — Лицо его вдруг чуть потемнело и осунулось. Тени под глазами сделались больше, а острые скулы, заострились сильнее обычного. — Не к тебе.

— К кому же?

Его рот скривился в усмешке, а руки безвольно повисли.

— Не будем об этом. Нечего портить момент бесполезной грустью. Настало время ликовать и предаваться страсти! Ты только лишь снова стала человеком, а впереди ещё превращение в эльфа. К Фрейнгарду ты должна явиться уже полностью осознанной и готовой. Чуть только проявишь слабость, он уничтожит тебя без какой-либо жалости. Я помогаю тебе только лишь из-за чувства ответственности перед заказчицей. не хочу, чтобы ты подвела её и надежда Эльферы на хорошее будущее рухнула.

— Понятно... А эта заказчица, случайно, не та...

— Охрана!

Дей не успела даже пискнуть, как была в одну секунду вытащена наружу. Входное полотно шатра прошуршало перед её лицом и надёжно скрыло за собой одинокого в своей тоске мужчину. Некая старая история промелькнула между строк и осталась неразгаданной. О чём молчал его взгляд? Что нашептывали ему торопливые сны? Чего желало его старое, разбитое сердце?

Войдя в противостояние с морской стихией, Фрей не надеялся победить. Он упрямо плыл вперёд просто потому, что не мог сдаться. Сама мысль о принятии существующего положения вещей, выводила его из себя. Он ритмично грёб и думал, думал, думал, игнорируя холод, жажду и усталость. Его топили волны, истязал ветер, сжигало солнце, но он молчал и ни на миг не прекращал своего движения. Решимость и злость, поселившиеся на дне его красных глаз, придавали сил и удерживали на плаву.

Трижды небо надевало сумеречные покровы, прежде чем Фрейнгад Остролистый выбрался на противоположный берег. Истощенный, он рухнул на песок, одолев всего три шага. Море, покорившееся чужой негибаемой воле, преданно целовало ноги своему принцу тёплым, ласковым прибоем. Длинные, белые волосы, кротко перебирал пальцами присмиривший ветер. Природа замерла в подобострастии. Единственное живое существо не замечало развернувшегося любовного служения — человек, бесцельно и шатко бредущий по пустынному, ночному берегу. Он обнаружил лежащего в бессознании эльфа, только споткнувшись об него в темноте.

— Эт-то что тут такое? — Норберт Кош-Ваенский, представительный в прошлом мужчина, активно лысеющий и слабый к алкоголю, испуганно обошёл неподвижное тело и пару раз стукнул его туфлей. Тело слабо застонало в ответ. Норберт охнул, едва не выронил недопитую бутылку и засуетился: за две попытки оттащил утопленника подальше от воды, упал на карачки слушать дыхание, пригляделся к бледному лицу. Тот, кого он в первый момент принял за девушку, оказался парнем. Тонкие, женственные черты лица и длинные волосы легко вводили в заблуждение, но на этом сходство, впрочем, заканчивалось.

— Эй, паренёк! Ты живой там? Эй! — Он снова наклонился и прокричал ему прямо в лицо, хлопнул пару раз по щекам. — Да вроде дышит, значит, живой, стало быть. Ладно, отдыхай тут, ночь тёплая, авось, не замерзнешь. — Норберт поднялся, отряхнул запачкавшиеся песком светлые штаны, поискал глазами бутылку. Наконец, обнаружил её в своей руке и успокоился. Сделал один длинный глоток, вытряс остатки, вытер рот, громко икнул и упал на песок.

— Ой...полежу, наверное, с тобой. Устал. — Он перевернулся на бок, свернулся калачиком и удобно расположив голову на вытянутой руке парня, очень скоро захрапел.

Проснулся Фрей поздно. Солнце успело подняться над горизонтом и его лучи пока что стеснительно, но целеустремленно жалили нежную кожу. Он недовольно сморщился и перевернулся на бок, закрываясь от прямого света. Тело ныло от усталости и перегрузки, желудок сводило от голода, а жажда кристаллизовалась в навязчивую идею, но Фрей оставался непоколебим. Он спокойно и внимательно осматривал место своего нахождения, разожженный костер и незнакомого человека, возящегося с дровами. Человек сидел к нему спиной, тихо насвистывая под нос песенку. Затем, он встал, обошёл костровище, несколько подозрительно и даже придиричиво его разглядывая. И, лишь спустя минуты три подобного анализа, наконец, заметил пробуждение своего случайного соседа.

— О! Парниша! Очнулся, стало быть? Это хорошо, хорошо. Вот, костёр развёл, думал ещё еды достать, так сказать, завтраком разжиться, да деньги все прокутил. А задаром мне, стало быть, кто даст? Пришлось в огороды лезть, капуста нарвал с морковкой. Ещё семки из подсолнуха натряс. Они, конечно, жареные лучше, но и сырые с голодухи в самый раз. А ты,

стало быть, чего это, вчера? Ну, это самое, топиться что ли ходил? Я тоже ходил, но у меня ничего не вышло. Трус я. А ты, ничего, стало быть, упорный, раз почти справился. — Тут он умолк, словно вспомнив о чём-то, сконфуженно потёр крупный припухший нос. Поправил мятый, с оторванной пуговицей, воротник рубахи, пригладил редкие на макушке волосы.

Фрей ничего не ответил на столь странный приветственный монолог. Приподнялся, с трудом принимая вертикальное положение, голова немного кружилась.

— Воды.

Мужчина, точно только этого и ждавший, радостно привскочил и заметался.

— Воды! Да, да, это можно! Это конечно. По себе знаю, если с утра чего-нибудь не выпить, то так оно, стало быть, и не дожить можно. Куда это я опять бутылку дел? Здесь же была. А, вот! На, пей, дружище. Не смотри, что пахнет, зато внутри чистый родник! Неподальку нашёл, два раза уже набирать бегал.

Фрей осторожно принял подозрительно выглядящий и пахнувший сосуд. На пару секунд замер в нерешительности, но стучащая в висках мысль о близком насыщении, пересилила брезгливость. Он сделал маленький глоток, потом ещё один и ещё побольше, на время забыв обо всём на свете. Жадно пил, присосавшись к грязному стеклу и никогда не чувствовал себя счастливее. Сама жизнь текла к нему в горло, наполняя эйфорией и энергией. Только выпив всё, он понял как близко подошел к самому краю саморазрушения. Не позаботься о нём этот смешной человек и он мог бы и не дожить до исполнения своих амбициозных планов.

Он вернул пустую бутылку.

— Спасибо.

— Это конечно, пожалуйста, да. — Мужичёк лебезил и глуповато улыбался, вероятно и сам не понимая зачем он, собственно, так себя ведёт. Фрей не стал вникать в подробности чужой жизни. Промолчал, ища глазами вышеуказанные овощи. Не нашёл, пришлось спрашивать.

— Где еда?

— Еда? А! Ты про капусточку? Проголодался, да? Бедняжка, сложно наверное топиться, сколько сил отнимает. Сейчас, сейчас, я в сумку затолкал, чтоб нести удобнее было. Вот, держи, помой только, грязновата немного. Каюсь, ронял по дороге, убежать пришлось. Да ты ешь, ешь, я не буду, в саду успел яблок наесться. И морковку бери, в ней знаешь сколько витаминов? Тебе полезно будет. Вон какой бледный и синяков много. Болеешь, да?

— Болею.

— Знаю, знаю, сам такой. А, впрочем, это всё от чего? От отсутствия средств и должного ухода, проживания, опять же, провианта. Ты не смотри, что я как будто бродяга какой. Нет, нет, что ты! Уважаемый человек...был когда-то. Да-а. Но это не беда! Я ещё огого каким уважаемым буду, когда полоза своего открою или гадючку какую-нибудь. Я, ведь, страсть как гадов люблю, изучаю их с малолетства. Да-а, серпентолог, стало быть. В переводе с латинского “Serpentis” — значит “змея”.

Фрей молча ел предложенные овощи, практически не фиксируя внимание на скачущей с темы на тему болтовни человека. Получив необходимое, он вновь вернулся к своим мыслям, даже не пытаясь делать заинтересованный вид. Он готовился продолжать путь и копил силы. Но для Норберта подобный собеседник, напротив, оказался лучшим вариантом. Он его не перебивал, отрешенно поддакивал и как будто бы слушал. Большого ему сейчас и не надо было.

— Вот, ведь, ты, например, спросишь: “- А зачем вообще змей изучать? Есть же

цветочки там всякие, деревья, трава, чёрт её дерит!”. А я тебе скажу почему! Потому как все мы божины твари и всё должно иметь свой учёт! Змейки, они, суть что? Сплошная душа. И ногами их обделили и руками. Голова да хвост, вот и всё, что есть! Имей да радуйся. А как такому радоваться? Им бы горевать в пору, плакать, а они ничего, ползут себе да ползут и деток ползать учат. И при этом такая красота, такая мудрость в глазах — стыдно порой за себя станет. Уж и ноги у тебя есть и руки, а всё ни к месту. А всё ни красоты, ни мудрости. Так...один только хвост! Досадно? Вот и я говорю досадно. Потому и изучаю. Всё хочу ответ какой-то у них узнать. Хожу за ними, хожу, в глаза черненькие заглядываю, а всё не пойму, не увижу. Эх!

Последнее “Эх!” выдернуло Фрея из размышлений, заставив вспомнить о разговорившемся мужчине. Подобный проблеск внимания не остался незамеченным и Норберт заметно оживился, чуть придвинувшись. Его глаза сияли повышенным энтузиазмом.

— Интересно, да? Так и знал, что найду неравнодушного собеседника! А то, представь, никто даже слушать не хочет. Обзывают гадолюбом и старым маразматиком. Это ещё что! Бывает и похуже разойдутся! Такое набаракудят! Думаешь, ну не сволочи, а? А они — сволочи и есть! Да. Ну ладно, что-то я разошелся совсем. Не об том, ведь сказать хотел...А! Я ж, ведь, главного-то не сказал. Я же тоже вчера топиться пытался. Да-а. Стало быть, тоже неудавшийся покойничек. Хе-хе. Хотя, намерения были самые серьёзные, честное слово.

— И зачем? — Фрея стал не то, чтобы интересоваться диалог, но беглая, суматошная речь человека, веселила.

— Зачем? О-о! Это ещё та историшка. Хотя, чего туману нагонять? Да простая, в сущности, история-то: Денег у меня нет, вот и все дела. Обанкротился на старости лет, с работы погнажи, а с новой, видишь, не ладится. Я же, всё-таки, в душе учёный. Практически, человек искусства. Мне физический труд противопоказан, а по-другому сейчас и не заработаешь. А что дадут — медяшки. Как на таких-то зарплатах долг выплачивать? Никак. Разве что, грабить идти. Да я и тут не преуспею, добрый слишком, даже мягкотелый, чего скрывать? Вот и решил утопиться. Глядишь, с мертвого уже не спросят.

— Кто спросит?

— Дык, миграционная служба, ужа им в хвост! Я ж, попаданец, не говорил? Угораздило же свалиться чёрте знает когда. Молодой ещё был. Повезло, что в Рив-Тог попал — у них цены божеские и условия всякие есть, отсрочки там. В Партаскале уже давно бы с потрохами сожрали! Да что! Они и сожрали! Думал, успею до земли родной добраться, да сроков не рассчитал. Погасла метка. Всё. Сиди, бойся теперь когда краснюки эти, злющие, из кустов повыскакивают, да на галеры спровадят. А я не хочу на галеры! У меня ревматизм! Лучше сразу в море!

Фрея стал забавлять этот разговор. Он улыбнулся, отдыхая после скромного, но тяжёлого приема пищи. Тело ослабло значительно больше, чем он рассчитывал и ему требовалось время на восстановление.

— Значит, ты изучаешь змей?

— Точно так и есть! Возник интерес? Могу поделиться наблюдениями, фактиками, подробностями, если понадобится.

— Фактиков не надо. Скажи лучше, что ты сделаешь, если однажды встретишься со своей мечтой? Найдёшь редкую змею, например. Сильно ли изменится твоя жизнь?

Мужчина восхищенно присвистнул и даже хлопнул в ладоши от удовольствия.

— Эге-гей! Да я, похоже, попал на такого же поклонника всяких сумасбродств! Тоже

гонишься за мечтой, э? — Он зачем-то подмигнул правым глазом, но Фрей остался равнодушен к подобному панибратству и улыбку с лица убрал.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— А! Вопрос! Да-да. Вопросец тот ещё! — Мужчина рассмеялся, но, заметив прохладцу в отношении себя, притих и даже немного сконфузился. — Изменится ли жизнь? Да, пожалуй, что и да. А, может и нет! Не знаю! Да и откуда бы знать! Это же мечта. А мечта должна быть недостижима. Потому как, а что делать потом? Искать новую мечту? Мерзко и низко. Как будто, предыдущая мечта была совсем не мечта, а так, всего лишь, какая-то цель.

— Разве это не одно и то же?

— Что?

— Мечта и цель?

— Скажешь тоже! — Мужчина кхекнул и отмахнулся. — Да разве ж можно такие понятия объединять? Это, ведь, совершенно разное! Мечта — чтобы мечтать, стремиться, испытывать вдохновение, если хочешь. А цель — это цель. Это надо идти и делать. Скучно и пресно.

— Понятно.

Фрей плавно поднялся, внимательно прислушиваясь к своему состоянию. Еда, вода и отдых сделали своё дело, благотворно повлияв на весь организм. Он успел достаточно восстановиться и был вполне готов к дальнейшему пути.

Мужичок тоже вскочил на ноги, осознав, что вот-вот может лишиться своего собеседника. В глазах его плескалась даже какая-то растерянность и потерянности. Он напомнил Фрею заигравшегося ребёнка, не желающего признавать окончание понравившейся ему игры. Это сравнение навело его на забавную мысль. Он присел на корточки и коснулся ладонью теплой, припорошённой песком земли.

В ответ на призыв своего хозяина, проснулись все змеи на расстоянии нескольких десятков миль. Земля вздрогнула и пришла в движение. К месту их лагеря стали сползаться сотни, тысячи гадов всех возможных цветов и размеров. В считанные минуты весь берег и земля за ним, и в воде и выше, на выступающих камнях, скалах, земляных валах, повсюду, едва ли не касаясь огня, шевелились змеи. Отвратительно шуршащее, методично движущееся, текучее и смертельно — прекрасное море живых тонких тел. И центром их единого биения был Фрей. Они молились на него, они трепетали перед ним, в священном благоговении касались языками его ног и лежащей на песке ладони.

Фрей разогнулся, вставая и отряхиваясь. Чуть насмешливо взглянул на мертвецки-бледного, готового упасть в обморок, мужчину. Тот замер в неловкой позе, растопырив от страха руки и бешено вращая глазами. Объекты его страсти бесстрастно проползали по его ногам, обращая на него внимания не больше, чем на какой-нибудь камень. Однако же, человек был на грани истерического припадка и держался только благодаря шоку и чуду. Фрей понял, что хочет сказать что-то торжественное. Ситуация смешила его и в то же время, напрягала.

— Да здравствует мечта, что делает нас лучше и заставляет стремиться вперёд! Достичь её и умереть — что может быть достойнее для мечтателя? Иначе, и не зачем было отправляться в этот путь. Если не готов отдать всего, то стоило ли и начинать?

Он в последний раз оглядел трепещущее тёмное море под своими ногами, потом тонущего в этом море человека. Мимолетная злоба вспыхнула в нём и погасла, как искра, но чад её секундного горения, тронул сердца всех пресмыкающихся тысяч. Чешуйчатое море

колыхнулось и закипело.

— Ты хотел найти какой-то ответ в их глазах. Что ж, для этого представилась наилучшая возможность — они с радостью расскажут тебе всё, что знают. Или нет. Но среди них точно есть неизвестные виды.

Он отвернулся и спокойно пошёл вверх по берегу, к видневшейся впереди полосе леса, уже не оборачиваясь и не думая о своём случайном попутчике. Лишь одно слово всё вертелось на языке, как бы недосказанное, мешающее ровному течению мыслей. Фрей остановился, ища этот застрявший словесный камешек, пока, наконец, не вытащил его наружу. Досадно пробормотал:

— Изучай.

Слово выпало и подпрыгивая на склоне, покатилося вниз, к тому, для кого адресовалось. Гулко ухнуло в чёрную блестящую живую массу. Медленно пошло ко дну, где уже ластясь, и прикикло к предназначенным для себя ушам. Природа нежно берегла даже голос своего будущего короля. Она страстно служила ему и в страсти этой, была страшна.

Чем сильнее становился Фрейнгард, тем быстрее меркла королева. Жизнь не просто утекала из неё, она сочилась, как из открытой раны. Уже три дня она не могла подняться с постели. Долгими часами пропадала в горячем беспмятстве, мучаясь кошмарами и галлюцинациями. Бредила, принимаясь вдруг кричать и метаться на постели, так что, бледный как снег, Топройд, долго не мог её успокоить. Он почти не спал, неся круглосуточную вахту подле умирающей жены, моля небеса сжалиться над ней хотя бы в последние её мгновенья.

На благополучные, естественные роды уже никто во дворце не надеялся. До нужного срока оставалось без малого две недели. Но столько протянуть при нынешнем тяжелом состоянии, королева едва смогла бы. В любом случае, совет лекарей пришёл к согласию, что день-два и плод придётся доставать посредством вскрытия. Извлекать его уже после смерти матери они боялись. В таком же случае, есть шанс, что леди Лиалуара успеет увидеть своё дитя и благословить его.

Очередной тяжёлый приступ лихорадки пошёл на спад и Лиалуара ненадолго очнулась, обведя, окутанную в сумерки спальню, тяжелым, липким взглядом. Чуть задремавший в кресле Топройд, тут же вскочил, сбрасывая с себя остатки сна и припал на колени возле кровати, с тревогой вглядываясь в лицо жены. Оно похудело и пожелтело, под глазами пролегли огромные синяки, а высокий лоб украшал бисер пота.

— Топ...

— Да! Да, милая! Я здесь! — Душа слёзы, он принялся иступленно целовать её высохшие ладони. Бессилие, тоска и жалость крутили его душу узлом. Он разрывался от волнения и сострадания, ужасаясь происходящему и отчаянно цепляясь за него.

— Фрей не возвращался?

— Что? Фрей? А, ещё нет, ещё нет. Зачем он тебе? Эпискур сообщал, что принц благополучно пересек море. Не знаю, правда, как он это почувствовал, но доверяю его словам.

— Ему надо вернуться на свадьбу.

— Что? Небеса! Ты всё ещё думаешь об этом? Брось это. Он всё равно не оценит твоей заботы. Тебе надо переживать о себе и нашем ещё не рожденном ребенке. Я так хочу увидеть его и тебя здоровыми. Пусть этот день настанет! О, это будет день великого счастья! Ты слышишь? Счастья! Поправляйся.

— Эта девочка, она уже скоро будет здесь. Её везёт ко мне моя Пташка.

На этих словах лицо королевы разгладилось и просветлело. Она улыбнулась, как не улыбалась уже очень давно — чистой, нежной, открытой улыбкой. Безумный взгляд её приостановился, стал осмысленным и глубоким. Она смотрела как бы внутрь себя, не замечая окружающего, но с удовольствием пролистывая в уме картины прошлого. Топройд беззвучно замер, не в силах и не в правах мешать необыкновенному мгновению. Правда, глубоко внутри, сердце его всё же, защемило ревнивой обидой и он поспешил отвернуться, чтобы не выдать захлестнувших его чувств.

— Я думал, он больше не появится на пороге нашего дома.

— Я всё ещё люблю его, Топ.

— Да...к сожалению.

— Жаль, что мы расстались так быстро. Я так и не успела пресытиться его песнями. Знаешь, как он хорошо пел? Как соловей. Такой чудный голос и серые, птичьи глаза. Это ведь я и назвала его Пташкой. Представь, я слышала, что он до сих пор так себя называет.

Королева замолчала и как-то совсем незаметно заснула. Топройд пропустил момент, когда пауза чересчур затянулась, вынырнув из своих мыслей только некоторое время спустя. Женщина уже спала, ровно и свободно дыша, но ещё храня на лице оттенок улыбки. Губы её чуть подрагивали во сне, как у ребёнка, пальцы слегка шевелились, как бы что-то перебирая.

Он просидел так ещё немного, думая о чём-то, ласково поглаживая тонкую кожу женского запястья. Он не представлял, что будет делать без неё и как дальше жить. Власть Фрейнгарда ужасала его, предвещая хаос и беду. Если повезёт, у него будет новорождённый сын, как память о любимой. Если нет — не будет ничего от прошлого счастья. Он забудется, как мимолетное воспоминание, никому ненужный и никем незамеченный.

— Пташка, пташка...серая пташка. Опять поёт.

Он встал, тяжёло выдохнув и разминая затёкшее от долгой неподвижности тело. Дошёл до поднадоевшего кресла, поглядел на стоящий у дальней стены ажурный диван, снова на кресло. Подхватил подушку и пошел в глубь обширной комнаты, впервые за много дней принять горизонтальное положение. А если повезёт, даже поспать.

Ночь опускалась на землю, подводя безжалостные итоги уходящему дню: В этот день море вынесло на берег своего юного короля. В этот день Кристофер Дарнау разбил руку о старый ясень. В этот день, Захари Трот вернулся в Рив-Тог и представил своему начальнику судьбоносный материал для статьи. В этот день Джерри Дарнау зашёл в порт Гастеллы и познакомился с Лойсом Диггинсом. В этот бесконечно-длинный день заканчивалось благодатное лето. Наступала осень и холодный ветер с востока уже готовился обрушить ураганы и ливни на тёплую, разомлевшую землю.

Возвращение Захари Трота на родную землю (то есть, на работу), вышло фееричным и запоминающимся. Такого потасканного и запущенного состояния у своих работников, Джо Эттвуд, ещё не помнил. Он замер в первое мгновение, растеряв слова, с головы до ног оглядывая похудевшего, загорелого и сильно обросшего юношу. Ему понадобилось секунд двадцать, чтобы опознать в этом широко улыбающемся оборванце и разбойнике, привычного ему, домашнего, ухоженного паренька.

— Захари? Это ты?!

— Я, мастер Эттвуд! Только что вернулся с задания и сразу к вам! У меня такие новости! Вы будете в восторге! Я такое узнал! Статья будет фантастическая!

— Стоп, стоп, стоп! — Мужчина, ещё не пришедший в себя, замахал руками, останавливая поток слов. — Во-первых, успокойся, сядь. О, нет! Стой где стоишь! Это что, грязь? — Он с брезгливым ужасом поглядел на тёмные комки земли на полу. — Ты где был? В конюшне? Нет, молчи! Слушай меня. Я уже собрался тебя заочно увольнять! Скоро будет месяц, как ты исчез неизвестно куда. Дома тебя ищут. Меня уже замучили твои родители. В последнюю неделю, они даже вздумали мне угрожать. А я что? Исчез да исчез. Куда — не знаю. И вот ты вдруг являешься и ещё весь в какой-то гадости! Ты хоть представляешь, какие у меня из-за тебя проблемы?

— Мистер Эттвуд, я...

— Нет! Даже слышать ничего не хочу! Быстро домой успокаивать родителей, переодеться и приводить себя в приличный вид! Завтра, так и быть, можешь прийти с утра. Хотя, нет, я всё равно тебя увольняю, можешь не появляться!

— Но мистер Эттвуд! Вы не можете меня уволить не прочитав моей статьи! Она по-настоящему, клянусь, по-настоящему стоящая! Вы бы только знали, через что я для неё прошёл: и рабство, и плантации, и небольшой перелом мизинца на ноге. Но он уже почти сросся, так что ходить не мешает, хотя, было очень больно его получать. Вы знаете, какие тяжёлые доски я таскал?

— Захари! Какой ещё мизинец?! Какие доски?! Вон из моего кабинета! Думаешь, ты первый, кто так откровенно отлынивает от работы?! Был у меня тут один тоже “натуралист”, змей изучал. Так этот гадёныш по целым суткам из своего запоя не вылезал. А когда, наконец, появлялся, алкаш недорезанный, с дрянным текстиком, так в нём кроме “белых пуз” и “загадочного блеска глаз” этих ползучих тварей, ничего не было! Я его целых полтора года терпел, пока не выгнал, с-собаку! И тебя тоже выгоню!

— Мистер Эттвуд!

— Что ты заладил тут “Мистер Эттвуд”, да “Мистер Эттвуд”. Да, это я! И я не потерплю хамства и разгильдяйства в своём деле!

— Но статья стоящая! Послушайте хотя бы одну мысль и выгоняйте!

— Хорошо. У тебя два предложения и ровно три секунды моего внимания. Ну?!

Захари очень разволновался и покраснел. Даже уши заалели, как у молодой девицы на первом свидании. Голова его буквально лопалась от пережитых событий, накопившихся впечатлений и эмоций. Уместить весь этот хаос в два предложения, казалось делом невозможным. Две из предоставленных секунд прошли, а он всё перетаптывался на месте, не зная какое же предложение наиболее точно передаст его новость. Пауза затянулась, грозя

завершиться грандиозным скандалом. Джо Эттвуд всё сильнее хмурился, сводя к переносице густые брови. Наконец, последняя секунда подтолкнула Захари к нужной мысли и он выпалил её на одном дыхании.

— Я попал на самые богатые фермы Дарнау и обнаружил, что они стоят почти пустые. А из подслушанных разговоров выяснил, что Эприт вовсе заканчивается во всём мире и теперь нам всем хана!

Он перевёл дух, готовый яростно защищаться, но начальник совсем не спешил на него нападать. Джо Эттвуд, наоборот, притих и замолчал, как бы поймав некоторую отрешенность. В чрезвычайной задумчивости стал жевать отросшие седоватые усы. Смотрел и не видел, перебрасывая в голове незримые кости. Наконец, иллюзорный кубик лениво стукнулся нужной гранью и показал “шесть”. Только тогда он ответил.

— Это точная информация?

— Точнее не бывает, мистер Эттвуд! Я сам лично был участником событий, попал на королевскую проверку, вытягивал сетки с моллюсками, сделал себе временную печать и почти месяц был в рабстве! А ещё...

Мужчина поднял руку, прерывая речь. Этой же рукой почесал крупный, выдающийся лоб. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Стряхнул невидимые крошки с удлиненного пиджака. Захари нетерпеливо ждал хоть какой-то восторженной реакции, но она всё не спешила появляться. Напротив, выражение лица начальника портилось и искажалось с каждой секундой. Наконец, вид его стал насуплен и грозен.

— Ты хотя бы немного отдаёшь себе отчёт в том, что только что сказал?

Захари болезненно побледнел. Глаза его заматались по маленькому, тесному кабинету.

— Д-да? — Полувопросительно прозвучавший ответ, лишь утвердил Джо Эттвуда в своем подозрении.

— Нет, Захари. Ты ни-че-го-шень-ки не понимаешь. Ты просто счастливый дурак, которому повезло попасть туда, куда специально не заберешься и узнать то, что никто узнать не должен был. Как тебя не убили, я поражаюсь.

— Хотели, но я успел вовремя смыться.

— Захари. — Намеренно повышенный голос заставил Захари снова умолкнуть, пристыженно глядя в пол.

— Простите, мистер Эттвуд. Я думал, вы будете рады такой интересной новости. Вы же просили что-то сногшибательное, что-то “Ух!”.

- “Что-то Ух!” не значит повод для начала мировой войны, Захари.

— Какой войны? Конечно, находка серьёзная и многое поменяется, но чтобы прям война и ещё мировая? — Он попробовал слабо улыбнуться, но его заискивающий взгляд разбился об ледяную стену уничтожения. — Простите еще раз. Я просто хотел вас удивить.

— Удивил. Это у тебя получилось. А теперь вон из моего кабинета и чтобы духу твоего не было. Ещё раз сделаешь что-то подобное, я тебя и вправду уволю! Ты понял?

— Да, мистер Эттвуд.

На Захари больно было смотреть. Вид его стал ещё более жалким и опущенным. Глаза намокли, а губы подрагивали, морща лицо в едва сдерживаемых рыданиях. Осознание бесполезности собственного путешествия, сильно его подкосило. Он развернулся на негнущихся ногах, ударился о косяк плечом и вышел, даже не заметив этого.

Джо Эттвуд остался один и ещё минуты три рассматривал закрывшуюся, плохо покрашенную в белый, дверь. Дешёвая краска успела облупиться за какой-то месяц и

постоянно отваливалась кусками и сыпалась. Та же ситуация творилась сполом — грубо пригнанные доски изобиловали торчащими гвоздями и выщербинами. Скучная мебель притащена с помойки. Обои на стенах выцвели, а местами, вовсе прогорели от неаккуратного обращения с самодельными свечами. Их жалкий домишко разваливался и требовал капитального ремонта. Не говоря уже о нехватке материалов для печати, людей для работы и курьеров для доставки типографии.

Джо Эттвуд вернулся за свой стол и достал чистый лист бумаги, пододвинул ближе деревянную чернильницу, макнул пощипанное перо. Под его твердой, привычной к письму рукой, стали вырисовываться маленькие, четко прорисованные столбики чисел. Только исписав весь лист полностью, мужчина остановился, запыхавшись и покрасневшись от напряжения. Голова его гудела от подсчетов, сложений, вычитаний и прочего, прочего, что обычно необходимо для бухгалтерии. Ему понадобилось целых сорок минут, чтобы в точности определить затраты на ремонт, закупки, зарплаты и остальные нужды. И ещё три секунды, чтобы умножить доход от одной статьи Захари на миллион экземпляров.

А если сделать основной акцент на Партаскаль, то и два миллиона. Нет, нет, нет! — Он рассерженно отбросил перо, хлопнув им по столу. Негодующе сцепил руки на груди и откинулся на спинку стула. В нем бушевали сомнения. Один голос, благородный и честный твердил забыть эту идею, сделав вид, что он ничего не слышал и способствовать бедному, худому миру. Другой, подленький и соблазнительный, напоминал про умопомрачительную сумму, которую им принесёт этот тираж. И чем дальше он размышлял на эту тему, тем глуше становился тот, первый голос. Тем реалистичнее представлялось грядущее богатство. Так что, мужчина и сам не заметил, как быстро встал на противоположную своим прежним намерениям сторону.

— Ведь, действительно, ничего страшного может и не случиться? Да, факт скандальный и даже опасный на непредсказуемые последствия. Но, и в правду, не может же одна какая-то статья стать поводом для начала мировой войны. Это же бред. Бред ведь? — Он обратился к облупившейся двери, но та не порадовала его ответом. — Поэтому, можно вполне разрешить Захари написать то, что он хотел. Отредактируем немного, упростим для понимания и в народ. Два миллиона экземпляров это не очень-то и много. Даже цену поднимать не будем, если только самую малость, исключительно для проформы.

Договорившись с самим собой, Джо Эттвуд, позвонил в стоящий на столе ручной колокольчик. Из-за двери выглянула растрепанная голова помощника.

— Марти, будь добр, догони Захари и скажи ему пусть пишет свою статью. Но чтобы уже завтра утром она была у меня на столе! Ты понял?

— Да, мистер Эттвуд. А где мне его догонять?

— Я откуда знаю, на улице. Не мог же он далеко уйти. Не найдешь на улице, беги к нему домой — у его родителей особняк на горе.

— Это тот самый?! Он что, такой богач?! А почему у нас работает?

— Марти! Я тебе тут кто? Откуда мне знать, что у этих богачей в башке такое сидит? Работает и работает, на остальное плевать. Беги давай!

— Всё понял! Уже бегу!

Голова помощника скрылась за дверью, а Джо Эттвуд позволил себе удобнее развалиться на жалобно скрипнувшем стуле и мечтательно заложить руки за голову. Он всё еще не был до конца уверен в правильности своего решения, но уже не мог остановить тронувшегося колеса алчности. Такой шанс выпадал не часто и упустить его он никак не мог

себе позволить. А что до совести, так она тихо бубнила из погреба его души, куда её прогнали, изредка поднимая тоскливые, жалостливые глаза. Мужчина мысленно закрыл тяжелую крышку, полностью прерывая поток скребущих душу мыслей. Сразу стало хорошо и легко.

— Ничего, ничего. Война, конечно, дело плохое и неправильное, это бесспорно. — Он достал из ящика стола припрятанную дорожную плитку шоколада и с удовольствием съел её в один присест. — Но, очень уж прибыльное, с-собака. Что уж тут дурного немного на этом подзаработать? Все так делают. Не я первый, не я последний. Главное, чтобы не последний. Да и не будет никакой войны! Что я тут себе напридумывал? — Он яростно смял обертку и бросил её на пол. Проследил глазами за откатившимся бумажным шариком. Встал, поднял и кинул в ящик для мусора. Постоял немного над ним, раздумывая, затем горестно махнул рукой и вернулся за стол. — И чего я боюсь? Это же Захари автор статьи, значит, в случае чего, и виноват окажется он. А я... допустим просто жертва обстоятельств.

Эта мысль окончательно примирила Джо Эттвуда с его решением и он уже больше не возвращался к этому вопросу, готовясь к самому эпохальному тиражу в своей жизни.

Луиза Дарнау — хозяйка поместья и мать трёх сыновей уже неделю караулила своего мужа, пытаясь выпытать у него подробности происходящих бед. В последнее время они сыпались на них с такой регулярностью, что впору было задумываться о каком-то родовом проклятии или делах и того более тёмных. Старый граф, предчувствующий неудобную для него беседу, уклонялся от разговоров с женой всеми средствами. Он бы с удовольствием продолжил и впредь придерживаться подобной тактики, но удача неожиданно махнула хвостом и кровные родственники, наконец, оказались лицом к лицу.

Графиня встала в дверях мужненой спальни, как несокрушимый утес, уперев руки в бока и так угрожающе прищурил глаза, что верный супруг решил сдаться на волю победителя.

— Ну?!

— Что “Ну” моя дорогая?

— Где наш сын, я тебя спрашиваю?!

— Какой именно?

— Какой именно?! Я тебе покажу “какой именно”! Дал бог трёх детей мне родить! Ты же, ирод, уже двоих сгубил!

— Неправда! Старший твой сам на кривую дорожку встал!

— А кто его туда пихнул, скажи мне на милость?! Из-за твоих дурацких идеалов, из-за твоего “воспитания” дитё из родительского дома сбежало! И второго погубил?! Где мой Джерри?! Отвечай!

— Да гром тебя раздери, в море он, в море! Шторм их застал, чуть погода придут.

— Какое ещё “погода”? Сколько ещё “годить” ты мне предлагаешь? Брешут, что погиб мой мальчик, что пираты сожгли корабли все, да экипаж порезали. — На этих словах, выдержка покинула графиню и она разрыдалась, закрывая лицо и совсем уж неприлично подвивая. Граф подбежал, подхватил жену, усадил на мягкое кресло возле окна.

— Будет тебе рыдать-то, брехня всё, ей-ей. Не слушай никого. Вернётся твой Джерри, никуда не денется. Да, напали пиратики на них, не справились наши молодчики, но сын твой жив! Жив я тебе говорю! Слышишь?

— Да откуда ж тебе знать-то? — Слёзы текли уже в три ручья и конца этой истерики не виделось. Граф рассеянно похлопывал жену по плечу, то и дело косясь на стеклянный сервант у кровати. Решиться на что-либо он не успел. В спальню постучались и сразу же в

открывшемся проеме двери возник Фердинанд. Костюм его носил следы недавней поездки, как и остервенелый, замученный взгляд. Заготовленная для отца речь, было началась, но тут же скомкалась на полуслове, остановленная видом плачущей матери. Он растерянно оглядел обоих родителей, сконфуженно кхенул и даже натурально закашлялся в кулак.

— Ферди! Мой славный мальчик! Ты один остался у меня! — Графиня, получившая подходящий объект любви, подскочила, спешно заключив в объятия своё уже давно подростое и возмужавшее чадо. Фердинанд мужественно выдержал бурное излияние чувств. После чего, как можно деликатнее отодвинулся.

— Матушка, перестаньте. Джерри уже ищут. Я сделал всё возможное для его скорейшего возвращения к вам, под крыло. Обещал даже выкуп. Так что, пожалуйста, утрите слезы, вам нельзя переживать. Подите к себе, прилягте, я велю приготовить для вас ванну с солью. Вы же любите когда с солью?

— Да, да, мой мальчик. — Графиня обессиленно закивала, любовно дотрагиваясь пухлыми белыми пальчиками до сына. На мужа она больше не смотрела. Всё её внимание и чаяния обратились теперь к “Ферди”.

— Вот и хорошо. Вот и правильно. Сейчас сделаю распоряжения и будете отдыхать. А я к вам еще зайду попозже.

В подтверждение своих слов, Фердинанд кликнул слуг, раздал указания и лично проводил мать до её комнат. К отцу он вернулся спустя пятнадцать минут, найдя того в глубокой задумчивости. Старик стоял напротив серванта, сцепив руки за спиной и как бы раскачиваясь на месте с отсутствующим взглядом. На звук шагов он едва повёл седыми бровями.

Фердинанд не дождался приглашения располагаться и сам уселся в то же кресло возле окна. Достал из-за пазухи небольшую, богато инкрустированную флягу, отхлебнул, сморщился, вытер рот манжетом, скосил глаза на подозрительно спокойного родителя.

— Думу думаешь? И правильно. Я пока сюда несся, тоже думал. И про семью думал, с которой месяцами не вижу. И про жеребца на именины подаренного, на которого и не сел ни разу, потому как кроме дел и не знаю ничего. Про жену думал, брошенную, угасшую. Про детей, вроде как и не моих, но похожих смутно. Хорошо живём, бать. Богатство всю жизнь копили, а счастливыми так и не стали. Это как так?

— Счастье не скопишь.

— Не скопишь. Так откуда его брать тогда? Я уже и забыл как оно выглядит, это самое “счастье”. Одна тревога заместо него, горечь какая-то, да ветер, вот тут, под сердцем. Не пойму я ничего. Как жить надо? Уже и жизнь прожил, а жить не научился. Бегаю от одного костерка к другому и не вижу, что уже весь лес занялся, а я всё угли затаптываю.

Граф не ответил. Ещё минут пять прошли в тишине. Фердинанд планомерно осушал флягу, часы на стене неумолимо ползли к четверти седьмого, а Гаспар Дарнау всё стоял напротив стеклянного шкафа и думал, думал, думал, щелкая суставами пальцев, да бубня про себя что-то неслышимое.

Наконец, медитация его кончилась и он ожил, обернувшись и как бы в первый раз заметив сына. Разволновался неизвестно с чего, засуетился, забегал глазами по комнате, потом глубоко выдохнул и позволил лицу расплыться в подобострастной улыбке. Подобная улыбка частенько выплывала наружу в присутствии Фердинанда. Старый Граф немного побаивался сына, пасуя перед его уверенностью, хозяйственностью и властью. Лишь временами, он забывал о своём страхе (как случилось и сегодня). Но моменты эти случались

редко и происходили, надо полагать, от душевной муки, всё чаще и внезапно одолевающей на склоне лет.

— Так-с, слушаю тебя.

Сам Фердинанд смотрел на такое отношение к себе не без внутреннего смеха, но никогда не позволял себе чрезмерных грубостей. Отца он искренне любил и уважал, хоть и откровенно пользовался его заблуждениями и страхами. Так что, можно было смело утверждать, что отношения у них установились дружеские и уже давно на “Ты”.

— Слушаешь, это хорошо. А то я тут ноги сбиваю по поручениям его бегая, а он на шкафы пялится. Мать до слёз довёл. Хоть бы навещал её почаще, утешал, а то прячешься как мальчишка. Хоронить скоро, а всё туда же.

— Ну уж!

— Вот те и “ну уж”. — Ферди строго поглядел на отца, отчего тот быстро скис, присев на стул возле кровати. — Был я у короля, точнее, в приёмной, дальше не пустили, гады. Стоило только оступиться разок — всё! Никакого уважения! Выгнали, как шавку! Только что, пинок под зад не дали! — Он злобно дернул рукой, вытаскивая из кармана помятый, кое-как сложенный листок с разломаной гербовой печатью. — Вот. Высокое повеление, чтоб его. Отдать все имеющиеся запасы эприта в пользу короны и перевести фермы в полное управление монаршего двора. Поместья и землю разрешено оставить. Как тебе?!

Старик не ответил. Губы его дрожали, а руки сцепились в плотный “замок”. Вид его стал жалок и болезненен.

— То-то и оно! Только плакать и остаётся. Ещё и три корабля потеряли по бестолочи. Это ж какие деньги! И никто не вернёт, проси — не проси. Мы сейчас в немилости. Всё самим разгребать. — Фердинанд брезгливо повертел злосчастную бумагу и небрежно бросил на заваленный хламом письменный стол. — Ещё и Джерри пропал, ищи его теперь. Тела так и нашли, но жив он ещё или нет? Сомневаюсь, что...

— Жив.

На этих словах старый граф изменился в лице, ставшим враз мертвенно-бледным. Деревянно поднялся и снова встал перед стеклянным сервантом. Открыл дверцу, отодвинул бутылки, стаканы, чем-то щелкнул, по-видимому, замком потайной секции. И, наконец, осторожно вынул небольшую продолговатую деревянную коробочку. Хорошо отполированное и пролаченное дерево блестело под светом свечей. На крышке виднелась выведенная золотом надпись. Фердинанд не сразу сумел её прочесть, но когда ему это удалось, уважительно присвистнул и весь подался вперед.

Надпись гласила: “Пять горящих сердец Дарнау”.

Старик бережно поставил её на свободный край стола, как раз рядом с сыном. Почти нежно дотронулся до микроскопической жемчужины, вмурованной в дерево. Наполненный магией камушек примирительно засветился, узнав хозяина и крышка с лёгким щелчком открылась.

Фердинанд не смог сдержать восхищенного вздоха. Руки сами потянулись за дивным сокровищем, стремясь рассмотреть его поближе. Отец не мешал, молча и как-то отстраненно стоя рядом.

Внутри вытянутая прямоугольная коробочка была обита черным блестящим бархатом и разделена на пять одинаковых секций. В каждой из них лежало по крупному алому эприту, размером с перепелиное яйцо. Волшебные камни имели глубину и просвет, переливаясь всеми оттенками огня от тёмно-бордового до ослепительных искр жёлтого. Кроме того,

каждая “жемчужинка” хранилась в плотном золотом футляре с длинной тонкой цепочкой. Сам футляр напоминал полураскрывшийся бутон, с одной стороны которого на золотых лепестках было выгравировано имя. Другая сторона оставалась открытой для того, чтобы видеть, как в глубине багряного камня бьется живой пульс.

Фердинанд дрожащими руками вытащил бутон с гравировкой “Ф. Д.”. На огромной грубой ладони он казался чем-то иллюзорно-хрупким и маленьким. Более того, напугало исходящее от камня тепло и едва ощутимое биение, словно он и в самом деле держал в руках чье-то сердце. Но это было не “чьё-то” сердце, это — билось его собственное.

— Поверить не могу. И ты скрывал это, даже от матери.

Камешек на ладони запульсировал чаще, красный огонёк в нём замигал в такт со своим оригиналом. Фердинанд трепетно уложил бутон на место. Оглядел остальные цветы: Все они дышали жизнью, отображая разный ритм, оттенок и характер, но абсолютно точно сообщали о благоденствии своих хозяев. На внутренней стороне крышки, над каждой секцией золотым вензелем дублировалось имя. Взгляд задержался на К.Д. и Д.Д. Оба египетских брата, старший и младший, даже не догадывались, что кто-то в этот момент слушает их сердце.

— Немыслимо. Это просто невыносимо.

Фердинанд встал и отошёл к окну, заложив руки за спину точно также, как до этого делал отец. В висках гроыхало, горло перехватило жгутом, не хотелось даже разговаривать. Он и сам не понимал отчего больше впечатлился. От самого ли факта существования подобной вещицы или от мысли, что отец бережно хранил долгие годы все пять камней. При том, что отрёкся от старшего сына, выгнав из дома и запретив упоминать его имя. Прошло уже двадцать лет, а “К.Д.” стоит самым первым в ряду и бархат под его бутоном потерт больше всех.

— Зря ты показал мне это. Скрывал бы уж и дальше.

— Ты не понимаешь.

— Да куда уж мне! — Он зло развернулся, готовый высказаться на этот счёт, но несчастный донельзя вид отца, заставил проглотить дальнейшие упрёки. Фердинанд замолчал, помялся на месте и, наконец, решил покинуть резко ставшую неуютной комнату. Граф остановил его уже в дверях.

— Ну что ещё?

— Ты, это, пожалуйста не рассказывай никому. Не хочется, знаешь...

— Не буду. На этом всё?

— Ферди...

— Что?

— Когда умру, заведи шкатулку. Ты знаешь теперь где она лежит.

— Глупости какие. С чего ты вдруг помирать собрался?

— Нет, обещаю, что заберешь.

— Вот же! Обещаю. И что мне с ней делать?

— Слушать.

От застывшего в серьёзности лица родителя, Фердинанду даже стало смешно.

— Кого, бать?

— Братьев. Близятся времена, когда только вы друг у друга останетесь. На тебя ляжет роль главы семьи и всё её бремя. И я хочу, чтобы вы трое снова объединились. Для этого и оставляю тебе шкатулку.

— Бред какой.

— Нет, послушай, это очень важно.

— Бать. — Фердинанд устал от новостей, тревог и безумий сегодняшнего дня. Он хотел есть, спать, как следует помыться и отдохнуть с дороги. А все эти семейные тайны и судьбоносные диалоги, были как нельзя некстати. У него даже силы на злость кончились. — Я пошел отдыхать, чего и тебе желаю. Матери ничего не скажу, раз это для тебя так важно. Как соберешься помирать, так быть, перетащу к себе эту вещицу. С братьями...вепрь бы их побрал таких братьев! Всё, я ушёл.

Он развернулся, больше не слушая, что там кричит вдогонку отец. Мысли его уже унеслись по направлению к близкому отдыху и ужину. Даже, все утренние беды разлетелись, сдавшись перед образом дымящегося свежезажаренного мяса и картошки. Единственное ощущение никак не желало проходить — тепло в середине ладони, на которой лежал золотой бутон с его именем. Снова что-то защемило в груди, заставив вспомнить заботу, с которой хранились эти удивительные камни и золотые вензеля и цепочки и надпись на полированном дереве: “Пять горящих сердец Дарнау”.

Две недели в горах дались Тревису очень нелегко: он похудел, осунулся, лицо обветрилось и заострилось. От скудной еды, сырости и холода, появилась привычка подолгу сидеть без движения, дрожать и не о чём не думать. Сил хватало лишь на осуществление элементарных жизненных потребностей, да редкие короткие разговоры. Четвёртый по счёту срыв высосал из него всю оставшуюся энергию. Казалось бы, свежая кровь должна была бы восстановить его и поддержать, но он чах и угасал с каждым днём. Он видел, с какой тревогой Кесс смотрит на него всякий раз, когда лечит. Видел, как отводит взгляд в досаде, как съёживается на ветру, как подолгу беседует с Марсом у костра, пока он лежит укрытый всеми одеялами в их единственной раздобытой палатке.

Сам же Марс, переносил тяжёлое путешествие на удивление хорошо. В противоположность другу, неприятности закаляли его, прибавляя сил и уверенности. Благодаря Кесс и её поистине поразительной опытности, он быстро выучился охотиться и ставить разные силки на зверей. К концу второй недели пути он уже умел читать следы на снегу, ходить так, чтобы не сыпались и не хрустели под ногам камни, лазать по деревьям и камням, различать голоса птиц и подражать некоторым из них.

Кроме того, лекарка учила его пользоваться купленным оружием: луком, ножом и прямым одноручным мечом. Откуда у хрупкой двадцатилетней девушки, подобные навыки, он не знал, а Кесс не отвечала, всякий раз отделяваясь скромной, но не пробиваемой улыбкой. Да и в целом, за то время, пока Тревис “болел”, Марс успел поближе познакомиться с их попутчицей и во многом удивиться.

Вот, что он подметил: Кесс никогда не уставала, не болела, не злилась, не теряла равновесия. Она легко засыпала у костра и просыпалась самая первая, чтобы приготовить завтрак. А ещё не жаловалась на голод, холод, усталость, скуку или опасность. В равной степени легко принимала и радостные и тяжёлые события, такие как еженедельные срывы Тревиса или нападения диких зверей.

Но, самое главное, у неё имелись ответы почти на все вопросы и умения даже в тех областях, о которых и помыслить сложно было. И если она брала в рук лук, то владела им профессионально, если учила охотиться, то непременно приходила с добычей, умела свежевать её и тут же вкусно готовить. Марс не знал насколько это нормально для девушек этого волшебного средневекового мира, но, подозревал, что не очень-то стандартно. Удивлялся, восхищался, жадно перенимал все знания, но с лишними расспросам не лез, наученный неизменным доброжелательным молчанием в ответ.

И если о подробностях собственной жизни, Кассандра предпочитала умалчивать, то другими историями, она делилась легко и охотно. Вот и сейчас, в первый день местной осени, когда злополучные горы, наконец, остались позади, возвышаясь за спиной хмурой каменной громадой, Кесс завела очередную историю. Тревис сидел у костра, закутавшись в одеяла с миской горячего бульона в руках и медитировал, отрешенно смотря на огонь. Сам Марс, чинил покалеченные с последней охоты, хвостовики стрел. Кесс жарила расчленённую тушку кролика. Они спустились в долину только вчера и теперь отдыхали, отъедаясь жирным, нагуленным за лето зверьём.

— Не помню, рассказывала ли, но магия, как ты говоришь, в этом мире и правда, устроена странновато. Начать даже с того, что владеть ей могут только люди.

— Люди? Почему я тогда ничего не умею?! Потому что у меня какой-то там “ноль”?

Девушка рассмеялась, убирая за ухо, упавшие на глаза волосы.

— Не совсем. “Ноль” означает отсутствие врождённых способностей, как например, моя способность к лечению. Но, магия — это совсем из другой области. С чего бы начать? — Она замолчала, задумчиво переворачивая мясо и продолжила с видом вполне себе менторским и авторитетным. — Жил когда-то такой человек по имени Джозеф Эприт. Был он ученым-натуралистом, исследовал море, разных обитающих в нём животных и прочее. И вот, однажды, на береговой линии в какой-то стороне он нашел необычных жемчужниц, ракушки которых отличались особо крупным размером и необычной окраской. Но, самое главное, они немного светились. Тогда он достал их, открыл и увидел большие ярко-окрашенные в разные цвета жемчужины. Каждая из них испускала некую мощную энергию. Этот феномен заинтересовал его пытливым ум и он стал их изучать. В последствии выяснилось, что эту энергию, можно извлекать и использовать в различных сферах. Для простоты понимания, её назвали “магией”, а сами “магические камни”, т. е. ракушки — “Эпритом”, по фамилии первооткрывателя.

— То есть, магии, как таковой, всё-таки нет?

— Всё-таки есть, но она ограничена для производства и использования. Это, всё же, энергия, растворенная в воздухе, собрать которую оттуда, может только лишь один единственный вид моллюсков.

— Ободеть. Моллюски несущие магию. Какой-то сюрреализм. И как пользуются этим “Эпритом”?

— По-разному. За последние триста лет добыча и реализация магии сильно продвинулись вперед. Теперь, эприт входит даже в состав тканей для добавления к ним разных свойств, как, например — непромокаемость, прочность, даже невидимость или невесомость. Единственное неудобство — это дороговизна. Количество эпритовых раковин во всём мире непозволительно мало, а рост их медленен. Поэтому, на учёт поставлена каждая такая ракушка и владеющие эпритовыми фермами — самые богатые и влиятельные из всех. Эприт — самый важный и дорогой ресурс на обоих наших континентах. На нём держится вся экономика и политика.

— Ого! Крутая вещица! Тоже хочу что-нибудь с этим эпритом. Я тогда буду считаться магом?

Кесс снова рассмеялась, украдкой поглядывая на заинтересованно прислушивающегося Тревиса. У Марса мелькнула мысль, что такой подробный рассказ предназначен больше для увеселения его хандрящего друга, чем для его личного образования.

— Нет. Ты же будешь всего только пользоваться неким волшебным предметом. Скорее, магом назвать можно меня и мне подобных, от рождения имеющих способности к чему-то необычному.

— Ага-а, всё-таки, ты признала, что являешься магом!

— Нет же!

— А вот и да!

— Кесс... — Тревис впервые за долгое время подал голос и разговор невольно прервался. Вид его говорил о напряженной работе мысли и охвативших внутренних тревогах. — А вампиры обладают какой-то магией?

— Конкретно магией — нет. Но способностями — вполне.

— А у меня есть такие “способности”?

— Я не знаю. — Вид девушки стал печален. В один миг она растеряла былую радость и живость. — Да и появиться они могут только после перерождения.

— Перерождения?

— Ты уже должен был слышать, что у вампиров есть две формы существования: Обычная, в которой находишься ты и вторая, “высшая”, которую ещё надо получить. Это не просто. Подобной формы достигает один из тысячи, зато, обретает уникальные способности и огромную силу и много ещё чего. Это как эволюция. Таких вампиров зовут “высшими” и они очень могущественны.

— И как достичь этой “эволюции”?

— Для этого надо расколоть душу.

— Что?!

— В смысле?! — Марс поперхнулся от подобной формулировки, а Тревис побледнел ещё больше. — Как это?

Но Кесс снова замолчала, пряча глаза от вопрошающих недоуменных взглядов. Даже Тревис оживился и меньше походил на привидение самого себя.

— Объясни.

— К сожалению, в этом я не подскажу. Такое можно или пережить самому или спросить у того, кто пережил.

— Понятно. То есть, чтобы мне выжить, придётся расколоть душу.

— Не обязательно! — Голова девушки взметнулась возбужденно и даже с вызовом. — Очень многие вампиры всю жизнь проводят в своей первичной форме и не испытывают от этого никакого неудовольствия. Чаще всего, перерождаются случайно, из-за каких-то больших событий. Для этого должно быть соблюдено множество условий.

— Ты же сказала, что ничего не знаешь. — Голос Тревиса захрипел и снизился, а на глаза набежала тень. Кесс закрыла рот, вытащила недожаренного кролика на плоский чистый камень возле огня, встала и молча ушла в сторону небольшой тенистой рощицы, на опушке которой расположился их лагерь. Марс резко отбросил в сторону неочищенное перо.

— Ну и что это было?

— Что было?

— Какого чёрта ты творишь?! Обидел девчонку! Она и так тут за троих старается, вывозит всё на своих плечах, заботится о тебе, идиоте припадочном. А ты что?

— Ничего. Просто спросил.

— Дебил.

— Знаешь, что!

— Знаю! Ты только и делаешь, что жалеешь себя. Ходишь, ноешь, портишь всем настроение своим унылым видом.

— Я не ною! Мне реально плохо! Это не тебе выпала участь стать каким-то чертовым вампиром! Да будь так, ты бы и дня не выдержал! На первом же срыве сошёл с ума.

— Но уж точно бы не ныл!

Тревис глухо зарычал, зубы его пришли в движение, вслед за челюстными костями. Марс вскочил, автоматически защищаясь выхваченной из колчана готовой стрелой. Ее острый металлический наконечник смотрел в грудь замершего в трансформации вампира.

— Трев, угомонись. Ты ел два дня назад.

Искажённый мутацией голос лающе закашлялся, черные запавшие из-за болезни глаза, злобно заблестели на бледном в синеву лице. Отросшие и немые волосы, спутанными

щупальцами облепили голову прежде симпатичного паренька. Длинный, тонкий корпус сгорбился и напрягся, готовый уйти в нападение. Марс глубоко вздохнул и опустил стрелу.

— Прости конечно, но ты сейчас реально похож на какого-то упыря. Я не желаю с тобой драться, каким бы мудаком ты не был. Трев? Ты слышишь меня?

Марс обеспокоенно взгляделся в расширенные, занесённые поволокой зрачки друга. Он походил на слепца, тупо водящего головой в поиске ориентиров. Выпирающий острый кадык двигался туда-сюда, а из горла вырывались совершенно дикие и нечленораздельные звуки.

— Тревис?

Марс ещё не подозревал о степени безумия, захватившего друга и смело шагнул вперёд, в надежде образумить того и успокоить. Но, именно этого и не стоило делать. Тревис или то, чем он был сейчас, среагировал мгновенно, бросившись на него с агрессией бешеной собаки, разевая ужасный рот в два ряда острейших зубов.

До сих пор, Марс видел срывы только со стороны, никогда не принимая в них непосредственного участия и внезапная роль жертвы огорошила его титанически. Он растерялся, успев лишь выставить вперёд левую руку, как бы заслоняясь от атаки. Это его, естественно, не спасло или спасло всего отчасти. Изуродованные челюсти сомкнулись на предплечье, сжавшись с таким неистовством и хрустом, что Марс не сумел сдержать крика. Руку обожгло огнем, голова взорвалась от боли в раскрошенных костях, из порванных мышц и артерий, хлынула кровь.

Он попытался отодрать от себя ослеплённого вампира, но не смог даже сдвинуться с места. Вместе с кровью, из него высасывали саму жизнь. Накатила дурнота и слабость, перед глазами заплясали цветные мухи, а в лицо ударил жар. Он не смог больше стоять и повис, удерживаемый за руку, клонясь одурелой головой к влажной, пряной земле.

Спасение, в виде синеглазой девушки, подоспело почти в нужный момент. Взволнованная, растрепанная, с застрявшим в волосах листом, она тут же бросилась к Тревису, без страха обняв его сзади. От её напряженных рук разлилось нежно-голубое сияние. Повеяло зимней стужей, озоном и чем-то ещё завораживающим и хрустким. Секундой позже, слепота Тревиса стала проходить, взгляд чёрных глаз наполнился просыпающимся сознанием. Наконец, блеск разума в глубине расширенных зрачков, оповестил о возвращении к ним их друга.

— Трев, ты тут? Отпусти, чёрт.

— Марс, ты как? Сейчас я тебя подлечу.

— Нормально, Крокодила этого лишь бы отцепить. Как ты вообще это выносишь? Боже, это суший ад! Больно!

Кесс не ответила, поддерживая зачатавшегося вампира. Тревис сумел разжать сведенные охотничьим параличом челюсти и отшагнул в сторону. Кровь из раны хлынула с новым энтузиазмом и девушка бросилась её останавливать. Марс почувствовал возвращение жизни только, когда его с ног до головы окутало тёплое зелёное сияние. Первой ушла боль, вслед за ней, повинувшись рукам лекаря, прекрылось кровотечение. Секунду спустя лёгкая вибрация и жжение внутри руки навели его на мысль о начавшемся процессе срачивания костей. Почему-то, стало подташнивать, но он перетерпел. Зато не сдержал нервного вздоха при взгляде на сюрреалистичный вид стремительно регенерирующих тканей. Для полного выздоровления понадобилось бы полдня при таком лечении.

Оторвавшись от нелюбимого созерцания, он обратил внимание на ненадолго позабытого за лечением друга. Он стоял всё там же, куда отступил в первый момент, на

первый взгляд в нормальном состоянии. Но что-то в его замершем виде, заставило Марса напрячься. Приглядевшись, он понял, что вампир дрожит и чем дальше, тем больше его захватывает мышечная судорога.

— Ке-есс.

— Да, ещё немного надо потерпеть, кости сильно раздробило.

— Да нет. Глянь на Трева, мне кажется, ему не хорошо.

Девушка тут же подскочила, оставив лечение. Ей хватило мгновения, чтобы испуганно охнуть и подлететь к оседающему без чувств вампиру. Его уже натурально колотило, с губ текла пена, а дыхание сделалось очень частым и поверхностным.

Что с ним? Я думал, после еды им становится лучше.

— Дело не в этом. Всё куда хуже. Похоже, он умирает.

— Что?! Он что?! Умирает?! Ты должно быть, обозналась. Кесс, ради бога, не шути так. — Пересиливая слабость и заново разлившуюся боль в полузажатой руке, Марс поднялся и подошёл. — Не может он вот так вдруг умереть! С чего бы это? Он же, ну, я не знаю, какой-то фантастической расы хищников, должен быть сильным, как слон. Только что свежей крови нахлебался. Может, она ему не понравилась? Может, у тебя вкуснее или типа того?

— Марс. — Голос девушки прозвучал до того необычно глухо и серьезно, что Марс даже растерялся в первый момент.

— Д-да?

— Мы с Тревисом вернёмся в Угодья. Только там ему смогут оказать необходимую помощь. Я не умею лечить душевные травмы, а его сейчас разрушают именно они. Он сам уничтожает себя, отрицает свою суть, отрицает свое существование. Он не хочет быть вампиром так сильно, что не согласен даже жить.

— Господи...Трев...

— Я сейчас призову вампиров, а тебе надо срочно уходить. Бери, что сможешь унести и беги в сторону Эльферы. Отсюда, до неё не так уж и много, но придётся бежать. Ты заметишь границу — ряд серебряных столбов. За ней ты будешь в безопасности. Найди тракт и жди Пташа, любыми средствами присоединись к их отряду, один ты не выживешь. Там и разберешься, как спасти Дейдару или хотя бы будешь рядом с ней. Про Тревиса не беспокойся, я сделаю всё возможное, чтобы спасти его.

— Кесс... — Ошалевший от такого неожиданного поворота событий, Марс растерялся, но слова потонули в очередном удивлении. С гор, лицом к которым он сейчас стоял, сходила черная лавина. Или так ему показалось в первый момент. Больше “это” напоминало густое угольное облако, стремительно разрастающееся по направлению к земле. Тяжёлые даже на вид, клубы, жадными быстрыми реками неслись прямо на них. Подул ветер, запахло гарью, пеплом и чем-то ещё подземным, даже кладбищенским. Как если бы внезапно кто-то раскрыл двери старого клепа и оттуда рванулись на свободу запертые в нем на тысячу лет призраки, неся впереди себя тлен плесневелых надгробий.

— Беги. — Синие глаза девушки заледенели, взгляд стал властным и не терпящим возражений. Нежность, скромность и веселость испарились, словно их сдуло этим самым ветром. Девичье лицо стало походить на безликую маску. Марс впервые подумал, что они многого не знают об этой девушке, но времени расспрашивать уже не нет. Пришлось довериться её словам и подчиниться её воле.

— Хорошо. — Он развернулся и бросился собирать вещи, заталкивая в сумку самое

необходимое. — Оружие?

— Бери всё.

— Ладно.

На сборы ушло не больше пяти минут или ему так показалось, но чёрный туман ещё не успел доползти до их лагеря. Марс замер с закинутой на плечи сумкой и торчащим из неё скарбом, бросив последний взгляд на выгнутого дугой друга. Очередной спазм схватил того с удушающей силой. Он перевёл глаза на Кесс, сидящую на коленях рядом с вампиром, распространяя над ним фиолетовое сияние. Лицо её всё ещё не выражало никаких эмоций, а синий взгляд обдавал глубинным холодом.

— Прочь.

Остаться на месте более не было никакой возможности. Марс развернулся и побежал. В спину ударил порыв сильного, горячего ветра. До мурашек продрал ввинтившийся в уши вой. Небо над головой потемнело и пророкотало. Он решил не оборачиваться, чтобы не пугаться ещё больше. Ноги несли вперед так, словно он был на пике здоровья и физических возможностей. Даже снова ракровившаяся и пульсирующая болью рука, не доставляла неудобств. Лошадиная доза адреналина, впрыснутого в кровь, игнорировала всё.

Он пересек границу чуть ли не в прыжке, почувствовав, как что-то напоследок оцарапало ему плечо, разорвав ткань. Но, смотреть он не стал, не сбавляя скорости проносясь мимо двойного кольца высоких серебряных столбов. Только пробежав несколько метров, он споткнулся о незамеченный камень или корень и кувырком полетел в траву. Когда он, наконец, остановился, потеряв сумку, лежа на спине и тяжело отдыхиваясь, кто-то бесшумно подошёл к нему. Он задрал голову, снизу вверх глядя на стройного, миловидного юношу в легких, светлых одеждах. Изумрудные глаза его светились насмешкой и пониманием.

— Добро пожаловать в Эльферу, дорогой путник. Надеюсь, причина приведшая тебя сюда, достойна дальнейшего в ней пребывания.

***

— Спаси его.

— Судя по всему, он не хочет, чтобы его спасали.

— Этого хочу я.

— О-о...это уже совсем другой разговор. Люблю эгоистичные решения. Так понравился?

— ...Может и понравился.

— Ха! “может”? Ты действительно поставила здесь слово “может”? Скорее, это звучит как: “Я опять влюбилась в вампира”.

— Перестань.

— Если я чем и стану помогать, то только лишь тебе, Кесседи. Попробую вернуть его к жизни. Может, даже, сделаю из него приличного представителя нашей прекрасной расы, обучу. Но исключительно ради тебя и твоего желания. На самого мальчишку мне плевать.

— Спасибо...

— А теперь к делу: умирает твой приятель от того, что потерял связь с Бездной. В данный момент он борется со своей внутренней тьмой, отрицает её, стремится вернуться к свету, но для вампира это путь в никуда. Он погибнет раньше, чем осознает что именно делает его сильнее и что придется покориться этому чувству и принять многоликое Зло. Только в том случае мы вернем его.

— И какое же чувство ему нужно осознать?

— Ненависть, моя дорогая. Клокочущая ненависть.

— К чему или...кому?

— Не имеет значения. Главное, чтобы она заставила его захотеть мстить, драться, убивать и отбирать своё. Мы же негодяи, в общем и целом. А я, так и вовсе, демон. Какого ещё совета ты от меня ожидала?

— Значит, нужен враг?

— Нужен враг. У него такой есть?

— Пожалуй, что есть.

— Сможешь организовать их встречу?

— Вероятно...

— Отлично. Это то, что нужно. Главное, чтобы его раны снова вскрылись, а плохие воспоминания ожили, чтобы ожила Боль. Тогда, я гарантирую, мы увидим его возвращение.

Эльфера встретила Марса куда приветливее, чем безликие и пустынные Угодья. Улыбчивый молодой паренёк, появившийся сразу за линией столбов, оказался местным стражем. По крайней мере, представился Соглядатаем Границы и тактично, но настойчиво навязал свое общество. Марса немного ввело в смущение отсутствие у того какого-либо варианта оружия или даже хоть посоха. Сторож выглядел возмутительно мирно, облаченный в молочные, легкие одежды. Короткие, светло-русые волосы его кудрявились, а руки, украшенные кольцами, не отягощались более ничем. Напрягающим оставался только временами тяжелевший взгляд, проникавший в самую душу. Отчего Марс всё больше смущался и нервничал.

— Ну, вот я и говорю, мне нужно попасть на какой-то тракт и встретить там своих друзей.

— Друзей?

— Не то, чтобы, конечно, прям друзей, но знакомых. Они должны были выйти со стороны Партаскаля и проходить вот где-то здесь. Мне надо успеть с ними пересечься.

— Зачем?

— Да, боже! Я же говорю, надо. Дела у меня с ними. Там моя подруга.

— Подруга у друзей, которые как бы и не друзья?

— Да. — Марс отчаялся доступно и просто объяснить цель своего пребывания, испустив тяжелый и долгий выдох. Ноги гудели от недавнего сумасшедшего бега, сердце суетливо билось в груди, а местный вариант “пограничника” доброжелательно улыбался, но ни в какую не шел на контакт. Конечно, надо отдать должное, и выгонять обратно его не спешил, но и дальше “пограничной” зоны не выпускал.

— Кто-то из жителей благословенной Эльферы может поручиться за вас? Может, у вас имеется приглашение?

— Нет у меня никакого приглашения! И знакомых здесь нет! Говорю же, я пришёл сюда за подругой! Она в плену и я должен её спасти! Пропустите меня к тракту, я могу опоздать!

— Так она уже “в плену”? Несколько мгновений назад она еще была у друзей.

Марс зарычал от злости, но спокойные зелёные глаза оставались непроницаемы для эмоций. Он собрал всю свою волю в кулак и постарался не скрипеть так откровенно зубами. Сами зудящие кулаки тоже пришлось спрятать, чтобы не совершить случайного нападения на “должностное лицо”.

— Я не могу рассказать всё так, как есть.

— Почему?

— Ох, черт. Я уже и забыл какого это — разговаривать с автоответчиком. — Марс уныло поглядел на невозмутимого парня. — Ладно, скажу правду: мы с друзьями попали в этот мир где-то месяц назад. И почти сразу нашу подругу похитили разбойники. Нам удалось узнать, что её вроде как продали в рабство эльфийской королеве и везут сюда, к ней во дворец. Вот я и хочу перехватить их на этом долбанном тракте и спасти её!

Впервые Марс заметил, как выражение лица стража поменялось. Он вдруг перестал улыбаться, затих и задумался. Уголки его губ задвигались, как если бы он что-то хотел сказать, но не решался. Наконец, внутренние его сомнения разрешились вопросом.

— Вы хотите, чтобы я поверил, что луноокая Леди Лелуара купила кого-то в рабство у

человеческих разбойников?

— Да, именно это я и хочу сказать, потому что, это так оно и есть! А теперь, уже имейте совесть, мне надо идти. Покажите где этот тракт и я пойду сам.

— Хорошо, я покажу, но отправлюсь с вами. Мы вместе встретим так называемых “разбойников” и потребуем от них ответа. Если то, что вы сообщили подтвердится, я дам вам разрешение на присутствие.

— А если нет?

— Если нет, вы вернетесь в Угодья.

— Да вы что, меня там сразу же сожрут!

— Вероятнее всего. — Паренек снова “разлился” милой улыбочкой, ни на секунду, впрочем, не обманывающей насчёт его настоящих мыслей.

— Ну ладно... — У Марса не осталось других вариантов, кроме как послушно кивнуть и сдаться на волю местных “властей”. Тем более, что это давало надежду не потеряться.

Дорога до цели заняла весь остаток дня и отняла у Марса последние сохранившиеся после трудного путешествия через горы, силы. Безжалостный провожатый остановился всего два раза на несколько минут, шагая очень быстро и вынуждая постоянно поддерживать высокий темп. Поэтому, когда зашло солнце и мир погрузился в блаженную звездную темноту, Марс готов был рухнуть от усталости под ближайшим деревом. Он и рухнул. Благо, падение вышло удачное — прямо на небольшой опушке, прилегающей к мощеной белым камнем, широкой дороге.

Страж замер рядом, невозмутимо оглядывая местность.

— Ветер приносит прелость оседланных лошадей. Земля ропщет на дрожь, выбиваемую их копытами. Ваши друзья, будут здесь уже скоро.

— Вот это поэзия! Ропщет...а недавно ещё говорил нормально.

— Не нравится? — Парень обернулся впервые изобразив настоящую, не искусственную улыбку.

— Бесит как-то. Это что, какой-то эльфийский слог? Вы же эльф, да? А почему уши не острые и лука нет? Не умеете стрелять, да?

— Эльфы не воюют, они слушают природу.

— Ну да. А как же вы страж и природу слушаете? А если нападение? Прорыв там, например? Что вы им сделаете? Тоже будете слушать?

В глазах стража зажигалось всё больше веселых искорок. Он сцепил руки на груди, насмешливо смотря сверху вниз.

— Продемонстрировать?

Марс и сам понимал, что нарываться не стоит и надо бы остановиться, но усталость и накопившееся раздражение взяли верх. Он вызывающе мотнул головой, всё ещё лёжа на траве с раскиданными подле вещами.

— А почему бы и нет!

Эльф улыбнулся и медленно, согласно кивнул. В тот же момент земля под ними содрогнулась. Марса как током подбросило на ноги. Он вскочил, нелепо пригнувшись, ожидая нового землетрясения. Вместо этого, поднялся ветер. Деревья, чёрные на фоне ночного неба скрипуче закачались. Стон, свист и скрежет трущихся и ломающихся веток неприятно ввинтился в уши. По земле, тонкими чёрными змеями пополз давешний, спускавшийся с гор туман. Его неприглядные темные клубы стали наполнять поляну, обнимать ноги, поднимаясь и поглощая всё на своём пути. Впрочем, не касаясь белых

каменной и обходя эльфийского стража.

Марс вскрикнул и завертелся на месте, почувствовав как будто ледяное прикосновение к спине.

— Эй, эй! Всё, я понял! Выключай эту штуку!

- “Эта штука” так просто не выключается.

К ужасу Марса, второе неожиданное землетрясение выбило почву из-под его ног и он с головой ухнул в живую, шевелящуюся темноту, неудачно упав на спину. Ослепшие глаза безрезультатно искали хоть каких-нибудь очертаний. Воздух загустел и остыл так сильно, что легкие с трудом пропускали его через себя. Удушье и дрожь тисками сжали резко обессилевшее тело. Марс впервые натурально испугался, что вправду может умереть. Из онемевшего горла не вырывался даже сип. Сердце часто-часто билось. В замелькавших перед глазами цветных пятнах ему привиделся облик шагающей девушки в длинном черном платье. Голова её была покрыта длинными столь же чёрными кружевами. Она как бы направлялась к нему, но в то же время, казалось, стояла в задумчивости. Марс понял, что ещё чуть-чуть и он потеряет сознание от нехватки кислорода.

Тьма отступила резко. Зрение внезапно вернулось, над головой, безумно далеко засеребрились звёзды. Их кусками закрывали рваные, фиолетовые облака. Тёмные пальцы деревьев больше не скрипели. Пропал и ветер, возвращая ошалевшему мозгу звуки сверчков и ночного леса. Спешно отступал и холод, давая теплу кем-то разожженного костра медленно согреть окоченевшее тело. Впрочем, плотно сжатые зубы всё ещё выстукивали дробь.

— Кажется, демонстрация получилась убедительной.

— Пш...т...вж...

— Отдыхайте, я развел огонь, он быстро восстановит вас. И советую поесть. Приблизительно через пару часов здесь будут ваши “друзья”.

Сил у Марса хватило только на то, чтобы поднять руку с соответствующим ситуации жестом. Эльф, если и понял его значение, предпочёл сделать вид, что не рассмотрел. Зато Марс отчетливо рассмотрел самодовольную мерзенькую улыбочку и уползающие обратно в лес клочки тумана. Чьё-то тяжёлое, гнетущее присутствие медленно отступало. Говорить не хотелось, но для подтверждения собственной мысли, он всё же уточнил:

— Эт-т бли вмпры, д?

— Всего лишь один из них. Они помогают нам охранять границу.

Марс ничего больше не спросил. Ему хватило и пережитого ощущения. Если подобное умеют делать вампиры, то Тревису ещё учиться и учиться быть им. Наверное, он даже и не в курсе. Бедняга, как он там? Смогла ли Кесс вылечить его, спасти? Когда они увидятся снова?

Все эти вопросы повисли неотвеченными и сильно волновали его. Правда, ответов на них ждать не приходилось. Самому бы выжить и добраться до цели, то есть, до захваченной в плен подруги. О том, как же он всё-таки намерен её “спасать”, он пока что не думал. Точнее, страшился даже начать размышлять об этом, уповая большей частью, на судьбу и удачу. Везло же как-то до этого, авось и снова...

Он не закончил мысль и обессиленный пережитыми приключениями, глубоко заснул.

Благословенная Эльфера удивила Пташа с самых подступов. Во-первых, их уже встречали и отнюдь не с распростертыми объятиями. Во-вторых, собравшихся для “приветствия” вампиров, даже для беспокойного времени, оказалось чересчур много: двое высших и порядка ста низших, стоящих на заднем плане. Соглядатая Границы к своему неудовольствию, Пташ узнал сразу. Эпискур Сияющий, возглавлявший данную делегацию,

тоже не выказал признаков радости от встречи. Впрочем, вышел вперед, складывая руки в приветственном жесте. Не смотря на обстоятельства, обстоятельного тона он никогда не терял.

— Кристофер. — Эльф на секунду склонил голову, в знак уважения к собеседнику.

— Эпискур. — Пташ, не замедлил повторить тех же движений, при этом, однако же, не покидая седла. Дейдара на серенькой лошадке округляла глаза на собравшихся, но не вмешивалась, оставаясь чуть позади гнедого жеребца главаря. Остальной отряд организовано выстроился за своим начальником. Никто не произносил ни слова, только лошади фыркали и перебирали копытами.

— Могу ли я поинтересоваться о цели вашего обещанного “не возвращения” в Благословенную Эльферу?

— Сдаётся мне, вы итак знаете ответ на этот вопрос, раз организовали столь широкий приём. Не пойму только зачем, если намерения мои совпадают с вашими интересами?

Эльф сделал вид, что не расслышал, обернувшись назад, для того, чтобы встретиться взглядом с одним из двух высших вампиров. Его Пташ тоже узнал и настроение, против воли, стало портиться. Гримуар Стилл немеренно лениво вышел вперёд, встав рядом со своим эльфийским другом. Густые темно каштановые волосы, немного квадратное лицо с массивной нижней челюстью и маленькие чёрные глаза ожогом впились в память. Рука Пташа с силой сжала луку седла. Конь под ним тревожно загарцевал, чутко уловив волнение хозяина.

— Кристи, ты как всегда не вежлив.

— А ты как всегда там, где намечается драка.

— А она намечается?

— А ты сможешь удержаться?

Обмен любезностями продолжался бы ещё долго, если бы Эпискур не прервал их, сильным порывом ветра подняв целый ворох травы и листьев. Когда весь сор упал, его уже слушали.

— Кристофер, спешу сообщить, что о цели твоей поездки мне, разумеется, известно. Так же, мне известно и то, что некогда ты украл из трона Остролиста одну из двенадцати звёзд, благодаря чему обрел себя на изгнание и гонения. Я могу допустить тебя до святой земли только в том случае, если ты вернёшь украденное.

— Я верну всё лично королеве.

— Как-будто ты ей сдался! — Вампир откровенно скалился и перетаптывался на месте, явно желая закончить переговоры и перейти к насилию. Пташ знал эту манеру, но вестись на провокацию не стал. Вместо этого, повторил чётко и спокойно, глядя в глаза стражу:

— Я верну всё лично королеве.

Тяжёлый взгляд эльфа придавил отвыкшего от подобного, Пташа. Он уже и забыл каково это — быть под прямыми лучами Источника. Этот невидимый свет пронизывал душу, освещая абсолютно все её углы. Страх запоздало поскрёбся в запаниковавшее сердце, но Эпискур уже опустил глаза.

— Ты можешь поступить так, как решил. Однако, у меня будут ещё условия: я пропущу только тебя и твою спутницу. Прочие люди останутся здесь.

Пташ не удержался от беззвучных проклятий. Мельком глянул на испуганно замершую в седле девушку, потом на своего помощника. Рич уже ожидал этого взгляда и понимающе кивнул, готовый взять управление в свои руки.

— Боишься оставить без присмотра? Думаешь, сразу сожру? — Вампир расхохотался и остервенело выверился, позволив своему лицу частично изуродоваться.

— Гримуар Стилл, так же, поедет в сопровождении.

— Что?!

— Он?!

Эльф безукоризненно выдержал напор истеки с обеих сторон и спокойно повторил свое решение. При этом, от Пташа не скрылась толика садистского удовольствия в этом безмятежном лице. Он понял, что Эпискур откровенно злорадствует, сближая двух старинных врагов и напропалую пользуется своим служебным положением. Хотя, казалось бы, Источник не должен такого поощрять.

— Хорошо, я подчиняюсь твоей воле.

Пташу стал надоедать весь этот спектакль и он поспешил окончить его классической ритуальной фразой согласия. Удовлетворенный результатами переговоров Страж, церемонно поклонился. Раздосадованный донельзя вампир взбешенным тигром метался из стороны в сторону, не столько раздавая указания подчиненным, сколько частично срывая на них злость. Второй высший, всё время молча наблюдавший со стороны, остановил его на очередном агрессивной скачке и что-то не слышно вымолвил. Гримуар перестал бегать, шумно задышал, потом не без труда кивнул и как бы от омерзения передернув плечами, отошел за линию столбов. Вероятно, отыскивал для себя коня.

Когда всё решилось, Пташу осталось лишь проинструктировать напоследок Рича. Впрочем, тот не первый раз выполнял подобную роль и внимательно слушал скорее для проформы. Больше его интересовал вопрос возвращения главаря с эльфийской земли. Но этого Пташ и сам не знал, поэтому отделался неопределённым жестом и фразой: “посмотрим как пойдёт”. Дейдаре он и вовсе не сказал ни слова, упрямо игнорируя её возбуждённый и ошалелый вид, а также, все настойчивые попытки заговорить.

Выдвинулись молча и торжественно. Четверо всадников церемониально пересекли границу и под сотнями заинтересованных взглядов, перешли в быстрый галоп. Стремительно опускался вечер, на небо высыпались звезды. Ветер, подхвативший ритмичное биение копыт, понёс эту весть дальше, вглубь страны. Соглядатай Границы, выведший человека на Белый Тракт, чутко уловил далёкие интонации, прислушался и решил ждать. Тем более, что до заветной встречи оставалось не так уж много.

Дейдара паниковала. Эльфера, про которую она столько слышала в дороге и которую успела отнести в своей фантазии в рамки божественного, предстала перед ней в грубой и жёсткой форме. Первый увиденный ею эльф, произвел впечатление угнетающее. Несмотря на исключительную вежливость и достоинство, острый и колючий взгляд его, прибывал к земле не хуже молотка. Он глянул на неё лишь единожды и то, быстро переключив внимание, словно она была не то, что пустым местом, но и вовсе, ничтожеством.

Такой же колючей оказалась и его сила. Дейдара не хотела, но всё равно чувствовала её — невидимую и текучую, как горный речной поток. Ледяная волна, проходила сквозь каждую клеточку тела, когда эльф оказывался поблизости. Дей чувствовала себя нежным садовым цветком, не пойми как оказавшемся на чужой, враждебной почве, обдуваемая злым, ноябрьским ветром. Нежные листочки её трепетали, не находя защиты, вздрагивали и жалась к тонкому, зелёному стебельку. Сердцевина её была ещё слишком слаба и новорожденна, чтобы противостоять Главному Соглядатаю Границы Эпискуру Сияющему.

О гипотетическом принце и своём (Господи, неужели это правда!) будущем муже, Дей

старалась и вовсе не думать. Если так велика разница между ней и обычным эльфом, то насколько же грозным окажется наследный король? Господин Пташ говорил правду, когда называл её “жертвенной овцой”. Всё так и будет, если она хоть что-то не предпримет, если до их встречи не станет сильнее.

Она крепче схватилась за поводья, привычно отклоняясь, когда конь решил перепрыгнуть через что-то на дороге. Остальные всадники объехали незначительное препятствие, но её кобылка любила лишний раз проявить удаль. За время своего “плена”, Дей успела отлично освоиться с верховой ездой, К тому же, по замечанию её невольных тренеров, она довольно быстро и легко училась. В довершение ко всему, сама лошадь привязалась к наезднице, чем немало облегчила Дей путь к насущной в этом мире верховой езде.

Гнедой, несшийся широким аллюром впереди неё, недовольно захрапел от властного, сдерживающего движения рук седока. Мужчина полубернулся, следя за своей “пленницей” постоянно берущей ненужные из-за соображений скорости, препятствия. Выражение его лица в ночных сумерках разглядеть было трудно, но общее недовольство Дейдара уловила безошибочно. Её кинуло в краску, ноги сильнее сжали лошадиные бока. Их кони почти поравнялись, поймав общий такт галопа. Остальные два всадника шли корпуса на четыре вперед них.

— Боишься?

Вопрос попал в самую точку, так что, Дей накрыло волной стыда и стеснения. Она почувствовала, как пылают ее щеки, однако, нашла в себе силы признаться.

— Немного.

— Это ничего. Не обращай на них внимания. Твоя главная забота — добраться до дворца. Если Эпискур поможет нам и договорится с дорогой — будем на месте через два дня.

— Что значит “договориться с дорогой”?

— Увидишь. Это сложно описать. Так эльфы сокращают расстояния.

Дей хотела еще порасспросить про новый удивительный факт о представителях своей новообретенной расы, но не успела. Спереди донеслись возбужденные голоса и недовольное ржание лошадей, сбившихся с равномерного бега и вынужденных перейти на тряскую рысь. Мощеная белым камнем дорога вильнула и Дей уже сама заметила причину волнения и остановки.

Посредине неё кто-то стоял. По-видимому мужчина, и, судя по свободной светлой одежде, эльф. Невдалеке от него, на примыкающей открытой полянке, горел костёр, в бархатной темноте ночи, казавшийся настоящим светочем. Возле костра, спиной к ним, кто-то спал, и видимо, крепко, так как не проснулся даже от такого шума.

Караковый в рыжих подпалинах конь, бил копытами воздух, крутился на месте, высоко вскидывал голову, то и дело норовя лягнуть стоящих рядом лошадей. Сидящий на нём вампир откровенно забавлялся, лишь сильнее раззадоривая уставшее, разгоряченное животное. Белая лошадка Эпискура, не в пример своему соседу, вела себя сдержанно, сохраняя царственный вид своего наездника. Только бока её, вспененные после продолжительного бега, активно двигались, да нервно бил по сторонам хвост.

Когда Дейдара и Пташ поравнялись с остальными и тоже остановились, Эльфы уже вели тихую и спокойную беседу. Мелодичное течение их родного языка, привело Дей в восторг. Она подозревала, что он должен быть, но в действительности ещё ни разу не

встречала тому подтверждений. Эпискур так и не спешился и незнакомый эльф подошёл почти вплотную к его лошади без особого видимого дискомфорта перенося подобное неудобство.

О чём они говорили, пока что оставалось загадкой, но Дей и не рискнула бы влезать и спрашивать, даже у замершего во внимательном интересе Пташа. Должно быть, он тоже понимал эльфийскую речь. А вот, вампир, изначально пугавший до чёртиков, и не думал вникать в диалог. Если он и знал язык, то смысл проговариваемого был ему совершенно неинтересен. Вместо этого, он всё чаще заглядывался в сторону костра и лежащего возле него. Дей тоже присмотрелась и нечто в темном силуэте спящего, всколыхнуло в ней до боли знакомый образ. Жар тут же ударил в голову, сердце неудержимо забилося. Она сама не запомнила как соскользнула с седла и быстрым шагом пересекла разделявшее их расстояние.

Незнакомец пошевелился во сне, перевернувшись на спину и пронзительный визг Дейдары заставил содрогнуться ровно всех мужчин на дороге. Эльфы даже прервали разговор, удивленно поглядев на безостановочно и как-то истерически вопящую девушку. Дейдара же, визжала, плакала и смеялась одновременно, с силой вцепившись в ошалевшего от подобного экстремального пробуждения парня. Марс даже не сразу понял, откуда звук и точно ли уже не с того света из какого-нибудь котла. Но, когда сонный разум всё-таки осознал реальность, в крепких объятьях утонула уже Дей.

— Это ты-ы-ы-ы! Я знала! Я знала, что ты найдёшь меня! Марси-и-ик! — Её слова погреблись под бессвязными рыданиями. Она жалась и цеплялась за него, как за последнюю соломинку, умильно скользя пальцами по жёсткой отросшей щетине на его лице. Сквозь слёзы, жалостливо отметила и порванную, затасканную одежду, и синяки и свежую страшную рану на руке, кое-как перемотанную сползшей грязной тряпкой. Всё это породило новую волну истерики. Сдерживаемые долгое время эмоции и волнения, вырвались, как освобожденные плотинной.

— Дей, всё хорошо, всё хорошо. Я тут, я уже рядом, я здесь, с тобой. Моя Дей, не плачь. — Он гладил её по спине, а у самого дрожали руки. Надежда на их встречу казалась такой призрачной, что он шёл вперёд, скорее из упрямства, чем твердо веруя в успех. А после потери Тревиса и Кесс его и вовсе накрыло отчаяние. Он продолжал следовать плану только потому, что ничего другого не оставалось. Эта дорога единственная имела хоть какой-то смысл.

И вот, они снова вместе.

— Так ты, значит, тот самый “Марс”. Она про тебя постоянно рассказывала.

— А вы, получается, тот самый “Пташ”, который её похитил?

— Получается так.

Они ещё немного побуравили друг друга глазами, но продолжить не успели. К ним подошли все остальные. Вампир прытко подскочил, коршуном присев на корточки возле опасно качнувшегося в сторону Марса. Сотрясающуюся рыданиям Дей он всё ещё крепко прижимал к себе.

— Что, неужели такой смелый, что пошёл напрямик? И всего одна рана? Зато сколько нетерпения было в этом укусе. — Он беззастенчиво сдернул затрепавшую тряпочку, почти влюбленно взглядевшись в распухшие, гноящиеся края и покрывшееся бурой корочкой мясо. К сожалению, Кесс успела только срастить кости, на регенерацию всего остального, у неё не хватило времени. Марс гневно отдернул пульсирующую болью руку.

— Судя по вашей истории, которую нам только что поведали, вы имеете целью

“спасти” данную особу от “нас”. — Эпискур, невозмутимо вежливый ровно со всеми, бросил однако же, крайне презрительный взгляд. Марс вновь почувствовал зрительный “рентген”, но в этот раз сильнее и продолжительнее. Знакомый ему эльф, покорно стоял позади всех и вовсе не проявлял никакого участия к судьбе своего провожатого.

— Да! Всё так! И я больше не расстанусь с ней! Не смогу спасти, так хоть...так хоть... — Он не нашёлся, что сказать, растерявшись от навалившегося осознания собственной беспомощности. Нервно провел по волосам начавшей успокаиваться Дей, заглянул в ее заплаканное, опухшее лицо. Вместо него, заговорил Пташ.

— Мальчишка не навредит нашим планам. Они действительно друзья и оба недавние попаданцы. Я знаю их историю и способности. Думаю, мы можем усадить его на лошадь дечонки, а во дворце вылечить и пристроить к какому-нибудь делу. Если дел не найдётся, заберу его к себе в отряд.

— Ты уверен? — Глаза Эпискура блеснули настороженностью, но спустя несколько секунд, он сумел погасить этот оттенок, вернув себе излюбленную бесстрастность. Время поджимало и он решил не задерживаться на этом, в сущности, мелком инциденте. — Хорошо, тогда бери его под свою ответственность и выдвигаемся в путь. Отсюда я буду говорить с дорогой, перерыв сделаем на рассвете.

Закончив на этом обсуждения, всадники стали залезать в сёдла. Марс и немного подуспокоившаяся Дейдара уместились на серой лошадке. При этом девушка села спереди, взяв на себя управление. Марс, еще ни разу в жизни не ездивший верхом, опасливо вцепился в Дей. Она улыбнулась его страху, всё ещё до безумия счастливая их невозможной встречей.

— Не бойся, крепко держись ногами за лошадь, а руками за меня. Если она вдруг прыгнет...

— Она будет прыгать?!

— Не бойся! — Дей даже рассмеялась. — Просто держись и всё. Да, она иногда любит так поиграться.

— Ничего себе игры!

— Вперёд! — Сухой окрик эльфа поставил точку на их разговоре и Марсу пришлось собрать в кулак всё своё мужество, чтобы не заорать и не свалиться в первую секунду от одуряюще резкого движения коня. Карьер, взятый с места, да ещё усиленный эльфийскими чарами, поверг его в непередаваемый ужас.

Так, начался этот последний этап пути до северной столицы Эльферы. Наивные планы рушились вместе с собственными иллюзиями. Неподкупная Судьба строго выдерживала плетущуюся нить. А будущее проявлялось в тревожном тумане.

Тревис умирал. Горячий, сухой, выдувающий нутро хаос пожирал его сопротивляющуюся душу и иссушивал тело. Он слабел на глазах, теряя силы до того быстро, что уже не был в состоянии даже открыть глаза. Удушающий паралич сковал мышцы, сделав его рабом собственной плоти. Разум ещё тлел внутри, но физическая оболочка крошилась и разрушалась.

И хуже всех прочих неудобств была Тварь. Она уже несколько недель остервенело грызла его. Невидимая никому больше, неосязаемая, между тем, она по-настоящему кусала его, вырывала куски неизвестно даже чего и никогда не останавливалась. Тревис видел её и с открытыми глазами, содрогаясь от каждого нового нападения. Но, когда возможность проснуться исчезла вовсе, Тварь возликовала, сделавшись его личным адским надсмотрщиком. Наверное, это и была преисподняя: огонь, боль и невозможность прервать бесконечные страдания.

Но Тревиса терзало не только это. Наряду с Тварью, его атаковали мысли. Он думал о том, как низко пал, каким бесчестием замарал душу, каким стыдом должно было казаться его существование. Горы обнажили правду — он стал чудовищем, зверем, способным в момент голода забыть и о морали и о любви. Для этого зверя стирались все заповеди, все ограничения и нормы. Он просто брал то, чего ему хотелось. И, если для вампиров это считалось нормой — то он отрицал такую норму. Отрицал навязываемые правила. Отрицал новую необходимость. Всем своим существом он стремился обратно, к свету и человечеству, но свет не находил его. Солнце больше не освещало его покрытую мраком вселенную.

Он завис в этой пустоте и темноте, как живой в могиле — ослепший и оглохший, не имеющий возможности двинуться или уйти. Оставленный всеми и всем. С самого своего рождения брошенный на произвол судьбы, гонимый, как сор из приюта в приют, болезненный и худой, склонный к меланхолии и социофобии. Только три светоча, как благословение, зажглись в его жизни: это верные Марс и Дей, любящие приёмные родители и Та, что ранила его сердце. Горечь несправедливости и пропасть одиночества растворялись, стоило теплу любви разлиться по телу. В муках темноты, под острыми клыками безобразной Твари, он вспоминал Её и снова верил в добро. Её призрак заменил ему солнце. Она улыбалась, протягивала к нему руки и свет снова, казалось, льётся к нему, успокаивает и обещает спасение.

— Кесс...

Вряд ли он смог вымолвить её имя по-настоящему. Скорее, это произнесло его запертое сознание. Но он смог сделать хотя бы это, и новый навык увлек его.

— Кесс, Кесс... где ты? Я здесь, в темноте. Мне так плохо, я умираю, Кесс. ты же всегда приходила ко мне на помощь. Где же ты сейчас? Неужели, я и правда так жалок? Неужели точно недостоин?

Подобные вспышки надежды всегда оканчивались тотальным, оглушительным отчаянием. Чернота самоуничтожения достигала таких вершин, что разум в определённый момент гас, увлекаемый на дно небытия, звенящей усталостью нервной системы. В очередное пробуждение от такого “падения”, Тревис заметил нечто новое.

Платье. Длинное, черное подвенечное платье с широким шуршащим шлейфом появилось в пустоте. Умерли звуки. Тварь прекратила прыжки и визгливо сжалась в мокрый,

гноящийся комок. Тревис, или тот его мысленный образ, что обитал в сознании, замер, не в силах отвести взгляда от струящейся, холодной даже на вид ткани. Длинные рукава с широкими манжетами и плотная черная вуаль на лице, надёжно скрывали саму хозяйку платья. Но её размеренная поступь и неуловимая текучесть движений, вместе с ощущением какой-то глубочайшей inferнальности, заставили Тревиса похолодеть от страха.

Он понял, что грядет нечто неотвратимое. Нечто невозвратное. Финальное. Если можно так выразиться...

До его измученного мозга, дошло, что это и в самом деле конец. Самый настоящий. Идущий к нему с бесстрастной неспешностью уважающей себя женщины.

— Пожалуйста, не надо.

Он вымолвил это почти шёпотом, широко открытым внутренним взором глядя на приблизившееся к нему на расстояние шага, непостижимое в своем величии существо. Женщина остановилась, красивым, эстетичным до гибельности жестом приподняв самый краешек чёрных кружев, скрывавших её лицо. Тревис увидел острую линию подбородка, алую налитость губ, округлые крылья носа. Женщина что-то говорила, но звук не долетал до ушей. Остро мелькнуло ощущение немого кино, но оно пропало, стоило потустороннему голосу незнакомки всё-таки пробиться в его бьющийся в агонии разум.

“Николас Дрей, пришло время умирать”.

— Нет!! Я не хочу! Нет! Кесс, где же ты? Спаси меня! Кесс! У меня больше никого не осталось! Пожалуйста, не делайте этого. Я ещё не готов! Кто-нибудь!

Женщина улыбнулась, и беззвучно произнесла что-то ещё, но именно в этот момент произошло непредвиденное: Откуда ни возьмись, прямо на чёрное кружево, прикрывавшее верхнюю половину лица, упала снежинка. И она показалась Тревису настолько ослепительной и совершенной, что он даже забыл о страшности момента. Он видел все её острые, блестящие края так четко, что мог бы запросто воспроизвести потом по памяти. Она сияла, как случайно сорвавшаяся с неба звезда, не тая, не разрушаясь, не теряя своей ослепительности.

Черная вуаль вернулась в прежний вид, полностью скрыв лицо. Рука опустилась. Женщина почудилась Тревису стоящей дальше, чем была. Что-то резко поменялось с прилетом этой одной единственной предвестницы будущего снегопада. Почему-то смерть решила отступить перед ней.

— Так значит, не в этот раз?

Он и сам не знал для чего задал этот несуразно глупый вопрос, будто разочаровавшись в исходе их встречи. Незнакомка повернула голову. До Тревиса, как всегда с некоторой задержкой, долетели её слова: “В другое время ты придёшь ко мне сам”. Она повернулась и пошла прочь. Шорох ее платья становился всё глуше и неопределеннее, пока Тревис не ощутил, что остался в одиночестве. Тварь всё ещё безмолвствовала и не заявляла о себе. Он же, недвижно стоял посреди темной пустоты, а сверху, прямо из несуществующего неба, на него падал снег.

Белый. Холодный. Спасительный.

Тревис очнулся и открыл глаза. Оказывается, снег шел не только во сне. Серое небо, затянутое ровным ковром туч сыпало и сыпало белую труху с безмятежностью занятого привычным трудом человека. Холодные ажурные кристаллы воды падали на лицо и Тревису хотелось плакать от нежности этих прикосновений. Они спасли его, буквально от неминуемой смерти. Но, как? Почему?

Мозг начал оживать и мыслительные процессы в нём потекли с удвоенной силой. Так что, Тревис смог обратить внимание и на окружающую обстановку, не без удивления обнаружив себя лежащим на дне незнакомой, титанически огромной пещеры. У неё не имелось верха, так что, снег беззастенчиво сыпался внутрь. Зато каменные стенки, раздутым колодцем уходящие к поверхности, в высоту имели не меньше двадцати, а то и тридцати метров. По крайней мере, такое число подсказал глазомер.

Тревис с трудом приподнялся и сел. Но, голова тут же закружилась, к горлу подступила тошнота и волна накатившей дурноты уложила его обратно. Лучше он пока полежит и посмотрит вверх, сквозь серую пелену снега. Благо, по неким неизвестным причинам, неудобств от нахождения на голой, каменистой земле, он не ощущал. Даже медленно образующиеся заносы снега на одежде не смущали его. Он лежал, смотрел в небо и не о чём не думал. Впервые в жизни ему было хорошо просто от того, что он жив.

Время неги текло размеренно и не опережало неспешности безветренного снегопада, но всё когда-нибудь заканчивается. Так закончилось и оно. И закончилось самым грубым и самым неприятным для Тревиса образом. Откуда-то, из необъятности пещеры, скрытой от взгляда лежащего человека, прилетело ледяное копьё. Невероятным чудом, Тревис успел заметить летящий предмет в последнюю секунду и немного отклониться в сторону. Благодаря чему, ледяная трехметровая игла не убила его, а “всего лишь” раздробила правое плечо, как бабочку приковав к земле. Он заорал и забился.

Не более, чем двумя мгновениями после, вслед за копьём появился и его хозяин. Глаза Тревиса налились кровью только от одного брошенного на него взгляда, а рот наполнился слюной бешенства. Боль и страх отступили. На их место пришел гнев. Тревис зарычал, буквально зайдясь трясучей лихорадкой от злости. Задёргался, пытаюсь встать, но проклятая рука никак не хотела вытаскиваться из-под льда. Тревис понял, что ещё секунда промедления и он просто отгрызет её, чтобы она не мешала ему броситься на врага.

“Наконец-то он снова появился. Наконец-то он его нашёл. Наконец-то он поквитается с ним за всё”.

Но он не успел выполнить не одного из своих желаний. Стоило великану невозмутимо забрать оружие, как поднявшийся по команде снег, круговым вихрем разделил противников. Тревис вскочил на ноги, даже не замечая плетью повисшей, кровоточащей руки. Он непрестанно рычал, не имея возможности нормально говорить от ломающей челюсти, трансформации. Тварь в груди ликующе выла, роя лапами его сердце. Чёрная, булькающая жижа текла из появляющихся от этого ран.

— Выр-рходи!! Ты слыр-ршишь меня?!

Потеряв от эмоций разум, Тревис, как слепой бросился прямо на визжащую от скорости вращения, снежную стену. Его отбросило с такой силой, что он сумел пролететь всю пещеру, с грохотом врезавшись спиной в мокрый гранит стены. Оглушенный он упал на пол. Снова начал дышать. Морозный воздух огнём ворвался в потяжелевшие лёгкие. В ушах зазвенело, а во рту растеклось железо.

— Убью... всё-р-равно убью...

Он поднял голову, взглядом ища великана, но картинка реальности плыла и раздваивалась. Оттенки белого смешались в неразличимую кашу.

— Где ты?! Покажись, чтобы я убил тебя!

Он снова заорал, но ничего не изменилось. Заколдованная буря выла и скрежетала ломающимися снежными кристаллами. За ней нельзя было различить ничего.

— Тревис! Тревис ты здесь?!

Разгоряченное сердце Тревиса пропустило удар. Он похолодел и замер. А потом вскочил и грудь его заходила ходуном от нечеловеческого страха. Страх за любимого человека.

— Кесс!! Не подходи!!

— Что здесь происходит?! Ты где? Ты живой?!

Её встревоженный голос с трудом пробивался сквозь грохот снежной стихии. От паники у него затряслись руки. Он попытался взглядом отыскать её в буране.

— Живой! Всё хорошо! Уходи отсюда!!

— Я иду к тебе!

— НЕТ!!

Впервые Тревис настолько испугался. Даже забыл о своей мести. Перед глазами его как живая вспыхнула картинка проткнутой желтой машинки с разбитым лобовым стеклом, россыпь осколков и агонизирующее тело отца на его руках.

— Пожалуйста, Кесс, не надо...пожалуйста, уходи отсюда.

Всё ещё в шоке от видения, он прошептал это и вздрогнул, увидев, девушку метрах в десяти от себя. Она держалась рукой о стену, другой прикрывая лицо от ветра. Её серое, шерстяное платье безжалостно рвали на части острые снежные зубы. По бедру била полупустая дорожная сумка. Тонкие ноги оголились выше колен и дрожали. Волосы, золотыми всполохами металась на непокрытой голове. Но она упрямо шла к нему и даже не подозревала о грозящей ей опасности.

— Кесс, стой! Поворачивай обратно! Он сейчас заметит тебя!!

— Кто заметит?

— Великан!

Но Тревис не успел предотвратить неизбежного. Он скинул с себя напавшее оцепенение слишком поздно и побежал к ней, когда ледяное копьё уже вылетело из сердца бурана. Как в замедленной съёмке он проследил за его величественным полетом. Голубые сколы льда блеснули истинной кровожадностью, проносясь мимо него к самой невинной своей жертве.

— НЕТ!!

Копьё вошло в тонкое, женское тело с ужасающим звуком. Он не услышал даже вскрика. Брызнула кровь, отлетела на снег оторвавшаяся с лямки сумка. Пещера отозвалась недовольным клокотанием и гулом. Сверху посыпались камни и дерн. Тревис замедлил шаг и остановился. Копьё всё ещё прирастало к стене уродливой голубой глыбой, полностью скрывая под своей смявшейся массой погребённое тело девушки. Он упал на колени.

— Кесс...

Мир в очередной раз закончился для него. Снова. Всё опять повторилось. Проклятый снег. проклятый великан. Проклятая судьба терять всех, кто дорог от одной и той же руки!

Трэвис понял, что дошел до края. Если до этого он еще внутренне боялся своего превосходящего противника, то сейчас ему стало наплевать. Он поднялся. Здоровой рукой отряхнул грязь с колен. Развернулся и спокойно встал прямо перед вращающейся снежной стеной. Сердце его заледенело и умерло вместе с той, что всегда приходила ему на помощь.

Он понял, что больше нет смысла быть добрым, нет смысла тянуться к человечности, нет источника, дарившего ему свет. Он отвел в сторону руку в приглашающем и даже немного театральном жесте.

— Да будет тьма.

Зло, вырвалось прямо из его груди чёрными, алчущими клубами, как живое, устремившись вперёд, ища лазейки в стене. Сжиженная темнота густой смолой потекла из глаз. Тень под ногами смялась и расплзлась, слепыми суставчатыми тварями заполняя окружающее пространство, беря оппонентов в плотное кольцо. Даже снег, падал внутрь уже чёрным.

Вращение вихря прекратилось. Ветер спал и Тревис увидел своего врага. Он стоял прямо перед ним — безмолвный и безликий, с колючей антрацитовый короной на шлеме. Стоял, как всегда, ничего не объясняя. Как всегда, преследую одному ему известную цель.

— Ты уже всё отнял у меня. Когда ты уже исчезнешь из моей жизни?! Почему ты всегда молчишь?!

Тревис орал, но понимал, что напрасно тратит время на разговоры. Беседы не будет. Великан не скажет ничего, как бы он не вынуждал его к диалогу. Всё, чего можно ждать — это бой. Схватка неравных, противоборствующих сил.

— Хорошо. Не хочешь говорить, тогда и я замолчу. Мне ведь нужно просто убить тебя? Звучит легко, хоть я и не представляю как это сделать. Наверное, мне нужно как-то управлять всем этим. — Он обвел глазами свое “темное войско” и снова сосредоточился на противнике. — Надеюсь, у тебя есть ещё одно копьё.

Великан не успел как-то отреагировать на вопрос, когда вся тьма разом устремилась к центру. Костенogie теневые уродцы особо-неистово заверещали, лавинообразно заползая на белый доспех, скребясь в него, царапая и разыскивая хоть микрон щели между стыками, чтобы ввинтиться внутрь и сожрать. Туман, клубящимся пульсующим червём обвил задёргавшуюся фигуру. Синий свет в прорезях шлема на мгновение погас и снова вспыхнул. Великан издал низкий гортанный звук и в следующий момент просто исчез, внезапно рассыпавшись фонтаном снежинок. Потерявшая цель тьма, озадаченно осела на пол.

Тревис, не ожидавший столь подлого и трусливого хода, опешил, глупо завертев головой. Но, секунды таяли, а враг всё не спешил появляться где-нибудь за спиной. Ещё минута и Тревис понял, что этой бой проигран. Противник не стал тратить на него время. Он уже бросил копьё и как в первый раз, просто ушёл, исполнив свою задачу.

Скорее всего, он даже не принял его всерьёз.

Тревис опустил голову и только сейчас понял, насколько же он устал. Правая рука онемела и висела тряпкой. Собственной крови под ногами натекла целая лужа. Лицо болело, вернувшись в исходную форму. Кесс...была мертва.

Он обернулся. Ледяной саркофаг не изменился. Возле него валялась наполовину запорошенная сумка. Тревис подошёл и поднял её. Внутри что-то лежало, но смотреть он не стал, прижал к груди и заплакал, уткнувшись лицом в мягкую, потертую ткань. В его жизни было много черных дней, но такой непроглядный обрушился на него впервые.

Вампиры появились словно из неоткуда. Тревис ни услышал их приближения, ни увидел. Он осознал, что не один только, когда сильные руки рывком поставили его на ноги. Пелена скорби ещё укрывала его глаза и очертания хмурых, бледных лиц размывались. Всего он насчитал шестерых прибывших. Двое, удерживали его за плечи, остальные, похоже, сопровождали. Ему сказали что-то на незнакомом лающем языке, но он ничего не понял. Тогда, незнакомцы перестали пытаться наладить диалог и просто потащили его вместе с собой в неприметный, скрытый каменным зигзагом, естественный проход в стене.

Потом следовал длинный, длинный путь. Они шли бесконечными извилистым коридорами, то поднимаясь, то спускаясь, петляя между галерей и плохо-освещенных залов.

Навстречу им всё чаще попадались “прохожие” — местные жители, построившие свои дома в недрах гор. Вампиры всех возрастов двигались по этим мрачным подземельям с непринужденной легкостью. Многие из них любопытно останавливались, разглядывая новенького, но никто не вмешивался в дела дворцовой стражи. Никто не посмел бы загородить им дорогу.

Наконец, когда Тревис обессилел так, что безвольно повис на руках, временами проваливаясь в бессознательное, они куда-то дошли. Распахнулись тяжёлые двери, под ногами заблестел полированный мрамор. Тревиса втащили внутрь и бросили. К не передаваемому счастью, бросили его прямо в большое, мягкое кресло. Он даже застонал от удовольствия, титанически перебарывая в себе желание немедленно свернуться в нем калачиком и заснуть. Но, толика здравого рассудка, заупрямилась и не позволила ему этого сделать. И очень вовремя, так как в просторное помещение, куда его привели, кто-то зашёл.

Тревис сначала даже не заметил вошедшего. Он всё смотрел на высокие, украшенные гобеленами стены, на мощный, лакированный стол в центре, заставленный письменными принадлежностями и книгами. Ещё множество книг покоилось в нескольких застекленных шкафах, уходящих в черноту. В пространстве между шкафами поблескивали зеркала, в них отражался свет свечных светильников. Высокий черный канделябр стоял на самой столешнице. Именно за его свечением, Тревис и не заметил застывшую тёмную фигуру.

Фигура сделала шаг и села за стол, оказавшись прямо напротив своего гостя. Высокая спинка его стула, показалась Тревису чересчур высокой и вычурной для рабочего кабинета. Вероятно, это был кто-то важный. Может быть, даже сам начальник местной охраны или как это у них здесь называется. Под ярким светом свечей, его легко удалось рассмотреть:

Невысокий мужчина лет сорока-пяти, с прямыми и какого-то мышиного цвета волосами, доходящими до плеч. Низкий лоб, смазанные черты ничего не выражающего лица, тонкие серые губы, чёрные, провалившиеся глаза. Даже кисти его рук, взявшиеся за изумрудно-зеленое перо, навевали ощущение чего-то пыльного и старого. Тяжелые серебряные перстни только дополнили тягостное впечатление. Единственной приятной деталью в его образе, был элегантный, немного историчный темный костюм, высоким воротником доходящим до самого подбородка.

Тревис нервно завозился в кресле, пытаясь удобнее пристроить уже будто бы мертвую правую руку. Странно, что он относился к этому так прохладно. Раньше, это повергло бы его в непередаваемый ужас. Сейчас же, он испытывал только досаду за дискомфорт. Даже боль кончилась.

Мужчина закончил свою запись и, наконец, обратил на него внимание. Его пустой, безжизненный взгляд не понравился Тревису сразу. Захотелось встать и уйти, но именно этого сделать было невозможно.

— И кто же вы такой, дорогой мой, новорождённый вампир?

— Тревис. То есть, я Тревис. Попаданец из другого мира.

— Из другого мира, понятно. Тогда ответьте мне, что вы делали в священной пещере, да ещё произвели в ней неподобающие разрушения?

— Я? Да...я сам не знаю. Проснулся уже там, а как попал не помню. Должно быть, меня принесли или я как-то упал туда. Не могу сказать.

— Хорошо, но что вы там делали и что за глыба торчит из стены?

— Это не глыба! — Тревис вскочил, преисполненный энергией и тоской, пошатнулся и неловко плюхнулся обратно, неудобно подмяв под себя бесполезную конечность. — Это

саркофаг!

— Необычно. Для чего же вы его там установили? Это не подходящее место для усыпальницы.

— Я и не устанавливал! Это Он, мой враг, преследующий меня повсюду, пришёл и убил мою девушку, как бабочку пришил к стене своим чудовищным копьём. Я только лишь пытался сражаться сколько мог.

— Это он разбил вашу руку?

— Да. Не знаю даже, что мне теперь с ней делать. Я её совсем не чувствую.

— Об этом не беспокойтесь. Я распорядюсь, чтобы вас от нее как можно деликатнее избавили.

— Избавили?! — Тревис взметнулся, но потом снова опал и устало тряхнул головой. — А, впрочем, плевать.

— Кроме прочих формальностей, я должен поинтересоваться, есть ли у вас какие-то планы относительно ближайшего будущего? Потому как, по существующим правилам, я обязан уведомить, что любой вампир имеет право на свободное и неограниченное проживание на всей территории Угодий Виоланта. Сейчас, вы находитесь в самой столице, в царском дворце, но для жизни можете выбрать любое место под землёй или на поверхности. С вас не потребуют платы ни за что — еда, сон и развлечения за счёт казны. Единственное неудобство, пока вы находитесь в низшей стадии эволюции, проблема охоты ложится исключительно на ваши собственные плечи. Жертвы ограничены. Вам придётся искать себе жертвенных овец среди людей самостоятельно. Эльфийская и вампирья кровь не принесут вам покоя и не насытят. Только страдания человека могут унять всепожирающий огонь вашего существования.

Тревис слушал, как кролик попавший в транс. Голос змеи лился и лился, свивая вокруг него свои кольца. Ещё немного и он бы сделал всё, чтобы только не приказал ему этот голос. Черные, мертвые глаза вампира повелевали им. Тревис ощутил, как сгущается мрак вокруг этой невзрачной, но могущественной фигуры. Этот мрак разрушал свет. Эта Тьма ломала само пространство.

— Вы всё поняли?

— Что? А...да. Я всё понял.

— Так что вы решаете делать?

— Я? Наверное, проживу здесь немного. Мне нужно собраться с мыслями.

— Да будет так.

Мужчина отвел взгляд, снова возвращаясь к своим записям. Давление спало. Тревис облегченно выдохнул, но не успел даже что-либо еще сделать. Те же стражи, грубо и безапелляционно выдернули его из кресла, потащив к выходу. Тревис успел только напоследок глянуть через плечо в закрывающиеся створки. Мужчина глядел ему вслед и на губах его играла злая, жестокая улыбка.

После, снова был длинный, забравший абсолютно все оставшиеся силы, переход. Когда путь окончился, Тревиса, уже в глубоко бессознательном состоянии принесли в какой-то дом и бросили на кровать. Хозяйка дома горестно покачала головой, но ничего не сказала, подобострастно проводив стражей и закрыв за ними дверь. Вернулась в комнату, заботливо помогла спящему устроиться удобнее, накрыла одеялом, обложила льдом почти уже чёрную руку. Оставила свечу на столе и ушла к себе.

Так, для Тревиса началась новая жизнь. Жизнь подчиненная Тьме и ее кровожадным

законам. Жизнь тени, погребённой под землёй. В славных Угодья бесславного Виоланта.

И если бы только Тревис знал, что вампира, с которым он общался, зовут Эста Виола Риарваль, он бы задал ему совсем другие вопросы. Но он не знал и поэтому, истории было угодно пойти совсем по другому курсу.

Столица Партаскаля встретила Фрея недружелюбно. Впрочем, а как иначе?

Благодаря способности сокращать расстояния, до королевского дворца, он добрался быстро и без помех. После преодоления не подвластного никому из живых, моря, он почувствовал себя намного увереннее. Случайные встречные люди шарахались от странной, текучей тени, неуловимым призраком проносившейся по улицам городов и городков, по покосным полям и проезжим трактам. Различить эльфа в момент перемещения сложно, а поймать или остановить и вовсе нереально.

Дворцовая защита, состоявшая из мощных эпритовых артефактов, мгновенно вычислила вторженца. Завыла сирена, из-под ног Фрея брызнули снопы красных искр. Они вырывались от каждого соприкосновения стопы с полом. Эльф озадаченно остановился, глядя на подобное новшество. К нему с разных сторон бежала настропелённая паникой стража. Перекошенные лица людей заставили Фрея вновь облачиться пеленой скрытности. Для глаз постороннего, он пропал, но охранная магия упрямо выла, всеми средствами указывая на его местоположение. Стража остановилась рядом со сверкающей пустотой. Бросаться сломя голову на нечто потенциально опасное, никому не хотелось.

Фрей подумал, не задействовать ли отвлекающий фактор, но в этот момент к месту действия (а оно оказалось во внутреннем дворе замка), подоспело запыхавшееся начальство. Толстенький офицер в сопровождении трёх более молодых, пробился сквозь плотное кольцо окружения, опустил мельтешащую прямо перед его лицом пику и громко шмыгнул отекшим носом. Смущенный невидимостью оппонента, прокашлялся и поправил ремень на выдающемся животе.

— Так-с, стало быть, нарушитель. Пожалуйста проявитесь, этак беседовать в одну сторону неудобственно. Ну?

Фрей презрительно оглядел собравшуюся публику. С одной стороны он не желал тратить время на общение с дворцовой прислугой, с другой, осознавал, что если он не подчиниться их смешным требованиям, могут возникнуть дополнительные проблемы. Ему нужно говорить с королём Партаскаля, а его задерживают по ерунде. Он вздохнул и снял маскировку. Сирена замолкла, но искры не исчезли.

— Передайте своему монарху, что аудиенции требует Фрейнгарт Остролистый, наследный принц благословенной Эльферы. И я тороплюсь, так что, пусть не медлит с приёмом.

Начальник стражи икнул от неожиданности, обернулся на своих спутников, но их растерянные лица не помогли решить вопрос. Он снова оглядел незнакомого, юного эльфа, почти мальчишку, с белыми волосами и алыми, кроличьими глазками. Вид его не внушал доверия к словам, но властность взгляда и тяжелая, липкая аура, заставляли задуматься.

— Очень интересно. Такие гости, да без сопровождения. Чего изволите обсуждать с его королевским величеством?

— Не вашего ума дело.

— Ой, как невежливо. Ну да ладно, послушаемся на этот раз. Подите пока вот в эту дверь, присядьте на стульчик в зале. Вас позовут чуть погодя.

Фрей ничего не ответил, надменно приподняв светлую тонкую бровь. Развернулся и спокойно пошёл в указанном направлении. За ним, как приклеенная, двинулась стража.

Люди одновременно опасались и восхищались смелым и несуразным для их мира пареньком. В то, что он и правда какой-то там наследный принц, они не верили.

Аудиенции, всё же, пришлось ждать долго. Фрей почти решился самостоятельно идти к королю, но его намерения опередил мажордом. Длинный, тонкий мужчина в смешной, розовой ливрее, гулко ударил тростью по полу, чем привлёк к себе внимание, и важно пригласил гостя следовать за ним.

Долго петлять по внутренностям дворца не пришлось. Большая приёмная зала находилась неподалеку и Фрей не успел рассвирепеть от очередной задержки. Перед ним распахнули богато украшенные резьбой и камнями двери и он оказался в начале вытянутого прямоугольного помещения. Боковые стены замещались гигантскими витражными окнами, пропускавшими в зал невероятное количество цветного раздробленного света. С высокого потолка спускались стеклянные люстры. Пол сверкал полированным белым камнем, а от дверей до трона тянулась узкая охристая ковровая дорожка.

Два раза ударила по камню трость. Его представили. Фрей невозмутимо пошел вперед, остановившись в нескольких шагах от тронного возвышения. В золоченом деревянном кресле сидел знакомый ему рослый мужчина в обычной, “домашней” одежде. На голове его тускло поблескивал золотой обруч с полированными рубинами. По бокам, за креслом и перед ним, безмолвными, точеными тенями, застыла личная охрана. Больше никого в зале не оказалось.

Прогрохотала закрывшаяся за лакеем дверь и они остались “одни”.

— Как необычно видеть тебя отдельно от матери. Как поживает леди Лиалуара?

Умирает.

— Прискорбно. — Человек даже не попытался сделать соответствующего выражения лица. Холодные карие глаза продолжали смотреть прямо и твердо. — Слышал, у тебя скоро родится брат, поздравляю.

— Не с чем. — Фрей и сам не выказывал и крохи почтения или дружеской учтивости. Обмен любезностями происходил в атмосфере напряженного ожидания, но ни один из оппонентов не решался перейти прямо к делу. — Слышал, у вас тоже проблемы.

— Это какие же?

— С эприлом.

— А что с ним не так? — Мужчина изменил голос, деланно удивляясь, но никого этим не обманул. Скорее, подтвердил слова эльфа.

— Он заканчивается.

— Чушь.

— Вы лжёте. — Фрей первый раз улыбнулся, но улыбка эта вышла кривой и страшной. Мужчина подобрался в кресле, а охрана как бы невзначай сдвинулась, активировав защитные медальоны и схватясь за оружие. — Вам уже и самому известно, что магия, охранявшая людей последние триста лет, стала гаснуть. Ещё немного, и вы останетесь безоружны перед главным вашим противником.

— Вампиры никогда не пойдут в открытую на людей. Это сумасшествие. Их слишком мало.

— А давно ли вы считали их численность? Давно ли заглядывали в недра гор? Давно ли прохаживались по границе с Угодьями? Виолант не дремлет. Это старый и злой демон. Терпеливый, но злопамятный. Когда-то, вы почти уничтожили его народ и он был вынужден уйти под землю, но с тех пор, прошло много времени. Он вернется за своим и людским

государствам не устоять. А, в первую очередь, Партакалю, как главному виновнику его бед.

— Замолчи мальчишка! — Мужчина вскочил, выплевывая слова гнева. На красном лице вспухли вены. Охрана оцетинилась заколдованной сталью. — Как ты смеешь мне угрожать, когда сам являешься никем?! Бесплодный урод, не сумевший унаследовать силу Остролиста! Вон из моего дворца! Отправляйся подыхать вместе со своей мамашей! Как только она содохнет, мои войска вторгнуться в Эльферу и разнесут ее в клочья! Я отберу весь хранящийся у вас эприг и сам нападу на Угодья! И ничто меня не остановит, ты понял?!

— Понял. Только можно не орать. Я ещё не сказал то, ради чего пришел.

Король побагровел, запросто осажённый непробиваемым спокойствием эльфа. Поиграл скулами, цыкнул сквозь плотно сжатые зубы и упал обратно на подушки трона.

— Ну? Что там ещё?

— Я сдам вам Эльферу без боя. Можете забирать её себе вместе с эпригом, фермами, хранилищами и переработкой. Все города, население и прочие богатства — ваши. Но, у меня будут два условия.

— Это какие же? — В глазах человека появились алчные искры. Он подобрался, вцепившись в подлокотники. Плохо скрываемое ликование перемежалось в нём с остро-различимой недоверчивостью. — С чего вдруг такая щедрость? Решил стать предателем? Элегантно, но глупо.

Фрей пропустил колкие слова мимо ушей.

— Первое условие: вводите войска только после моей коронации. Второе: мне нужен один артефакт из вашего хранилища.

— Артефакт? Это какой же? Магия людей недоступна для эльфов.

— Несгораемый свиток.

— Он бесполезен. Это просто кусок бумаги не поддающийся огню. Зачем он тебе? — Мужчина ожидал любого другого варианта, но не этого. Он отлично знал все хранящиеся у себя реликвии, но применения для этой, кроме вышеобозначенного свойства, так и не нашёл. Свиток обнаружили во время последней войны. С тех пор, он пылился в хранилищах.

— Моё дело.

— Допустим, я соглашусь отдать тебе его. Но только с рук на руки и во главе своего войска, когда я приду с ним поздравить тебя с коронацией.

Фрей уперся взглядом в нагло ухмыляющееся лицо человека. Что творилось в его голове, он и сам не мог дать себе отчета.

— Договорились.

— Договорились! — Король захохотал, хлопая себя по коленям. — Вот умора! Со мной договаривается бесплодная блоха! Знаешь ли ты, уродец, если тебя ещё не убили просто из жалости...

Но закончить фразу он не успел. Все стёкла в зале разом взорвались, неистовой силой выбитые из рам. Хрипящий дождь смертоносных осколков полетел в стороны, цветным градом осыпая драгоценный пол и успевших воздвигнуть защитный купол, людей возле трона. Вместе со взрывом, в открывшиеся проёмы ворвался ветер, а, вместе с ним тёмный, непрерывно шевелящийся, визжащий поток десятков тысяч обезумевших птиц.

Люди на троне заорали от священного ужаса. Охранники забыли про страх перед своим монархом, бросившись под основание помоста. Для оставленного собственными слугами короля всё закончилось бы печально, если бы не превосходная охранная магия. Прозрачный купол не сдался под натиском бьющихся об него животных. Птицы влетали в барьер со всей

дури, насмерть разбиваясь о невидимую границу, оставляя на ней свою кровь и перья.

В зал, на шум ввалилась стража и слуги, но сразу же попали под атаку. У них защитного барьера не нашлось, так что, люди падали на пол один за другим, раздираемые острыми когтями и клювами. Поднялся всеобщий крик и паника. Одни выбегали из проклятого дворца, другие ломались внутрь на помощь. А в центре творящегося хаоса стоял Фрей и бледное лицо его не выражало ничего, кроме презрения и скуки.

Одна из пролетающих мимо птиц дёрнулась и клюнула его в щёку, оставив на ней длинную, глубокую царапину. Он покачулся, удивленно проведя рукой по свежей ране, посмотрел на свои окровавленные пальцы. В глазах его вспыхнуло некое понимание. В следующую секунду он исчез, уйдя под пологом скрытности и общего переполоха. Отвлекающий манёвр всё же понадобился.

Теперь его путь лежал обратно в Эльферу.

Эпискур не подвёл и путь до эльфийской столицы занял ровно два дня. На рассвете третьего, четыре взмыленные лошади спустились с Дрожащего Хребта в широкую, открытую долину. Бело-голубой город лежал в ней, как сахарная друза в зелёной пиале. Поднимающееся солнце отблёскивало на острых стеклянных крышах домов и башен. Сам дворец до того гармонично вписывался в окружающую архитектуру пространства, что восхищенно раскрывшая глаза Дейдара, не сразу его заметила.

Марс, немало настрадавшийся за время пути, скупно оценил красивую картинку. Бешеная езда, в которой прошли последние два дня, доконала его до крайности. Этот своеобразный способ эльфов сокращать расстояния, чуть не сломал ему психику. Когда лошади бросились с места в карьер, он заорал, мёртвой хваткой вцепившись в подругу. Но когда мир вокруг них стал ускоряться, сливаясь в одну цветную полосу, ему и вовсе стало дурно, а голова неистово закружилась. Так что, большую часть времени он провёл молясь про себя и плотно зажмурившись, чтобы только не видеть иррационального хаоса вокруг. Положение усугублялось еще тем, что кроме него, никто больше дискомфорта не испытывал. Даже возбужденная скоростью Дейдара. Что, конечно, было особенно унижительно.

К подножью замка они подошли размеренным неспешным шагом, предварительно дав лошадям напиться и просохнуть. Носиться сломя голову по элегантным белым улочкам города, считалось дурным тоном и ни один эльф не мог себе этого позволить. Поэтому, лошади деловито цокали подкованными копытами, периодически вскидывая красивые головы, а всадники поглядывали на изящную пирамиду дворца.

У главных ворот их встречали. Взрослый, богато одетый эльф с удивительно-обычным, совершенно незапоминающимся лицом, вышел на встречу. Эпискур спешил едва ли не на ходу, почтительно поклонившись незнакомцу. Гримуар также унял обычное хамство и вежливо поприветствовал мужчину, в свою очередь покинув лошадь. Верхом остались только трое, чего не преминул заметить острый взгляд встречающего. Особенно неприязненно он уперся в угрюмо набычившегося Пташа. Разбойник не дернулся для приветствия. Неловко застывшие в седле Дейдара с Марсом растерянно поглядывали то на него, то на других, пытаясь понять что же надо делать? Слезать или не слезать? Кланяться или нет?

Тем временем, мужчина, наконец переключил на них внимание и лицо его озарила светлая, приветливая улыбка.

— Рад видеть в наших пенатах жену будущего короля. Вы ещё прелестнее, чем в моих ожиданиях.

— Эм, да...спасибо. — Дейдара зарделась от подобного обращения, не в силах до конца поверить в действительность происходящего. Будущая свадьба на эльфийском принце казалась ей чем-то далёким и нереальным. Даже невозможным. Она постоянно ожидала, что кто-нибудь сознается в плохой, затянувшейся шутке. Но лица окружающих хранили пугающую серьезность.

— Я бы хотел предоставить вам время для отдыха после тяжелой дороги, но, боюсь, у нас его нет. Королева желает видеть вас немедленно. Я буду вашим провожатым. — Он протянул руку, помогая слезть с коня. Обернулся. — Остальных прошу размещаться. К вам, Кристофер, это относится в той же мере. Мы не будем вспоминать прошлого и делиться обидами. Леди Лиалуара настояла на этом. Похищенное сокровище вы сможете вернуть ей лично в ближайшее время, когда она будет в состоянии вас принять.

Сказав это, он дождался от насупленного разбойника утвердительного кивка и галантно взяв робеющую Дей под руку, повёл её во дворец.

Королевские покои в первую секунду напугали застывшую на пороге Дейдара. Во-первых, в отличие от всего насквозь пропитанного солнцем дворца, здесь оказалось темно. Не в том смысле, что сюда не проникал свет. Наоборот, высокие окна без занавесей стояли распахнутыми настезь, но ни один луч не мог рассеять скопившуюся тьму. Густые, тяжелые сумерки наполняли комнату, отчего воздух загустел и с трудом втискивался в лёгкие, вызывая ощущение удушья.

— Не бойся, заходи.

— Там...

— Иди прямо к постели. Я за тобой.

Негнушима ногами Дейдара прошла от двери к огромной кровати в центре спальни. С потолка её укрывал белый шёлковый полог, сейчас выглядящий огромной свешивающийся паутиной. Дейдара встала у изголовья, брезгливо приподнимая край липкого от влаги полотна, чем сходство с паутиной только усугубилось.

На постели лежала красивая в прошлом женщина. Её длинные светлые волнистые волосы выщвели и поредели. Кожа на лице и руках разохлась и потрескалась. Губы почти исчезли, превратившись в бледную черту, с хрипящим присвистом пропускающую дыхание. При этом, огромный живот, монотонно поднимающийся и опускающийся, выглядел настолько устрашающе, что Дей чуть не бросилась вон. Её удержали открывшиеся в этот момент глаза женщины. Их зеленая ярость и сила пригвоздили к месту. Только в этот момент она ощутила, что перед ней действительно королева.

— Топройд.

— Да! Да дорогая?! — Эльф подскочил, чуть не сбив Дей с ног.

— Оставь нас.

— Оставить? Л-ладно, хорошо. — На лицо его обозначилось недоумение, но перечить он не стал, странно поглядев на Дей, но и только. Затем быстро вышел в коридор, закрыв за собой двери.

— Как тебя зовут, девочка?

— Дейдара.

— Я говорю о твоём настоящем имени.

— Эм...Мария-Сьюзен...миледи. — Дей ступевалась, а женщина, наоборот повеселела. Лицо ее осветила ехидная улыбка.

— Почему называешь себя по другому?

— Мери-Сью назвали меня родители прежде чем бросить. Второе имя я выбрала себе сама, так звали одного персонажа в мультике. Оно мне нравится больше.

— Понятно. Есть ли у тебя кто-то, кому ты уже отдала сердце?

— Что? Ой! Нет! В смысле, “сердце”? Вы об этом? Нет, нет! Что вы! У меня есть лучший друг, мы с ним вместе попали сюда, но чтобы прям сердце, нет такого!

— Хорошо. Пусть будет так. — Женщина улыбнулась, на этот раз легко и по-доброму. Видимо, она устала от разговора, требовавшего от неё не имевшихся в достатке сил и закрыла глаза. Несколько минут они провели в тишине. Дейдара не смела шевелиться или уходить, любопытно оглядывая старую эльфийку. Леди Лиалуара отдыхала, чтобы продолжить важный для нее разговор. Наконец, она пошевелилась и открыла глаза. — Видела ли ты уже моего сына?

— Н-нет. Ещё нет. — Дейдара смутилась и покраснела. Почему-то ей стало жутко стыдно. Это не укрылось от внимательного взгляда королевы.

— Боишься его?

— Ну...как сказать. Мне просто дико от всего этого. Я же только месяц назад ещё жила в своём мире и вот я уже выхожу замуж за какого-то незнакомого мне эльфийского принца. При этом, никто не спрашивал моего согласия и не давал вариантов выбора. Меня украли, продали, привезли. И всё это...

— Я понимаю. Несправедливо и невежливо. Я бы тоже на твоём месте злилась и негодовала. Но, мы попали в такое положение, из которого ты — единственный выход.

— Это как? Мне так никто еще толком ничего нормально не объяснил. Почему именно я?! Почему столько ажиотажа?!

— Не кричи, я объясню. — Она устало качнула головой и провела рукой по животу. — Видишь ли, наш народ живёт и процветает благодаря энергии священного духа природы — мы зовём его Остролистом. Он даёт нам силу повелевать стихиями, растительным и животным миром. Но, увы, даёт эту силу неравномерно. Большая ее часть сосредоточена в руках правящей династии и это поистине существенная часть. Представители рода Остролиста — сильнейшие маги нашего народа, но тотальное могущество сосредотачивается конкретно у коронованного монарха. И здесь-то и начинаются трудности.

Она снова прервалась на передышку. Длинный монолог иссушил ее.

Дейдара успела переварить информацию и начать изучать орнамент кровати, когда рассказ продолжился.

— Остролист обладает ярко-выраженной мужской энергией. В соединении с женской, он порождает жизнь и процветание. В сочетании с мужской — хаос и разорение. Поэтому, издревле, власть в Эльфере передаётся от матери к дочери. Но, так вышло, что у меня родился сын и второй раз я смогла забеременеть только сейчас, когда уже подошел срок умирать. Ко всеобщему разочарованию, мой ещё нерождённый ребёнок — тоже мальчик. Из этого следует, что после моей смерти, вся сила Остролиста перейдёт к Фрейнгарду и сходные по направленности энергии воспламят друг друга. Но и это не окончание всех проблем. — Лицо эльфийки приобрело совсем нездоровый оттенок. На лбу выступил пот, а дыхание стало поверхностным и рваным. Дей не на шутку перепугалась.

— Простите, может вам отдохнуть? Вы так плохо выглядите. Честно, я подожду сколько надо и вы доскажете.

— Нет. — Женщина сделала над собой усилие, застонала как от короткого приступа боли, но не смотря ни на что, продолжила говорить. Дей боялась моргнуть, чтобы случайно

не перебить её. — Главная трагедия в том, что Фрей родился с неизлечимой болезнью, из-за которой он не может иметь детей. Поэтому, сила, перейдя к нему, не сможет перелиться дальше, и, к сожалению, полностью исчезнет с его кончиной. Если это произойдёт, Эльфера и все эльфы, останутся без источника магии и подпитывающей их энергии. Это будет конец нашей прекрасной расы.

— Это ужасно!

— Да... Именно по этой причине ты здесь — украденная и купленная. — Королева еле шевелила губами, закрыв глаза от невозможности держать их открытыми. — Тебе выпал очень редкий и, прости меня, самый слабый подвид эльфийской крови...но только она может в союзе с кровью моего сына, дать здоровое потомство...Ты единственная можешь родить наследника престола...И, если небеса благословят нас, это будет девочка.

Едва закончив фразу, леди Лиалуара всё-таки потеряла сознание. Дей вскрикнула и вскочила. На подозрительный звук в комнату ворвался, всё это время нервничавший за дверью мужчина. Он даже не обратил внимания на испуганно отошедшую в сторону Дей, коршуном кинувшись к постели. Через несколько минут, понаблюдав их на скорый осмотр, он не спеша встал и обернулся.

— Всё хорошо, это просто переутомление. Она поспит и снова придёт в себя. — Он говорил, но мыслями витал где-то далеко, говоря скорее для собственного успокоения, чем для информации. Наконец, он “вернулся” — взгляд его отвердел и сосредоточился на мышкой замершей возле стеночки Дей. — Вы обо всём успели поговорить?

— Да, я н-не знаю. Вроде бы. Она рассказала мне про Остролиста и про Фрея с его болезнью, про наследника и что мне придётся его родить.

— Замечательно. Думаю, на этом аудиенцию закончим. Можете идти, стража проводит вас до ваших покоев. С остальными спутниками встретитесь за завтраком. И ещё. — Он с напряжением провёл рукой по волосам, будто собираясь с мыслями. — Хочу сразу предупредить, что собственно “королевой” вы не будете. Вас станут именовать исключительно как “жена короля”. Сила Остролиста передаётся только по крови.

— Понятно...А вы...?

— Топройд из дома Дор. Это будет и ваша приставка тоже.

Дейдара настолько смутилась, что не нашлась, что сказать. Мужчина добродушно улыбнулся и с рук на руки передал её страже. До отведенной ей комнаты, она дошла в каком-то задумчивом трансе. Надо было постараться переварить все услышанное. Хотелось запереться и отдохнуть. Может, немного поплакать и пожалеть себя. Но завтрак неумолимо приближался, солнце бодро заползло на небо, а будущее алчно тянуло к ней свои фантазмагоричные лапы. Так что, отдых и страдания откладывались на неопределенный срок.

Надо простить Джо Эттвуда за то, что он не смог выстоять в бою против алчности и отпечатал не два миллиона копий, как намеревался, а все шесть. Благодаря его проворству, яркие фиолетовые листовки попали во все значимые дома не только Партаскаля и Рив-Тога, но и Кадиша и Платуса, вызвав среди важных людей, небывалое волнение. Но, самая беда в том, что такой листочек попал на крепкий дубовый лакированный стол, освещенный длинным чёрным канделябром. Держащий его в руках мужчина внимательно читал броский текст, подкрепленный простенькими иллюстрациями и чёрные глаза сужались в такт мыслям.

Эста Виола Риарваль — царь всех вампиров и полноправный хозяин Угодий, прозванный “Виолантом”, не мог скрыть довольной, хищной улыбки. Губы его невольно расплзались в стороны, давая место двойному ряду клыков. Чёрная кровь бурлила. Монстр, сидящий в груди, ликующе выл.

— Значит, время всё-таки пришло. Спасибо тебе... — Он пробежал глазами текст, ища имя автора статьи. — Захари Трот, за такой шикарный подарок человечеству.

Между тем, сам Захари не подозревал о своей набирающей обороты популярности и последствии собственных дел. Он завтракал на летней веранде родительского особняка и мысли его текли плавно и неторопливо, в такт поглощаемой яичнице с беконом. С момента возвращения прошла неделя и он успел как следует отдохнуть, отоспаться, отъесться, наобщаться с родными и снова почувствовать себя в довольствии, всем обеспеченным джентльменом.

Он много размышлял насчет недавнего приключения и в конце концов пришёл к выводу, что журналистика — это, всё же, не его. Конечно, дело, вне всякого сомнения, увлекательное и поэтичное, но слишком уж суетливое. Да и определенные тяготы рабства, оставили отпечаток в его душе. Надо искать нечто новое, нечто не менее насыщенное путешествиями, но без затрудняющих эти самые путешествия обязательств.

Захари допивал третью кружку горячего шоколада, а нужная мысль никак не желала появляться. Он позвонил в колокольчик и через минуту к нему вышел старый домашний слуга.

— Руперт, вот скажите мне, кем вы мечтали стать в детстве?

— Богатым, сер.

— Это понятно. — Захари немного смутился от такого ответа, но продолжил. — А ещё?

— Не сиротой, сер.

— Руперт соберитесь. Была ли у вас какая-то мечта?

— Я хотел продавать рыбу, но был ещё мал, чтобы выходить в море на лодке. Поэтому меня били и я шёл побираться или воровать.

— М-да...так мы не продвинемся. Хорошо, а вот представьте, что вы сейчас можете сделать всё, что угодно. Что бы вы сделали?

— Пошел бы спать, сер. И еще обратился бы к лекарю — очень болят колени в последнее время.

— Ладно, идите Руперт, я всё понял. Спасибо за ваши ответы. Они мне очень помогли.

Слуга ушел, а Захари от досады стал грызть серебряную ложку. Во дворе, на стриженном газоне величественно прохаживалась стайка длинноногих розовых птиц. Когда-

то он знал их сложное двусоставное название, но подзабыл. Зато, не забыв откуда их доставили — отец выписал их из самого Кадиша. Это королевство славилось редкой флорой и фауной. В детстве (особенно в пору любви к биологии) Захари часами просиживал над разноцветными картинками с изображениями причудливых и странных животных этой страны. Но, почему-то, он никогда там не был.

— Так! — Ложка звонко ударилась о стол, когда взгляд Захари воспламенился. Знакомая неудержимая энергия наполнила его до краёв. — Точно же! Какая замечательная идея! Поеду в Кадиш!

— Зачем, милый? — На веранду вошла изящная молодая женщина в шелковом домашнем платье и накинутой на плечи персиковой газовой шалью. Золотые локоны эстетично выбивались из мастерски уложенной прически, а бриллиантовые звездочки в ушах игриво поблескивали. Ухоженное лицо светилось тихим внутренним светом. Она родила Захари очень рано, поэтому, только входила в пору настоящего цветения.

— Мама, я буду изучать местных животных!

— Ты уже изучал их в детстве, тебе не понравилось.

— Нет, я неправильно выразился. Не изучать, а, скорее, наблюдать или даже, просто посмотреть какие они на самом деле...Или... — Захари стушевался, обнаружив, что не может ответить для себя на этот вопрос. Для чего же ему, действительно, срочно понадобилось отправляться в соседнюю, весьма закрытую страну? Точно ведь, не ради животных. Итак ясно, что это просто повод.

Захари озадаченно замолчал, а женщина грациозно присела на свободный стул, отщипнув пальчиками от булки свежего хлеба.

— Если ты пообещаешь больше не пугать своих родителей подобными “исчезновениями” и пообещаешь поддерживать связь, думаю, отец не будет против. Тем более, что он уже давно торгует с Кадишем и мог бы чем-нибудь тебе помочь.

— Думаешь? Да, пойду к отцу! — Захари взвился на ноги, полный вдохновения и готовности бежать. Но, его остановила натянувшаяся в воздухе серебристая паутина тонких полупрозрачных нитей. Бледно-оранжевая жемчужина, украшавшая собой золотую подвеску на шее женщины, засветилась и слегка нагрелась. Подведенные светло-ореховые глаза, насмешливо полуприкрылись веками.

— Захари, твоя спешка когда-нибудь погубит тебя. Ты даже не поинтересовался дома ли отец. А, ведь, он на два дня уехал из города. Ты рассеян, мой мальчик когда увлечен.

— Мам. Зачем опять? Ты же знаешь, я не люблю магию.

— В ней нет ничего плохого.

— От этого эприта одно зло. — Захари брезгливо стукнул пальцем по хрустальным нитям и они с легким стеклянным звоном, осыпались на пол. — Я видел эти фермы, рабов, грязь, невежество и алчность. Люди помешались на этом проклятом жемчуге. Хорошо, что он заканчивается.

— Но для людей, это возможность прикоснуться к неведомому, к силе, доступной только эльфам и вампирам.

— Они хотя бы рождаются с ней. А нам для этого, надо колупать бедные ракушки. Как будто у нас больше и занятий других нет, чем копать в грязи, разыскивая в ней бриллианты. Неужели люди ни на что не способны без искусственных ухищрений? Лучше бы они развивали науку и поднимали образование.

— Ты идеалист, мой мальчик. Тебя оправдывает только твоё дворянское

происхождение. Родись ты бедняком и эприст стал бы твоей безраздельной мечтой. А если бы тебе совсем не повезло и ты родился бы не в прогрессивном Рив-Тогге или Платусе, а в средневековом Партаскале, то вряд ли смог даже научиться читать и писать. Этот мир расставил неодинаковые условия для эволюции. Север всегда отстает от юга.

— А Кадиш тоже отстаёт?

— Кадиш наполнен призраком неопределенности. Эта земля, укрытая бардовыми песками, сама не знает в каком времени она живёт. Даже эти птицы не определились, птицы ли они.

Захари задумчиво уставился на давешних длинноногих розовых созданий. Действительно, лысая, костяная собачья голова на тонкой птичьей шее, выглядела не нормально, но он так привык к этому виду, что давно перестал обращать внимание. Почти все животные и растения Кадиша носили подобные следы смешения генов.

— Допустим, что так. Но сторонником эприста я всё равно никогда не стану. Пусть уж он совсем исчезнет, как пережиток прошлого.

— Судя по добытым тобой сведениям, скоро так и будет. Только, боюсь, нас ждет большая агония и война. Твой отец уже начал готовиться к ней.

— Думаешь, не стоит ехать в Кадиш?

— Нет, поезжай. У тебя талант, Захари, влиять на ход истории. Может статься, что тебя там уже ждут.

Захари настороженно прищурился, глядя на подозрительно “вещавшую” мать.

— Пророчествуешь?

Женщина в ответ весело рассмеялась и вытянула из-под корсажа другую подвеску. Небесно-голубой жемчуг в сложной серебрянной оправе, переливался изнутри жидкими звездами.

— Подарок твоего отца, между прочим. Очень редкая вещица — помогает прорицать и предчувствовать. Кстати, приобретён на тот случай, если ты опять потеряешься и придётся тебя искать.

— Всё понятно. — Захари, всё же собрался уйти и подошёл поцеловать матери руку. — Берегите себя, мама и поменьше доверяйте этой вашей магии. Вы и без неё чрезвычайно умелы и умны.

— Общение на “вы” делает из тебя настоящего рыцаря.

— Ох, мама, я совсем не такой, ты же знаешь!

Захари умчался, а леди Трот осталась завтракать. Для неё стол убрали и сервировали заново, принеся большое блюдо с мармеладом, тарелочку брускетт с сыром и литровый стеклянный чайник облепихового чая. Она не спеша дула на парящую ароматную жидкость в чашке, наблюдая за Ликорн-Гаями. Будучи уроженкой Кадиша, она отлично помнила название этих розовых птиц. Не то, чтобы она их любила, но несуразность их вида, пробуждала в ней ностальгию по родине.

Она аккуратно подцепила точеными ноготками мармеладную дольку и бросила через перила на газон. Ликорн-Гаи бросились к подачке с поистине собачьим озверением. В конце разыгравшейся беспощадной свары, на траве осталось два разодранных в клочья трупика и целый вихрь перьев. Оставшаяся часть стаи разбрелась по саду. Коренная уроженка Кадиша удовлетворенно улыбнулась.

После первой ночи в Угодьях и достопамятной встречи с Лойсом Диггенсом, Джерри на следующее утро вернулся на корабль. Скажем честно, его там не ждали, как не ждали других

пропавших членов команды. К невероятной досаде и злости капитана, опытные парни в этот раз повели себя глупо, нарушив данные им указания. Поэтому, на ногах из них стояла едва четверть. Тогда как, остальная масса лежала в трюме с тяжелой степенью анемии. Разгружать и сбывать награбленное было некому, а вторую подобную ночь им вряд ли удастся пережить.

— Гадство! — Милош бегал по палубе и в припадке бешенства пинал попадавшиеся на пути предметы. Если вместо предмета попадался человек, доставалось и ему. Кое-как избегал побоев только старпом. Он-то и сделал смелый шаг в “радиус поражения” разошедшегося пирата.

— Там, это... Желторот вернулся. Чего с ним делать-то?

— Кто?!

— Дык, желторот, говорю же. Который граф.

— А-а... вернулся?! Думал, сдох уже. И чего, дурень, не сбежал?

— Куда здесь бежать-то? — Юст сделал неопределенный знак в сторону чёрного порта и капитан самодовольно ослабил. Отодвинул с дороги помощника, тяжелым шагом двинулся к застывшему возле трапа Джерри.

— А-а, смотрю и тебе тоже немаленько досталось от этих прожорливых тварей. Что, нравится свободная жизнь вдали от мамки-то? А?! Как тебе пиратская доля? Романтика сплошь, скажи?!

Джерри ничего не отвечал на громогласные подколки мужчины, насупившись и смотря в пол. Ему было противно от такого решения, но близкое, неустанное присутствие алчущих, голодных взглядов за спиной, пугало сильнее грубых, но вполне человеческих пиратов. Свежие следы зубов на теле подогревали жуткие воспоминания и ноги сами несли его на знакомую, “безопасную” палубу.

— Ладно, пёс с тобой, оставайся. Всё равно рабочих рук не хватает. Будешь работать на разгрузке — надо успеть до заката всё продать и уйти в море. Гастелла в этот раз излишне охоча до жертв. Ты меня понял?!

— Да, сер.

— Сер! Я тебе тут кто, господин учитель?! Бегом в трюм, тебе там скажут что делать!

Джерри послушно ускользнул, а Милош подошёл к борту, посмотреть на пристань. Несмотря на позднее утро, причал и близлежащие к нему улочки, кишели черноглазыми тенями. Солнце не уменьшало вампирьей злобы, но до ночи открытого, беспардонного нападения не ожидалось. Кровь пирата яростно забурлила.

— Бегом разгружаться!! Убью всех, кто вздумает медлить!!

Расставшись с Джерри, Лойс Диггинс отправился в город, намереваясь в продолжении “отпуска” успеть покурлесить по местным барам. Но благие начинания прервались в один момент и не самым приятным образом. Когда он одетый и причесанный сбежал по лестнице своего особняка в столовую, с потолка на него что-то упало. Он дернулся и чуть не упал от острой, жгучей боли в кисти. Остановился, с нарастающей мрачностью глядя на жирную черную каплю смолы, прожигающую кожу.

Капля, между тем, не соизволила скатываться, деловито и неспешно разделяясь на капельки поменьше. Все эти жалящие кожу крохи, садистски-вальяжно поползли по тыльной стороне ладони, оставляя после себя красные, тонкие нити ожогов. Из этих нитей медленно складывалось послание:

“Лойсу Тореодору Диггинсу Со всей поспешностью Явиться во дворец. ВИОЛАНТ.”

— Чёртов демон. Почему нельзя просто прислать письмо? Надо обязательно искалечить кого-нибудь.

Лойс постоял ожидая не будет ли продолжения, но других строчек не возникало. Тогда он смахнул высохшие капельки смолы, с неудовольствием глядя на пульсирующую болью руку. Ожог обещал быть сильным и нуждался в холодной воде и уходе. Вампир чертыхнулся.

— А такая была хорошая ночь! Надо было всё испортить!

Как ни велико недовольство, перечить Виоланту не приходилось. Так что, вместо столовой, он побежал отдавать указания по поводу скорого отъезда и оставляемого хозяйства. Про свою “золотую рыбку” он ненадолго забыл.

Тем временем, сама “Золотая рыбка” ничего не забыла. Джерри, как проклятый носился за разъяренным капитаном, вместе с такими же бедолагами, нося тяжелые тюки с награбленным. Отягощенный работой, он перестал обращать внимание на окружающую действительность. Мыслями уйдя глубоко в себя, раз за разом возвращался воспоминаниям к развязному рыжеволосому вампиру. Подробности проведенной с ним ночи, всплывали в памяти, безжалостно вгоняя в краску, стыд и злость.

Впрочем, жаловаться некому. Все члены команды в той или иной степени понесли урон от ночного нападения. Так что, Джерри скрипел зубами, но никому ничего не рассказывал. Ему хотелось побыстрее закончить работу и вернуться на корабль в свой хиленький гамачок. А лучше, в свою уютную шикарную спальню в своем уютном шикарном особнячке.

— Но, стоило всплыть этой мысли, как Джеральд возмущенно откинул её в сторону. Ещё чего! “Уютный особнячок”! Столько страдал, что не хочет бессмысленной, сытой жизни и всё, стоило нарваться на неприятности, как появился какой-то там “особнячок”!

На очередной выгрузке, на этот раз в ювелирной лавке, среди общего рассыпанного по столу товара, Джерри попала на глаза знакомая вещица. Самого торговца не было, за прилавком стоял подмастерье и Милош, в ожидании старого знакомого, трепался с его учеником. Джерри бросило в пот от волнения. Крупный розовый кварц, подаренный ему два года назад отцом на совершеннолетие, невинно посверкивал полированным гранями. Не зная того, что находится внутри, можно запросто ошибиться с его ценой. Но Джерри отлично знал эту цену и боялся, что её может знать и сам торговец. Камень же, отобрали у него в самом начале, вместе со всем имуществом и теперь его нужно во чтобы то ни стало вернуть.

— Простите, сер. — Джерри рискнул вмешаться в разговор, подойдя вплотную к прилавку. Он сразу протянул руку и взял из сваленной кучи драгоценностей розовый камень. Знакомое тепло, тяжесть и форма, согрели ладонь. Это действительно его камень и он больше не позволит его отнять. — Но это принадлежит мне.

Капитан, меньше всего ожидавший подобного маневра от захудалого графского сосунка, восхищенно присвистнул.

— Тебе, говоришь? А если не дам?

— Украду и убегу.

— М-м, по тропиночке брата идёшь, да?

— Нет. Я сам по себе. — Джерри храбрился как мог, до белых костяшек сжимая желанную добычу, но привычный страх начал предательски скручивать живот. Болезненными картинками в мозгу вспыхивали возможные варианты жестокой расправы со стороны пирата и дальнейшие мучения дорвавшейся команды. И от этого, рука с камнем дрожала сильнее.

— Сам значит...ну-ну. — Милош, успевший распродать большую часть товара, подуспокоился и подобрел. Поэтому, внезапная просьба желторота, его скорее забавляла, чем злила. Он и так знал, что камень — дрянь и не выбросил его за борт только из жадности. Но расстаться с такой мелочью без боя было не в его духе. — Раз каменюка твой, скажи хоть на кой ты им так дорожишь?

Джерри одновременно ожидал и боялся вопроса. В голову не лезло ни одной стоящей легенды, но нужно придумать хоть что-то и он брякнул первую пришедшую на ум глупость:

— Этот камень подарил мне отец на совершеннолетие. Сказал, что с помощью него, я найду свою любовь.

Громогласность последовавшего хохота оказалась столь впечатляюща, что задрожали расставленные на полках побрякушки. Пираты и подмастерье согнулись пополам, краснея от смеха и периодически вдыхая воздух, чтобы зайтись в истерике. Веселье продолжалось несколько минут, пока в лавку не вернулся сам хозяин. Пунцовый от стыда и обмана, Джерри мгновенно спрятал добычу в карман, чтобы цепкий взгляд взрослого вампира, не мог обнаружить камень.

С трудом восстановив дыхание, Милош по-отечески положил руку на плечо дрогнувшего под этим весом, Джерри. Потрепал по голове, довольно прижал к себе, как прижимал бы впервые познавшего женщину, сына.

— Ну, что я говорил? Настоящий самец! Даже на случай любви у него камешек припасен! — Он отпустил побелевшего под странным пристальным вампирьим взглядом, Джерри. — Ладно уж, береги и дальше свое “сокровище”. У меня итак достаточно настоящего богатства. Да, Лирки?

— Хозяин лавки, пожилой и сухопарый вампир, наигранно улыбнулся и кивнул. Довольный собой и весёлым инцидентом, Милош, деловито прислонился к заваленной золотом и камнями стойке.

— Так что, будет торговаться?

— Несомненно. — Губы вампира выполнили трюк с почтительной улыбкой, но колкий взгляд его то дело цеплялся за притихшую на заднем плане фигуру “желторота”. Джерри изо всех сил пытался игнорировать, но выходило не очень. Каждую секунду казалось, что вампир вот-вот разоблачит его и отнимет драгоценный розовый кварц.

А бояться, на самом деле было за что: Внутри непрозрачных структур камня смиренно покоилась одна из самых опасных видов жемчужин. В среде знатоков, такой жемчуг зовётся “черничным” или “черничковым”, потому как имеет сильное сходство с ягодой и по цвету и по форме. Добыча его всегда смешана с высоким риском, так как хранящаяся в жемчужинке энергия, крайне нестабильна и может детонировать от любого достаточно сильного сотрясения.

Поэтому, такой жемчуг помещается в специальные “каменные хранилища”. Не специалисту сложно отличить “пустой” камень, от “камня с начинкой”, но опытный глаз легко определит содержимое. И Джерри правильно перестраховался, так как “Лирки” принадлежал как раз к таким “специалистам”.

Но большую ценность, камень представлял из-за того, что подобный жемчуг мгновенно раскупался и тот, что украшал его шею, был единственным на весь Платус. Именно поэтому, такой жест отца, носил поистине широкий размах.

Закончив торги, через каких-то два часа, они, покинули лавку, отправившись к последнему на сегодня пункту сбыта. Лишь отойдя на пару кварталов, Джерри почувствовал,

как разжимаются на сердце невидимые когти. Каждая секунда под неусыпным вампирьим дозором давалась ему с величайшим трудом. Он едва заставлял себя на ерзать и тупо смотреть в пол, пока капитан, не утруждавшийся подобными тревогами, вволю трепался, на жалкие гроши набивая общую цену. От ювелира тот вышел очень довольный собой и, к величайшему облегчению Джерри, ничего не заподозрил.

Осталось спрятать камень за пазуху и никому больше не отдавать и не показывать. Что Джерри и сделал. Только ощутив медальон на груди, он по-настоящему успокоился и выдохнул. С таким “оберегом” можно и дальше ввязываться в приключения. По крайней мере, у него всегда будет чем ответить.

После пережитых потрясений, Тревис не приходил в себя три дня. Сказалась и пришедшая вслед за гангреной лихорадка. Он метался в жару и бреду, пока рука заживо гнила. Никакая улучшенная регенерация не справилась с чрезмерным разрушением тканей и некроз приобрёл пугающий размах. Приведённый хозяйкой дома лекарь, оглядел пациента, но отказался от попыток спасти мёртвую конечность. Вечером второго дня, он провел небольшую операцию, ампутировав руку целиком, по плечевой сустав. После этого, на полкорпуса перевязанный Тревис, вернулся в мир живых, впервые заснув крепким, лечебным сном. В этом сне ему виделась Кесс, она улыбалась и что-то упоенно рассказывала. Он слушал её и ни о чём больше не думал.

Пробуждение вышло резким и неприятным. Попытавшись перевернуться на постели, организм, не привыкший к отсутствию важной части, не удержал равновесия и полетел с кровати. Сон выбило из Тревиса вместе с самообладанием. Он заорал от резкой, ввинчивающейся боли в плече, панически вертясь и пытаясь обнаружить достопятную правую конечность. Встать на ноги удалось не с первой попытки. Одурманенный сном мозг, не мог справиться с убийственной мыслью реального отсутствия руки.

На крики, в комнату вбежала оторвавшаяся от готовки обеда, хозяйка. Полненькая, миловидная женщина со светлыми короткими кудрями, одетая в синее домашнее платье, испуганно застыла в дверях.

Тревис же, переживал полноценную истерику. Шок от осознания ужасающей невозвратности, накрыл с головой, утрируя боль и неудобства до невероятных высот. Ещё чуть-чуть и он снова потерял бы сознание, но появление в помещении женщины, уберегло. Он кинулся к ней в неосознанном поиске спасения, как к зажженной во мраке лампадке.

— Где моя рука?! Куда дели мою руку?!

— Е-её отрезали. Лекарь сказал, иначе вы могли умереть от сепсиса.

— Что? — Тревис не знал значения этого слова, но призрачная уродливость общего смысла, мрачной тенью повисла в воспаленном воображении.

— Извините меня за то, что не могу подобрать нужных слов для утешения, но мне действительно жаль, что так вышло. Вы ещё совсем молоды и эта травма... — Она смутилась, опустив глаза. Перевязанная грудь Тревиса ходила ходуном. Из одежды на нём имелись только штаны. Худая, бледная фигура его, устрашающе покачивалась над замершей на пороге хозяйкой.

— А моя девушка? Она и правда умерла?

— Девушка? — Чёрные глаза вампирши удивленно вскинулись. — Я не знаю ни про какую девушку. Вы потеряли её одновременно с рукой? Вы дрались с кем-то?

— Дрался? Да...с врагом. — Оступение, пришедшее на смену истерии, сделало из Тревиса заторможенного болванчика. Воспоминания тяжело пробивались сквозь вязкую пелену. — Кесс...

— Кесс? Так звали девушку или врага? — Тревис поглядел на запутавшуюся вампиршу пристальным, больным взглядом.

— Я хочу посмотреть на её могилу.

— На что? Какую ещё могилу? Вам нельзя никуда выходить в таком состоянии. Рана только перестала кровоточить. Ложитесь, я принесу вам поесть. — Женщина запаниковала,

закрыв собой проход. Тревис сделал попытку прорваться, но был решительно остановлен и препровожден на кровать. Сил к сопротивлению у него не накопилось. — Вот так, а то могилу ещё какую-то выдумали! Отдыхайте, спешить вам некуда. Виолант доверил мне заботу о вас и я уж позабочусь, не переживайте!

Хозяйка хотела что-то добавить, но Тревис уже спал, мгновенно вырубившись после короткого эпизода бодрствования. Некоторое время она следила за тем, как он спит, то вздрагивая, то хмурясь, то принимаясь с кем-то нечленорздельно спорить. При этом обнажённая грудь его, стянутая бинтами, вздымалась и опускалась, притягивая к себе взгляд. Она рассматривала его в странном оцепенении, как нечто инопланетное, останавливаясь на отдельных частях тела:

Острые, выдающиеся на худом лице скулы, четко-очерченные брови, изящная форма губ, гармонично присоединённый к шее череп, небрежно покрытый сильно отросшими, грязными, спутавшимися волосами. Женщина вздохнула и пошла на кухню заканчивать готовку и греть таз тёплой воды, чтобы распутать эту сбившуюся чёрную паклю на столь прекрасной голове.

Четыре дня Тревис провел, как во сне. Он просыпался, ел принесенную еду, делал несколько кругов по комнате и ложился спать. На большее сил не хватало. Начавший бурное восстановление организм, тянул из него все соки. Голод, жажда и усталость по очереди мучили, накидываясь резко и неудержимо. Он метался между ними, как попавший в засаду зверь и нигде не находил покоя. Только к концу седьмого дня своего проживания в Угодьях, он окончательно вернулся в реальность. И то, благодаря ничуть не лучшему обстоятельству — просто с последнего срыва прошла неделя и ему вновь понадобилось выходить на охоту.

Тут-то на пороге комнаты и появился очередной незнакомец.

Тревиса, в своем своеобразном подземелье, успевшего отвыкнуть от ярких цветов, чуть не ослепила огненно-рыжая шевелюра вошедшего. Странная, “девчачья” коса, шедшая от самого лба, захватывала в себя все волосы, заначиваясь чуть ли не в районе поясницы. Прикипев к ней взглядом, он никак не мог оценить остального. Мужчину, между тем, порадовал произведенный эффект и он развязной походочкой прошёл внутрь неубранной, душной спальни без окон.

— У-у...какая вялая рыбка в нашем аквариуме. Знаешь, есть вуалехвосты, а тебя я буду звать вялохвостом. М-м? Нравится “вялохвост”?

Лойс Диггинс накануне прибывший в столицу и озадаченный необычным приказом, любопытно разглядывал своего подопечного. На короткой аудиенции у Виоланта, их царское величество огорошил поручением стать наставником для молодого вампира. Лойс, никогда прежде не выказывавший талантов к подобной деятельности, в первую секунду опешил. Но, после того, как ему “милостиво” разъяснили, что его ученик такой же попаданец, как и он сам, вампир немного успокоился. По крайней мере, ему стал ясен павший на него выбор. Среди высших, он действительно, был единственным попаданцем.

— Молчишь? Правильно. Хорошие рыбки всегда молчат. — Он два раза обошел кругом комнату, в подробностях рассмотрев хмуро-сидящего на кровати Тревиса. Остановился прямо напротив. — Это кто же откусил тебе плавничок? Ай-яй-яй, какая драчливая рыбка.

— Может перестанете уже называть меня рыбкой?

— А как же мне тебя называть?

— Меня зовут Тревис.

— Слишком сложно.

— Сложно? А вы, простите, кто такой и зачем пришли? — Тревис вызывающе зыркнул из-под сведенных бровей, не решаясь открыто хамить полному сил вампиру.

— Я-то? Да вот, проходил мимо, дай, думаю, загляну к миссис Фицвальд узнать как поживает ее неаполитанский выкормыш.

— Что за чушь вы несёте?! Какой еще “неаполитанский выкормыш.”?!

— Да это я про тебя, про тебя. Какая глупая и лишённая чувства юмора рыбка. — Мужчина второй раз обошёл кругом спальню, словно не мог долго стоять на одном месте. Наконец, сел на единственный свободный стул возле дверей. — Вообще так, слушай внимательно, вялохвостик: зовут меня Лойс Диггинс и я буду твоим учителем на ближайшее время. Сколько — не знаю. Наверное, пока ты не покажешь достойного результата.

— Какого ещё результата?

— Да любого. Мне нужно всего лишь научить тебя пользоваться своей силой. Научись и я свободен.

— А я?

— Ты? — Вампир глубоко-оценивающе оглядел его с головы до ног, распластавшись в конце недоброй улыбкой, — Пока тобой так увлечен дядюшка Виолант, можешь о ней даже не помышлять. Узнай, что ему от тебя нужно, дай ему это и, возможно, тогда он от тебя отстанет.

— Да кто отстанет? Что за Виолант?

— О, так вы не общались? Странно. Может, ты просто не понял с кем говорил? Водили тебя на беседу в такой милый, библиотечный кабинетик с чёрными канделябрами?

— Да-а... — Предчувствие чего-то нехорошего, заставило Тревиса поежиться. — Я думал, это местный начальник охраны или вроде того. Так того дядечку звали Виолант? И что он сильно важный здесь?

- “Сильно важный”? — На этих словах вампир не выдержал и неприлично захохотал, чуть ли не падая со стула. — “Сильно важный”?! Он и правда это сказал?! — Приступ смеха походил на истерику, отчего Тревис стал сомневаться во вменяемости смеющегося. Наконец, мужчина пришел в себя, утирая выступившие слезы. — Ой не могу, великолепный экземпляр! Много я повидал рыбёх, но такой тупой ещё не видел, честное слово! Так обозвать главного демона Угодий! И на тебя-то у него какие-то там надежды!

— Хватит обзывать меня рыбёхой! — Тревиса разозлило уничижительное обращение незнакомца и он вскочил, сам не зная, что будет делать дальше. С отсутствием руки он почти свыкся за последнее время, но с Тьмой так и не подружился, не зная как вызывать её силу по желанию. В бою с великаном всё произошло спонтанно и как-то само собой, так что он ничего и не понял.

— Р-ры-б-ка. — Рыжеволосый вампир произнес это по буквам, намеренно разделяя и растягивая звуки. Угольные глаза светились пьяным нехорошим азартом. — Рыбка умеет плавать в темноте?

Тревис вздрогнул, когда сгущенная, клубящаяся тьма жирными щупальцами вырвалась из тела мужчины. Ей хватило десятой доли секунды, чтобы спеленать, обездвигнуть, выгнуть болезненной дугой и ослепить. Он повис в воздухе, сдерживаясь, чтобы не заорать, так как стягивающие кольца, нещадно передавливали только что затянувшуюся рану. Перед глазами плясали цветные пятна. Его обнял мрак и в этом мраке не оказалось просвета.

— Плавай, плавай, вялохвост. Дёргай плавничком, а то мне становится скучно. Все же, я ожидал чего-то более впечатляющего. Ты же ни черта не умеешь.

— Отпусти. — Тревис, скорее проскрежетал это, чем сказал. Какое там “дергаться”, он говорить и дышать нормально не мог.

— Не-е-а...будем играть, милый. У меня сегодня такое заведённое настроение. Ты будешь в восторге.

Тревис не видел того, что происходит, но отчётливо уловил движение, порыв холодного ветра, скрежет, вой, а затем гулкое эхо большого пустого пространства. Они явно переместились. Путы ослабли и он упал на пол, не сумев удержать равновесия. Ладонь нащупала мокрый неровный камень. Должно быть, это очередная пещера. Путы спали, но абсолютная слепота никуда не исчезла.

— Это из-за тебя я ничего не вижу или здесь так темно?

— Для вампира не существует темноты, кроме той, которую он получает в подарок.

— Понятно. Верни мне зрение.

— Не-е-а...Иначе, какое же это обучение без препятствий?

Тревис понял, что его, так называемый, учитель, не отстанет пока не добьётся от него каких-либо результатов. А уж жалеть несчастного калеку, не будет и подавно. Пришлось скрипя зубы встать, чувствуя на себе насмешливый, пренебрежительный взгляд.

— Ну и что дальше?

— Как что? Дальше надо учиться, по желанию выпускать наружу свою Тьму и придавать ей форму. Это основное оружие любого вампира. Тебе уже случалось делать это, рыбка?

— Случалось. Один раз. Недавно. Когда мне пробрили руку.

— О-о...прекрасно. Плохие воспоминания — первый ключ к освоению силы. Их ценность в том, что они питают наши эмоции. Чем хуже и ярче воспоминание, тем большее пламя они разжигают в сердце. Тем яростнее рождаемая в ответ на них злоба и ненависть. Запомни, рыбка, ненависть — это синоним жизни для вампира. Если у тебя её нет — ты мертвец. Нас питает Бездна. Это наш Источник, как у Эльфов — Природа или “Остролист” как они ещё её называют. Как эльфам нельзя вступать на дорогу зла, так нам не разрешено с нее сходить. Да, эльф может носить в себе зёрна мрака и совершать плохие поступки, но, в конце концов, природа сожрёт его за это заживо. Так и вампир может выказывать доброту и совершать хорошие поступки, но только в равновесии с употребляемым для этого злом. Поэтому у нас существует, так называемая, “охота” — время когда пора добывать кровь и страдание, иначе, нам не выжить. Отрицание или игнорирование Источника — смерть, равно как для вампира, так и для эльфа. Человек — единственный волен жить, не завися не от чего и так, как решит сам. Ни Тьма, ни Свет не приняли его, одинаково отвергая. Зато, он единственный свободен. От того и ненавистен обоим нашим расам.

— Невероятно.

Картина мира стала проясняться. Подобная система давала многие ответы на скопившиеся, бесконечные “почему?”. Она расставляла фигуры по местам, на чёрные и белые клетки. Стала проявляться логика в движении полированных каменных пешек.

Тревис вдруг остро ощутил себя одной из этих фигур, небрежно выставленных на обнажённую, холодную доску. В его воображении, эта доска разрослась до размеров стадиона, а он так и остался маленькой фишечкой, неизвестно кого изображавшей. Клетка под ним стала размером с дом, ядовито зашипела, забулькала, заставляя ноги медленно погружаться. От неё пахло серой и плесенью. В её пространстве летал пепел сожженных костей. Тревису стало дурно. Он захотел вырваться из навалившегося видения, но не смог.

Слепые глаза видели то, что показывала ему заинтересовавшаяся им Тьма.

Следом, с невидимого, несуществующего неба пошёл снег. Снова. Медленный. Мерзкий. Отвратительно-белый. Гадский снег. Тревиса заколотило от гнева. С недавних пор он возненавидел его. Возненавидел всей душой. Потому что, после него всегда приходил ОН — призрак, неотступно следующий по пятам, как насланное проклятие. ОН являлся, чтобы уничтожить его душу, свести с ума, убить наконец.

ОН пришёл и на этот раз.

Точно такой, как всегда: огромный, белый, безмолвный, коронованный. Он вступил на клетку белого короля, сев на выросший именно для него трон. За ним, из снега пришла его армия. Конница, пехота, офицеры, выстроились блестящим ровным порядком, занимая положенные места. Сверкнуло ледяное оружие, inferнально заржали белые кони, глупыми аплодисментами захлопали серебристые узкие флаги.

Тревис замер на своей клетке, леденя от стужи и страха перед этим величественным войском. Он оглянулся, но никого не было за его спиной. Он находился в самом центре второго ряда, как раз напротив белого короля и являлся единственной чёрной фигурой на этом поле. При этом, самой жалкой из них.

Где-то на периферии затрубили невидимые трубы. Он понял, что игра началась. Боясь произвести движение, замер на месте, но от него ничего и не ждали. Белые ходили первыми. Великан из передней пехоты покинул строй. Тревиса пробило холодным потом, ноги порывались бежать с поля, но делать этого было никак нельзя и он остался.

Ходили черные.

Стоило Тревису подумать об этом, как откуда-то сзади раздался до боли знакомый, оглушающий автомобильный гудок. Вслед за звуком, появилась и машина. Она была черна и состояла из частичек пыли, но её форма не оставляла сомнений для узнавания. Это был старый отцовский фольксваген жук, когда-то имевший нежно-жёлтый цвет. Теперь же, его заменял призрак и этот призрак с рыком выехал вперед, загораживая собой оглушенного Тревиса.

Ход белых. Великан поднял руку бросая ледяное копьё. Голубая искра мелькнула в воздухе, насквозь протыкая маленькую черную машинку. Раздался металлический скрежет, звон бьющегося стекла, в воздух полетели чёрные, рассыпавшиеся из блокнота листы.

Тревису показалось, что он умер и попал в ад, где его кошмар постоянно повторяется. Ему снова и снова показывали эту трагедию. Снова его родители умерли, защищая его.

— Прекратите...

Ход чёрных. Вперёд выступила другая тёмная фигура. Тревис мгновенно узнал ее по коротким волнистым волосам и сумке через плечо. Кесс шла по-диагонали, проходя далеко через поле. Она остановилась на линии короля.

— Кесс! Стой! Уходи оттуда!

Она не слышала или не хотела слышать. Она остановилась и ход перешёл. Тревис ожидал второго копьё, но ни одна фигура не сдвинулась. Ход перешёл. Кесс продолжила путь по другой диагонали прямо к королю, остановившись на свободной перед ним клетке. Это был шах. На периферии заголосили трубы и после них настала полная тишина.

Сердце Тревиса билось, как бешеное. Он вспотел и продрог, взглядом прикипев к противоположной стороне поля. Хотелось кричать, но крик умер в груди. Он смотрел, коченея от страха и дрожа от волнения.

Пошевелился король. Белый великан ожил на троне, повернув жуткую каменную голову.

Сочлененья доспеха, пришли в движение, рука взялась за рукоять гигантского ледяного меча. Он встал с кресла, настолько превосходя противника, что было даже не смешно. Поднявшая голову девушка казалась маленькой мушкой на его титаническом фоне.

— Кесс! Убегай!!

Голос прорезался, но Тревис понял, что не сможет предотвратить неизбежного. Король сделал несоразмерно быстрый для такой громады, выпад, и голубая глыба меча врезалась в то место, где только что стояла девушка. Как и в реальности, на полу образовался ледяной саркофаг, полностью скрывший от глаз разорванное ударом тело.

Из глаз Тревиса потекли слёзы. Ход перешел к чёрным. Теперь он понял, что действовать должен сам. Он посмотрел под ноги — тьма обездвижила, поглотив уже по колени. Посмотрел на правую руку — она состояла из пыли. Белые ожидали. Снег беспрестанно падал на полированные плиты. Завивалась позёмка. Выл ветер. Молчали трубы.

Тревис посмотрел прямо перед собой. Вся жизнь замерла в этом мгновении. Что сделать? Что он может? Как поступить? Какой предпринять ход? Как сделать хотя бы шаг, если он не может сдвинуться?

Скорее всего, одну из этих мыслей он произнёс вслух, так как голос, что был снаружи его видения, ответил.

— Всё очень просто — нужно всего лишь придать своей тьме форму. Пусть сила обретет облик. Пусть ненависть станет доспехом, а ярость — знаменем. Пусть из мрака Бездны по твоему зову восстанет армия.

— Моя армия...

Новая, странная мысль, принесла за собой и новые, необычные ощущения: На секунду решив довериться им, Тревис с удивлением обнаружил себя сидящим на большом, черном кресле. Ноги освободились, а пол безучастно блестел белым полированным мрамором. Его отодвинуло на клетку назад. На место чёрного короля.

— Как мне собрать эту армию? У меня никого не осталось. Я один.

— Никто никогда не один. Мы всегда часть чего-либо. Тебе надо только позвать.

Тревис глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Он запомнил, что теперь его душа принадлежит Бездне и он может просить защиты только у неё. Он постарался вытащить из сердца всю скопившуюся злость и страдание, но...

Перед глазами снова встала Кесс. Её чудесный образ улыбался, они сияла даже после своей смерти, продолжая оберегать его. Тревис почувствовал, как сердце защемило тёплой волной боли. Трон под ним задрожал, рассыпаясь.

— Тревис! Источник! Иди к нему! Почему ты снова смотришь в другую сторону?!

— Но я всё ещё люблю её...

— Это провал. Возвращайся.

— Что?

Тревис очнулся лежащим на земле. Над ним склонилось недовольное лицо учителя. В складках рта явно значилось презрение, чёрные глаза смотрели уничижительно.

— Ты оказываешься такой слабак. И зачем я только трачу на тебя своё время?

— Простите. — Тревис неловко сел. Тело успело одеревенеть и замерзнуть. Он и сам чувствовал стыд, но, в то же время и некую гордость. Он был счастлив осознавать, что в сердце ещё есть любовь и Тьма пока не победила. Вампир точно прочитал его мысли.

— Любовь, Тревис?! Любовь?!

— А что такого?

— Я сдаюсь! — Мужчина яростно взмахнул рыжей косой, отворачиваясь. — Безнадёжно. Ничего кроме чёрного тумана ты не создашь. Виолант ошибался насчет тебя. Посредственность. — Он зашагал в темноту, намереваясь уйти совсем, но у самого выхода из каменного зала остановился, обернувшись. — Так, ещё, напоследок скажи-ка мне, какую цифру способностей тебе присвоили миграционщики при оценке? Три? Четыре? Может ноль?

— Десять.

— Идиот. Ты что, не расслышал меня? Три или максимум четыре?

Но Тревис упрямо встал на своём, отчётливо помня сказанное число, которому он никогда не придавал значения.

— Десять. Мне поставили десятку.

Приступ злого, самозабвенного хохота, наполнил зал гулом и грохотом.

— Десять? Бессовестная ложь. У меня шесть, а я — один из сильнейших. У Виоланта — девять, а сильнее него никого нет. Ты хочешь сказать, что у тебя десятка? Не поверю никогда в жизни.

— И не надо. Оставьте меня в покое.

— Уж не сомневайся. Оставим.

На этом, Лойс Диггинс ушёл, а Тревис остался один на один со своими мыслями. Первый урок дался с невероятным трудом. Он и не подозревал, что быть вампиром так сложно и что при этом совсем нельзя любить.

— Значит, любовь действительно, свет. Какое очевидное, но удивительное открытие.

Он опустил голову, совершенно устав. Но, неутоленный голод скребся, настойчиво порывая и напоминая о необходимости охоты. Вставать и идти хотелось меньше всего. Тьма поднялась на худые лапы и взглянула на него пустыми, белыми глазами.

— Фу, да понял я, понял. Какая же проблематичная раса. И почему я не остался человеком? Как было бы замечательно.

Те семь дней, что Тревис провел в беспамятстве, Пташ провел в бесплодных попытках прорваться в покои королевы. Несмотря на данное ему обещание, никто не спешил давать ему такой возможности. Объятый ревностью Топройд, отдал приказ не допускать разбойника даже до внутреннего дворца. Разъяренный Пташ метал громы и молнии, грозясь прорваться с боем, если его не пустят в ближайший день. Но, если эльфы и опасались этого, то не сильно, так как науськанный ими Гримуар, всегда был начеку и ни на секунду не выпускал свою “жертву” из виду.

— Кристи, ты такой скучный, когда мирный. Куда подевалась вся твоя спесь? Ты что, действительно стареешь?

— Отстань. — Пташ, уже успевший пожалеть о своем решении вести себя прилично на территории Эльферы, досадливо ускорил шаг, пытаясь “сбросить с хвоста” осточертевшего вампира. Пытаясь занять себя прогулкой, он пошёл бродить по ближайшему огромному саду. Гримуар, конечно, навязался следом.

— Нет, ты вспомни, как весело нам было, когда ты ещё не превратился в зануду.

— Три шрама поперек грудной клетки это по-твоему веселье?

— Ну я же так и не добрался до твоего сердца. А оно у тебя такое чувствительное. Ты же у нас страстная любовь королевы, а?

— Грим, мы сейчас опять подерёмся.

— О да, я уже устал этого ждать.

Пташ остановился поперек белой галечной дорожки, с силой потирая виски, глаза и переносицу. Вампир обошёл его спереди, намеренно сократив расстояние до неприлично близкого. Такого понятия как “личные границы” у него и вовсе никогда не существовало. Рост у них оказался примерно одинаковый, так что, открывший глаза Пташ уперся прямо в насмешливо-нарывающийся взгляд Гримуара. Его челюсть уже успела извратиться так, что стали видны клыки. Знакомая безуминка в расширенных чёрных зрачках, грозила перерасти в настоящее помешательство.

— Что, нападёшь прямо здесь?

— Да.

— У меня всё ещё при себе звезда.

— Плевать.

— Нет, совсем не плевать. — Пташ улыбнулся, впервые ощущая внутри себя позабытый с годами, азарт. Золотой медальон на его груди ощутимо нагрелся под рубашкой. — Именно из-за этого мы всё ещё с тобой беседуем, а не пытаемся друг друга порвать.

— Я попытаюсь. — Нетерпение вампира ощущалось столь явственно, что Пташу даже стало немного его жаль. Все мысли Гримуара бежали по его перекошенному от злобы лицу. Он практически дрожал от возбуждения, но, всё же, не нападал.

— Попробуй конечно, а я пока пойду дальше прогуляюсь.

Он сделал попытку обойти заступившего дорогу мужчину, но тот резко выбросил руку и глубоко впился когтями ему в горло. Пташ захрипел, вцепившись в удерживающую его кисть. Вампир медленно приподнял его над землёй, заставив повиснуть на захвате и задрогаться. С набегающим ужасом Пташ понял, что ещё чуть-чуть и ему просто сломают шею.

Впрочем, худшего не произошло. Остролист, наконец, обратил внимание на творящийся

беспорядок и золотая звездочка, ожив и соскользнув с цепочки, вылетела из-под рубашки. Крупная, размером с половину ладони, четырехконечная искра зависла в воздухе. Мгновение и из ее лучей вырвались длинные, золотые жгуты света. Они взвились над головой вампира и четырьмя раскаленными иглами насквозь пронизали его тело. Гримуар издал вой, похожий на рев раненого животного, разжал пальцы и упал, в агонии катаясь по белым камням. Пташ, не удержавший равновесие, упал рядом, круглыми глазами глядя на постигшую мужчину участь.

На крики прибежала дворцовые смотровые. В их рядах был и Топройд и вид его не предвещал ничего хорошего.

— Кристофер!! Что на этот раз?!

— Ничего! Это Остролист вдруг взбесился: обычно только барьер выставлял и всё, а в этот раз какие-то иглы выпустил. Они Грима насквозь проткнули.

— Идиот!! — Побелевший от гнева эльф, натурально орал, не имея другого способа выплеснуть накопившиеся эмоции. Остальные четверо спешно сплетали из растущих лоз носилки для вампира и наскоро оказывали ему первую помощь. — Отдай звезду немедленно!!

Выбитый из колеи Пташ, натурально испугавшийся за судьбу своего старого, но уже привычного врага, отдал восстановившийся медальон без вопросов. Он уже давно обязан был сделать это и только тянул, тем самым нервируя крайне терпеливых эльфов.

Наконец-то! Пока ты ещё кого-нибудь не убил! — Топройд буквально вырвал протянутую ему цепочку, обдав волной горячего ветра с песком. — Остролист всегда агрессивен вблизи трона, чтоб ты знал! И нечего здесь глазами хлопать! Вставай и проваливай отсюда!

— Я никуда не уйду пока не поговорю с ней. — Насколько бы он не был обескуражен случившимся, но тут снова набычился и уперся.

— Да твою же... — Эльф злобно искусал нижнюю губу, насильно сдерживая рвущиеся с языка слова. Зато пылающие оливковые глаза доступно выражали все его нелицеприятное мнение. Пташу показалось, что ещё немного и тот тоже кинется его душить. Гримуара, тем временем, подняли и понесли во дворец. Так что, они остались в саду одни. — Ладно, можешь сходить, раз от тебя по-другому не отвяжешься. Поговоришь, возьмёшь деньги и исчезнешь из столицы!

— Я хотел ещё остаться на свадьбу.

— Что?!

— Я останусь на свадьбу.

Пташ знал, что сейчас последует *взгляд* и заранее подобрался, чтобы выдержать очередной “просвет”. Но, Топройд не стал “светить”. Вместо этого, он вплотную подошёл к настороженно замершему Пташу, оказавшись выше на полголовы. Вокруг его, облаченного в зелёный шёлк тела, завибрировал воздух, создавая равномерный нарастающий гул. Потемнело. Сад вокруг затрепал и загудел. Поднялся ветер. Сверху упало несколько капель. Земля зашевелилась под ногами и едва устоявший на ней Пташ, увидел, как за спиной эльфа вырастает черная глыба корней и земли. И всё это с мокрым чавканьем и визгом закручивается, превращаясь в гигантского червя. Безглазая башка его, тем не менее, прозорливо повернулась в нужную сторону, зависая над ними угрожающей тёмной массой. Голос эльфа раздался над самым ухом.

— Мне очень жаль, что по праву рождения, я не могу совершать греховных

преступлений. Для тебя я бы развернул Бездну.

— Как хорошо, что это тебе не под силу. Королева была бы разочарована.

Ещё секунд десять длилось их безмолвное противостояние, пока Топройд не решил отступить. Червь отодвинулся и распался, деревья вернулись на место, посветлело. Откровенно разрушенной осталась только белая галечная дорожка.

— У тебя есть полчаса на разговор. После этого ты уйдёшь.

— Я...

— Ты действительно так сильно желаешь её смерти?

— Нет! Я совсем другое...

— Полчаса, Кристофер. Это мое последнее слово.

На этих словах эльф развернулся и ушёл. Пташ ещё с минуту стоял с отсутствующим выражением лица, глядя себе под ноги. Колени дрожали, глаза мутило от подступившей влаги. В груди точно развели огонь. Он посмотрел на свою правую руку — на внутренней стороне ладони виднелся старый, бледный шрам от ожога в виде четырехконечной звезды. Он получил его, когда украл артефакт и бежал с ним через лес. Тогда ему было очень больно. Сейчас, по прошествии двадцати лет, почти так же.

Пташ понял, что придётся уступить, даже если ему это совсем не нравится. Топройд так разозлился, что пошёл в настоящую атаку, не убоившись мести Остролиста. А ведь за такое, эльфа может ожидать и съедение заживо. Топройд знал это, но все равно пошел на риск во имя любимой. Пташ стоял на своем из-за неё же. В этом-то и была их основная беда — они оба отчаянно любили одну и ту же женщину, которая теперь умирала. И оба страдали из-за этого, и оба не могли смириться, каждый по-своему пытаясь её сберечь.

Отпущенные полчаса начались, когда Пташ переступил порог королевских покоев. Двери за ним с тихим скрипом закрылись. Он замер на пороге самой желанной спальни на свете. Лёгкий полумрак царил в ней, наряду с непостижимым спокойствием и умиротворением. В распахнутые окна залетал прохладный ветер, развевая белый шёлк распущенного балдахина. Дорогая изысканная мебель, в основном отделанная зелёным, несла оттенок затаенной торжественности. Плиты пола и лакированные поверхности блестели, как после дождя. Запах и тот напоминал напоенный влагой лес.

Не говоря ни слова, мягкими, кошачьими шагами он дошел до кровати. Отодвинул полупрозрачную, текучую ткань. Забыл о последних двадцати годах печали. Утонул в разлившемся ему навстречу океане тёмно-изумрудных глаз.

— Моя серая пташка. Ты всё-таки прилетел.

— Я всегда был в вашем саду, моя королева. Просто моё дерево отдалилось и голос несчастной птицы не достигал вас.

Он присел на краешек постели, сдерживая себя, чтобы не броситься и не заключить ее в свои объятия. Никакие следы болезни не затмили для него её былой красоты. Она предстала перед ним всё в том же блеске и сиянии, в которые он когда-то влюбился: Тихая, нежная, кроткая, великая, мудрая и любящая. Она олицетворяла собой все важные для него добродетели, как солнце освещая горизонты его мира. Он дышал её именем, молитвенно повторяя переливчатые слоги в моменты отчаяния и нерешительности. Он перестал петь, онемев от скорби быть отлученным от своего главного божества.

— Я так долго ждала тебя.

— Почему же не позвали? Я бы пришел по первому зову, вы знаете. Но ведь зова не

было. Эта брошенная в воздух просьба — единственная ниточка, которую вы мне протянули. Я даже не был уверен, не окажется ли она обманкой.

— Кажется, ты прав. Я слишком слишком углубилась в свои сны. Течения повседневных забот унесли меня далеко от поющего сада. Я бросила ждущую там меня птицу. Прости мне эту жестокость.

— Никогда ни за что не просите у меня прощения. Я вам этого не позволю.

Пташ понял, что весь дрожит. У него стучали зубы, сводило живот, в горле застрял непролазный ком, не хватало воздуха для полноценного вдоха. Он вспотел и покраснел. Болезненной вспышкой ощутил желание вскочить и убежать.

Внезапную паническую атаку остановило лёгкое прикосновение опущенной на его колено, руки. Подавляющей холодной волной прокатилась по телу ее отрезвляющая энергия. Спокойствие вернулось к Пташу вместе с самообладанием. Он глубоко, свободно вздохнул и так же глубоко выдохнул, уже без истерии глядя на понимающе смотрящую на него женщину.

— Спасибо. Сам бы я не справился.

— Знаю. — Она улыбнулась и он всё же не удержался от быстрого, страстного поцелуя в побледневшие от увядания губы. Он отстранился так же порывисто, как и приблизился, красный уже от стеснения за свою несдержанность.

— Прости. Я так счастлив снова быть с тобой, что голова кругом идёт. Я глупый, правда?

— Ты чудесный. Ты всегда таким был.

— Мне сказали, ты болеешь. — Он поспешить сменить тему, не в силах больше удерживать внимание на себе. Его разрывало от восторга встречи, от возбуждения близости, от зуда невысказанности. Казалось, ему дали всего секунду, чтобы передать всё, что копилось целыми годами. Он понимал, что это невозможно сделать за столь ничтожный срок и разрывался ещё сильнее.

— Это не болезнь, милый. Никто не болеет смертью. Она просто иногда случается.

— Я не верю. Ты выглядишь отлично. Уставшая, но, точно не умирающая. — Леди Лиалуара, действительно, выглядела не в пример лучше того, как было только неделю назад, когда говорила с Дейдарой. Лицо её посвежело и немного зарумянилось. Синяки побледнели и общая худоба уже не так бросалась в глаза. Она и правда производила впечатление человека, идущего на поправку. Даже большой живот смотрелся гармонично и естественно.

Она улыбнулась светло и открыто на это замечание, явно довольная сделанному комплименту.

— Это как раз просто объяснить. Посмотри в то кресло. Он уже два дня как занято моей гостьей.

Пташ даже не нашёлся, что сказать. Посмотрел в указанную сторону, но кроме большого нарядного, но совершенно пустого стула возле окна, ничего не заметил. И никого, что было более тревожно.

— О чём ты? Здесь нет никого кроме нас двоих.

— Здесь как минимум четверо, мой невнимательный: Ты, я, мой сын и Гастелла. Она пришла позавчера и с тех пор не покидает этого кресла.

— Гастелла?! Ты смеёшься надо мной? Сама смерть сидит здесь и сейчас и... почему?

— Конечно она пришла за мной. Но, видишь ли, проявила милость выполнить мою

последнюю просьбу и подождать до свадьбы моего старшего сына. С тех пор она сидит здесь и мы подолгу беседуем. И, знаешь, это чрезвычайно интересно — общаться с существом, видевшим момент зачатия вселенной.

— Она уже подняла вуаль?

— Только до половины лица. Это верный признак скорой, но не всегда неминуемой гибели. Впрочем, я не питаю иллюзий насчет будущего. В моем распоряжении всего несколько дней и потом невеста в чёрном уведет меня навсегда. Это уже решенный вопрос.

— А как же ребёнок? Когда он родится?

— Его достанут сразу после моей смерти. Остролист и Гастелла обещали мне сохранить ему жизнь и позволить спокойно провести операцию. Я всё ещё не теряю надежды передать ему вместе с последним вздохом, хотя бы часть своей силы. Может у него появится хоть какой-то шанс выстоять перед своим братом. Боюсь только, Фрейнгарт стал уже слишком силён.

— Как бы я хотел быть способным хоть на что-то повлиять.

— Ты уже повлиял. — Озабоченность женского лица мягко перетекла в приветливость. Напрягшиеся мышцы расслабились. — Ты сделал главное — нашёл и привёл цветочную девушку. Я виделась с ней, она прелестна. И я верю, что у нее хватит мужества взвалить на свои плечи непосильную для одного существа ношу: Выносить наследницу и взять на себя ответственность за всю страну, пока Фрей будет погибать в иллюзиях. Его век окончится ужасно. Я заранее оплакиваю эту судьбу, но не могу её предотвратить.

— Неужели он так плох?

— Не плох. Лишь весьма категоричен. Если нечто не отвечает его ожиданиям, он сразу же это отвергает. Для него нет ничего среднего — только оголенные крайности. Для правителя это большой недостаток.

— Может его изменит любовь?

— Я искренне верю в это, но не надеюсь. Он может просто не успеть её постичь, сторев быстрее, чем она начнёт его спасать.

— Ты говоришь такие страшные вещи столь спокойно.

Бледные губы раскрылись в дыхании смеха. Веселье загло золотые искры в зелёных глазах.

— Милый Пташка, ты бы тоже был спокоен с подобными гостями возле твоей постели. Многое выглядит по-другому с этой стороны.

Пташ, потерянный за последними оглушающими новостями, опять покраснел. Давно он уже так ярко не чувствовал себя бестолковым мальчишкой. Присутствие королевы эльфов кого угодно сделает таким. Разница между собеседникам была не то что огромна, а попросту всеобъемлюща. Взять хотя бы во внимание тот факт, что сама смерть прислушалась к просьбе умирающей.

Он помолчал, посмотрел на свои руки, одна из которых носила напоминание о его давнем воровстве, вздохнул. Разговор как-то неожиданно прервался и он не знал, что ещё хочет спросить. Слишком много информации вывалилось на него за короткий промежуток времени. Впечатления смешались, мешая нормально соображать.

— У меня будет к тебе просьба.

— Да? — Он даже не понял, как так быстро приободрился, в один миг растеряв и рассредоточенные мысли и отрывки неоформленных эмоций. — Какая просьба?! Я сделаю всё!!

— Тише, тише. — Она снова тихонько рассмеялась, удовлетворенная его реакцией. — Простая просьба, ничего страшного. — В противовес сказанному, зелёные глаза закрыло поволокой грусти. Даже кожа неувовимо сменила оттенок на более серый. — Я хочу, чтобы ты спел мне напоследок мою любимую песню. Ту, что про соловья и влюблённых.

— Да, конечно! Хоть сейчас! Так, как же она начиналась...

— Нет. — Очередное властное движение руки остановило начавшуюся бурю. Пташ замер в неудавшейся попытке вскочить. — Я хочу слышать твой голос, когда буду умирать.

— Нет! Я не буду петь! — Пораженный до глубины души, он всё-таки вскочил, в ужасе глядя на печальные, умоляющие его глаза. — Я сказал нет!

— Пожалуйста.

— Нет!!

Больше сил оставаться у него не было. Он выбежал из спальни так, словно за ним гнались с зажженными факелами и вилами. Его безумные глаза и ошалевший вид сбили с мысли даже подошедшего поторопить их, Топройда. Эльф удивленно остановился и вытянул лицо, провожая взглядом со всех ног бегущего человека. Никаких логичных объяснений подобному он сходу придумать не смог. Затем, с тревогой посмотрел в распахнутые настежь двери спальни. Там всё было без изменений. Значит, с королевой всё в порядке. Тогда, тем более не понятно, что произошло.

Озадаченный он вошёл внутрь, бережно прикрыв за собой створки. Леди Лиалуара уже ожидала его.

— Что это было? Он выбежал, как безумный.

— Я попросила его спеть. Мне будет страшно уходить в тишине. — Лицо её снова выцветло и постарело. Усталость грузом навалилась на перевозбужденное тело. Эльф присел рядом, бережно отводя с её лица за ухо, неловко упавший светлый локон.

— Понятно. А я хотел выгнать его уже сегодня. Он вернул звезду, кстати.

— Я знаю. Остролист шепнул мне.

— Ну-да, ну-да. — Он взял в свою руку её едва тёплую ладонь. — Что Гастелла?

— Тоже хочет услышать его голос.

— Правда? — Лицо Топройда выразило удивленную задумчивость. — Значит, двое на одного? Мне всё же придётся оставить до свадьбы?

— Да, позволь ему. Он не так ужасен, как ты думаешь. Он еще удивит тебя.

— Уже удивил. — Эльф слабо усмехнулся, ласково глядя на жену. Королева лежала с закрытыми глазами, медленно глубоко дыша, точно уже спала. — Отдыхай дорогая. Фрея видели на границе, так что, дня через два он уже будет во дворце. А там и свадьба.

Он нагнулся и нежно поцеловал её в лоб. Лиалуара уже спала. Он ещё с минуту смотрел, как она спит, потом осторожно погладил ее выпирающий живот, ощущая легкое шевеление внутри. Улыбнулся и перевёл взгляд на кресло. В нём никого не было, точнее, он пытался заставить себя так думать. Встал, поправил полог и вышел, столь же осторожно прикрыв за собой двери.

До конца мирной жизни оставалось всего несколько дней, уже измеримых часами. И он изо всех сил пытался насладиться каждым из них.

Пташ бежал не видя перед собой ничего. Какой-то потусторонний страх вселился в него, ледяными руками мертвеца хватая разгоряченное тело. Он бежал, пытаясь выпрыгнуть из собственной шкуры, лишь бы только избавиться от этого тошнотворного ощущения. Остановился он лишь споткнувшись о торчащий корень и полетел кувырком в разросшиеся

кусты можжевельника. Удар наполовину смягчился. Переспевшие синие ягоды недовольно посыпались с особо-подмятых веток.

Падение немного отрезвило лихорадящую голову. Загнанное дыхание стало потихоньку выравниваться, а сердце успокаиваться. Встать с зеленого ложа всё-таки пришлось, но местность вокруг оказалась незнакома. Вокруг высился лес и жилых помещений или хотя бы крыш дворца, видно не виднелось. Впрочем, тот же пострадавший куст, замыкавший собой одну большую гармоничную композицию растений, намекал на искусственное происхождение местности. Наиболее вероятно, Пташа занесло в неизвестную ему часть огромного дворцового сада.

Отряхнувшись, оглядевшись и припомнив детали предшествующих событий, он пришёл к унылой мысли, что повел себя по-идиотски глупо. Надо же было раскричаться, выбежать, заблудиться! Честно признаться, он так не делал даже в детстве. Хотя, вполне вероятно, просто этого не запомнил. Не зря же его со скандалом выгнали из семьи. Наверное, он изначально был “неправильный”.

Отчаявшись оправдать себя, он принял решение выбираться из леса и собираться в обратную дорогу. Рич, должно быть, уже устал его ждать. На свадьбу его всё равно теперь не пустят, а сама мысль о возможной песне, его пугала невероятно.

Но, всем благим намерениям Пташа не суждено было сбыться. Из леса ему навстречу невозмутимо вышла до бездны знакомая фигура, с которой он предпочел бы никогда в жизни больше не встречаться. В свою очередь, Топройд, без труда прошедший по следу обезумевшего человека, легко подговорил лес остановить того в нужном месте. Даже, милостиво позаботился о мягкой посадке.

— Опять ты! Я уже всё понял! Какого демона ты за мной таскаешься?!

— Во-первых, можно поубавить истеричность. Ты, всё же, в приличном месте. Во-вторых, мне кое-что тебе сказать.

— Достаточно уже сказал!

— Недостаточно. — Голос эльфа больше не переходил на крик, но ледышки в нем ощутимо плавали. — Королева просила меня позволить тебе присутствовать на венчании. Я не смею перечить её воле и разрешаю тебе остаться до этого момента. Жить будешь там же, где и сейчас. Трогать тебя никто не станет. Ходи, где вздумается, только ничего не воруй. Я буду за этим пристально следить. В остальном — полная свобода. — Он сделал движение, точно собрался уходить, но в последний момент передумал и остановился. — И ещё. Она хочет, чтобы ты спел. На твоём месте, я бы внял её последней просьбе. Не заставляй её уходить в тишине.

На этих словах, он резко развернулся и быстрыми, широкими шагами скрылся в чаще. Оглушенный и посеревший лицом Пташ, ещё минут десять стоял посреди безмятежно шелестящего леса и не мог прийти в себя. Страх, от которого он бежал, догнал его и вплотную приблизился, дыша в лицо смертным тленом и холодом. Пташ и сам не понимал, отчего ему так страшно, но сама мысль о подобной “песне” рождала в нем сильнейшие приступы паники.

Раненного, но уже не собирающегося умирать, Гримуара, решено было как можно скорее доставить в Угодья. Договариваться с дорогой доверили Эпискуру, пожелавшему самолично проводить приятеля до южной границы. Тем более, что его отсутствие на рабочей месте, итак излишне затянулось. Сам вампир не мог нарадоваться своей высылке, испытывая острые приступы голода из-за большой потери крови. Охотиться же на территории Эльферы во-первых, не разрешалось. Во-вторых, жертву искать пришлось бы слишком долго — маленькое количество людей, живущих в эльфийской стране, разочаровывало.

Эпискуру удалось в этот раз сократить дорогу до полутора дней, выпустив вампира на вольные хлеба максимально быстро. Гримуар потерял человеческий облик уже в дороге и выскочил за линию серебряных столбов, как ошпаренный, сразу разлившись тучей горячего кипящего мрака. Туча жадно растянула щупальца по всей линии предгорий и периодически разряжалась утробным звериным воем. Удовлетворенный успехом эльф, неспешно вернулся на свой пост.

Утолить своё буйство Гримуару удалось всего за каких-то четыре часа, унесших жизни как минимум шестерых неудачно забредших на обманчиво-свободную местность, людей. Никаких видимых пограничных строений или опознавательных знаков, у вампиров не было. Черта существовала только лишь в их сознании, безошибочно подсказывая границу дозволенного. Это частенько и сбивало одиноких путешественников, предоставляя их на расправу охотящимся. А если людям вздумалось самим ставить знаки, то их непременно уничтожал неизвестно откуда напозавший чёрный туман. Так что, обе стороны придерживались мысленной визуализации этой линии, учитывая ее при передвижении.

Угодья потому и назывались Угодьями, что являлись официальной территорией для охоты и всё, происходящее в их рамках, разрешалось. И-за этого правила, люди вполне могли жить на землях вампирьего царства, просто это граничило с неудобствами в виде постоянной угрозы нападения. Впрочем, на западе страны, примыкающей к морю Крови, на побережье протянулась целая цепь полностью человеческих и частично смешанных городов. За долгие годы там сформировалось подобие цивилизованной системы жизни и население почти не уменьшалось от непрерывных атак оголодавших низших. Однако, надо признать, большей частью жили в таких городах люди, гонимые из остальных мест: преступники, контрабандисты, каторжники, беглые рабы, пираты. В главный порт Угодий — порт Гастеллы, редко заходили корабли не под чёрными флагами.

Виолант, не преследуемый муками нравственности, позволял хаосу властвовать над душами своих подданных. В его интересах было предоставлять вампирам беспрепятственно охотиться, при этом, не влезая в прямой конфликт с человеческими государствами. В Угодьях все жили исключительно добровольно и добровольно же соглашались на поставленные условия. Таким образом, огромная энергия мрака, собранная в одном месте, не выплескивалась из своих невидимых берегов, до поры до времени сдерживаемая одной властной, могущественной рукой.

Эта же рука и направила Тревиса в ученики к Лойсу Торреодору Диггинсу и причину этому не мог найти ни тот, ни другой. Очередное, вялотекущее занятие и его провальные результаты, привели рыжего вампира в бешенство. За несколько дней попыток, он не

добился от худосочного, апатичного калеки, даже тумана.

— Да что с тобой не так?! Тупая ты рыба башка! Тебе же руку отгрызли, а не голову!

— Не надо кричать, я и сам не знаю почему не получается. Когда дрался с великаном, тьма откликнулась.

— Откликнулась?! И как же? Может тебе показалось, что она откликнулась, а на самом деле тебя просто приложили головой?!

— Нет. Я помню чёрный туман из груди и ещё что-то членистоногое, расползающееся под ногами.

— Фееричная ахинея! — Вампир всплеснул руками и развернулся, явно намереваясь уйти. Они снова тренировались в той самой знакомой с первого занятия, пещере. Тревис стёр стекающую на глаз кровь из разбитой брови и упрямо последовал за своим учителем. Заметивший это Лойс, взорвался негодованием. — Оставь меня в покое! Проваливай в свой тухлый аквариум и жри халаянный корм! Я не намерен больше тратить на тебя время!

— Но у вас приказ.

— Пошёл ты знаешь куда со своим приказом!! — Мужчина не успел доходчиво объяснить нужное направление, когда его настигла волна влажного, горячего ветра. В интонациях этого ветра, угадывался знакомый голос. Он повернул голову на поток и расплылся ехидной улыбкой. Выражение его лица, поменялось на мечтательно-увлеченное. — Так, вали к себе в нору, закопайся в ил и жди моего возвращения, а я пошёл встречусь кое с кем.

— Я иду с вами!

— Не понял? — Унёсшийся мыслями далеко Лойс, действительно не сразу понял смысла сказанного. Дикость слов превосходила все его ожидания.

— Я ваш ученик. Меня к вам назначил лично Волант и вы обязаны меня учить. Поэтому, я иду с вами.

— Эй, рыбка, твой вялый хвост совсем тебе на мозг надавил? Я тебя никуда не приглашал и потакать твоим капризам не намерен. Улепетывай спать.

— Я иду с вами.

Если бы кто-то в этот момент спросил Тревиса зачем ему это вдруг понадобилось, он бы не смог дать вразумительного ответа. Внезапно разгоревшееся упрямство занялось в его душе рычащим пожаром. Он набычился, напрягся, сжал кулак, ожидая очередной серии побоев и издевательств. За два дня тренировок, рыжий вампир успел отбить ему все доступные части тела. А от бесконечного туманного удушья, кружилась голова и мутилось сознание. Он бы и рад был упасть на подушку и уснуть, но что-то внутри него яростно этому противилось, буквально заставляя требовать своего.

— Ты псих, да? Скажи прямо.

— Я иду с вами.

— Заладил! — Лойс нетерпеливо посматривал в сторону горячего ветра. Наконец, терять время на препирательства ему надоело. — К чёрту! Тащись следом, вшивая ты улитка!

И Тревис потащился, в буквальном смысле, еле-еле передвигая натруженные, забитые ноги. Учитель его, конечно, сразу скрылся из вида, но это уже было и не важно. Первое, чему его обучили, это “Преследованию” — жизненно важный для любого вампира навык отслеживания цели. Используя его, можно пройти по стопам любого живого существа, как далеко бы тот ни ушёл. Естественно, как и всякое умение, оно нуждалось в регулярной тренировке и повышении уровня владения. На начальном этапе, “преследование” могло

оборваться уже и через шесть метров, но в прокаченном варианте — верхней границы и срока давности не существовало.

Также, “преследование” могло не сработать вовсе на существах, превосходящих преследователя в силе, без их на то добровольного согласия. Как и произошло только что с Лойсом. Так что, Тревис, вполне легко освоивший свой первый навык, не без внутренней гордости плелся теперь по следу высшего вампира.

Сам Лойс, немало взволнованный встречей со старинным приятелем, и думать позабыл про Тревиса. Он домчался по зову за каких-то пятнадцать минут. Гримуар, сытый после плотного обеда и плодovитой охоты, возлежал на диване с видом падишаха. В его личном доме, расположенном на центральной ветви столицы, имелась даже прислуга и повар. Гость ворвался к нему, минуя витую каменную лестницу на второй этаж.

— Гри-имми, ты ли э-это? Как я ра-ад. — От удовольствия встречи, Лойс снова стал растягивать гласные. Глаза его светились хищническим огнём. Выражение лица Гримуара отражало приблизительно ту же гамму эмоций.

— Ты долго. Думал, уже не придёшь.

— Да, ученик задержал. — Он брезгливо передернул плечами, по-кошачьи мягко подходя к дивану и опускаясь на корточки перед изголовьем. — Празднуешь?

— Только что из Эльферы. Меня, знаешь ли, там знатно покоцали. — Вампир отдернул расстегнутую рубашку, выставляя на обозрение четыре широких квадратных запекшихся следа — два под ключицами и ещё два под рёбрами. Раны выглядели зажившими, но тень тревоги всё равно незримо накрыла комнату. Лойс нахмурился, осторожно дотронувшись до ближайшей бардовой корочки. Она едва ощутимо пульсировала под пальцами, а кожа вокруг воспалилась и покраснела.

— Выглядит паршиво. Они сквозные? Чем это тебя так? У эльфов появилось оружие?

— Ха! Мир еще не перевернулся настолько, чтобы вооружать эльфов! — Он рассмеялся, но внимательный взгляд Лойса уловил толику расплескавшейся в чёрных глазах боли. — Нет, это Остролист. Разъярился не с того ни с сего и проткнул меня двенадцатой звездой.

— Подожди, двенадцатая, это та, которая...

— Да! Которую свистнула Пташка ещё двадцать лет назад! С ним-то мы и повздорили как раз, перед этим.

— Пташ в Эльфере?! Как его туда пустили?! Он же в изгнании!

— О-о, ты же не в курсе. Это занимательная история, слушай.

Тревис доплелся по следу и зашёл в хозяйскую спальню уже когда рассказ подходил к концу. И первое, что он услышал, это имена своих друзей.

— Так вот, эта малолетняя эльфийка...

— Которая Дейдара?

— Да. — Гримуар сменил своё лежачее положение на сидячее, запустив руки в распущенные рыжие волосы. Лойс с откровенно блаженствующим видом сидел на ковре на полу, облокотившись спиной о диван, доверив переплетение своей шикарной косы, другу. Появление в комнате постороннего нисколько не смутило обоих. Они бы и дальше продолжали не обращать внимания на пришельца, но Лойсу, в меру своих обязанностей пришлось отвлечься.

— Дошёл-таки? Садись, вон стул в углу.

— М-м, твоя новая рыбка? Какая-то облезлая для любовника.

— Какой там! Говорю ж, ученик. Виолант подкинул.

— Что, сам прям и подкинул?

— Ага. Учю вот теперь. Не представляешь, такая тупая рыба попалась. — Лойс скривился, пытаясь вернуть себе блаженствующий настрой, но назойливое присутствие ученика, мешало нормально расслабиться. Гримуар, как следует расчесав рыжую гриву, с удовольствием намотал её на кулак, заставляя друга поднять на себя голову, наклонился и поцеловал в губы, попутно порывивая и натягивая волосы сильнее. Тревис вспыхнул до кончиков ушей и отвернулся, уставившись на разложенный, потрескивающий камин. Усталость с него как ветром сдуло.

Гримуар первый подал голос, невозмутимо продолжив прерванный рассказ и вернувшись к плетению “колоска”. Тревис, все еще горящий от смущения слушал спиной. Довольный произведенным эффектом Лойс, зажмурился от удовольствия. Если бы он был кошкой, комнату бы наполняло мурчание.

— Значит, эта самая Дейдара притащила с собой друга в столицу. Эпискур, конечно, не воспрепятствовал. Ему-то первому плевать.

— Да уж. Как он там, кстати, поживает?

— Нормально. Что ему сделается? Та же заносчивая сволочь, что и всегда.

— Но вы же дружите.

— Да... — Рот Гримуара расплылся в плотоядной улыбке. — Дружим.

Лойс рассмеялся, вставая, чтобы посмотреть на себя в большое, стоячее зеркало у стены. Покрутился, поглаживая идеальную косу. Поймал в отражении, устремленный на него недвусмысленный взгляд. Скосил глаза на прямую, как палка, спину ученика.

— Эй, ты, вялохвостый, свали на время. Своего ты добился, по следу прошёл, теперь шуруй домой. Встретимся завтра.

— Кстати, завтра, вроде как ожидается свадьба. Фрея будут женить на этой самой Дейдаре.

— Что?! — Тревис подскочил, обернувшись и уронив под собой стул. Упоминание обоих друзей в речи вампиров, несказанно его обрадовало. За всеми своими приключениями с великаном, Кесс, рукой и Лойсом, он, к своему стыду, забыл об окружающей действительности. Поэтому, испытал немалое облегчение, услышав, что его друзья всё ещё живы и снова вместе. Но, к новости о свадьбе, он был не готов. — В смысле “будут женить”?! Дейдара украли, чтобы выдать замуж?!

Вампиры недоуменно переглянулись. Гримуар первый догадливо сузил глаза.

— Знакомая твоя, что ли?

— Подруга! Мы вместе в этот мир попали.

— А-а...ну, поздравляю с благополучной концовкой. Она будет женой короля. Это почетно.

— Какого ещё короля? С какой стати?

— Мда-а...и правда тупая рыбка. У него там, случайно не “ноль” в способностях?

Лойс закатил глаза, издав звук, похожий на “пфф”.

— Если бы. Утверждает, что у него “десятка”.

Гримуар обидно расхохотался, вставая и приближаясь вплотную к тут же напрягшемуся Тревису. Вампир был выше всего на какой-то сантиметр, но ощущался натуральной горой. Комья мускулов, не прикрытые скинутой до этого рубашкой, ярко контрастировали с щедеушностью самого Трева.

— Вот эта калеченная водоросль “десять”, а я всего “пять”? Как-то обидно.

— Да брешет. Я два дня пытаюсь из него хоть что-то вытянуть. Даже тумана не добился.

— Странно. — Угольные глаза Гримуара не отрывались от внимательного созерцания, запоминая каждую черту в облике побледневшего Тревиса. — Может, проверим? Вроде бы, доступ к линзе открытый.

— Кстати, отличная идея! Почему я сам не догадался... — Лойс ожил, возбужденный мыслью такой простой проверки. — Сейчас ходим?

— Почему бы и нет. А потом с тобой договорим.

К вышеобозначенной “линзе”, они пришли четверть часа спустя, добравшись до самого дворца и спустившись вниз на несколько уровней. Доступ в это помещение, действительно оказался свободным, но толпы желающих, что примечательно, не виднелось. Сюда заходили редко и единожды. Постоянно здесь делать было абсолютно нечего.

За безликими деревянными дверями обнаружилась простая квадратная комната, совершенно пустая, не считая одного — единственного предмета посередине: Большой прямоугольный кусок красного стекла диаметром в два метра, покоился на прочном каменном возвышении. Толстая золотая оправа массивного корпуса, внушала уважение. В комнате не было окон, поэтому воздух наполнял рой красных мельтешащих светляков, дающих ровно столько света, сколько надо вампиру для комфортного зрения.

Тревиса, восторженно застрявшего на пороге, грубо втолкнули внутрь, велев встать напротив линзы. Сами вампиры обошли её с другой стороны, чтобы видеть его через стекло. Никаких особенных ощущений Тревис не почувствовал. Да и никакой магии в незамысловатом процессе оценки, не было. Просто только слои этого вида камня могли улавливать невидимый спектр силы, определяя его цветом, размером и интенсивностью. За счёт чего и выставлялась оценка.

Так как линза не показывала отражений, своих параметров Тревис увидеть не мог. Зато, хорошо рассмотрел силу обоих своих спутников, очень похожую на изображение ауры в его мире. У Лойса она переливалась в глубоком темно-синем спектре, при этом, образуя широкий массив лучей вокруг тела. У Гримуара сила носила красивый нежно-голубой оттенок, распространяя сияние вокруг себя значительно скромнее. Тревис припомнил упоминавшиеся числа и сопоставил синий с “шестеркой”, а голубой с “пятеркой”. В голове мелькнула дурацкая мысль про радугу и пропала, смытая окаменевшими лицами вампиров, круглыми глазами установившихся на стекло. Точнее, на него, через стекло.

— Что?

— Чтоб мне сдохнуть и переродиться бабой! Это “десятка”!! — Ошалевший от удивления Гримуар, подпрыгнул на месте, подскочив к линзе и чуть ли не носом уткнувшись в стекло, пытаясь высмотреть какой-то другой оттенок цвета. Оторопевший Лойс, наоборот, завис в растерянности, молча глядя на пылающую чёрную субстанцию вокруг тела тщедушного безрукого мальчишки. Вне всяких сомнений, этот оттенок завершал парад цветов, следуя после “белой” девятки. Виолант единственный обладал сходной мощью, но его аура ослепляла. Эта же — буквально пожирала свет, поглощая абсолютно все его частички, так что, казалась нереальной, невольно внушая жутковатый трепет перед собой.

— И правда десятка... Я в шоке.

— Слушай, мне вот сейчас мысль пришла — а вдруг это сынок Виоланта? — Гримуар, захваченный озарившей его мозг идеей, наконец, отлип от стекла, тыча пальцем в растерянно моргающего Тревиса.

— Да нет, откуда бы? У него был сын, но Дала давно умер.

— Ну, я не знаю с кем он там спит. Может, это Кесс ему родила.

Гримуар заржал над собственной шуткой, а Тревиса, всё это время слушавшего вампиров с определенной долей равнодушия, точно пронзило молнией. Он разом вспотел и затрясся. Свежая рана в сердце раскрылась и закровила. С трудом он заставил себя разжать сведенные судорогой зубы, чтобы задать вопрос.

— О чём вы говорите?

Лойс нахмурился и напрягся. Чернота за стеклом затопила всю раму. Даже Гримуару подобная картина поубавила спеси и вернула лицу некоторую серьезность. Он отшагнул подальше от нагревшейся и мелко затрясшейся, линзы. Не дождавшись ответа, Тревис задал второй вопрос.

— Почему вы упомянули это имя?

— В смысле, “Кесс”? — Отвечая, Лойс машинально следил за быстро ползущей линией глубокой радиальной трещины. — А что не так с ним? Так звали невесту Далы — безродную человечку, наделенную даром лекаря. Вроде как, они познакомились во времена войны и она даже приняла сделанное ей предложение. Но женой так и не стала — Дала погиб при странных обстоятельствах и Виолант взял её под своё крыло. Это было самое время основания Угодий. Я тогда ещё не родился и в этот мир не попал, а узнал всё чисто из сплетен. И что же из этого, тебя так раззадорило?

— Но Кесс умерла.

— Конечно, ещё лет триста назад. Ну, может, двести пятьдесят. Люди, всё-таки, редко доживают здесь хотя бы до семидесяти. А она, вроде как, скончалась молодой.

Тревис почувствовал, что земля уходит из-под его ног, а безумие грозит накрыть уставшую голову. Он сделал последнюю попытку убрать схожее недопонимание.

— А как она выглядела?

— Без понятия.

На помощь Лойсу неожиданно пришёл Гримуар.

— О, это я могу сказать, видел разок гравюру во дворце, они там с Далой во весь рост изображены. Такая, знаешь, миловидная девчонка лет двадцати на вид, с волнистыми русыми волосами до плеч, синими глазами и скромненькой улыбочкой. Даже не подумаешь при встрече, что может так виртуозно крутить сильными мира сего. — Вампир, по природе своей быстро отходящий от стресса, опять вспомнил про свою шуточку. — Поговаривали даже, что она замутила с Далой, чтобы добраться до постели Виоланта. По крайней мере, они после трагедии были очень близки.

— Нет же... — Мир вокруг Тревис снова превратился в сон. В этом сне земля под ним провалилась и он падал в темноту. Сияющее солнце Кесс замигало сломанной лампочкой, изламывая насмешливые тени и выплевывая куски воспоминаний. В них, они сидели на постели и девушка рассказывала историю своей любви, где она была невестой вампира. В них она упоминала имя друга, предоставившего ей беспрепятственный доступ в Угодья. В них она выживала при нападениях, знала всё обо всём, обладала бесчисленным количеством навыков. Кротко улыбающаяся Кесс, в минуты опасности преисполнялась смелостью, собранностью и выносливостью.

И она умерла, пытаясь защитить его.

Или не умерла?

Кто она на самом деле?

Почему вокруг неё столько тайн?

Что он действительно знает о ней?

И знал ли он её когда-либо?

— Я должен встретиться с Виолантом. Хочу услышать это лично от него.

— Вряд ли Эста захочет тебя видеть.

— Эста?

— Полное имя Виоланта — Эста Виола Риарваль. Ты не знал?

— Риарваль... — До Тревиса только сейчас дошел смысл сказанного. Кесс в его голове четко произносила это имя. Они ещё с Марсом подумали, что это имя женщины. А это был... — Виолант?! Так я же с ним встречался!

— Ну да... — Лойс, почувствовавший ослабление в уровне силы, решил не терять столь удачного шанса улизнуть. — Ты и сейчас можешь попробовать с ним встретиться. У тебя же “десятка”, попробуй встать на преследование, может у тебя и выйдет. — Он сделал знак Гримуару и оба вампира стали продвигаться к двери. Тревис, оглушенный и потерянный под лавиной мыслей, новостей, воспоминаний и догадок, не замечал их движения. Он очнулся только на стук захлопнувшейся двери, неожиданно оставшись в одиночестве.

Красные мотыли под потолком теперь кружили ровным кольцом, центруясь на Тревиса. Линза жалобно звенела, раскалываясь длинными молниеобразными трещинами. Тьма в груди, встала во весь рост, издавая низкий горловой звук, от которого с потолка начала сыпаться каменная крошка.

Надо представить в голове образ: Черные канделябры, зелёное перо, невыразительное, сухое лицо, подсвеченное пламенем свечей. Затем преисполниться ярости. О, этого предостаточно: одна фраза “были очень близки”, легко справилась с этой задачей. Тревис закипел от гнева, с дрожью омерзения представляя беззащитную Кесс в отвратительных руках старого вампира. Последним шагом нужно проложить тропу: Она вспыхнула рубиновой пульсирующей нитью, как натянутый сосуд. Тревис взялся за неё, ощущая ауру существа, находящегося на другом конце. Эта аура ослепила, но не остановила преследователя.

— Виолант, ты мне всё расскажешь.

Тревис сорвался места, без труда облекаясь плотным чёрным туманом. Красное стекло за его спиной взорвалось тысячью визжащих осколков. Мотыли, получившие несовместимый с жизнью, энергетический удар, попадали замертво сухим, шелестящим дождём, погружая комнату в безраздельный, удушающий мрак.

Как и предвещал Топройд, Фрей вернулся через два дня. Он вошёл в столицу на рассвете, но никто уже не спал. Приближение Короля почувствовали даже дети, проснувшись, как от толчка и заплакав. Взрослые эльфы, не осведомленные о делах дворца, люди и даже вампиры, ощутили накатывающие волны силы. Они вызывали безотчётную тревогу, заставляя суетиться, щёлкать замками и заглядывать в окна.

Казалось, даже солнце проливает золотой свет в подобострастии. Торжественность зардевшегося неба, походила на распростертые приветственные флаги. Птицы трубили восхваляющий гимн, чётким строем усаживаясь на ветвях впереди своего идущего повелителя. Деревья и камни уступали дорогу, грузно переваливаясь корнями и комьями. Шелковая зеленая дорога идеальной молодой травы расстилалась на несколько шагов вперёд. Природа встречала своего господина со всей энергией любовного трепета.

Но больше всех, возвращения Фрейнгарда ожидала Дейдара. Она всю ночь не могла сомкнуть глаз, нервно нарезая круги по отведенным для неё комнатам. От волнения отказалась есть принесенный ужин и к рассвету усталость и голод прибавились к общему мандражу. В похожем состоянии находился и Марс. Разница заключалась лишь в том, что он от еды отказываться не стал. Поэтому, когда принаряженную Дейдару повели в малую тронную залу, карауливший всю ночь под дверями Марс, бодро прицепился следом. Отгонять его не стали, позволив сопровождать и поддерживать подругу.

Малая тронная зала представляла из себя объемное вытянутое в форме овала помещение с полностью стеклянной куполообразной крышей. Венчало его два скромно украшенных деревянных трона на небольшом возвышении. Не приходилось гадать кому они принадлежали: В большом кресле обыкновенно восседала королева Лиалуара. В малом — наследный принц. Оба они сейчас пустовали.

Дейдару провели, поставив в первом ряду заполнившей залу толпы. Марс навскидку предположил человек, точнее, эльфов двести, а то и триста. Из людей он отметил только себя и мелькнувшего на противоположной стороне Пташа. Почти все разговаривали между собой. Зал гудел, как всполошённый улей. Эльфийский диалект и человеческий смешались в одну неразборчивую массу. Но что особенно удивило, так это полное равнодушие к самой будущей невесте короля. На неё едва ли бросили парочку ничего не значащих взглядов.

Сама Дейдара, такому “холодному” приему, только обрадовалась. Ей и так хотелось провалиться сквозь землю от стеснения, и отсутствие внимания к своей персоне, оказалось как нельзя кстати. Её одели весьма приятно: В длинное, богато украшенное камнями шелковое зеленое платье. Заплели цветы в прическу, слегка покрасили и обули в премилые изумрудные башмачки. Но, несмотря на всю прелесть наряда, ощущала Дейдара себя всё той же уютской оборванкой в потертом джинсовом комбинезоне. Даже зеркалу, отразившему красивую юную эльфйку, она не поверила, поспешно отвернувшись. Она не могла быть такой. Это было противоестественно.

Когда прокатилась первая осязаемая волна силы, разговоры в зале разом смолкли. Головы присутствующих повернулись к высоким двустворчатым закрытым дверям. Глаза каждого устремились ко входу. Дейдару затрясло. Заметивший это Марс, украдкой сжал её холодные, трясущиеся пальцы.

— Марсик, мне страшно.

— Не бойсь, я рядом!

— Вдруг он...

— Что? Съест тебя?

— Нет...

— Вот и не думай об этом. Сейчас вы только увидите, ничего больше не будет. Даже выходить не понадобится, я спрашивал. Стой на месте и всё.

— Я боюсь. — Голос Дейдары жалобно задрожал, но Марс не дал ему перейти в слезы, крепко сжав её ладонь. Ему ещё захотелось её приобнять, но соседи стали с некоторым вниманием поглядывать на них. Он глухо выругался и оставил эту идею.

— Я бы с удовольствием украл тебя отсюда, но, боюсь, это нереально. Меня или тут же свяжут или убьют караулящие снаружи вампиры.

По снисходительным улыбкам окружающих, Марс понял, что угадал. А, также, лишний раз убедился насчёт отличного эльфийского слуха. Дейдара говорила, что у неё не всегда выходит поймать нужное состояние, чтобы так слышать — нужна долгая практика, концентрация и тренировка.

Вслед за первой волной последовала вторая и её как следует прочувствовал даже Марс. Рой мурашек бодрым дивизионом промаршировал от самых пяток до макушки. Как ни стыдно это было признавать, но разница между ним, как женихом и ЭТИМ с каждой секундой только увеличивалась. Эльфийский принц еще не даже не появился, а поле его влияния уже доставало до каждого.

Что же касается Дейдары, то она находилась на грани обморока. Её оливковые глаза впилась в белую древесину створок, ожидая их раскрытия, как загнанная добыча ожидает выстрела в голову. Страх подключил спрятанные механизмы и слух её обострился, уловив мягкие, приближающиеся шаги. Два поворота. Один. Секундная остановка и обе двери распахнулись ворвавшимся в них порывом ветра. Вместе с ветром, в залу влетел целый ворох кроваво-красных кленовых листьев, словно целое дерево в одночасье сбросило крону. Они вспыхнули в белизне зала огненными языками, выстилая под ноги своему властелину, алую дорогу к трону.

Фрейнгард Остролистый вступил на этот путь не раздумывая.

Дейдара впервые вживую увидела своего будущего мужа. Его облик настолько разительно отличался от эстетично — портретного, что она даже икнула от неожиданности. Картины всегда изображали его юным, нескладным подростком лет семнадцати. Врождённый альбинизм наградила этого подростка нежной светлой кожей, белыми прямыми волосами, но не голубой, а красной радужкой. И в этих глазах, тщательно прорисованных на холсте читалось одно и то же выражение невинности, смирения и печали. Дей подолгу вглядывалась в них, пытаясь разобрать о чём же он думал в те моменты, как его писали.

Но, сейчас перед ней находилось совершенно другое существо: Белые прямые волосы на висках переходили в длинные тонкие косы с прозрачными переливающимися бусинами. Белые брови застыли в надменности. Рубиновые глаза, драпированные белоснежными ресницами холодно озирали собравшуюся толпу. Линия рта таила злую усмешку. Левая щека пересекалась глубокой свежей раной, как от пореза. Перламутровая кожа на лбу и открытой части шеи носила следы подживших ожогов. Вместо классической свободной туники, его облачением служил белый военный мундир, очень похожий на те, что носят в Партаскале. Тонкие кисти прятались за белыми же перчатками.

Это уже был не тот вспыльчивый, ранимый, болезненный юноша, страдающий от

всеобщего непонимания и насмешек. Это уже был король, совершенно отчётливо представляющий цену своему уродству и силу своей власти. Фрейнгард не повёл и бровью на побледневшие в удивлении и ярости лица окружающих. Не смерил шага от возрастающего вокруг себя ропота. Он спокойно пошёл по алому листовенному ковру, сопровождаемый проникающими сквозь крышу солнечными лучами. Остановился он лишь раз, четырёх шагов не дойдя до тронного возвышения. Остановился, чтобы небрежно повернуть голову, беззастенчиво и придирчиво рассматривая подготовленную для него невесту.

Откровенный ужас, вспыхнувший в глазах в ответ на его внимание, заставил Фрея испытать резкий прилив гнева. На секунду ему захотелось причинить боль этому взгляду. Он намеренно позволил своим глазам пропустить больше света из Источника, чем требовалось, без труда проникая в самую глубину чужого существа.

Дейдаре показалось, что она умирает. Презрительный алый взгляд стал тем самым ожидаемым выстрелом, стальной пулей ввинчиваясь в нежную, податливую душу. Её раскалённое движение принесло с собой острую, жгучую боль, схожую с физической. Дейдара распахнула рот в немом выдохе, хватаясь за грудь и оседая на колени. Марс тут же подхватил её, не дав упасть, при этом вызверившись на невозмутимо отвернувшегося эльфа.

Фрейнгард продолжил движение так, словно и не останавливался, поднявшись по трем ступенькам и сев на малый трон. Никто не позволил себе ни единого комментария по поводу произошедшего небольшого эпизода. Будто, ничего существенного и не случилось. Марс клокотал от ярости ко всему этому глубоко эльфийскому сброду, желая всем им как можно скорее сдохнуть. Дей, обессилив, висела у него на руках и Марсу, наконец, дали разрешение увести её в покои. Роль невесты на сегодня была благополучно исполнена и большего от неё не требовалось.

Фрей если и заметил это перемещение, то значения ему не придал. Всё, что ему требовалось узнать о своей будущей супруге, он успел почерпнуть за то единственное мгновение прямо из её души. Воспоминания, привычки, детали рождения и жизни, страсти и страхи, мысли и устремления девушки перетекли в его память. Ему хотелось приступить к неспешной дегустации этого коктейля, но ситуация не располагала. Он мысленно отодвинул полученную информацию на “потом”, сосредоточившись на реальности.

А реальность не замедлила себя явить в лице вышедшего из толпы Топройда. Эльф прошел по дорожке, остановившись на приличествующем расстоянии от трона, произнёс ритуальное приветствие и соответствующе поклонился. Лишь получив в ответ короткий кивок, он позволил кипящим внутри эмоциям отразиться на своём лице.

— Вы переходите все границы, мой принц. Королева умирает, вы безмолвно исчезаете, а потом являетесь в военной форме Партакаля?! Что это значит?!

— Если это всё, что вас интересует, можете утешиться ответом: “мне так захотелось”. А потом поскорее возвращайтесь к моей матери, что ж вы бросили её на смертном одре? Неизвестно сколько ей ещё осталось.

Топройд, хоть и не хотел никого посвящать в интимные детали договора с Гастеллой, но тут не выдержал и вспылал.

— Очень даже известно. Она решила уйти сразу после вашей свадьбы.

Судя по недобро сверкнувшим глазам Фрея, эльфу не стоило этого говорить. Топройд отчаянно похолодел, накрываемый чудовищным осознанием своей ошибки. Но, сказанного не вернешь и принц широко, удовлетворенно улыбнулся, расслабленно откидываясь на спинку. Бусины в его волосах искрились отраженным солнцем.

— Что ж, зачем доставлять умирающему столько мучений в ожидании неизбежного? Проведём свадебную церемонию сегодня на закате.

— Но, Фрей! — Топройд, буквально захлебнувшийся негодованием, забыл об уважительной речи. — Ты не можешь так поступить с матерью! Леди Лиалуара не заслуживает такого конца от рук собственного сына!

— Какого конца, Топройд? — Голос принца сделался мягким, почти бархатным, а глаза потемнели. — В окружении семьи, после благополучной женитьбы своего первенца, благодаря которой должна будет появиться долгожданная наследница престола. Что не так?

— Всё...так. — Топройд понял, что проиграл этот бой. Он покраснел, набычился и спешно покинул дорожку.

Фрейнгарт довольно оглядывал притихшие, ошарашенные и местами испуганные лица. Никто не смотрел на него с восхищением. Он задумчиво постучал ногой по полу, встал и громко объявил всем присутствующим:

— На этом аудиенция закончена. Жду вас всех на свою свадьбу.

После этого, он спустился по ступеньками и неспешно покинул залу. Толпа перед ним расступилась на манер моря перед известным нам с вами, персонажем.

Время до вечера пролетело незаметно. Вся столица пришла в неописуемое движение: спешно украшались улицы, наряжались жители, готовились кушанья, расстилались ковры и развешивались фонарики. О подробностях утренней встречи, стало известно почти каждому. Сплетни передавались с ажиотажем лесного пожара. Почти все эльфы пребывали в озадаченности: С одной стороны радость от благополучного разрешения сложной ситуации с бесплодием принца и надеждой на будущее рождение новой королевы. С другой — почти насильственный захват трона, с ускорением кончины любимого всеми правящего монарха. Отравленная ощущением близкой трагедии, радость, неприятно жгла светлые души, заставляя эльфов морщиться и с тревогой поглядывать на стеклянный дворец.

Внутри самого дворца царил точно такой же хаос и спешка, как и снаружи: Хлопали двери, пахло пекущимся хлебом, все бегали, позабыв о ровном течении жизни. Разноцветный шёлк одежд мелькал в коридорах наподобие крыльев вспугнутых сверчков. Шум стоял примерно такой же.

Нелегко приходилось и Дейдаре. Благодаря утреннему стрессу, ей всё-таки удалось провалиться в спасительный сон, но уже через каких-то шесть часов ее тактично растолкали и повели готовиться к предстоящей свадьбе. Новость о настолько подвинутых сроках, вместо обещанных “может, через недельку”, разбудила в ней новую волну паники. Она даже попыталась сбежать, растолкав удивленных девушек-служанок. Далеко уйти ей не дали. Поднявшийся в коридоре встречный ветер, подул с такой силой, что ослепшая под жестокими порывами Дей, не смогла сделать и пары шагов, упав на пол и закрыв голову руками. Ветер тут же спал. Кто-то услужливо её поднял и помог вернуться в комнату. От стыда она даже не взглянула на своего “помощника”, скорее всего и явившегося причиной её падения.

Приготовления шли до самого вечера. Дейдару не отпускали ни на минуту, в конце концов, так замучив, что она сдалась и позволила делать с собой всё, что угодно. Ей завили волосы, украсив их золотой диадемой с нитями хрустальных бусин. Надели длинное со шлейфом золотое платье исключительно эльфийского вида и кроя с вышитыми растительными узорами. Подвели глаза и губы нежными, тёплыми красками. Глядя на себя в зеркало, уставшая Дейдара не могла в нём обнаружить себя. Её место заняла незнакомая

девушка, вышедшая из сказки, но никогда не ломавшая ключицы. А ведь, господин Пташ учил её никогда не забывать про свои травмы.

Пока Дей пребывала в унынии насчёт своего неестественного образа, двери покоев резко распахнулись, как от удара ногой. В проеме появился принц. Служанки, шнурующие корсет, охнули, а главная из них побледнела, встав со стула и не зная, что сказать такому неожиданному гостю.

Сам Фрей не смутился ни на секунду. Он по-хозяйски зашел внутрь, придирчиво оглядывая свою остолбеневшую, уже подготовленную и наряженную невесту. Невозмутимо потрогал золотой шелк, небрежно подбил пальцами бусины диадемы.

Это снять, волосы переплести, платье долой. — Закончив с шокирующими распоряжениями, он повелительно повернулся к старшей служанке. — Иди за мной, расскажу во что её одеть.

На этом сумбурное появление принца окончилось и он ушёл так же импульсивно, как и появился, уведя за собой эльфийку. Дей осталась стоять перед зеркалом со взглядом отображающим многое, но точно не понимание происходящего.

Уже перед самым закатом ей принесли экстренно сшитый новый свадебный костюм. Именно “костюм”, потому как состоял он из тёмно-зелёного парчового...комбинезона и белоснежной блузки с широкими рукавами-фонариками, узкими манжетами, высоким воротником под горло и имитацией военного мундира на груди с рядами золотых пуговиц. На ноги полагались темные же, мягкие полуботинки.

Дей в первую секунду подумала, что над ней смеются или она заснула и ей мерещится всевозможная ерунда. Но, серые, кислые лица одевающих её служанок говорили о серьезности подобного наряда и предположение о сне немилосердно развинчивалось.

Дополнительного удивления удостоилась и причёска: Диадему убрали, а все волосы заплели в косички, убрав их назад и украсив хрустальными бусинами, жемчугом и даже золотыми заклёпками и грузилками. Макияж изменили на более выраженный и страстный. Пальцы утяжелили крупными золотыми перстнями.

Когда образ был завершен, Дей, не успевшую и разглядеть себя как следует, повели по коридорам и залам к месту церемонии. Общий регламент ей объяснили накануне и она лихорадочно вспоминала его, чтобы ни дай бог не опозориться и что-нибудь не напутать. Перед самыми дверями большой тронной залы её попросили зайти в небольшую боковую комнатку с креслами, столиком, вазой с фруктами и целой зеркальной стеной и подождать.

Дей послушно кивнула, скромно усевшись на диванчик и когда закрылась дверь и она, наконец осталась одна, шумно выдохнула, устало “растекшись” по мягкому сидению. Свадьба ещё не началась, а она уже чувствовала себя выжатой до капли. Глаза слипались, в животе бурлило, непривычно стянутая косичками кожа головы, зудела и чесалась. Вспомнив про них, Дей любопытно поднялась, чтобы нормально и не торопясь рассмотреть себя в зеркале.

В целом, новый образ ей нравился больше предыдущего. Да, он мог считаться чересчур вычурным и диким для королевской эльфийской свадьбы, но, в данной ситуации, с таким “заказчиком”, вполне мог вписаться. По крайней мере, Дей ощущала себя в нём вполне комфортно и привычно. Всё-же, комбинезоны всегда были ее любимой одеждой...

Странная мысль сверкнула в ответ на это умозаключение. Любимой одеждой? Не мог же он пойти против всех установленных порядков только из-за того, что ей нравятся комбинезоны, а не платья? Потому что, в них — она привыкла чувствовать себя собой?

— Бред.

Дей, сама убоявшись своего предположения, решительно перевела внимание блузку. Тем более, что с ней тоже что-то было не так: Красивая, идеально сидящая по фигуре, выгодно подчеркивающая достоинства, она, в тоже время, напоминала ей о чём-то, накрепко затертом в сознании. Размышляя, она легонько гладила многочисленные, вшитые в рукава и воротник жемчужины. Они едва уловимо нагревались под пальцами и чуть светились. Дей припомнила рассказы Пташа об эприте, сразу узнав его и невольно присвистнула, осознав какое состояние сейчас просто украшает её грудь. Да, эльфы не могли пользоваться магией этих жемчужин, но это не значило, что они от этого теряли свою цену.

— Обалдеть...Здесь же эприта на несколько миллионов, а может, и больше.

Дей в жизни не знала таких денег. Подобные суммы не помещались в её мозг, всегда оставаясь за гранью реальности. Она привыкла к бедности и обноскам. Привыкла искать украшения в цветах и улыбке. Сейчас же....

Воспоминание, пробившееся сквозь плотную пелену забвения, вылезло, накрыв её с головой. Она увидела себя — маленькую девочку, которую ещё не отдали в детдом. Она крутилась напротив зеркала, хихикая и разглядывая себя со всех сторон. На ней была стащенная из шкафа мамина рабочая блузка. Белая. Расшитая дешевым пластиковым жемчугом. Хранящая запах. Ласковыми объятиями касающаяся голых плечиков холодным шёлком.

Из глаз Дей потекли слёзы. Блузка была той самой, только перешитой и вместо пластика, усыпанной баснословно дорогими камнями. Она даже вспомнила запах, он окружил её и обнял. Она шла под венец вместе с мамой в её самой дорогой и любимой вещи.

Открылась дверь. В комнату зашёл принц, одетый в похожий тёмно-зелёный с золотом костюм. Он прошёл к зеркалу, встав рядом с навзрыд плачущей Дейдарой. Затем обнял её за плечи и крепко прижал к себе, спрятав её лицо у себя на груди. Так прошло несколько минут. Никто не торопил их, не заходил и не мешал. Фрей успокаивающе гладил её голову и спину, давая полностью излиться горю, позволяя перейти в тихую грусть.

Когда Дейдара смогла прийти в себя и перестать тереть распухшее от слез лицо, Фрей отпустил её. За дверью всё-таки тактично кашлянули. Принц подал руку. Дей сконфуженно шмыгнула носом и оглянулась на отражение, ожидая увидеть смазанный макияж, но он оказался совершенно нетронутым. Кроме общей красноты, лицо было в порядке. Чуть успокоившись на этот счёт, она стеснительно вложила пальцы в мужскую ладонь. Робко подняла глаза, встречаясь с внимательным, размышляющим рубиновым взглядом.

— Спасибо...за всё.

— Не за что.

— Я думала вы другой. — Дей, вспыхнувшая от смущения, уткнулась глазами в пол.

— Какой же?

— Страшный.

Красноглазый эльф рассмеялся, выходя в распахнувшуюся перед ними дверь. Большой тронный зал уже был полон народа и замер в готовности грянуть торжественным маршем. Пара замерла перед высокими серебряными дверями. Когда двери раскрылись и хлынувшая музыка оглушила Дей, она всё же услышала тихий ответ на свое обвинение.

— Я такой и есть.

Большая зала заслуживала своего названия — её вместимость достигала тысячи человек. По форме помещение напоминало четырехлистник клевера. Идентично с малым залом, полностью застекленная крыша, разделялась золотой четырехгранной звездой на четыре же, равных купола. В зал открывались три двери по одной с севера, юга и востока, образуя идущими от них дорожками, своеобразный перекрёсток в центре. Западная сторона, отводилась для высоких витражных окон и стоящего перед ними единственного золотого трона.

В этот раз, к удивлению многих, трон не пустовал. Королева Лиалуара, собрав в кулак всю свою волю и крупницы силы, смогла лично прийти на свадьбу. Она сидела в непередаваемой торжественности, облачившись в любимое бордовое с золотом платье. Лицо её, худое и выцветшее, ловко закрыли макияжем, поредевшие, жидкие волосы заплели цветами и бусами, истончившиеся запястья спрятали под удлинённым рукавами, большой живот задрапировали слоями платья. Рядом с ней, по правую руку от трона стоял официально одетый Топройд, хмурый как туча. Всё остальное свободное пространство зала занимали гости.

Фрей мягко потянул за собой затормозившую на входе Дей и они неспешно пошли по бордовому ковру к стоящему далеко напротив, трону. Музыка не замолкала, сверху на всех сыпалась блестящая золотая крошка, исчезающая прежде, чем чего-нибудь коснется. То и дело пролетали небольшие стайки опаловых бабочек, садящиеся на стены и четыре витые колонны, поддерживающие свод. Восхищенная Дейдара не знала куда смотреть, чтобы увидеть всё сразу. Ей хотелось вертеть головой, восторженно охая, но приходилось сдерживаться и сохранять более или менее достойный вид.

Когда они прошли “перекресток” и встали перед троном, музыка сделала финальный громкий аккорд и затихла, погрузив зал в равномерно шуршащую тишину. Королева тепло улыбнулась, поднимая в приветствии руки. Если вызывающий вид пары и смутил ее, виду она не подала. Как следствие, поутихло и общее на этот счёт, возмущение в зале.

— Дети мои, я так рада иметь возможность лично присутствовать на вашей свадьбе. Признаюсь, это стало моим самым жарким желанием последних дней. Спасибо Той, что позволила мне это сделать.

В ответ на приветствие, Фрейнгард церемониально поклонился. Растерявшаяся Дей, в панике забывшая, что ей следует делать, поспешно склонилась как смогла, залившись стыдом до кончиков ушей.

Королева благосклонно кивнула.

— Я хотела бы сказать очень многое. Слова рвутся наружу неудержимым потоком, восторг переполняет мое старое сердце, желая быть высказанным. Но, к сожалению, я не могу себе этого позволить. Меня уже давно ждут и всякое промедление угнетает моего провожатого.

Невозмутимо державшийся Фрей, на этих словах вздрогнул, с неподдельной тревогой вглядываясь в полные призраков, полупрозрачные глаза матери. В груди его болезненно ждалось. Он осознавал близость её кончины, но до последнего не признавал её. Теперь же, в свете красных закатных лучей, льющихся из окон, он увидел краем глаза ускользящий женский силуэт, облаченный в черное подвенечное платье. Гастелла смиренно стояла с

левой стороны трона, надежно скрытая от глаз живых. Фрей смог увидеть её только благодаря кровной связи с матерью и близостью к трону Остролиста.

Дей, конечно, ничего этого не заметила. Она сжалась от стеснения, не без робости поглядывая то на величественную королеву, то на её мужа, то на беспечно сающихся на золотое кресло голубокрылых бабочек.

— Поэтому, не станем и дальше тянуть этот священный момент и приступим к церемонии. — Леди Лиалуара подобралась, явно желая встать, но немедленно легшая ей на плечо рука, остановила начавшееся движение. По лицу королевы пробежала тень неудовольствия, но тем она и ограничилась, расслабившись на сидении и широко улыбнувшись обращенным на неё ожидающим взглядам. — Итак, я спрашиваю тебя, Фрейнгард Остролистый, согласен ли ты взять в жёны Дейдару Марию-Сьюзен, принять её в дом Дор и признать матерью своих будущих наследников?

Дейдара, испуганно округлила глаза от своего настоящего имени, произнесенного во всеуслышание. Остальной смысл фразы заставил её занервничать еще больше. Она ждала, что принц скажет: “Нет, не согласен. Выгоните её кто-нибудь отсюда. Это явно какая-то ошибка”. Но, он ответил совсем другое.

— Да, согласен.

Теперь подошла её очередь. Ладони вспотели, а коленки задрожали.

— Теперь я спрашиваю тебя, Дейдара из дома Дор, согласна ли ты принять свой титул и свою обязанность и стать женой наследного принца Эльферы, Фрейнгарда Остролистого?

— С-согласна. — Скорее пропищала, чем ответила Дей, попеременно то краснея, то бледнея от сменяющихся стеснения и страха.

— В таком случае, я принимаю ваше решение и даю согласие на этот брак. Но, прежде, чем я объявлю вас законными супругами, попрошу пройти испытание Остролиста. Он проверит чистоту ваших помыслов и искренность ваших намерений.

Дейдара напрочь забыла, что ей говорили об этом испытании, но Фрей взял всё в свои руки. Они вернулись к перекрестку, встав ровно по центру лицом друг к другу и боком к трону. В следующий миг огромная золотая звезда над ними вспыхнула, по ней прошла сеть молний и под конец, из сердцевины упала большая янтарная капля. Дей успела увидеть как та без звука вошла в ковер, полностью растворившись в нём. Половину секунды спустя из места падения, проклюнулся зеленый росток. Он сразу же принялся расти и ветвиться, с немыслимой скоростью поднимаясь всё выше, пока не достиг полутора метров в высоту.

Дейдара, наблюдавшая за этим чудом, удивлённо узнала и само растение: Острые, плотные, темно-зеленые, резные листья и красные ягодки опознал бы любой, кто когда-либо праздновал рождество.

— Так это же остролист!

Фрей, недоуменно поднял бровь.

— Ну да.

— Простите. — Дей смущённо опустила глаза и заткнулась. Её слух чутко уловил тихие смешки окружающих.

Ритуал, тем временем, продолжался. Королева велела каждому положить правую руку на центр куста. Стоило выполнить сказанное, как к расположенным рядом ладоням, потянулись зеленые лианы, они плотно обвили запястья на манер наручников. Дей не отрывая глаз следила, как сверху руки медленно покрывают острые блестящие листья. Когда она уже хотела задаться вопросом для чего это, шипы на кончиках ластов безжалостно

вонзились в кожу.

От неожиданности, Дей вскрикнула и задёрнула рукой, пытаясь вытащить её из плена. Но лианы держали очень крепко, не позволив прерваться испытанию. Сам Фрей на укол боли не среагировал никак, молча взирая на мучающуюся Дейдару. Что было в этот момент в его голове, неизвестно.

Когда позеленевшей до мушек в глазах Дей, показалось, что рука онемела и отнялась, захват лиан ослаб и куст в считанные секунды ушёл под землю так же, как и появился. Ожидая увидеть вспухшую, синюю, истыканную в кровь кисть, она, страшаясь, посмотрела на неё. Однако, никаких следов не осталось.

Закончив с испытанием, они вернулись к трону. Теперь королева должна оценить состояние их рук, а, соответственно, чистоту помыслов и намерений. Только убедившись в отсутствии царапин и ран, она могла объявить их мужем и женой. Но леди Лиалуара неожиданно отошла от заведенного порядка и не потребовала осмотра. Вместо этого, игнорируя повторный жест Топройда, она тяжело поднялась с кресла.

Наконец, наступила эта минута, когда я могу быть спокойна за судьбу своего сына. Я с удовольствием объявляю вас законными супругами и вверяю вам эту ответственность. Но, прежде чем прозвучит торжественный гимн, я хотела бы сказать кое-что тебе, Фрейнгард.

— Матушка... — Фрей, наравне с отчимом переживавший за состояние матери, слушал и всё время косился на подозрительно ожившую Гастеллу. Невеста в чёрном опёрлась на подлокотник кресла и по спине принца прошёл холодный озноб. — Может позже? Тебе надо отдохнуть.

— Нет. — Королева, побледневшая даже под слоем краски, твердо остановила его. — “Позже” — непозволительная роскошь. Я должна сказать тебе это сейчас.

— Что? Что сказать? — Фрей, уже откровенно буравящий взглядом Гастеллу, потерял всякое терпение. Он видел, как она приближается к матери, недвусмысленно протягивая руку к её груди. — Нет! — Он не смог больше терпеть и побежал вверх по ступеням, в надежде опередить смерть хотя бы на мгновение. — Отойди от неё!

Никто не понял, что произошло. Никто, кроме самой Лиалуары, не разобрался кому вдруг так неистово закричал принц и зачем так резко рванулся к трону. Все увидели только неожиданно оборвавшую свою речь королеву и затем её безвольно падающее тело. Фрейнгард успел уберечь её от падения со ступеней, но не успел обогнать тонкую белую кисть в черных кружевах.

Про застывшую столбом Дейдару и про свадьбу, все как-то разом забыли. Поднявшаяся вместе с внезапной кончиной монарха, суэта, заглушила собой остальные заботы. Фрей вместе с Топройдом спешно переносили тело Лиалуары в её покои. Туда же сгонялись дежурившие наготове лекари. Требовалась срочная операция для запертого в утробе ребенка. Необходимо было извлечь его как можно скорее из умирающего тела матери. Проблема усугублялась особенностью эльфийского обряда погребения, которого, по-сути, не было. Вместо него...

— Быстрее! — Потерявший выдержку Фрей, орал на непозволительно медлящих “хирургов”. Он изменился в лице, заметив в окне тёмное, увеличивающееся, мерзко шевелящееся облако, услышав недоброе жужжание, стрекот, клекот, рык и топот сотен живых существ. Его бешеный взгляд встретился с застывшим взглядом отчима. — Я задержу их, доставайте!

Фрей встал напротив окна, насильно заставив себя успокоиться. Глубоко вдохнул,

медленно выдохнул. А затем, поднял разведённые в стороны руки и дворец содрогнулся. Жалобно зазвенело стекло, серую пыль выбросил пошатнувшийся камень. Похолодало. Дотлевающую после ухода солнца, линию горизонта заволокло тучами. Поднялся ветер, хлынул дождь. Рассвирепевший ураган неистово разматывал плотно сцепившийся птичий комок. Бедные животные, лишённые разума, но ведомые самым сильным для них инстинктом в этом мире, не могли прекратить попыток добраться до желанной цели. Их ослепляло, калечило, оглушало, но они продолжали ползти к замку, срывая в крике горло и не чувствуя боль.

Для защиты от наземных зверей, Фрею пришлось возвести каменный форт вокруг всего дворца. Гранитные монстры выкорчевывались из-под земли, со стоном и визгом трущихся минералов, устанавливая несокрушимые стены. Первые добравшиеся до них волки, собаки и рыси, от набранной скорости, разбились насмерть, не в силах полноценно владеть своим телом или сойти с пути. Еноты, лисы, белки, хорьки и мыши устремлялись наверх уже по их трупам, ловко цепляясь за каменные уступы и торчащие корни. Прорвавшийся сквозь рев бури, шмель, грузно упал на подоконник, устало пульсируя пушистым полосатым телом.

Фрей посмотрел на него, как на нечто неизбежное.

— Вы скоро?! Они будут здесь с минуты на минуту!

Но ответить ему не успели. Вместо них, это сделал измученный, продрогший, но живой ребенок, хрипло закричавший от первой в своей жизни порции воздуха. Фрей, на секунду забывший о происходящем, замер, со странным трепетом глядя на младшего брата. Это было мгновение тишины, когда весь мир приглушил звуки и благосклонно остановил вращение хаоса.

“Дамиан” пронеслось в его голове. Отличное имя для такого малыша. Оно значит: “Терпеливый”.

Как и все чудесное в нашей вселенной, и этот миг волшебства закончился. Ребенка, благополучно отделенного от матери, завернули в пеленки и одеяло, вручив в руки отца. Топройд благоговейно прижал к груди драгоценный свёрток и выбежал с ним вон. Остальные поспешили сделать тоже самое. В комнате остался принц и его скончавшаяся мать.

Нужда сдерживать природу кончилась. Фрей опустил руки. Хлынувшая в окно живая волна мгновенно сбила его с ног, торопящейся дробью конечностей, пригвоздив к полу. Он смог закрыть голову и откатиться к стене, спасаясь от копыт, лап, клювов и крыльев. Давка от смешения в одной комнате стольких тварей, стояла невообразимая. Запах — хуже некуда. Но отвратительнее всего, конечно, звук. Зажавший уши Фрейнгард изо всех сил пытался не слышать за общим гамом, хруста разгрызаемых костей. Бездна разверзлась для него в этом звуке и он готов был сойти с ума, лишь бы не осознавать такую реальность.

И вот именно в этот момент издалека, как-будто даже, из другой жизни, в окна полилась песня. Чистый, слегка дрожащий мужской голос пел о любви соловья к чужой невесте. Девушка каждую ночь приходила в сад, где он жил и подолгу слушала его переливчатый голос. А бедная влюбленная птица пела и пела, забыв обо всём на свете, пока не настали холода. С первым снегом девушка вышла замуж и больше не приходила в сад, но искренне ждущий её соловей продолжал петь каждую ночь. Он пел, пока мороз не прервал его песню навсегда. Тогда проникшаяся любовью бедной птахи, природа, сохранила его песню и передала всем птицам во всех лесах, чтобы, всякий раз зайдя под сень деревьев, эта девушка могла слышать голос своего возлюбленного. Пусть и бывшего всего лишь маленькой

птахой.

***

Она гуляла по саду между кустами спелого барбариса, похожая на дриаду, с трепетным сердцем, готовым вот-вот влюбиться. Возмужавшая осень гладила её по голове истлевающими лучами. Она поводила плечами от заигрывающих с волосами порывов ветра. Но в мыслях её всё ещё не кончалось лето. Она брела по мягкой, напоенной ароматом влаги и слежалой прелости, земле и думала о себе.

В это время, другое зерно, покинувшее своё племя, попало в древний, засыпающий эльфийский лес. Ноябрь крался, полный неизлечимых чудес, звериными тропами обходя жилые постройки. Шуршащие в опавшей листве землеройки, кинулись врассыпную от ЕГО неаккуратного шага. И вот, ОНИ встретились.

— Вы, вероятно, бродяга?

— Совершенная глупость. Я — птица, из любопытства залетевшая в чужой сад.

— Не собираетесь возвращаться назад?

— Когда-нибудь возможно, но не сегодня. Мне всё ещё слишком досадно и даже немного больно. Я планирую остаться. Надеюсь, вы не станете мне в этом мешать?

— Вы можете делать, что хочется — пожить у нас или убежать. Если намерения ваши чисты, а слова правдивы.

— Ваши глаза красивы.

— Спасибо...

— Хотите я вам спою?

— Хочу.

Они гуляли по саду между кустами спелого барбариса и женщина, похожая на дриаду, никак не могла остановиться, чтобы не слушать волшебного голоса. Он трогал её волосы, в беспечном хамстве весёлого разбойника, не зная, кто она и что ему быть покойником, если об этом кто-нибудь прознает. Но она ему позволяла, даже если не отдавала себе в этом отчёт. Её завораживал безумный полет серой птицы.

— Вам нравится или мне остановиться?

— Нравится. Особенно, про соловья.

— Как считаете, похож ли он на меня?

— Вне всяких сомнений эта птаха — ваш истинный персонаж.

— Хорошо. Тогда, теперь буду зваться: “Пташ”.

***

Песня принесла с собой видения. Они окружили Фрея плотной спасительной пеленой, давая возможность передохнуть и расслабиться. Сквозь эту иллюзорную стену не долетали звуки беснующегося мира. Внутри царил покой, свет осеннего солнца и счастливые улыбки матери. Фрейнгарт увидел её такой, какой никогда не знал — легкой, свободной, заливисто смеющейся. Несмотря на весомый возраст, она дышала молодостью и нерастроченной любовью. Она падала в эту любовь без раздумий и без остатка, наслаждаясь ее интенсивным горением. Никакие признаки увядания не трогали её сохранившего молодость лица. Леди Лиалуара хохотала танцуя и порхая между деревьев сада под дурачливую, весёлую песню соловья.

***

— Он был когда-то очень силён. (Наверно, почти, как я!)

Кто-то его обозвал королём (Жалко, что не меня!)

Но в троне его обитала мышь
А в рваной подушке — моль.
Он день деньской не слезавший с крыш,
Всё-равно был король!
— Перестань! Я больше не могу смеяться!
И вот, как-то раз, трубочист не смог
Дело закончить в срок.
Ночь настала, а у него изрядно помятый бок.
Домой он вернулся (В большой дворец!)
И долго на всех кричал.
Слушала мышь, восхищалась моль
И таракан пищал.
— О, не-ет! Ты невозможен!

***

Дни во всплывающих миражах пролетали за днями. Фрей не успевал сосредоточиться на одном, как наступал следующий. За осенью спешила зима, за ней весна и лето. Менялись песни, менялись интонации в разговоре, чаще и больше растягивались паузы. Тишина стала навещать цветущий, играющий сад. Серая Пташка наполнялся грустью, пока не замолчал вовсе.

***

— Почему ты так хмур?
— Я чувствую, что мне здесь нет места. Ты — королева. Ты — замужем, а я всего лишь твой любовник. К тому же, человек.
— Раньше тебя это не пугало.
— Раньше...раньше я не был в тебя влюблён. А теперь, у меня болит сердце.
— Пташка...
— Я уйду, Лиа. Так всем будет спокойнее. Может, вдали от тебя, моя любовь угаснет и больше не будет причинять мне таких мучений. Да и тебе не следует водиться с дрянным разбойником. Мало ли что перещелкнет в моей голове.
— В твоей голове только прекрасные песни.
— Нет. Её населяют монстры. Я пою, чтобы заглушить их голоса.
— Так спой для меня ещё раз!
— Прости. Я уже не помню слов.

***

Чем дальше картины чужих воспоминаний уводили Фрея, тем тоньше и прозрачнее становилась волшебная граница. Яркие краски тухли, нескончаемое вращение света замедлялось, стена таяла и разрушалась. Последний сохранившийся кусок блеснул уцелевшим видом на заливаемую дождём тропу. По расползающейся слякоти бежал человек, прижимая к груди спящую золотую звезду. Она жгла сжавшую её ладонь, но похититель не поддавался боли, уносясь в темноту под раздраженные раскаты грома.

Песня окончилась. Фрей огляделся. Разгромленная спальня опустела, последние зверьки убегали кто в окна, кто в распахнутые, снесенные с петель двери. Казалось, по комнате прошёл ураган, сломав и разбив всё, до чего дотянулся. От кровати не осталось ничего — она превратился в мелкие щепки и обрывки ткани. Никакого тела, разумеется, не было. Природа самовластно вернула принадлежащее себе.

Фрей поднялся и выглянул в окно. Снаружи царил не меньший хаос, чем внутри. Воздвигнутые защитные стены казались уродливыми черными остовами. Заваленные трупами, они походили на могильные курганы. В наступивших сумерках, зловещесть дворца, превысила все мыслимые нормы.

Ещё, он заметил быстро удаляющуюся тёмную фигуру. Она бежала прочь от замка, периодически спотыкаясь и падая, но непременно вставала и продолжала бег. Он понял, что это и есть Пташ. Раньше, он почти не обращал на него внимания. Да и что может быть интересного в человеке? Но сейчас, некоторое чувство благодарности переполнило сердце и захотелось догнать и сказать “спасибо”. Всё же, многое произошло только благодаря песне этой птицы.

Фрей поднес к губам ладонь, шепнув в неё слова благодарности, затем легко сдул их в направлении бегущего. Посмотрел в распахнутое звёздное небо.

— Что ж, вот и закончился этот день. Завтра начинается новая эпоха.

При близком рассмотрении, Кадиш оказался именно таким, каким его описывала леди Трот: Бордовые пески крутоспинными барханами выростали на чёрной, иссушенной в камень земле. Из-за постоянных сильных ветров, циклически меняющих свое направление, дюны находились в непрерывном движении. Города центральной части страны, раз в четыре года полностью погребались песками, освобождаясь от него лишь через долгих шесть месяцев. Но люди всё равно продолжали жить в них, на половину года уходя в соседние селения или временные стоянки.

Столица Кадиша, именовавшаяся на местном наречии “Кхаль”, принадлежала как раз к таким городам. Приезжие гости, попадавшие на “мертвый сезон”, искренне не понимали, почему нельзя перенести город в другое место, неподвластное пескам. Но, местные жители, привычные к “неудобствам”, считали их чуть ли не “благословенной особенностью” и о переносе столицы не желали и слушать. Единственное здание не пряталось под песком, верхней половиной возвышаясь среди дюн — это королевский дворец. Острый чёрный стеклянный шпиль в кольце таких же поменьше, выглядел величественно-устрашающе, как зарытая в землю шипастая корона.

Сюда-то, по совету матери, и приехал неугомонный Захари, влекомый ветром странствий и тягой к неизведанному. Но, по прибытию оказалось, что “мёртвый сезон” уже начался и город потихоньку освобождается от жителей, растянувшихся длинными караванами по окружающей местности. Самый большой поток шёл на юг, через Гром-горы.

Однако, не смотря на всеобщую миграцию, раздосадованного Захари, встретили самым надлежащим образом. Дальний родственник его матери, приготовил настоящий пир в своем особнячке к приезду дорогого гостя. Двухэтажный каменный дом располагался на высоком скальном основании, будучи выше общего уровня города, поэтому, пески еще не добрались до него и жильцы могли позволить себе некоторую неторопливость.

Захари долго и с аппетитом ел, утрированно расхваливая каждое блюдо, пока хитрые, узкие глаза собеседников, внимательно следили за ним. Сам хозяин, назвавшийся Урун-Двашем, не замолкал ни на секунду. Он то расспрашивал о здоровье и благополучии “Достопочтенной миледи Аории Трот, в девичестве Яр-Литы”, то сетовал на слишком раннее начало сезона миграций в этом году. Вопросы личного характера, касаемые самого Захари, мужчина обходил сторон, быстро меняя тему, если вдруг гость начинал заводить об этом разговор.

Когда плотный ужин закончился, семейство перешло к чаю со сладостями. Под разлившийся по комнате аромат мяты, “стопор” в общении немного ушёл и беседа перетекла в более продуктивное русло.

— Вообразить сложно, каких героев порой рождает самая тихая страна! Миледи Аория воистину великая женщина, раз смогла родить такого отважного храбреца! А ведь, никто и предположить не мог в нашем скромном мальчике подобные способности к разрушению!

Захари слушал, натянув на лицо добродушную улыбку, хотя внутри весь ужин просидел на иголках. Ему совершенно не нравились эти, так называемые, “родственники” и их “радушие”. Но хуже того, он никак не мог уловить о чём идёт речь. Заискивающие, косые взгляды, бросаемые на него, не вязались с контекстом. Все, словно знали некую тайну, в которую не посвятили только его одного. Причём, тайна эта, явно и непосредственно его

касалась.

Захари сломал голову, пытаясь продраться к настоящей сути, но допив третью чашку чая, сдался и спросил напрямую:

— Многоуважаемый Урун-Дващ, это честь для меня быть так тепло принятым в твоём доме. Но не откажи мне в милости разъяснить в чём ты меня хвалишь? Как ни пытался, никак не могу взять в толк.

— Вот так-так! Хей, вы это слышали? Мой любимый родственник настолько овеян радугой скромности, что не может найти в себе толики тщеславия! — Мужчина довольно сцепил руки на выпирающем животе и булькающе рассмеялся. Потом, в его руках, неизвестно откуда, возник несколько помятый, кричаще-фиолетовый листок. Захари хватило мгновения, чтобы узнать предмет, побелеть и застыть от скрутившего внутренности ужаса.

— Это, ведь, ты написал?

— Да...

Жесткое выражение лица на секунду застывшее на лице мужчины, сменилось маской благодушия и доверия. Лист из его рук исчез столь же быстро, как и появился.

— О чём я и говорю, настоящий храбрец! Даже, не побоюсь этого слова, перст судьбы! Виртуозный гений политики! Никто, слышите, никто не сумел бы сделать в одиночку того, что сотворил этот парень одним клочком бумаги! Ловкий росчерк пера и вот уже все страны спешат разодрать друг другу глотки!

— Прошу прощения?

— Проси.

— Что? — Захари заторможено хлопнул глазами, не в силах считать с вновь застывшего лица настоящих эмоций. Остальные члены семьи притихли, подавленные гнетущим настроением хозяина дома.

— Проси прощения. Ты же это собирался сделать.

— Это такой оборот речи...

— Ах, оборот, значит. — Узкие темные глаза мужчины сузились еще больше. На улице громко закричала птица. — Флот Кадиша уже выстроен в трёх заливах. Послезавтра мы с сыновьями должны будем прибыть на штурмовой галеон “Розаль” для вступления в ряды армии, собранной для завоевания Платуса. Мобилизованы тысячи жителей, покидающих свои семьи ради этой войны, а ты не знаешь за что просить прощения?

— Нет!

— За это!

Откровенно смятый фиолетовый листок бухнулся в центр стола, припечатанный ладонью. Мужчина гневно пробуравил Захари воспламенившимся взглядом.

Когда милая Аория написала мне ждать тебя в гости, я согласился тут же. Мне было крайне любопытно взглянуть на человека, влезшего туда, куда его не звали и сотворившего то, чего делать было не позволено. Удивительное сочетание глупости и самодовольства! И вдруг, сам Захари Трот, автор проклятой статьи, приезжает в мой дом, какая радость! Я смогу лично плюнуть ему в лицо! Хотя мог бы и бросить в вечно голодную пасть песков.

— Это всего лишь статья!

— Это — последняя капля в чашу мирового терпения! Это — искра, запалившая лес.

— Любой мог бросить эту искру!

— Мог. Но бросил — ты.

Захари, запыхавшийся от волнения и прямых обвинений, вскочил, бестолково вертя

головой в поисках выхода. Грудная клетка ходила ходуном, он почти задышался от внезапно стукнувшей панической атаки.

— Я хочу уйти, выпустите меня!

— Никто тебя не держит. Выход всегда там же, где и вход.

Захари, заметался по круглой, устланной коврами комнате, как слепой натываясь на стены и сидящих за низким столом людей. Те, что помладше — хихикали. Постарше — неприязненно отводили глаза. Твёрд и свиреп оставался только сам хозяин. Урун-Дващ минуты две наблюдал за тщетными попытками родственника найти дверь, пока не велел младшей дочери отворить прикрывавшую вход ткань. Захари вылетел из дома с красным, одуревшим лицом и выпученными глазами.

Стоило выйти из-под защиты стен, как ветер тут же сбил его с ног, беспардонно бросая в лицо целые пригоршни красного песка. Дюны начали поглощать город и лакомее всего для них были случайные, бестолковые чужеземцы. Кровь матери едва спасала Захари от откровенного покушения на жизнь. Кадиш скалился и злился, но не переступал определённых границ дозволенного. По крайней мере, пока не переступал.

Барахтающегося на крыльце в попытках встать, ослеплённого песком Захари, подняли на ноги и завели обратно в дом, умыли и положили на гостевой топчан в отдельной комнате. Урун-Дващ, чуть остывший после разговора, присел на невысокий табурет. Захари стыдился даже смотреть в его сторону.

— Моя жена, Захари, пришла ко мне из другого мира. Там она учила детей в высокой школе тому, как правильно соблюдать правила страны, в которой живёшь. Так вот, она любит повторять одну фразу: “Незнание закона, не освобождает от ответственности”. Мне пришлось по душе это сочетание мысли — оно отвечает на многие вопросы и ограждает от многих ошибок. Возьмём в пример тебя: Когда мы ужинали, за окном закричал Галатеон — этих птиц в наших краях разводят специально и держат возле домов. Они, видишь ли, имеют привычку предупреждать о надвигающейся буре. Ты не знал об этом и попал в опасное положение. Кто виноват в данной ситуации? Я, который не предупредил тебя заранее о возможности такой ситуации? Птица, которая прокричала на своём языке, а не на человеческом? Или ты, Захари, который даже не удосужился узнать правил и законов того места, куда ты вторгся?

Захари неподвижно лежал на жестком матрасе, красный от стыда, с воспалёнными, слезящимися глазами и неотрывно смотрел в противоположную от собеседника стену. Слова падали на него каменным градом.

— Каждый может совершить ошибку, Захари. Это — не приговор. Но за каждое преступление следует расплата, даже, если оно неумышленное. Случайное зло, всё равно зло и нести за него ответственность придётся так или иначе.

— И какая расплата ждёт меня? — Голос его дрожал.

— Ты поедешь на развязанную тобой войну вместе со мной и моими сыновьями. Ты будешь стоять в первых рядах, когда раздадутся пушечные залпы и прольётся первая кровь. Я хочу, чтобы ты увидел эту кровь и на всю жизнь запомнил её цвет. Чтобы в другой раз, совершая глупый поступок, ты всегда знал к чему он может привести и чего стоит каждая написанная тобой буква.

— Я? На войну? Но я не умею сражаться!

— Значит, появится шанс научиться.

— Меня же убьют!

— Скорее всего. Но именно так и происходят искупления.

— Я не хочу умирать!

— Тогда, сделай всё возможное, чтобы этого не произошло.

— Я сбегу!

— Пожалуйста. — Мужчина, закончив разговор, встал, приняв тот самый доброжелательный вид. — Если сумеешь, конечно. Начинается мертвый сезон, буквально несколько дней и всё здесь поглотит пустыня. Но, мы отправляемся послезавтра, так что, у тебя ещё есть время выполнить все свои намерения. Удачи, Захари Трот и пусть крик Галатеона направляет тебя.

Разгрузившись в порту Гастеллы, Милош Кряжестый решил вернуться к островам Розы. Море Страсти, поделенное между Кадишем и Платусом, всегда радовало его свеженькой добычей. Чего стоило только последнее нападение, ощутимо прибавившее им денег. Прошло две недели с того момента, как они покинули Угодья и вышли в обратный путь. Поводов торопиться не было и пираты останавливались в разных мелких портах покутить. Серьёзный настрой вернулся к загулявшему капитану лишь у побережья Синей Розы — самого северного из цепочки островов.

Джерри, в этот момент трудился на палубе в привычной роли уборщика: драил просоленные доски, собирал мусор, выбрасывал помои или бегал по любым другим поручениям старшего помощника или кока. За время “пиратства”, Джеральд Дарнау значительно изменился: изнеженная худоба сменилась сухопарой жилистостью, под скудным тряпьем обрисовались мышцы; От ветра, воды и солнца огрубело лицо, украсившись скромной растительностью на подбородке; На ладонях появились непроходящие мозоли.

Когда корабль встал на якорь неподалеку от береговой линии Синей Розы, Джерри не придал этому особого значения. Но, заметив вышедший с пирса пограничный люгер, взявший на них прямой курс, насторожился и занервничал. Он узнал флаги Кадиша, искренне не понимая, отчего никто не бьет тревогу и не бежит заряжать пушки? Ведь, они же, как никак пираты, а не простое торговое судно, потерявшееся в местных водах.

К огромному удивлению Джерри, тревогу не подняли даже, когда корабли встали борт в борт, сцепившись швартовыми. Команда беспечно взирала на перебирающегося к ним морского офицера. Милош самодовольно раскручивал усы, ожидая необычного гостя. Стоило им сойтись и обменяться рукопожатием, как оба мужчины скрылись за дверью капитанской каюты. Обе команды — пиратская и пограничная усиленно делали вид, что ничего странного не происходит и вообще старались друг друга не замечать.

— Э-э... — Джерри, единственный не посвящённый в происходящее таинство, застыл посреди палубы, с глупым видом рассматривая чужой военный корабль.

— Эй, хорош глазеть. — Грубый тычок в бок, привёл в себя, заставив обернуться к обидчику. Это, разумеется, был Лысый Дрю. Дружок его где-то потерялся.

— Я не глазею. Просто удивился.

— Хах! — Пират усмехнулся и пошёл дальше, но некая мысль заставила его остановиться и с мерзенькой улыбочкой вернуться к напрягшемуся Джерри. — По-огоди, а ты, кажись, не в курсе, да?

— О чём?

— Да, об этом, что мы на Кадиш работаем?

— Чего? — Джерри ожидал какой угодно ахинеи из уст этого уroda, но точно не такой.

Подлетевшие брови и округлившиеся глаза выдали с головой. Пират, довольный произведенным эффектом, оскалил длинные желтые зубы.

— И как я мог забыть, что наш желторот ещё совсем птенчик! Мир такой неправильный, э? Те кораблики, с которых мы тебя подобрали, тоже не случайно оказались под нашими пушками, не думал?

Джерри захлебнулся возмущением. В его голове, не желающей принимать подобного оборота вещей, медленно складывалась подленькая мозаика: Кадиш попросил короля Платуса помочь разобраться с разгулявшимися пиратами. Эта просьба перешла к отцу, спокойно направившему три снаряженных корабля к островам Розы. На рассвете произошло хорошо организованное нападение, в результате которого, уничтожены все свидетели. Все, кроме него. Будучи напуганным и пойманным врасплох, он даже не обратил внимания, что собственно, кораблей Кадиша не было. А место и время нападения подобраны идеально.

— Это была ловушка!

Лысый Дрю заржал так, что оборачиваться стали на соседнем корабле. Недовольный этим старпом, свирепо подскочил к ним, весомой оплеухой затыкая разошедшегося парня.

— Разошлись! Разошлись!

Дрю вызверился, но открыто перечить не стал, презрительно сплюнул и отошел, угрожающе блеснув глазами напоследок.

Сам Джерри убраться с “места преступления” не успел. Дверь капитанской каюты открылась и из неё вышел давешний офицер. Точно так же молча и не останавливаясь, он перешёл на свой корабль. Отвязали швартовые и люгер спешно продолжил движение. Довольный Милош поднялся на мостик, мгновенно приковав к себе внимание нетерпеливо ожидавшей конца переговоров, команды. В руках он держал несколько ярко-фиолетовых листов.

— Что, ребята, обещал я вам, что море гореть будет? Вот оно, пламя-то! — Он возбужденно потряс листками в воздухе. — Пришло-таки время повоевать за оставшиеся богатства! Кадиш нас на войну зовёт, богатую добычу обещает, лишь бы мы как можно больше глоток вражеских перерезали. А мы, ведь, перережем, а?!

— Да-а!!

Грянувший со всех сторон радостный вопль, заставил Джерри вздрогнуть. Он не переварил одной оглушительной новости, как посыпались новые. Какая ещё война? С кем?

Ответ на невысказанные вопросы, последовал сам собой. Милош продолжал вещать.

— Платус доживает последние мирные деньки! Нам же, разрешили идти прямо на Брод. А, как вам? Через море в Брод! — Капитан зычно рассмеялся, жутко довольный получившемуся каламбуру. Его веселье поддержала половина команда. Другая половина, вместе с побелевшим, как снег, Джерри, шутку не оценила. Портовый город Брод охранялся хорошо оснащённым, хоть и стареньким фортом и каким образом они должны туда идти и что-то делать в одиночку, многие не представляли. Джерри же думал о том, что они собираются напасть прямо на его дом. Главный особняк отца стоял как раз за две улицы от порта, не считая остальных хозяйств, кораблей и ферм.

— Не может быть... — Он прошептал это себе под нос, но капитан всё равно нашёл его глазами в толпе.

— Желторот! К тебе домой плывем, а? Как ощущения? Всё ещё хочется быть пиратом?

На палубе опять заржали. Джерри, ставший вдруг центром внимания, покраснел.

— Ладно, кто умеет читать, нате вам развлечение. — С этими словами Милош бросил

на палубу, разлетевшиеся листки. Пара рук, действительно их подобрала, вслух, медленно, по слогам пытаюсь разобрать печатный шрифт. Остальные сгрудились вокруг, язвительно комментируя и взрываясь гоготом в отдельных местах.

Джерри тоже взял один листок, бегло пробегая глазами по бездарно написанным строчкам. Текст явно писался дилетантом, но смысл его заставил Джеральда впервые в жизни испытать ТАКУЮ злость. Он буквально зарычал, с силой сжав зубы, едва сдерживаясь, чтобы не заорать в голос от бешенства. Ненавистные буквы плясали перед глазами всполохами будущего пламени. Фиолетовый цвет демонстративно смеялся в лицо. Из-за этого проклятого куска бумаги, его стране и дому суждено погибнуть в зареве войны. Затуманенный гневом взгляд выделил конечную строчку, называвшую имя автора текста.

— Захари Трот. — Джерри, до белизны костяшек, сжал листок. В душе его зародилось чёрное пламя мести.

Бросивший на него в этот момент, взгляд, Лысый Дрю, стёр с лица нахальную улыбочку. Он никогда не видел паренька в таком настроении. Не знай он его трусливый характер, решил бы, что тот всерьёз вознамерился кого-то убить. По крайней мере, мрак поселившийся в его глазах, говорил именно об этом.

Урун-Дваш привёл к побережью не только Захари и своих четырёх сыновей, но и всю семью. Благодаря прорубленному под Гром-горами туннелю, переход не занял много времени. Их караван не успел как следует устать.

Захари, наравне с остальными, помогал большому семейству располагаться на новом месте. Точнее, в их “сезонном” доме, выстроенном в одном из миниатюрных приморских городов. Время до отплытия поджимало и хозяин носился, как угорелый, пытаясь сделать сразу всё, чтобы потом не волноваться. Большой порт, где их ждали, находился в соседнем городке и туда предстояло доехать.

— Захари!

— Да?

— Иди за мной!

— Хорошо! — Свыкшийся с ролью носильщика и помощника, Захари, бодро откликнулся на зов, послушно проследовав за Урун-Двашем в одну из многочисленных комнат. Он приготовился что-то носить или передвигать, но мужчина проигнорировал наваленные в центре перемотанные ящики и корзины и подошел прямо к старому, деревянному комоду. Порылся в поисках ключа, отпер верхний ящик и сделал знак подойти. На красном, изношенном бархате, в небольших углублениях лежали шгук двадцать синих, непрозрачных, лакированных камешков.

— Что это? Не похоже на эприт.

— Это яйца Галатеона.

— Той самой птицы с двойным клювом, предвещающей бурю?

— Той самой.

Захари смотрел на удивительную коллекцию глазами полными восхищения. Его стремящаяся к познанию душа, ликовала от близости к новому и необычному. Всё же, не зря он когда-то увлекался биологией — живая природа продолжала очаровывать его и по сей день.

— Хочу подарить тебе их.

— Мне?! Подарить?! — Захари подумал, что ослышался.

— Да. И не смотри на меня с таким ужасом. — Мужчина, всё время сохранявший на

лице выражение суровости, смешливо растянул широкий рот. — Вот так-так, мой дорогой родственничек выдумал из меня настоящего монстра! Я расскажу всё твоей матери, ты слышишь? Она обязательно сделает тебе строгий выговор, мальчик! Помяни моё слово, выговор будет отменный, я самолично пришлю ей полный его текст!

— Я понял. — Захари смущённо улыбнулся в ответ, не зная как реагировать на столь резкие перемены в настроении и манере разговора мужчины.

— А если серьёзно, я просто не прошу себя, если и вправду стану виновником твоей гибели. Да, ты совершил ошибку и должен оплатить её. Но, у меня есть убеждение, что расплата не должна быть слишком суровой. Галатеон — не просто вестник бури, он еще приносит удачу.

— Это вместе с бурей-то?

— Вместе с ней. — Сарказм ни на секунду не смутил мужчину. — Порой, именно катастрофа даёт начало новой истории. Галатеон же, умеет отыскивать проходимые пути в руинах.

— Понятно... — Захари стало не по себе. Урун-Дваш понятливо перестал нагнетать обстановку. Вместо этого, он вытащил камней десять и бережно сложил их в плотный кожаный мешочек, вложив в дрогнувшую руку Захари.

— Храни их от удара и холода. Чтобы птенцы вылупились, понадобится горячий песок и пять дней покоя. Они всеядны с рождения, так что, растить их весьма просто. Главное, не пропусти момент выклева — они должны признать тебя своим родителем, тогда будут с тобой всегда.

— Но...мы же идём на войну! Не худший ли это момент для такого хрупкого подарка?

— Никто не знает наверняка, что именно для нас хуже, а что лучше. Я захотел сделать это именно сегодня и передать их именно тебе. Почему? И сам не разобрался. Но люди пустыни привыкли доверять своим ощущениям. Вот и я доверился своим. Так что, забирай мешок и не будем больше об этом. Через полтора часа нам выходить в дорогу, чтобы к ночи прибыть в порт. Завтра начинается твоя война, Захари. Судьба уже ждет тебя на одном из глядящих в синюю бездну кораблей.

Внезапное появление военного флота Кадиша в территориальных водах Платуса, вызвало необыкновенную панику среди населения. Жители побережья покидали дома, уходя вглубь континента, боясь разрушений и грабежей. Регулярная армия спешно перебрасывалась на север и северо-восток страны. Подтягивался разрозненный флот.

Появление в особняке Дарнау знаменитого фиолетового листка, стало последней каплей для здоровья старого графа. Он слег в постель и не вставал с нее уже полторы недели. Самочувствие его ухудшалось, а бред нарастал, с каждым днём грозясь перейти в белую горячку. Графиня, не успевшая оправиться от исчезновения любимого сына, почти постоянно пребывала в состоянии истерики. Резкое ухудшение привычного спокойного уклада жизни, выбило землю из-под её ног. Она металась по богато убранным комнатам, как загнанный зверь, не давая прислуге позаботиться о себе и успокоить.

Таким образом, заботы о делах семьи полностью легли на плечи Фердинанда. С одной стороны его осаждал разгневанный обманом король, грозясь лишиться всего и упечь в тюрьму. С другой — идущая с моря опасность в лице внезапно озверевшего Кадиша. С третьей — тревога за родителей, жену и детей, которых он планировал со дня на день перевести в другое, дальнее поместье. Несчастный Фердинанд, в одночасье оказавшийся под столь сокрушительным прессом, не успевал нормально спать и есть. Он значительно похудел, став дерганным и злым. Полученный минуту назад гербовый конверт, он даже не открыл, бросив на стол и обернувшись к вошедшему.

Иллет Маврюк, за последнее время также истративший половину беспечности и полноты, насупясь кивнул в знак приветствия.

- “Порхающая” готова, но толку мало будет, вы же знаете.

— Мало, ни мало, достаточно! У нас не такой огромный выбор!

— А вы чего ж?

— В смысле “чего ж”?! — Фердинанд озверело вперился в нелепо застывшего мужчину. Хронический недосып серьезно сказывался на характере. — Чего ты там бубнишь?! Опять стихи всю ночь писал?!

— Ничего я не писал.

— Вот и не пиши! Всё равно, ерунда какая-то получается, поэт недоделанный! Иди на корабль! Я с земли за вами наблюдать буду.

Разобиженный капитан ушёл и Фердинанд ненадолго остался наедине с собой. Ненавистный конверт алел среди бумаг блестящей сургучной печатью, вызывая своим видом приступы ядовитой ярости. Целая стопка точно таких же валялась в камине, частично обгоревшая. Эпритовая бумага была прочна, но не настолько, чтобы сопротивляться огню.

Фердинанд целую минуту стоял на одном месте и смотрел в пустоту. Ничего не хотелось. Ничего не могло. Страшно болела спина и голова, но если он позволит себе хоть немного расслабиться, то проспит не менее суток, а уже через шесть часов первые корабли Кадиша должны показаться на расстоянии выстрела. Надо отправляться в форт, чтобы командовать обороной.

Брод издревле находился под опекой дома Дарнау и его защита полностью обеспечивалась силами семьи. После недавнего нападения пиратов и потери целых трех боевых кораблей, сил поубавилось, но не настолько, чтобы оставить попытки к

сопротивлению. К тому же, запаздывающий королевский флот, всё-таки должен прибыть со дня на день.

Фердинанд присел за стол, устало уперев голову на руки. Громко тикали на стене часы, приближаясь к девяти вечера. Глаза сами собой закрывались. Ему почудилось, что кто-то зовёт его, он встрепенулся, тупо уставился на гербовое письмо, на оскаленную морду собаки выдавленную из сургуча, на витые золотые тесемки. Подумал о том, как их приделывают. Может клеют или просто кладут и поливают? И как именно в бумагу добавляют эприг?

Часы отбивали девять, когда Фердинанд Дарнау уснул, уронив голову на стол. Конверт так и остался не распакованным. За шесть часов до нападения, он так и не узнал, что королевский флот перехвачен и до Брода не дойдёт. Две торговые каравеллы, старый барк и два легких фрегата — всё, что имелось в данный момент в порту. Единственная надежда виделась в своевременной и качественной работе форта. Но тот, кто должен был командовать его работой, спал крепким, глубоким сном. Бордовые с черным, корабли Кадиша хищно разрезали ночное море. Идущие без огней, они казались призраками.

В отличие от своего брата, Джеральд Дарнау, в эту ночь не спал. Он стоял на носу корабля, побитый за невыполнение приказов, но продолжавший упрямо пялиться в темноту. С минуты на минуту в морском пейзаже должны проявиться очертания знакомой ему земли. Быстроходный, легкий “Изверг”, шёл с опережением, имея все шансы первым добраться до Брода и разведать обстановку. Джерри искренне надеялся, что отец с братом хорошо организовали оборону города и вооруженный до зубов форт, бдительно обстреляет их шальную пиратскую шхуну.

Не смотря на всё нежелание возвращаться к прежней жизни, уничтожения и разграбления дома, Джерри допустить никак не мог. С другой стороны и никакой возможности предотвратить неизбежное и отвести столь сокрушительную угрозу от своих близких, он не мог. Посмеивающийся над его щекотливым положением капитан, милостиво предложил переждать сражение в трюме, чтобы не иметь сильных мук совести. Но, уже через несколько часов одумался и определил в помощь канонирам на верхнюю палубу. Совесть совестью, а лишние руки при обстреле, никогда не помешают.

Когда в ночи нарисовались крутые стены форта, Джерри, до боли в глазах вглядывающийся вперед, чуть не задохнулся от ужаса. Их не ждали. Или ждали намного позже. Бойницы слепо таращились на заходящий в радиус поражения корабль и абсолютно никак не реагировали. Редкие огни очерчивали плоскую крышу, едва заметное оживление вяло текло в этих мощных стенах. Пираты выжидающе смолкли, в шелестящей тишине разрезаемой волны, беспрепятственно обходя суровое оборонное сооружение. Джерри, готов был заорать от досады, но боялся, что одиночный крик всё равно не услышат, а его самого могут и правда бросить в трюм, чтобы не мешал.

Едва оставив опасный участок позади, “Изверг” переполнился радостным возбуждением. Милош приказал наводить пушки на стоящие в готовности Фрегаты. Замешкавшегося в нерешительности Джерри, пнули, заставляя работать. Трясущимися руками, он загнал в ствол чугунное ядро.

— Живее желторот!

Грянувшая секундой позже серия выстрелов, качнула корабль, сбив Джерри с ног. Сработавшее с опозданием его собственное орудие, пыхнуло жаром и грохотом, поселив в ушах звон. На него заорали, за шкуру подняли с пола, велев перезаряжать. Голова гудела, картинка реальности плыла, окрашенная огнями взрывов. Остро воняло порохом и гарью.

Далеко за бортом, началось ответное оживление. Подвергшийся внезапному нападению порт, слабо отвечал, но наземные силы подтягивались, а соседние, не задетые суда, выкатывали пушки.

За первые минуты пиратам удалось полностью вывести из строя удачно подставившиеся фрегаты, краем задеть прятанный за ними барк, с кормы занявшийся бодрим огоньком. А, также, вволю расстрелять пристань, отрезая от воды снующих по ней людей. Целыми остались только две каравеллы, стоявшие дальше всех и начавшие ответную пальбу из немногочисленных, установленных на верхней палубе, орудий.

Диверсия удалась. Не дожидаясь пока очнется форт и защитники города нормально возьмутся за дело, Милош скомандовал отступление. “Изверг” развернулся и на всех парах выдвинулся в сторону открытого моря. Когда они выходили из “опасной зоны”, наконец, проснулись тяжёлые оборонные пушки крепости. Но, пираты умело увели корабль из-под обстрела и шхуна ушла неповрежденной.

Команда ликовала. Свист и хохот разлетались по воде, будоража спящие воды. Джерри единственный не принимал участия во всеобщей истерии. Он сидел, прислонившись спиной к борту, подтянув к груди ноги и закрыв голову руками. Никогда в жизни он не чувствовал себя хуже, чем в этот момент. Горло сводило от сдерживаемых спазмов, глаза жгло от дыма и слез, пальцы с силой впивались в грязные волосы.

— Что, желторот, ноешь? — Голос Дрю сочился удовольствием. Грубый пинок ногой в бок заставил Джерри всхлипнуть и сжаться сильнее. Для такого хищника, как этот лысый пират, подобная реакция равнялась приглашению к садизму. — Ха, графика наш поплыл, а! Блим! Глянь какая принцесса пропадает тут без нашего внимания!

— Отстань. — Джерри держался из последних сил, пытаясь спрятать позорно расплывшееся лицо, но сделать этого не удалось. Ещё один удар ногой прилетел прямо в голову, заставив удариться затылком и упасть на спину. Подошедший на зов Блим пьяно осклабился. Он давно прикладывался к бутылке, и теперь находился как раз в нужной консистенции, чтобы недобро заржать.

— Слышь, а ведь принцесска-то порченая у нас. Вампирчики-то не разбираются кого трахать. Может и нам воспользоваться случаем?

— Нет! — Джерри, не пришедший в себя после удара, вздрогнул, брыкнувшись и пытаясь встать. Севшая на него сверху туша прижала его обратно. Грудную клетку сдавило тяжестью, на лицо полился крепкий вонючий алкоголь. Сидевший на нём Блим упивался восторгом.

— Хех, идея. Только надо его вниз стащить. Здесь нас или Юст или кэп сгонят.

— Отстаньте гад...брл... — Возмущение Джерри остановили всунутой в зубы бутылкой. Хлынувшая в горло жидкость обожгла, заставив захлебнуться и закашляться. Челюсть взяли в захват, голову прижали, лишив новых попыток к сопротивлению. Ослеплённый текущим в горло огнем, Джерри, перестал понимать, что происходит. Тело объял жар и дурнота. Боль и звуки приглушились. Он слабо понял, как его подняли и понесли. Остро отпечталось в памяти только падение на пол и вид раскачивающихся веревочных гамаков.

— Стаскивай, я держу.

На этом моменте Джерри отключился. Он не знал, что происходит с его измученным телом. Разум решил не участвовать в подобной реальности, милосердно погрузив уставший организм в глубокий сон. В этом сне ему явился улыбающийся образ рыжеволосого вампира. Вроде, его звали Лойс. Он смотрел своими черными, блестящими глазами и чего-то ждал.

Джерри ощутил исходящее от высокой фигуры тепло, увидел обнявший ноги темный туман. Улыбнулся в ответ, протянув руку к невесомым дымным очертаниям.

— Спаси меня.

Улыбка померкла на красивом лице вампира. Туман взбугрился чёрными жилистыми комьями. Внутри него перетирались спинами тысячи червеобразных змей. Джерри стало жарко, а воздуха перестало хватать для дыхания. Чувствуя, что сон разрушается, вытесняемый действительностью, он побежал к вампиру. Между ними оставался шаг, когда пиратский корабль тряхнуло и Джерри очнулся, приложившись виском о какой-то предмет. Рядом с ним никого не было, но знакомая боль ниже спины не оставляла вариантов для фантазии. Штаны он нашёл тут же, смятыми и затоптанными.

Первая попытка подняться вывернула из него душу, вместе с содержимым желудка. Его трясло и тошнило несколько минут. В довершение всего, пол ходил ходуном, как от сильных волн, сверху доносился топот и голоса. Джерри не мог найти сил встать на ноги. Когда рвотные спазмы прекратились, принесся взамен временное облегчение, он рухнул на спину, осоловело уставившись в потолок. Силы кончились даже на слёзы. Каждая мышца в теле ныла. Грудную клетку заполнила пустота.

— Какое же я ничтожество.

Он закрыл лицо руками, с силой зажмурившись и сжав зубы.

— Ничтожество. Ничтожество.

В попытке избавиться от душевной муки, он стал перекатываться с боку на бок, подвывая от собственного бессилия. На очередном круге страданий, крупный розовый камень, выскочил из-за пазухи и глухо стукнулся о деревянный пол. Джерри остановился. Отнял от лица руки. Сел, согнув шею и глядя на болтающийся на простом шнурке ответ на все свои вопросы.

— Не только ничтожество, но ещё и идиот.

Он крепко сжал в ладони спрятанный в кварце черничковый эприл и мысли быстро-быстро побежали совсем в другом направлении, нежели минуту назад. Уничтожения кончились, начал разрабатываться ПЛАН. Что он может? Просто подорвать корабль вместе с собой? Героически, но не сильно поможет осажённому городу. Спрыгнуть в море и разбить камень о борт? Но взрыв будет настолько мощный, что его самого потопит волнами и результат останется тот же самый. Что же делать? Как лучше всего распорядиться камнем?

Сверху слышались быстрые тяжелые шаги. Слишком сильно ушедший в себя Джерри суетливо взметнулся, закинув камень обратно под одежду. Прострельнувшая боль в пояснице и крестце пронеслись где-то фоне. Теперь он больше опасался, что кто-нибудь вспомнит про его “талисман” и отберет. Но спустившийся в трюм капитан, вряд ли имел такой план. Увидев внешний вид Джерри он споткнулся, выругался и забыл зачем шел.

— Эт-то что такое? Почему ты голый и.. — Мужчина замолчал, сметливо сопоставив детали в виде штанов, синяков, крови и рвоты. Гадливо сплюнул. — Дрю и Блим?

— Да. — Осознавший свое положение Джерри, покраснел и прикрыл рубашкой пах.

— Убью гадов. — Капитан немного постоял, что-то прокручивая в голове. Наконец, ожил, вспомнил за чем спустился и кивнул Джерри в сторону выхода. — Иди наверх. Скоро возобновим стрельбу. Флот подошёл.

— Хорошо.

Повторять дважды не пришлось. Джерри, качаясь и морщась, подобрал штаны, оделся и отправился наверх. План в его голове не оформился, но возможность отомстить и повернуть

сражение в свою пользу, придавала решимости. Он даже не боялся встретиться со своими насильниками. Теперь, он знал, что не так незащищен, как прежде и эта мысль делала из него совершенно другого человека.

Короткий сон Фердинанда Дарнау, обошелся ему очень дорого. За возможность отдохнуть он заплатил двумя новыми фрегатами и сгоревшим дотла старым барком. Разгулявшийся в ночь ветер, раздул небольшой огонь до пожара. Плюс к тому, разрушению подверглась пристань и близлежащие дома. Десятки людей ранило и убило в суматохе и панике. Когда он, всклокоченный и потерянный со сна, выскочил на улицу, диверсия заканчивалась и пиратская шхуна разворачивалась для отступления.

Он пробежал до причала на одном дыхании. На втором кинулся по тонкому перешейку земли к форту. Ветер свистел в ушах, глаза забивала водяная крошка. На море начинался шторм. Буквально взлетев на крепостные стены, он начал орать и распихивать тормозящих солдат, самолично заряжая огромные пушки. Начать стрельбу удалось когда шхуна благополучно выскользнула в открытую воду. Результатов подобная спешка, конечно, не принесла, но с появлением разъяренного начальника, крепость в один миг пришла в боевую готовность.

Злости Фердинанда не виделось конца. В первую очередь он рычал от досады за собственную промашку и совершенно несвоевременную слабость. И надо же было ему заснуть в такой важный момент! Три корабля! Целых три корабля полетели в бездну, вместе со всеми его планами. Вкупе, за два последних месяца, из-за паршивых пиратов они потеряли шесть судов! И такие потери на фоне разворачивающейся войны и вырождения эприта!

— Это катастрофа. Это катастрофа.

Фердинанд метался между верхними бойницами, то в одно, то в другое окошко рассматривая сгущающуюся на горизонте тьму. И чем дальше, тем тьма всё явственнее разделялась на отдельные корабли. Флот Кадиша соединился со своими “разведчиками” и достопамятная шхуна благополучно обменивалась сведениями с флагманским галеоном.

— Это полная катастрофа. Если сейчас не случится чудо, нам всем конец.

— Господин Дарнау.

— Что?!

— Капитаны “Порхающей” и “Лирабель” спрашивают, что им делать.

— Пойти и сдохнуть! — Остальной текст посыла вышел до того ругательным, что рискнувший влезть с вопросом офицер, занервничал, опасаясь, что разошедшийся начальник, сейчас кинется с кулаками. — Я откуда знаю, что им делать! У них на двоих пушек двадцать едва наберётся! Что они смогут сделать такой армаде?! Поторговать разве что! Пусть идут торгуют!

— Я вас понял.

— Что ты там понял?! Скажи, чтобы перегородили канал и стояли ждали врагов!

Обгавканный офицер умчался, а Фердинанд, немного снявший напряжение, вновь приник к смотровому окошку, вооружившись подозрительной трубой. Рассмотреть детали выходило с трудом. Море, не на шутку разыгралось, грозясь выказать всю свою мощь. С одной стороны, следовало бы радоваться такой погоде, ведь она могла помешать вражескому флоту. Но наученный жизненным опытом, Фердинанд, не настраивался на столь легкий вариант. Тем более, что Кадиш умел строить отличные суда и вряд ли испытает неудобства от простого шторма.

— Стрелять как только первый корабль зайдет в зону поражения.

— Так точно!

Знакомая шхуна, наконец, отошла от флагмана, и весь зловещий костяк продолжил движение. Сердце Фердинанда забилося с бешеной силой. Он готовился дать отмашку в любую секунду. При этом, оторваться от осмотра он не мог, вернувшись к пиратам. На борту явно происходило какое-то нездоровое движение. Расстояние и ночь не давали ему четкой картинки, но благодаря разожженным на палубе огням, он смог различить одинокого человека, зарядившего носовую пушку, устремлённую ровно в центр приближающейся армады. Последовавший за этим взрыв, услышал не только весь город Брод, но даже и весь Платус и близлежащие острова и сам Кадиш и даже, расположенный дальше них, Рив-Тог.

План Джерри оказался к его собственному удивлению, чрезвычайно прост. Сомнения разрешились, стоило ему своими глазами увидеть несметное полчище огромных, торжественных кораблей Кадиша. Когда отплыли от флагмана, он понял, что больше медлить нельзя. Ещё минута и вся эта мощь зайдёт в бухту, в считанные часы уничтожив до основания его родной город и, что страшнее, его семью.

Тогда он холодно рассчитал лучший угол обстрела не задумываясь о том, выживет ли он сам при этом. Никто не мог дать никаких гарантий на счёт того, как поведет себя засунутый вместо ядра в пушку черничковый эприл. Но это оружие ему доверил отец и только он мог им распорядиться и защитить свой дом.

Никто не обратил внимания, когда Джерри появился на палубе. Парочка лиц посмеялась, поймав шепоток произошедшей истории, когда он прошел на нос корабля к большой пушке. Юст Конти, отвлекся от своих дел и громко предостерегающе свистнул, заметив, что пушку готовят к выстрелу. Оказавшийся быстрее всех, Лысый Дрю успел сцапать Джерри за шкуру, откидывая от орудия, в которое осталось только положить заряд и поджечь.

— Ты что делаешь?! Зарвался, желторот?!

Вслед крику полетел и кулак, угодивший в челюсть. Джерри качнулся, но от падения удержался. Вместо того, чтобы закрыться от следующих ударов, он прямо посмотрел на своего врага. Из прикушенной губы в рот текла кровь, он сплюнул её. Привычный страх куда-то делся. Тело жаждало схватки, а мозг перестал идентифицировать боль.

— Я тебе не желторот, ублюдок.

Джерри и сам не понял откуда в нём вдруг появилось столько уверенности и отчаяния, но он первый раз в жизни самолично напал на человека. Опытный в потасовках пират увернулся от неумелого удара, поставив подножку и точно попав под рёбра оппоненту. Джерри упал, сжавшись и застонав, но скоро поднялся на ноги. За бесплатным концертом собралась наблюдать вся команда. Вмешиваться никто не стал, но ставки посыпались. Даже вернувшийся из трюма капитан заинтересованно остановился понаблюдать за необычным, хотя и ожидаемым действием. Вряд ли насилие можно так легко простить.

Между тем, для Джерри происходящий поединок не был шуточным. Он дрался по-настоящему впервые и не абы с кем, а с обученным, опытным бойцом. К тому же, больше его по весу и по массе. От мгновенного поражения его спасало только отсутствие у них оружия и общее снисхождение пирата к слабому противнику. За первые минуты боя Джерри не удалось ни разу коснуться своего врага. Мужчина уворачивался с легкостью профессиональной танцовщицы, а в ответ бил так яростно, что каждое новое падение грозило стать для Джерри последним.

Очередной раз поднимаясь с качающегося пола, Джерри понял, что сил у него больше не осталось. Ещё один пропущенный удар и он просто отключится, а дело, на которое он нацелился, останется не выполненным и тогда дом он не спасёт. На начавшееся к нему движение пирата, Джерри в останавливающем жесте выставил вперёд руку. Не ожидавший подобного Дрю непроизвольно остановился и эта секундная заминка, дала шанс достать из-за пазухи розовый камень. Он снял его с шеи и с удовольствием отметил, что давешняя пушка оказалась ровнехонько справа от него. Команда, нацелившаяся на феерическое поражение, замерла, ожидая что же сделает загнанный в угол, избитый до состояния котлеты, малец.

И Джерри не стал их разочаровывать в обещанной феерии. Он криво усмехнулся опухшим лицом, легко забросил камень внутрь железного ствола и взял в руки поджигающий линсток. Его не стали останавливать, так как вреда от одного камня никто не видел, да и вряд ли бы что-нибудь вышло. Воспользовавшись общим заблуждением, Джерри расправил плечи и болезненно рассмеялся.

— Запомните наконец, что меня зовут Джеральд Дарнау, гадские вы твари. И ещё, что я вас всех ненавижу и гореть вам в бездне вместе со всем вашим ублюдским Кадишем.

— Чего ты там...

Но договорить Лысый Дрю не успел. Джерри поджег порох. Пушка выстрелила и черничковый эприл в разрушающейся кварцевой оболочке полетел в самый центр собравшейся армады. Соприкосновение с деревом первой попавшейся реи, вызвало детонацию и освобождённая энергия с оглушительным ревом вырвалась наружу. Получившийся взрыв оказался такой мощи, что море в месте падения, вспучилось пузырем и душераздирающе лопнуло, а близлежащие корабли полетели на воздух, разламываемые на части. Вслед за вспышкой света, пронеслась кольцевая ударная волны, переворачивая и опрокидывая суда, ломая мачты и срывая полотна парусов. Следом пришел гром и грохот, рвущий перепонки.

Людей раскидывало, как нелепые живые фигурки, топило и перемалывало в горниле воды, огня и крошащегося дерева. Разыгравшийся шторм ухудшал ситуацию, волны яростно кидались на изувеченные суда, доламывая то, что не смог уничтожить взрыв. Из всего богатого флота целыми остались только самые дальние малолитражные шхуны, да главный флагман, удачно закрытый соседними кораблями. Его волной откинуло в бухту. На скорости он врезался в стоявшую боком “Лирабель” и вместе с ней ушёл на мель, вгрызшись в земляной перешеек, ведущий к форту. К дальнейшему плаванию, пропоротый и искалеченный галеон уже был не пригоден, но общая масса людей на нём не пострадала.

Что же касается Джерри, сразу после выстрела он успел прыгнуть за борт, так что, взрывная волна не достала до него, пройдя большей массой над поверхностью воды. Сам “Изверг” разрушений не избежал, опрокинувшись на бок и поломав половину рангоута. Всплывших обломков оказалось достаточно, чтобы измотанный, но полный решимости Джерри, удержался на плаву и двинулся в сторону земли. Надежда на спасение слабо различалась в кипучести остервенелых волн, но других вариантов не было и Джеральд доверился судьбе. Тем более, что он сделал для неё всё, что мог.

Сложно сказать, повезло ли Захари в том, что на момент случившихся событий, он оказался на борту адмиральского галеона и выжил. Оказавшееся в заложниках судно быстро взяли в оборот и контуженные взрывом солдаты, без боя сдавались выбегавшим из крепости защитникам. Всем стало понятно, что нападение сорвано и ближайшей заботой Брода будет

размещение людей по лазаретам и тюремным камерам. Уцелевшие шхуны Кадиша, целесообразно развернулись, не рискуя лезть в пекло и напрасно терять экипаж.

Платус неожиданно для самого себя выиграл эту битву, но война только началась и расслабляться не следовало. Остальные две части флота Кадиша благополучно прогрызали себе путь в других частях страны, встретившись с флотилией короля. Фердинанд не знал каких богов ему следовало благодарить за случившееся чудо и воодушевленно носился, раздавая приказы. Захари Трот сидел на полу камеры, расширенным глазами глядя на запертую железную решётку. И только смертельно уставший Джерри упрямо грёб по направлению дрожащих жёлтых огней, умоляя небо дать ему еще одну минуту жизни. И ещё одну. И ещё одну. И ещё.

Идти за красной, пульсирующей нитью, пришлось не долго. Преследование привело Тревиса в тронную залу. Обширное прямоугольное помещение без окон, исполненное в чопорном нуарном стиле, украшалось единственным массивным обсидиановым тронном. Мерцающие всеми оттенками алого, кристаллы, друзами вырастали из стен, давая рассеянный, но достаточный свет. Стоило Тревису ступить на полированные чёрно-серые плиты, выложенные в шахматном порядке, как натянутая нить в его руке лопнула и преследование прервалось.

Кроме него самого и сидящего на троне мужчины, в зале больше никого не было.

— Виолант.

— Стало быть, мы снова встретились, мой дорогой друг. Вижу, вы преуспели в определённых навыках. Я вас поздравляю.

— Что ты знаешь о Кесс? Что вас связывает? Я хочу знать правду.

— Я бы отметил, что не совсем вежливо обращаться к вышестоящему лицу на “Ты”. Тем более, начинать диалог в столь неподобающем тоне.

— Плевать мне на твой тон!

Чёрные глаза Виоланта недобро сузились. Угодливое выражение лица сползло в гримасу отвращения и злобы. Из щелей в камнях на потолке, стенах и полу потекла густая блестящая вонючая жижа расплавленной смолы. Едкий дым ударил в нос, наполнив легкие ядовитыми парами.

— Поаккуратнее в высказываниях. Моё терпение не столь безгранично.

Тревис с наскоку влетевший в разговор, одумался и немного сбавил пыл. Тем более, что доползшая до ног смола стала прожигать обувь и капать с потолка, попадая на открытые участки тела. Он еле держался, чтобы не выказывать боли от точечных ожогов. Вампир на троне чуть расслабился.

— Предлагаю начать заново. Только теперь ты будешь вежлив и осмотрителен. Итак, ты хотел знать про Кесс?

— Да.

Тревис, пристыженно уставился в пол, громко сопя. Сила бурлила в нём, но пользоваться ей он не умел, как не имел и навыков сражения. В глубине души, он не верил в своё могущество, каждую секунду грозящее оказаться иллюзией.

— Хорошо. Её полное имя Кассандра Мирабелла Валийская и она, действительно была невестой моего покойного сына. После этого она стала моей любовницей.

— Нет!! — Гнев вырвался из Тревиса с рыком и волной тьмы, мгновенно заполнившей зал стрекочущими членистоногими тварями. Они лавиной устремились по ступеням к каменному креслу. Но Виолант не повёл и бровью, оставшись невозмутимо — неподвижным. Твари плавились не успевая дотронуться до фигуры мужчины.

— Понимаю, женское вероломство потрясает, но не я был инициатором подобных отношений. Я всего лишь, не сопротивлялся им.

— Заткнись!!

— Ты же хотел знать правду или я что-то пугаю?

— Мне не нужна такая правда!

— О-о...как это по-человечески. Ты стремишься к свету, Тревис, но беда в том, что ты

принял горение бездны за солнце.

— Нет никакой бездны! К чёрту красивые слова! Вы все не знали её! Кесс — невинна и прекрасна! И она умерла защищая меня!

Тревиса трясло. Он больше не мог себя контролировать. Трансформация изуродовала лицо, заполнив челюсти клыками. Из груди вырвался хриплый рык. Твари стали больше и сильнее. Некоторые из них сумели оцарапать ноги вампира. Виолант скосил на них взгляд. Смола хлынула из стен потоком, погребая под собой визжащих, агонизирующих существ. Общий её уровень поднялся до колен и Тревис заорал, пытаясь хотя бы не упасть в смертоносную жижу. Запертая внутри него Тьма билась, не находя трещины в хрустальном коконе души.

— Ты зря стараешься, мой дорогой друг. Твой враг — не я. Если действительно хочешь отомстить, мсти Ему.

Вряд ли Тревис расслышал сказанное, зато он отлично увидел...СНЕГ.

Медленное падение снежинок, отдалось в ушах звоном погребального колокола. Вместе с ним, пришел мороз, ласковыми лапами превращая смолу в камень. Непонятно откуда взявшийся ветер, беспардонно забрался под одежду, украв из неё накопленное тепло. Дыхание превратилось в облачка пара.

Тревис не двигался, по колено вмурованный в новообразовавшийся пол. Не двигался и Виолант. Но не от страха, а лишь от заинтересованности в разворачивающемся действии. Выступающие, лакированные под замерзшей смолой, останки тварей, создавали вид жуткой фантазмагии. Снег погасил бушующее в груди Тревиса пламя гнева. Вместо него, мягко подкралась ЛЮТАЯ НЕНАВИСТЬ.

ОН выступил из снега, такой же, как всегда: с той же неторопливой размеренностью, с тем же нахальством и безразличием. Черная корона кровожадно отблескивала в свете красных кристаллов. Синий свет мертвенно лился из прорезей глухого шлема. Тяжёлое копьё мерно покачивалось в несущей его руке.

— Ты-ы!! — Тревис потерял человеческий облик, находясь на грани безумия. Он скоблил своё лицо острыми ногтями единственной руки, мотал головой и выл на одной ноте. Бедный измученный рассудок вскипел от многократного повторения кошмара. Мысли перемешались. Чувства перемешались. Воспоминания исковеркались и смялись в один хохочущий комок. Тревис упал на спину, раскинувшись и заходясь в истерическом припадке, то ли смеха, то ли хрипа. Сквозь спазмы доносились нечленораздельные слова, но разобрать их было трудно.

Виолант встал с трона, спокойно спустился по ступенькам, невозмутимо встал рядом с замершим ледяным великаном.

— Идёт игра, Тревис. И на чёрном поле не хватает фигур. Тебя выбрали, чтобы ты занял клетку чёрного короля. Но ты никак не желаешь принимать эту должность, отказываешься создавать свою армию. Ты затягиваешь следующий ход. Белый король может выиграть, а мы не можем этого допустить.

Вампир тяжело вздохнул, переводя дух или, наоборот, собираясь с ним.

— Нам придётся ещё раз подтолкнуть тебя. Видишь ли, королем может стать только сильнейший и у тебя, к счастью, есть этот потенциал. Однако, чтобы высвободить силу, необходимо провести тебя через эволюцию. А для этого, надо разрушить твою душу.

На этих словах, прислушивающийся Тревис, прекратил истерику, поднялся и замер в нехорошем, страшном предчувствии. Мужчина продолжал говорить.

— Мы надеялись, что смерть любимой справится с этой задачей, но ты закрылся щитом из любви и устоял. Теперь же, попробуй устоять перед предательством.

И Тревис увидел.

Доспех великана стал разрушаться.

Белые пластины с грохотом падали на пол.

Ледяной крошкой осыпалась монолитная тяжёлая броня.

Он упал в ледяное синее горное озеро.

— Тревис...

— Кесс...

***

Говорят, эволюция готовится долго, а происходит мгновенно. Так случилось и с Тревисом. То, что долго подтачивалось, рухнуло. Истерзанный хрустальный кокон души не выдержал прямого удара в сердце и лопнул, рассыпавшись прекрасной бриллиантовой крошкой. Сверкающие осколки упали во вскопанную когтями почву под ногами ЗВЕРЯ. Клетка разрушилась. Тюрьма пала. Бездна простерла из вечного небытия длинные сухопарые руки.

Чёрные сделали свой ход.

Сила темного Источника хлынула на освободившееся место в груди своего самого идеального сосуда. Прежний тихий, замкнутый, тревожный Тревис умер в этом всепоглощающем движении хаоса. Призраки преисподней содрали с него неподходящую личность, выскоблили ненужные воспоминания, очертили тени и неровности характера, вознесли на пьедестал обиду и боль. Вложили в единственную руку оружие против всего смеющегося мира.

Фиолетовые молнии пробежали по его волосам, когда он тряхнул очнувшейся головой. Запахло озоном. Воздух вокруг нагрелся и завибрировал, кроша смолу и освобождая его из этого плена. Он поднял глаза. В них не было ничего живого.

— Тревис...

— Блассир. Меня зовут Блассир, девочка.

Замершая Кесс, бросила испуганный взгляд на стоящего рядом Виоланта. Лицо того также побледнело больше обычного.

— Прости. Блассир... То есть, я всё-таки, хотела бы обратиться к Тревису, если он меня слышит: Хочу, чтобы ты, когда перестанешь злиться, нашёл меня и выслушал. Многое следует объяснить. Всё не то, чем кажется. Идет игра, но я играю за белых и не могу пойти против своего короля. Мне пришлось сделать это с тобой, чтобы поставить на доску. Ты еще не осознаёшь своей роли, но она очень важна. Для меня. Просто иногда, большое зло можно победить только злом большим. Прости за это. И за это тоже.

Два белых великана бесшумно возникли в воздухе, крест накрест всаживая ледяные копыя в тело не ожидавшего подобного подвоха Тревиса — Блассира. Он распахнул в удивлении, наполнившийся кровью рот, но предпринять ничего не успел. Голубое марево портала разверзлось за спиной и великаны бесстрастно толкнули его внутрь. Портал схлопнулся и исчез. После него остался только кружащийся сноп искристых снежинок.

— Что ж, ты создала монстра, поздравляю.

— Ох, Эста...

Девушка повернулась, устало утыкаясь головой в грудь вампиру. Тот, в свою очередь, заботливо обнял её, ласково поглаживая по спине.

— Не переживай, он справится.

— Он мне и правда понравился, представляешь?

— Представляю. Я это понял, когда ты попросила его спасти.

— Так очевидно?

— Более чем. После Далы, это твое первое серьезное увлечение.

— Ещё раз прости за сына.

— Что ты, дело давнее. Тем более, только так я смог бы стать демоном и царем. Ты профессионально разрушаешь души, знаешь ли.

Она выпрямилась, мягко высвобождаясь из объятий. Заглянула в черные, глубокие глаза Виоланта.

— Ты сказал ему, что спишь со мной?

— Да.

— И что он?

— Попытался меня убить.

Она весело ухмыльнулась, повелительным движением руки отправляя замерших великанов восвояси. Те бесшумно исчезли, а Кассандра Валийская оглядела разрушенную, заваленную тронную залу.

— Отец никогда бы не позволил себе такого беспорядка. Его дворец сверкает чистотой, а идеальностью форм можно порезаться.

— Лилиан Всесветлый знает толк в управлении и организации.

— Да, особенно в управлении.

— Кесси...

Чёрный туман мягкими теплыми облаками затопил залу, поглотив свет и расправив плотные крылья темноты. Русоволосая девушка закрыла глаза и расслабила плечи. Коснувшееся шеи дыхание обдало жаром, а последовавший следом глубокий, жесткий укус, настоящим огнем. Сладкая кровь дочери ледяного короля потекла в жадное горло вампира. Его руки впились в мягкую податливую бессмертную плоть, разрывая её на куски.

Кассандра Мирабелла Валийская приходила к Виоланту за смертью, но каждое новое утро возрождалась вновь. Она не могла умереть пока действует Контракт. Она не могла пойти против хозяина Контракта. Она не могла не выполнить того, что записано и оплачено в проклятом, неуничтожимом свитке. Она могла только надеяться, что кто-то другой, с той стороны доски сможет освободить ее от бесконечного плена. Кто-нибудь сможет одолеть белого короля.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net